

Министерство науки и образования Российской Федерации
Тобольский педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО
«Тюменский государственный университет»

ФГБУН «Тобольская комплексная научная станция УРО РАН»

ФГБУН ФИЦ «Тюменский научный центр СО РАН»

Национально-культурная автономия сибирских татар г. Тобольска

Сибирские татары

Материалы Всероссийского (с международным участием) симпозиума
«Культурное наследие народов Западной Сибири: сибирские татары»,
посвященного 100-летию доктора исторических наук
Фоата Тач-Ахметовича Валеева
и 20-летию I Сибирского симпозиума
«Культурное наследие народов Западной Сибири»
(10–12 декабря 2018 г.)

Тобольск 2019

ББК 63.3+63.4+63.5

С34

Редколлегия: *З. А. Тычинских*, канд. ист. наук (отв. редактор); *С. Р. Муратова*, канд. ист. наук; *А. А. Адамов*, канд. ист. наук; *Н. П. Турова*; *Е. П. Загваздин*.

Оргкомитет симпозиума благодарит администрацию г. Тобольска и лично главу города Владимира Владимировича Мазура за помощь в финансировании издания сборника материалов симпозиума.

С34 **Сибирские татары** : материалы Всерос. (с междунар. участием) симп. «Культур. наследие народов Зап. Сибири», посвящен. 100-летию д-ра ист. наук Фоата Тач-Ахметовича Валеева и 20-летию I Сиб. симп. «Культур. наследие народов Зап. Сибири» (10–12 декабря 2018 г.) / под ред. З. А. Тычинских. – Тобольск : Тобольская типография, 2019. – 397 с. : ил.

ISBN 978-5-9909229-7-6

В сборнике публикуются материалы Всероссийского (с международным участием) симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: сибирские татары», проводившегося в Тобольске 10–12 декабря 2018 г. по актуальным проблемам этничности и идентичности, этногенеза, этнической истории, традиционной культуры, литературы и фольклора, межэтнических контактов сибирских татар и других народов Западной Сибири, а также истории средневековых татарских государств.

Сборник предназначен для исследователей, аспирантов, студентов, сотрудников музеев и библиотек и всех интересующихся историей и культурой татарского населения Западной Сибири.

ББК 63.3+63.4+63.5

ISBN 978-5-9909229-7-6

© Тобольский педагогический институт (филиал) ТюмГУ, 2019

© Тобольская комплексная станция УрО РАН, 2019

© Оформление. ООО «Тобольская типография», ФГБУН «Тобольская комплексная научная станция УрО РАН», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-летию Ф. Т. Валеева

<i>Валеева А. Ф.</i> Вехи жизни Фоата Тач-Ахметовича Валеева	9
<i>Томилов Н. А., Томилова В. С.</i> Фоат Тач-Ахметович Валеев – исследователь истории и культуры тюркских народов: к 100-летию со дня рождения (14.11.1918 – 29.08.2010)	15

Археология Сибири

<i>Адамов А. А.</i> Замки с городища Искер (типология и датировка)	20
<i>Собольникова Т. Н., Кузина А. В.</i> Экспедиция Тобольского губернского музея на Конду: история с продолжением	25
<i>Третьяков Е. А.</i> К вопросу о процессах инфильтрации кочевых групп населения на территорию средневекового Зауралья	33
<i>Турова Н. П., Адамов А. А.</i> Тюркские древности в материалах юдинского могильника Вак-Кур	40
<i>Чемякин Ю. П.</i> Городище калинкинской культуры на Барсовой Горе	48

Страницы истории

<i>Абдуллина Я. Б.</i> Исследования зарубежных авторов о сибирском исламе	56
<i>Абишева Ж. Р., Коскеева А. М.</i> Развитие экономических связей Казахстана с Россией в конце XVI – первой четверти XVIII в.	60
<i>Буканова Р. Г., Каженова Г. Т.</i> Урал и Западная Сибирь как зона взаимодействия тюркоязычных народов	67
<i>Васьков Д. А.</i> Об «участии» сибирского царевича Девлет-Гирея в башкирском восстании 1662–1664 гг.	72
<i>Загваздин Е. П.</i> Землевладение юрт Каж-Бергельских по письменным и графическим источникам	78

<i>Зайдуллин Р. Д.</i> О татарах Западной Сибири	87
<i>Измайлов И. Л.</i> Фактор урбанизации в становлении и развитии Улуса Джучи	92
<i>Исхаков Д. М., Тычинских З. А.</i> Клан албыр/олберлы и его место в кимакско-кыпчакском мире (к вопросу об этнических истоках группы)	101
<i>Лавряшина М. Б., Ульянова М. В., Тычинских З. А., Поддубиков В. В., Падюкова А. Д., Имекина Д. О., Остроухова И. О., Веденин А. М., Волков В. Г., Балановская Е. В.</i> Промежуточные итоги мониторинга сельских популяций сибирских татар: межэтнические контакты, воспроизводство, генофонд	115
<i>Маслюженко Д. Н.</i> Завершающий этап ногайского присутствия в Сибирском ханстве	127
<i>Пузырев И. Д.</i> Роль губернаторов Ф. И. Соимонова и И. И. Неплюева в деятельности «татарской комиссии» г. Тобольска середины XVIII в.	134
<i>Самигулов Г. Х.</i> Тюрки Зауралья: варианты идентичности (XVIII – начало XX в.)	142
<i>Солодкин Я. Г.</i> Предводители служилых татар в походе воеводы князя А. В. Елецкого «на Тару-реку» (1594 г.)	151
<i>Уалиев Т. А.</i> К проблеме политогенеза в кочевых обществах	156
<i>Уалиев Т. А.</i> Основы становления казахской символической элиты конца XIX – начала XX в.	163
<i>Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю.</i> Оружие ближнего боя воинов Сибирского татарского ханства	168
<i>Шалак М. Е.</i> История Малой Ногайской Орды и ее отношения с Крымским ханством в 50–60-е гг. XVI в.	173
<i>Шамильоглы Ю.</i> Изменение климата, болезни и история Западной Сибири в Средневековье и в начале современного периода	180

<i>Шульга Д. П.</i> Переход кочевников к оседлости на примере северокитайских ди	189
--	-----

Этнография

<i>Ахмадинурова А. А., Гизатуллина Л. Р.</i> Башкирская юрта: сходство и различие с юртами других народов	196
---	-----

<i>Вртанесян Г. С.</i> Традиционные календари сибирских татар: общее и особенное	202
--	-----

<i>Гавриленко М. В.</i> Свадебная обрядность старообрядцев верховья Енисея	208
--	-----

<i>Мамытова А. Б.</i> Этнографические сведения о жилище кыргызов в трудах ученых-путешественников XIX – начала XX в.	212
---	-----

<i>Мирхайдарова М. Р.</i> Башкиро-казахские отношения в топонимических преданиях и легендах	220
---	-----

<i>Набиев Р. Ф.</i> Малоизученные аспекты этногенеза сибирских татар	224
--	-----

Язык и культура

<i>Зиннатуллина Г. И.</i> Образ невестки в паремиях сибирских татар: лингвокультурологический аспект	230
--	-----

<i>Клименко Е. В., Буслова Н. С.</i> Этнолингвистическая IT-платформа: проектирование и внедрение	233
---	-----

<i>Кушкарова Г.</i> Язык как отражение этнической картины мира	237
--	-----

<i>Садыков К. С.</i> Язык – источник этнической истории сибирских татар	242
---	-----

<i>Сахибгареева З. Г., Шакирова Н. С.</i> Детский игровой фольклор башкир и сибирских татар	247
---	-----

<i>Сурметова Л. Р.</i> Образная система в песенной поэзии сибирских татар Тюменской области	253
---	-----

<i>Теуш О. А.</i> Идеограмма ‘замкнутое географическое пространство’ в севернорусских говорах	260
---	-----

Файзуллина Г. Ч., Фаттакова А. А. Фразеологические единицы сибирских татар, образованные на базе формул зложеланий265

Ханмагомедов Х. Л., Гебекова А. Н. Лакский топонимический ландшафт и его тюркский горизонт в бассейне реки Казикумухское Койсу Республики Дагестан как лингвогеографический и социально-географический факт: постановка проблемы изучения273

Янтунай А. В. Мифонимы тундровых ненцев в лингвокультурологическом аспекте280

Этничность и идентичность

Валитов А. А. Роль сибирских отделов Императорского Православного Палестинского Общества в конструировании русской идентичности (конец XIX – начало XX в.)285

Горелова Ю. Р. Принципы позитивного межкультурного и межконфессионального диалога в условиях мультикультурализма и поликонфессиональности290

Кукушева Н. Э. Этнокультурная идентичность казахского народа: аспекты понимания296

Тимощук А. С. Этнос, идентичность, право303

Ярков А. П. Особенности идентификации мусульман Азиатской части России.....309

Сохранение наследия

Алишина Х. Ч. Опыт работы по сохранению родного языка и культуры314

Бакиева Г. Т., Квашинин Ю. Н. Проблемы этнокультурного образования и обучения родному языку у сибирских татар юга Тюменской области (по материалам социологического опроса 2017 г.)320

Балюнов И. В. Культурно-историческое наследие сибирских татар в экспозициях Тобольского губернского музея327

<i>Валитов А. А.</i> Представление наследия сибирских татар в Историческом парке «Россия – Моя история»: состояние и перспективы	334
<i>Гаитов А. Г.</i> К вопросу о датировке сибирских городов Тюмени, Тобольска и Ишима	338
<i>Кутумова Р. С.</i> Колыбель национального просвещения	350
<i>Марганова Ф. Ф.</i> Роль национально-культурных автономий в сохранении и развитии языка и культурного наследия сибирских татар	357
<i>Самситова Л. Х., Хамидуллина Р. Р.</i> Формирование культуры коммуникативного поведения старшеклассников	363
<i>Солодова Т. И.</i> Татарская тематика в творчестве тобольской поэтессы С. Соловьёвой	367
<i>Шамратова Н. Б.</i> Неиссякаемая связь поколений	374
<i>Шаяхметова И. З.</i> Роза Гафаровна Буканова как основоположник научной школы регионального городоведения	377
<i>Яркова Т. А., Черкасова И. И.</i> Подготовка студентов к организации культурных практик в школе с учетом народных традиций	381
Сокращения	386
Резолюция Всероссийского (с международным участием) симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: сибирские татары»	388
Сведения об авторах	390

К 100-ЛЕТИЮ Ф. Т. ВАЛСЕЕВА

УДК 929(571=512.1)

ВЕХИ ЖИЗНИ ФОАТА ТАЧ-АХМЕТОВИЧА ВАЛЕЕВА

А. Ф. Валеева

В статье дочь известного этнографа и историка Ф. Т. Валеева рассказывает об основных этапах жизненного пути отца. Статья основана на личных воспоминаниях автора и дневниковых записях Фюата Тач-Ахметовича Валеева.

Ключевые слова: Фюат Тач-Ахметович Валеев, София Мунзировна Исхакова, Омск, этнография, сибирские татары.

LIFE STAGES OF FOAT TACH-AKHMETOVICH VALEEV

A. F. Valeeva

In the article the daughter of the famous ethnographer and historian Valeev tells about the main stages of the father's life. The article is based on the personal memories of the author and diary entries foat Tach-Akhmetovich Valeev.

Keywords: Foat Tach-Akhmetovich Valeev, Sofia Munzirovna Iskhakova, Omsk, Ethnography, Siberian Tatars.

Писать, говорить и рассказывать об отце одновременно и легко и трудно. Годы жизни, дарованные ему судьбой (1918–2010), охватили целую эпоху нашей страны, где перед его глазами предстали послереволюционный период, годы становления новой страны и время юношества, предназначенное для самоопределения, период сталинских репрессий, военное лихолетье, оптимизм и строительство новой жизни после Великой Отечественной войны, период строительства социализма, годы «перестройки» и, наконец, век нынешний, XXI – сумбурный, не совсем понятный поколению, закаленному в горнилах революций и войн, но успевший дать понять прошедшим через многие трудности и испытания, какое это великое счастье – жить.

Фактологический материал о своей жизни запечатлен отцом в дневниках, которые он вел с 1943 по 2004 г., когда не стало мамы. К этому времени зрение его ухудшилось, и дневниковые записи стали приобретать отрывочный характер. По тому, что сохранилось, восстанавливаются голодное детство в семье

крестьянина-бедняка, сельского активиста, годы учебы в школе, затем на рабфаке Омской сельскохозяйственной академии, начало трудовой деятельности, прервавшееся Великой Отечественной войной, фронт, нелегкие для страны послевоенные годы, дружба, любовь, семья, дети, педагогическая деятельность и, конечно, сопровождавшая на каждом этапе жизни наука. К ней отец стремился всегда, начиная с юных лет. Сначала это было желание получить достойное образование, затем поделиться полученными знаниями с односельчанами, жителями Яланкуля и их детьми, а потом – интерес и поиск своих корней, истоков происхождения своего народа, с которым до конца дней жизни Фоата Тач-Ахметовича Валеева – историка, этнографа, сибироведа – связывала крепкая нить кровного родства и преданности. Где бы он ни находился, считая себя человеком мира, его всегда неудержимо притягивала Родина, заснеженные сибирские равнины и «дым Отечества».

Мой отец родился 14 ноября 1918 г. в Тарском районе Омской области в деревне Яланкуль (Еланлы). Учился он в соседней Уленкульской школе того же района. Отец Фоата – Тач-Ахмет Шарифович – интересовался фольклором сибирских татар, хорошо владел татарским литературным и русским языками, мастерски исполнял народные песни. Особенно удавался ему бравый «Турецкий марш». И прадед, и дед мой хорошо знали арабскую письменность, сохранились письма на арабской вязи. Тач-Ахмет Шарифович был человек с активной жизненной позицией, принимал участие в общественной жизни села. В 1927–1929 гг. он неоднократно избирался председателем Яланкульского сельсовета, был членом Евгащинского исполкома и Тарского окружного исполкома, работал председателем машинного товарищества для деревенских жителей (МТС). Дед Фоата – Шариф Валеевич – был рядовой крестьянин, но хорошо владел арабским языком, в деревне его называли Шариф-мулла. По воспоминаниям отца, в деревне были Нурке-мулла, Амир-мулла и другие – так называли обученных грамоте людей. Фатиля Мукминовна Валеева – мама моего отца, моя бабушка (*карт инэ* – сиб.-тат.) – родила много детей, из которых выжили в голодные и тяжелые в Сибири годы только трое: отец, его брат Гиффат, без вести пропавший на фронте, и сестренка Начия.

Будучи председателем сельского совета, дед мой заказывал книги из Казани на литературном татарском языке. Их привозили к Сабантую и раздавали жителям Яланкуля и близлежащих деревень. Все читали, просвещались, радовались, и отец тоже тогда приобщился к чтению. В детстве Фоат особым усердием и работоспособностью не отличался, по его собственным словам, был лентяем и озорником. По воле случая его первым учителем стал его же будущий тесть Мунзир Хабибуллович Исаков, известный впоследствии в Тобольске педагог-просветитель, отец Софьи Исаковой. Учитель Мунзир ходил по селу, записывал яланкульских детей в школу. И когда он обратился к Тач-Ахмету Валееву, чтобы он охарактеризовал сына, тот сказал, что сын «аргасыз», т. е. «нерадивый», к учению не склонный. Тогда Мунзир Хабибуллович махнул рукой и сказал: «Ну и не води его, он не будет учиться».

Но жизнь доказала обратное. Тукай, Фатых Амирхан, Абдрашит Ибрагимов, Галимжан Ибрагимов стали любимыми писателями отца. Фоат учился в татарской начальной школе. Дополнительно он учился на русском языке в Большереченской неполной средней школе, потом в 1931 г. учился в городе Тара. В 12 лет поступил на I курс Тарского педучилища, откуда, по семейным обстоятельствам, пришлось уйти. В 1933–1934 гг. он окончил Уленкульскую школу крестьянской молодежи, затем поступил на рабфак Омской сельскохозяйственной академии. Далее несколько лет проработал учителем русского и английского языков, математики в родной деревне Яланкуль. Учеба в Омском педагогическом университете на факультете языка и литературы была прервана призывом в армию, где он в качестве рядового, затем военного шофера служил сначала в Уральском военном округе, а потом был отправлен в Туркмению на Иранскую границу, где шло тогда строительство военной дороги.

В годы Великой Отечественной войны отец воевал на Украинском, Белорусском фронтах во II Гвардейской танковой армии, выполнял обязанности политработника, зам. комроты батальона по политической части. Брал Варшаву, освобождал район Праги, побывал в Берлине. В феврале 1945 г. он получил тяжелое ранение, а победу встретил в госпитале на Западной Украине. Затем был отправлен на лечение в Карловы Вары (Чехословакия). Войну окончил в чине капитана, а в последующие годы, поднимаясь по лестнице запаса, стал полковником. За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками был награжден орденами Отечественной войны I и II степени, многочисленными медалями.

Это было после войны, когда рана не заживала. Сохранился документ, справка от немецкого профессора, который консультировал отца по поводу его ранения. Вспоминая то время, отец всегда отмечал, что не видел какой-либо враждебности со стороны немецких врачей по отношению к советским офицерам и солдатам, находившимся на лечении в Германии. Консультация проходила в госпитале недалеко от Бранденбургских ворот – там он был на приеме у хирурга, который и дал справку о тяжелом ранении, затем зашивал рану. Справка сохранилась в семейном архиве.

После окончания войны отец вернулся домой в Омск, вновь поступил в педагогический институт на исторический факультет и окончил его в 1948 г. с отличием. Затем он был вновь призван в ряды вооруженных сил в качестве преподавателя Омского танкотехнического училища, где ему было присвоено звание майора. После работы в течение нескольких лет в качестве преподавателя он переводится заместителем командира танкового полка в Западно-Сибирский гарнизон, где проработал до 1960 г. Затем был уволен приказом министра обороны в связи с сокращением вооруженных сил. После этого работал преподавателем Омского машиностроительного института, читал лекции по истории в Омском университете, пединституте и в других вузах города.

Счастливым событием жизни была встреча мамы и отца, создавших не

только союз любящих сердец, но и творческий, научный тандем. Два фронтовика, отдавшие лучшие годы своей молодости защите Отечества, летом 1950 г. объединили свои судьбы и совместно прошли путь длиной в более чем полвека. Он был полон испытаний, страданий и печалей, преодолений, горестных и радостных минут, но самое главное – это был путь оптимистический, подкрепленный энергетикой студенчества, с которым пришлось иметь дело и отцу, и маме как педагогам, преподавательскими коллективами и вузами, в которых они трудились, научными и общественными связями, задором и усердием не всегда послушных детей.

Казань – старинный научный центр, столица Татарстана – всегда влекла моих родителей, поскольку оба они посвятили свою жизнь науке: отец – историк, этнограф, сибиревед, специалист по истории и духовной культуре сибирских татар, мама – выпускница классического отделения Казанского университета, тюрколог, исследователь сибирско-татарского этноса и языка сибирских татар. По родительским стопам пошел и мой брат – Валеев Булат Фоатович, который, профессионально овладев английским, немецким, турецким языками, посвятил себя переводческой и предпринимательской деятельности. Мы с братом были свидетелями научных устремлений родителей, видели, как отец и мама были преданы науке, защищали свои идеи, воплотившиеся в кандидатские и докторские диссертации, были активными участниками конференций различного уровня, ездили в Москву, Ленинград, Ташкент, Тюмень, Омск, Новосибирск и другие города России. «*Nam sine doctrina vita est quasi mortis imago...*» – говорили древние, что означает «Ибо без науки жизнь есть как бы подобие смерти». И это было жизненным кредо родителей.

Сфера научных интересов отца включала историю и этнографию тюркских народов, народов Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока, историю и этнографию сибирских татар. Об этом свидетельствует его огромная библиотека, состоявшая из книг по данным направлениям, которые были принесены мной в дар Омской государственной библиотеке имени А. С. Пушкина. Избранная им тема кандидатской диссертации «Сибирские бухарцы во второй половине XIX – начале XX вв. (историко-этнографический очерк)» (1965) оказалась весьма жизненной и плодотворной: появление такой работы «открыло глаза» его соотечественникам на их подлинное происхождение, благодаря чему представители коренной сибирской народности обрели мощное, судьбоносное самосознание, а пробужденный в них изысканиями Ф. Т. Валеева, его предшественниками и последователями неподдельный интерес населяющих Сибирь народов и повел их дальше к поискам своих истоков, укоренившихся во глубине веков в Средней Азии – Хорезме, Бухаре, Коканде, которые сегодня воспринимаются как «потерянные» страны. Таким образом, отец первым в этнографии вышел на фундаментального уровня монографическое изучение самого многочисленного коренного народа Западной Сибири (Томилов Н. А., Томилова В. С., 2010).

Красивые открытки и письма на арабской графике, приходившие к

нам из сказочной (по тем временам) Турции, от родственников – потомков сибирских бухарцев, покинувших Сибирь на заре XX в. и отправившихся в Турцию в поисках лучшей доли, вдохновляли отца на дальнейшие научные изыскания. В 1988 г. в Москве в Институте этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР он защитил докторскую диссертацию «Сибирские татары (Проблемы этнокультурного развития во второй половине XIX – начале XX вв.)», научным консультантом которой был выдающийся этнограф, археолог, востоковед-тюрколог С. И. Вайнштейн. В ходе работы над диссертацией, монографиями, статьями отец постоянно находился в контакте со многими учеными, вел переписку с ними, получал поддержку своей концепции и идей, поэтому имена и фамилии таких известных исследователей, как Р. Ф. Итс, Ю. В. Бромлей, Х. З. Зияев, Д. М. Исхаков, Н. А. Томилов, Э. Р. Тенишев и др., были у нас, детей, всегда на слуху. То важное дело, которому посвятил свою жизнь отец, было понятно, поддерживалось и одобрялось не только детьми, но и внуками: Еленой Панькиной, Саидом и Тимуром Валеевыми. Так первая внучка, Елена, с большой ответственностью и присущей ей аккуратностью и обязательностью, которые так ценил в ней дед, будучи студенткой, исполняла миссию «ученого секретаря»: приводила в порядок архивные материалы, вычитывала, правила и печатала статьи профессора, за что с любовью и благодарностью называлась им Человеком с большой буквы. Другие внуки по малолетству своему помогать, конечно, еще не могли, но безмерно гордились дедом – ветераном и ученым.

Много сил и времени в своей жизни мой отец отдал преподавательской работе. Выпускники разных лет Казанского государственного инженерно-строительного университета, коллеги всегда вспоминают его словами глубокой признательности, уважения, шутливо именуя его: «ум, честь и совесть нашей эпохи». В их памяти он остался человеком строгих правил, с военной выправкой, очень порядочным, трудолюбивым, добрым, безусловно талантливым, неординарным ученым, патриотом – воином, ученым, педагогом. Не случайно образцом героизма и стойкости для него был советский генерал сибиряк Дмитрий Карбышев, который предпочел предательству мученическую смерть. Отец встречался с сестрой генерала, собирал о нем по крупицам бесценный материал и написал несколько статей о подвиге Карбышева. «Здравия желаю, товарищ полковник!» – приветствовали профессора Фоата Тач-Ахметовича Валеева, стоя навытяжку, студенты перед началом лекции, когда он уже в почтенном возрасте был приглашен в КГАСУ читать им лекции по истории России, в которых во главу угла всегда ставились вопросы патриотического воспитания. Никогда он не уставал «сеять разумное, доброе, вечное», памятуя, что хорош тот человек, кто Родине своей служит до тех пор, как он может. Для меня он просто мой добрый папа, катавший меня на санках, сажавший на коня, напевавший родные сибирско-татарские песни, заботившийся о нас до последних дней и дававший мудрые советы, общительный, любимый, незабываемый.

Мне кажется, что следующие строки из произведения Игоря Терновского «Молитва» очень точно выражают взгляды и чаяния моего отца:

*Прошу ни отдыха, ни мзды,
Ни славы пестрого наряда.
Не дай, чтоб сгнули труды,
А больше ничего не надо.*

*Не принижай моих врагов –
Цель возвышается преградой.
Храни меня от дураков,
А больше ничего не надо.*

*Кончая жизнь без слез, без лжи,
Скажу: жизнь – высшая награда.
В родную землю положи,
А больше ничего не надо...*

Эти заветы были выполнены *post mortem* талантливыми шакирдами, друзьями и последователями дела отца, учеными – представителями сибирско-татарского этноса: А. Бустановым, З. Тычинских, Х. Садыковым, Х. Алишиной, М. Шиховой, Л. Шамсутдиновой, Л. Сурметовой и др. Рукописи сданы в архивный отдел Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан; подготовлена к печати книга «Фоат Тач-Ахметович Валеев (1918–2010). Труды по истории и этнографии сибирских бухарцев и татар» (составитель и научный редактор А. К. Бустанов).

Сердечно благодарю от имени всей семьи Валеевых профессора Сергея Павловича Шилова – директора Тобольского педагогического института имени Д. И. Менделеева, филиала ТюмГУ, где регулярно проводятся симпозиумы, посвященные культурному наследию народов Западной Сибири. В Тобольском музее-заповеднике бережно хранятся книги, памятные экспонаты, касающиеся жизни и деятельности Ф. Т. Валеева, моего отца, выдающего сына сибирско-татарского народа, оставившего заметный след в отечественной истории и этнографии.

УДК 929(571):39(512.1)

**ФОАТ ТАЧ-АХМЕТОВИЧ ВАЛЕЕВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ:
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
(14.11.1918 – 29.08.2010)**

Н. А. Томилов, В. С. Томилова

В статье, посвященной 100-летию видного российского этнографа и историка Ф. Т. Валеева, изложены некоторые страницы жизни и научной биографии ученого. Показан важный научный вклад Ф. Т. Валеева в отечественную этнографию, а также его основные научные достижения.

Ключевые слова: Фоат Тач-Ахметович Валеев, этнография, сибирские татары, омские этнографы.

**FOAT TACH-AKHMETOVICH VALEEV – RESEARCHER OF THE
HISTORY AND CULTURE OF TURKIC PEOPLES:
TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH
(14.11.1918 – 29.08.2010)**

N. A. Tomilov, V. S. Tomilova

In the article devoted to the 100th anniversary of the prominent Russian ethnographer and historian F. T. Valeev, some pages of the life and scientific biography of the scientist are presented. The author shows the important scientific contribution of F. T. Valeev to the national Ethnography, as well as his main scientific achievements.

Keywords: Foat Tach-Akhmetovich Valeev, Ethnography, Siberian Tatars, Omsk ethnographers.

Фоат Тач-Ахметович Валеев – это видный российский ученый, историк и этнограф, действительный член Международной тюркской академии (Россия), профессор, доктор исторических наук, заслуженный деятель Республики Татарстан, много лет проработавший в Казанском инженерно-строительном институте (сегодня это Казанская государственная архитектурно-строительная академия). Значительный период его жизни связан с омским регионом и г. Омском.

Ф. Т. Валеев родился 14 ноября 1918 г. в д. Яланкуль (Еланлы) Большеере-

ченского района Омской области. Окончил Омский государственный педагогический институт по специальности «история». В 1948–1950 гг. Ф. Т. Валеев был начальником вечернего университета марксизма-ленинизма при Омском гарнизонном Доме офицеров и преподавал историю СССР в этом университете и Омском государственном педагогическом институте. В 1950–1961 гг. находился на военной службе, работал преподавателем социально-экономического цикла дисциплин в Омском танкотехническом училище, в 1960–1962 гг. – старшим преподавателем кафедры общественных наук Омского машиностроительного института и учебно-консультативного пункта Всесоюзного заочного финансово-экономического института. Переехав в Казань, он с 1962 г. стал работать сначала старшим преподавателем, затем доцентом кафедры марксизма-ленинизма Казанского инженерно-строительного института, с 1990 г. – профессором этой же кафедры, а далее – кафедры политической истории. Ф. Т. Валеев – участник Великой Отечественной войны, награжден тремя орденами Отечественной войны I, II степени и многими медалями.

Много сил и времени в своей жизни отдал Ф. Т. Валеев на благо Родины, особенно в ратном деле и преподавательской работе. Но широкую известность в России и за рубежом он приобрел в среде ученых благодаря своей плодотворной научной деятельности в области этнографии, истории, историографии, религиоведения и топонимики. Он является автором более 130 работ (список его основных трудов был опубликован в 1993 г. в журнале «Этнографическое обозрение»), в том числе 5 монографий. Основное направление его научных исследований – этнография сибирских татар и сибирских бухарцев, их этнические и, главным образом, этнокультурные контакты и связи с народами Саяно-Алтая, Казахстана и Средней Азии, татарами Поволжья и Приуралья, башкирами и другими народами. В последнее время он исследовал этнографию сибирских татар, переселившихся еще в начале XX в. в Турцию из районов Омской области. В 1965 г. им в г. Ташкенте была защищена кандидатская диссертация «Сибирские бухарцы во второй половине XIX – начале XX вв.», а в 1988 г. в г. Москве в Институте этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР – докторская диссертация «Сибирские татары (Проблемы этнокультурного развития во второй половине XIX – начале XX вв.)».

Основные результаты научных изысканий Ф. Т. Валеева изложены им в монографиях «Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв.: Историко-этнографические очерки» (Казань, 1980), «Сибирские татары: культура и быт» (Казань, 1992, 1993), «Сибирские татары: этнокультурные и политические проблемы возрождения» (Москва, 1996, в соавторстве с С. М. Исаковой), «Татары Западной Сибири: история и культура (Новосибирск, 1996, в соавторстве с Н. А. Томиловым), в которых ему удалось достаточно глубоко исследовать научную проблему этнокультурной истории сибирских татар на примере их самой крупной группировки – тоболо-иртышских татар, включающей пять этнических групп (проживают в Омской, Тюменской и, частично, Свердловской областях).

Совершенно правомерно им был выбран период второй половины XIX – начала XX в. В это время наиболее бурного развития капитализма в дореволюционной России происходили интенсивные процессы в культуре и в то же время сохранялся комплекс основных культурных традиций сибирских татар. Многоплановость поставленных в монографиях задач потребовала привлечения широкого круга источников, основную группу которых составили полевые материалы, собранные Ф. Т. Валеевым в течение нескольких десятилетий.

Еще будучи студентом, в 1938 г. он принял участие в этнографической экспедиции И. П. Струковой к татарам Омской области. Особо следует подчеркнуть, что помимо экспедиционных работ среди разных групп сибирских татар он проводил сборы материалов также среди казахов и узбеков. Использование архивных источников, музейных коллекций, опубликованных этнографических, лингвистических и исторических данных в совокупности с полевыми материалами позволили ему успешно решать все поставленные им в своих исследованиях задачи.

Наибольшее внимание в своих работах Ф. Т. Валеев уделил типологическому и сравнительно-генетическому исследованию хозяйственных занятий, материальной и духовной культуры, семейной обрядности, общественному быту тоболо-иртышских татар. Ему удалось выявить общие черты в культуре разных групп сибирских татар, отметить многие особенности в этнокультурном облике отдельных этнических и этнографических групп, выделить этнокультурные компоненты. Это позволило значительно углубить решение проблемы этнической истории сибирских татар, выявить их разнообразные этногенетические и историко-культурные связи со многими народами нашей и соседних стран.

Как человек и гражданин России Ф. Т. Валеев был известен своей глубокой порядочностью, принципиальностью, честностью, истинным патриотизмом, удивительной верностью своим учителям и друзьям-коллегам, их близким и родным. Омские этнографы и их окружение постоянно общались с середины 1970-х гг. (более 40 лет) с Ф. Т. Валеевым, поддерживали с ним самые тесные научные и дружеские связи, поэтому очень сильно ощущали на себе дружелюбие этого неординарного ученого. Он и его супруга С. М. Исхакова бывали в Омске, с которым связана их юность, практически ежегодно (а то и по 2-3 раза в год), принимали участие в проводимых омичами международных, всероссийских и региональных научных конференциях, помогали молодым ученым-этнографам омской группы, работающим по тюркской этнографической проблематике, выступали рецензентами по их кандидатским диссертациям.

Авторы этой статьи поддерживали дружбу с Ф. Т. Валеевым и С. М. Исхаковой более четырех десятков лет и в полной мере испытали на себе их безграничное гостеприимство на встречах и в длительном общении в Казани, Москве, Омске, Тобольске, Томске и других городах, в том числе на многочисленных научных конференциях. Мы радовались, что наши давно уже взрослые дети (Свет-

лана и Алсу) также занялись научной работой и стали кандидатами наук, а дочь Ф. Т. Валеева – Алсу защитила докторскую диссертацию по социологии.

Вообще забота об укреплении традиций в обществе, семье и науке – тоже одна из ярких сторон жизнедеятельности Ф. Т. Валеева. В последние годы он активно взялся еще за один вид работы: возвращение в память россиян имен видных ученых, просветителей и общественных деятелей – выходцев из сибирско-татарского этноса. В последние годы Ф. Т. Валеев был занят благородным делом – подготовкой к печати материалов о незаконно репрессированных в сталинское время сибирских татарах.

Фоат Тач-Ахметович Валеев всегда был в делах и заботах: о родных, друзьях, коллегах, об обществе и России. И омичи хранят память об этом неутомимом человеке, известном ученом, замечательном наставнике молодых ученых.

Ф. Т. Валеев

Археология Сибири

УДК 903.2-05(=512.1) “15/16”

ЗАМКИ С ГОРОДИЩА ИСКЕР (ТИПОЛОГИЯ И ДАТИРОВКА)¹*А. А. Адамов*

В статье проанализированы находки замков с городища Искер. Предложена их новая типология. Констатировано, что навесные замки XII–XIV вв. связаны с нижним слоем городища и оставлены населением, сформированным в результате смешения местных групп и пришедших из Предуралья родановцев. Выявленные типы замков свидетельствуют о широких экономических связях как с русскими княжествами, так и золотоордынскими городами Поволжья. Население столичного города Сибирского ханства в конце XV – XVI в. использовало сундуки и ларцы, запиравшиеся как накладными, так и навесными замками. Непременным атрибутом зажиточного жителя Искера являлись и кожаные сумки-кошельки, закрывающиеся на медные замки и защелки, аналогии которым известны в русских городах и поселках. Часть железных накладных замков вполне могла производиться на месте городскими кузнецами.

Ключевые слова: Западная Сибирь, столица Сибирского ханства, Кучумово городище, Искер, накладные и навесные замки.

LOCKS FROM ISKER HILLFORT (TYPOLOGY AND DATING)*A. A. Adamov*

The article analyzes findings of locks from Isker hillfort; their new typology is proposed. It was stated that padlocks of the XII–XIV centuries relate to the lower layer of the hillfort and were left by the population formed with the participation of the Rodanovo population which had come to the mouth of the Tobol River from the Cis-Ural region. The types of locks identified give evidence of widespread economic ties with both Russian principalities and Golden Horde cities of the Volga Basin. In the late XV–XVI centuries, the population of the capital city of Siberia Khanate used chests and caskets closing with both rim locks and padlocks. Leather wallets closing with copper locks and latches were the essential attributes for wealthy Isker residents. Their analogies are known in Russian cities and towns. Part of the iron rim locks could be made on site by blacksmiths.

© Адамов А. А., 2019

¹Исследование выполнено в рамках темы ФНИ № 0408-2018-0001 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н. э. – II тыс. н. э.)».

Keywords: Western Siberia, capital of the Siberian khanate, Kuchumovo hillfort (Isker), locks.

Городище Искер – столица Сибирского ханства – расположено в 17 км выше г. Тобольска по р. Иртыш. Памятник находится на мысу Тобольского материка (высота террасы достигает 60 м), образованного р. Иртыш и небольшой р. Сибиркой. С городища собран разнообразный материал, насчитывающий несколько тысяч артефактов. После выхода в 2017 г. монументальной монографии Зыкова А. П., Косинцева П. А., Трепавлова В. В. «Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование)» (Москва, 2017, 559 с.) можно было ожидать, что многие ранее не рассмотренные и проблемные вопросы получат аргументированное решение, но выход первой же рецензии на монографию [Маслюженко и др., 2018] показал, что количество проблемных тем с изданием данной работы только возросло. Отчасти это объясняется тем, что А. П. Зыков, анализируя предметы материальной культуры с Искера, считал, что памятник однослойный, не принимая в расчет мнения других исследователей [Могильников, 2004 и др.]. Такой подход А. П. Зыкова при анализе замков привел к мнению, что в Сибирском ханстве одновременно использовались практически все типы замков, известные с начала II тыс. н. э., даже самых архаичных типов [Зыков и др., 2017, с. 252–266].

При анализе находок с городища Искер А. П. Зыков выделил 10 типов замков, которые использовали горожане города Сибирь [Зыков и др., 2017, с. 252, 253]. Однако не все типы были выделены на основе аутентичных находок. Так, накладные замки типа 1 – цельнодеревянные с «желудями» и типа 2 – комбинированные с деревянным засовом и железной пружиной были выделены только на основе находок на Искере железных ключей. Ключи к таким замкам хорошо известны в научной литературе [Хорошев, 1997, табл. 7,4-7,12-16], и они кардинально отличаются от предметов и ключей, представленных в монографии [Зыков и др., 2017, рис. 116].

Скрупулезный анализ металлических замков с учетом их датировки, позволил выделить две большие разновременные группы замков. Первая группа относится к нижнему слою городища, связанного с угорским населением Тобольского Прииртышья и датируемого XII–XIV вв. [Адамов, 2010]. Все замки этого периода навесные, и их можно разделить на пять типов. При выделении этих типов мы будем опираться на классификацию, предложенную еще Б. А. Колчиным [Колчин, 1959].

Тип 1 (А по Б. А. Колчину) – цилиндрический с продольной ключевой прорезью [Зыков и др., 2017, рис. 114,1]. Подобные замки датируются в Новгороде X – первой третью XIII в. [Хорошев, 1997, табл. 5].

Тип 2 (Б по Б. А. Колчину) – цилиндрический с горизонтальной прорезью в теле цилиндра и перпендикулярной прорезью в донце цилиндра [Зыков и др., 2017, рис. 114,3]. В Новгороде подобные замки датируются XII – серединой XIV в. [Хорошев, 1997, табл. 5].

Тип 3 (В по Б. А. Колчину) – цилиндрический с линейной прорезью в донце цилиндра. На Искере обнаружены как обломок от такого замка, так и ключи [Зыков и др., 2017, рис. 114,4; 116,12]. В Новгороде этот тип замков датируется в пределах второй половины XII – начала XV в. [Хорошев, 1997, табл. 6].

Тип 4 (Г по Б. А. Колчину) – цилиндрический с ключевым отверстием, закрытым вертикальными предохранительными щитками. О бытовании замков такого типа на Искере мы можем судить по железному ключу от такого типа замков [Зыков и др., 2017, рис. 27,48]. Подобные замки датируются в Новгороде серединой XIII – первой половиной XV в. [Хорошев, 1997, табл. 6].

Тип 5 – медный замок в виде фигурки животного [Зыков и др., 2017, рис. 115]. Медный ключ от такого замка был обнаружен в ходе работ 2014 г. [Адамов, 2015, рис. 3,5]. Подобные замки широко представлены в Поволжье, где встречаются как в домонгольских, так и в золотоордынских слоях [Савченкова, 1996, с. 44, 45].

Таким образом, население Тобольского Прииртышья XII–XIV вв., формировавшееся, на наш взгляд, на основе смешения местных угорских групп и пришедших к устью р. Тобол родановцев из Предуралья, активно использовало все основные типы навесных замков, распространенных в Восточной Европе и Поволжье. Надо думать, что контроль над пушной торговлей из таежной части Западной Сибири позволил наладить широкие экономические связи как с русскими княжествами, так и золотоордынскими городами Поволжья. Поэтому не стоит удивляться и появлению здесь в этот период русской гончарной керамики [Могильников, 2000, рис. 3,2].

К городскому слою столичного города Сибирского ханства конца XV – XVI в. относятся замки четырех типов. Прежде всего, как показывают находки металлических деталей, на Искере были распространены сундуки, которые закрывались и накладными, и подвесными замками. Использовались накладные замки двух типов.

Тип 6 – цельнометаллический накладной замок с засовом и накладкой. Известен фрагмент замка [Зыков и др., 2017, рис. 27,22], а также накладка от такого замка [Зыков и др., 2017, рис. 27,40] и поворотные ключи [Зыков и др., 2017, рис. 116,3-5,7,8]. Подобные замки в Москве датируются XIV–XVII вв. [Розенфельд и др., 1959, с. 119].

Тип 7 – цельнометаллический накладной замок с Г-образным ригелем. Замок с сохранившимся механизмом запора был обнаружен нами на Искере в 2017 г., кроме того, ригель от подобного замка происходит из раскопа 2008 г. на Искере, а еще один был известен из дореволюционных сборов, хранящихся в Тобольском музее-заповеднике [Зыков и др., 2017, рис. 116,13]. Форма ригеля, обнаруженного на Искере, отличается от подобных ригелей, известных в XV–XVII вв., тем, что у них нет короткого плеча [Розенфельд и др., 1959, рис. 52,2], на которое и давит бородок поворотного ключа при открывании. В замках с Искера, которые были здесь широко распространены, бородок поворотного ключа давит непо-

средственню на большое плечо ригеля. Подобный ригель был применен в комбинированном замке, обнаруженном в Москве [Розенфельд и др., 1959, рис. 52,4], где были использованы две системы запора (тип 6 и 7 по нашей классификации).

Тип 8 (Е по Б. А. Колчину) – подвесной замок ромбической или треугольной формы с лабиринтообразной прорезью. На Искере представлен самой большой группой находок [Зыков и др., 2017, рис. 27,23, 24,25, 27,39; 114,5; 116,14]. Подобные замки на Руси появляются с начала XV в. и, учитывая находку в Мангазее [Визгалов и др., 2008, рис. 156,4], бытуют в XVII в.

Еще одна группа замков, использовавшаяся населением Искера, – небольшие замочки для сумок-кошелей. Замки, подобные искерским, никак не охарактеризованы в литературе. На сайтах черных копателей без труда можно найти ряд фотографий, свидетельствующих, что замки подобной формы были довольно распространенным явлением в русских городах и поселениях.

Тип 9 – накладные цельнометаллические замки и застежки от сумок [Зыков и др., 2017, рис. 27, 35-38]. Нами выделены два варианта.

Вариант 1 – медный замок с ригелем, железной V-образной пружиной [Зыков и др., 2017, рис. 27, 35, 36] и поворотным ключом [Адамов и др., 2006, рис. 1, 5]. Кожаная сумка, в которой находились монеты начала XVI в., с медным замком, подобным искерскому, была обнаружена в Новгороде [Варфоломеева, 1997, рис. 2, 4].

Вариант 2 – медная застежка с секретом [Зыков и др., 2017, рис. 27, 37, 38]. По внешнему виду близка к варианту 1, но открывалась не ключом, а ригель сдвигался вручную с помощью прямоугольной кнопки, расположенной на внешней стороне. Две другие квадратные кнопки скреплены с поворачивающимися упорами, которые затрудняли самопроизвольное открывание застежки.

Основываясь на известных находках, происходящих с Искера, можно говорить о том, что городские жители Сибирского ханства в конце XV – XVI в. широко использовали в быту сундуки и ларцы, закрывающиеся как накладными, так и навесными замками. При этом часть замков для сундуков (тип 7) вполне могла производиться городскими кузнецами. Пользовались жители Искера и кожаными сумками-кошельками, закрывающимися на медные замки и защелки.

Еще два навесных замка, по нашему мнению, датируются периодом, когда столица Сибирского ханства прекратила свое существование. Первый замок [Зыков и др., 2017, рис. 114,7], точных аналогий которому мы не смогли найти, является замком от конских пут, изготовленным местным кузнецом из ближайшей русской деревни. Замок открывался не поворотным ключом, как предполагает А. П. Зыков, основываясь на форме замочной скважины, а коленчатым. Просто прямоугольную прорезь с одной стороны расширили, когда пытались вскрыть замок, и она стала похожа на прорезь от поворотного ключа. Однако, когда открыть замок все же не получилось, пришлось ломать у этого замка дужки. Несколько другой конструкции, но с коленчатыми ключами, замки для пут широко продавались еще в начале XX в. Другой замок [Зыков и др., 2017, рис. 114,9]

открывался ключом с винтовой нарезкой, что характерно для замков XIX – первой половины XX в.

Таким образом, городище Искер – многослойный памятник, культурный слой которого содержит многочисленные находки как XII–XIV, так и XV–XVI вв. При этом широкие экономические связи с Русью и Золотой Ордой поддерживало не только угорское население золотоордынского периода, но и в дальнейшем жители столичного города тюрко-татарского ханства. Жители Искера широко использовали изделия русских ремесленников, часть которых изготавливалась на месте по привезенным образцам. Рассмотренные нами замки XV–XVI вв. напрямую свидетельствуют, что на Искере постоянно проживали зажиточные горожане, купцы, ремесленники, и столица Сибирского ханства, безусловно, являлась крупнейшим городом в Сибири, в котором сосредотачивались богатства от активной торговли между севером и югом.

1. Адамов А. А. Предварительные итоги исследования грунтового могильника близ с. Абалак // Тобольск научный – 2010: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск, 2010. С. 68–69.

2. Адамов А. А. Археологические исследования на Кучумовом городище (Искере) в 2014 году // Поволжская археология. 2015. № 4 (14). С. 291–300.

3. Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Разведочные работы в устье реки Сибирки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2006. Т. 12. № 1. С. 242–248.

4. Варфоломеева Т. С. Средневековые кожаные кошельки // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1997. Вып. 11. С. 105–114.

5. Визгалов Г. П., Пархимович Г. Г. Мангазья: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск, 2008. 296 с.

6. Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепавлов В. В. Город Сибир – городище Искер (историко-археологическое исследование). М.: Наука – Вост. лит., 2017. 559 с.

7. Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технологии) // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 65. С. 7–120.

8. Маслоуженко Д. Н., Татауров С. Ф. Рецензия на монографию: Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепавлов В. В. Город Сибир – городище Искер (историко-археологическое исследование) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 3. С. 644–655.

9. Могильников В. А. К проблеме взаимоотношений Руси и Югры в XI–XV веках // Русские старожилы: материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2000. С. 77–85.

10. Могильников В. А. О времени заселения городища Искер // Тобольский хронограф. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2004. Вып. 4. С. 113–119.

11. Розенфельд И. Г., Розенфельд Р. Л. О некоторых конструкциях московских навесных и врезных замков XIV–XVII веков // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1959. Вып. 77. С. 119–121.

12. Савченкова А. А. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 5–88.

13. Хорошев А. С. Замки, ключи и замочные принадлежности // Древняя Русь. Быт и культура. Москва : Наука, 1997. С. 14–17.

УДК 902.2

**ЭКСПЕДИЦИЯ ТОБОЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО МУЗЕЯ НА КОНДУ:
ИСТОРИЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ¹***Т. Н. Собољникова, А. В. Кузина*

Статья посвящена итогам полевых археологических исследований в низовьях р. Конды в 2017–2018 гг., проведенных по следам первой экспедиции («экскурсии») Тобольского губернского музея в 1910 г. во главе с В. Н. Пигнатти. Опираясь на картографические, письменные и архивные источники, авторам удалось обнаружить выявленные экспедицией 1910 г. памятники археологии – средневековые городки в окрестностях д. Кама и д. Пуголь.

Ключевые слова: Тобольский губернский музей, Нижняя Конда, археологические памятники.

**THE TOBOLSK PROVINCIAL MUSEUM'S EXPEDITION AROUND THE
DOWNSTREAM OF KONDA RIVER: A STORY WITH A SEQUEL***T. N. Sobolnikova, A. V. Kuzina*

The article is present the results of archaeological research in the downstream area of the Konda river during 2017–2018 seasons. It was conducted on the «traces» of the first expedition of the Tobolsk provincial museum (1910, V. N. Pignatti). The authors of article discovered archeological monuments, medieval towns near Kama and Pugol villages, relying on cartographic, written and archival sources that was left by expedition of 1910.

Keywords: Tobolsk provincial museum, downstream of Konda river, archeological monuments.

К концу XIX – началу XX в. Тобольским губернским музеем была собрана весьма представительная коллекция древностей севера Западной Сибири. Судя по отчетным документам, она ежегодно пополнялась, первоначально – за счет случайных находок, которые попадали в музей от местных жителей или от ученых и путешественников, обследовавших места древних поселений, а затем в процессе своих полевых исследований [Скалозубов, 1901, с. 26–27; Пигнатти,

© Собољникова Т. Н., Кузина А. В., 2019

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства ХМАО – Югры в рамках научного проекта № 18-49-860008 п_а.

1910, с. 16–17]. «Первой ласточкой» стала «экскурсия» на р. Конду, идея проведения которой исходила от В. Н. Пигнатти, служившего на тот момент консерватором музея [Ланитин, 1912, с. 3].

Место проведения экспедиции, на наш взгляд, было выбрано не случайно. Во-первых, в коллекции Тобольского губернского музея к тому времени уже были предметы археологии и этнографии с этой территории [Пигнатти, 1910, с. 17–19; Краткие сведения... , 1907, с. 13]. Среди них были и уникальные артефакты. Так, например, в каталоге Археологического отдела, изданного в 1890 г., упоминается железная сабля с деревянной ручкой, которая поступила *«от г. Патканова. По словам г. Патканова, эта сабля принадлежит самоедскому богатырю, а потом находилась у кондинских вогулов, от которых уже приобрел ее г. Патканов»* [Археологический отдел... , 1890, с. 13]. В этом же каталоге опубликовано фото оригинального художественного изделия из металла: *«бронзовый, литой барельеф в 12 ½ сант. длины, изображает группу из трех человек: двух мужчин и одной женщины, расположенных между двумя деревьями; из которых одно напоминает пальму, а другое смоковницу с плодами...»*, явно импортного происхождения [Археологический отдел... , 1890, с. 2, 5]. В музей его передал Тобольский исправник А. А. Павлинов, в качестве места находки значатся юрты Есаульские, *«причем крестьяне этой деревни рассказывали, что барельеф, или, как они его называют, шайтан, был ранее на священном кедре остяков. Кедр этот находился на берегу Конды...»* [Археологический отдел... , 1890, с. 2].

Во-вторых, о древних холмах или остяцких городках, расположенных по берегам р. Конды, было известно к тому времени. Одни из первых упоминаний можно найти в трудах Г. Ф. Миллера [Сибирь XVIII в., 1996, с. 285]. В 1887–1888 гг. на Конде побывал С. К. Патканов, который не только собрал сведения о памятниках археологии, но и провел на некоторых раскопки [Корсунский, 2005, с. 286–287; Отчет императорской археологической комиссии... , 1891, с. 315]. В научном архиве Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника хранится рукопись С. Шульгина (1901), в которой он описывает свою поездку по Нижней Конде [Шульгин], а также несколько писем политзаключенного М. Г. Корсунского, организовавшего поездку на Конду в 1908 г., адресованных В. Н. Пигнатти [Письма М. Г. Корсунского...]. Кстати, в этой экспедиции была проведена уже инструментальная съемка плана памятника с помощью пантометра: *«Сначала Агапьев снял городок, я определил нивелиром его высоту и профиль, а потом мы принялись за раскопки и бурение на его вершине и склонах»* [Корсунский, 2005, с. 273–274].

Третий повод к поездке на Конду упомянут самим В. Н. Пигнатти в предисловии краткого отчета: *«Летом 1910 года я предполагал совершить с Л. Р. Шульц небольшую поездку на р. Конду и по притоку ее Морде до юрт Нюркоевых, оттуда пешком на водораздел между рр. Юкондой и Мордой. На этом водоразделе, по рассказам остяков, находится каменная баба, служащая культовым целям»* [Пигнатти, 1912, с. 1].

Итак, экскурсия на Конду состоялась летом 1910 г., ее участниками, помимо В. Н. Пигнатти, стали: будущий выдающийся биолог Б. Н. Городков (на тот момент – студент), занимавшийся сбором гербария, и А. Н. Уваров – «специалист по позвоночным» [Пигнатти, 1912, с. 2]. В задачи поездки входил сбор «всевозможных материалов, характеризующих как естественные исторические условия края, так и быт населения его» [Ланитин, 1912, с. 3]. Маршрут экспедиции начинался от с. Реполова на Иртыше, далее пролегал по Конде до с. Нахрачинского (сейчас пгт. Кондинское) и включал в себя, в основном, берега самой Конды: «при этом поездок в сторону почти не делалось за исключением посещения нескольких наиболее значительных притоков», а именно – низовий рек Кама, Мордъега, протоки Пугольской [Городков, 1912, с. 3].

По окончании «экскурсии» в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» были напечатаны небольшие статьи В. Н. Пигнатти и Б. Н. Городкова о совершенной ими поездке. В фондах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника хранятся археологические находки, этнографические экспонаты, гербарии из той поездки, а также около 200 фотонегативов. Как уже упоминалось выше, экспедиция носила комплексный характер, и обследование археологических объектов было лишь одним и, судя по всему, не основным направлением деятельности. Такой вывод напрашивается в связи с тем, что информация о раскопках, произведенных В. Н. Пигнатти на археологических памятниках, по каким-то причинам позднее не была опубликована участниками экспедиции. Возможно, были рукописи отчетов, но пока они не обнаружены или не сохранились.

Итоги «экскурсии» по р. Конде были высоко оценены музейным сообществом, и с этого момента полевые исследования стали одним из важных направлений научной деятельности Тобольского губернского музея [Ланитин, 1912, с. 4–5]. Что касается продолжения изучения именно этой территории – низовий р. Конды, то вплоть до 1980-х гг. археологами здесь научные экспедиции не проводились. В 1980 – начале 90-х гг. тобольскими археологами (И. Г. Глушковым, А. В. Соколковым, Е. Г. Фильчаковым и др.) были проведены разведки и раскопки в районе населенных пунктов Болчары, Кама, бывших деревень Красный Яр, Чилимка. В последующие годы археологические работы на этой территории носили «точечный» характер и были связаны с осмотром участков, отводимых под хозяйственную деятельность.

В 2017–2018 гг. полевые исследования на Нижней Конде были продолжены сотрудниками отдела археологии Музея природы и человека [Собольникова, Кузина, Мухьярова, 2017а; Собольникова, Кузина, Мухьярова, 2017б]. Одной из задач экспедиций являлась идентификация памятников археологии, обследованных в 1910 г. Важным источником для определения территории поиска стала карта, приложенная к статье В. Н. Пигнатти, на которой символом «х», обозначающим «раскопку городка», отмечено три места: ниже по течению от юрт Каменских, на протоке Пуголь и в с. Болчаровском [Пигнатти, 1912, с. 3]

(рис. 1). Следует отметить, что в трудах XIX – начала XX в. по истории Западной Сибири памятники археологии часто фигурируют как «остяцкие городки», под которыми понимали «укрепленный ров, валом и частоколом пункт, удобный по своему местоположению в отношении административном и стратегическом. Здесь жил князь – представитель власти в волости» [Изделия остяков... , 1909, с. 12].

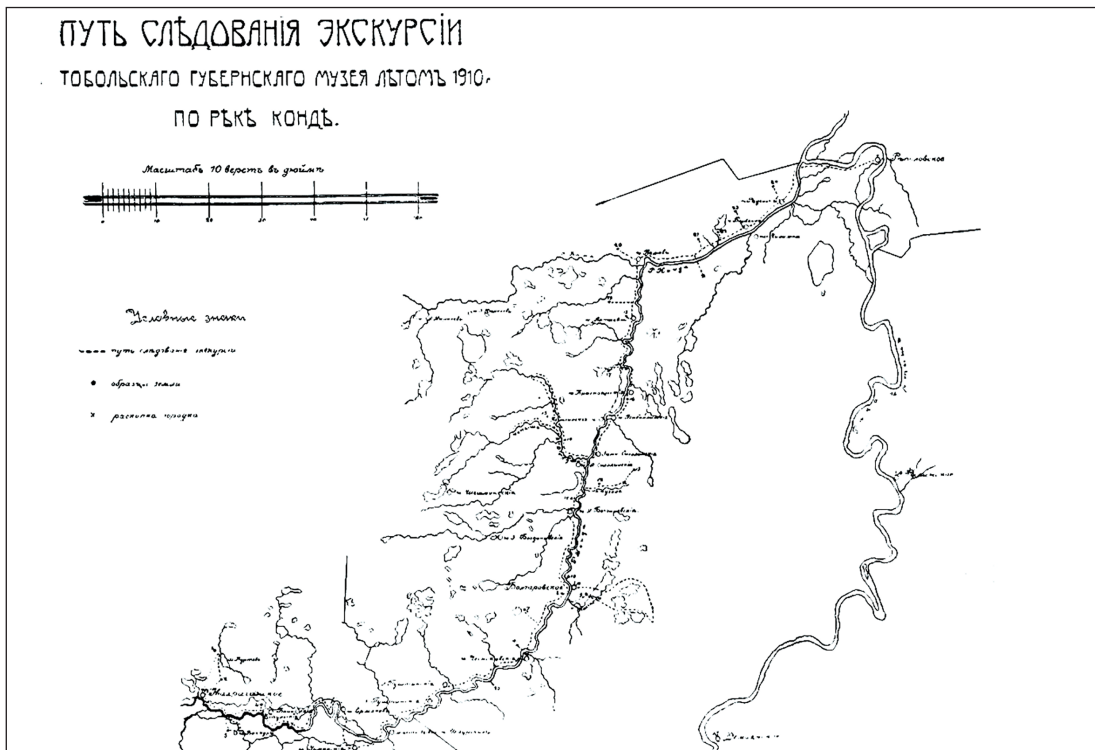

Рис. 1. Карта В. Н. Пигнатти «Путь следования экскурсии
Тобольского губернского музея по реке Конде», 1910 г.

Местонахождение первого «городка» (начиная от устья), отмеченного на карте В. Н. Пигнатти, в процессе картографического анализа было соотнесено нами с урочищем Алёшкин Мыс, расположенным в правобережье р. Конды, в 6,0 км к северо-востоку от д. Кама. В разведке 2018 г. на мысу, образованном в месте впадения в р. Конду безымянной протоки (западная часть урочища), было обнаружено городище, представляющее собой площадку, ограниченную с тыльной стороны двойной системой рвов, имеющих внушительные параметры (рис. 2). К сожалению, большая часть памятника уничтожена в результате эрозии береговой террасы. В осыпи террасы собраны фрагменты сосудов эпохи Средневековья (X–XIV вв.).

С большой долей вероятности можно идентифицировать выявленное нами городище с остатками былинного городка *Карыпоспат урдат вож* («Город героев на Стреляжьей протоке»), сведения о котором сохранились в письменных источниках XIX–XX вв., а именно в «Былине про богатырей города Эмдера», записанной С. К. Паткановым в 1882 г. [Патканов, 1999, с. 148] и С. Шульгиным в 1901 г. [Шульгин... , л. 12]. На это указывают несколько моментов: во-первых, очень близки привязки, названные обоими авторами; во-вторых, это место полностью соответствует описанию очевидца С. Шульгина, непосредственно побывавшего там. Других высоких мысов, которые бы просматривались с р. Конды на участке между юртами Каменскими и Кондинским Сором, нет. Кроме того, у старожилов д. Кама это место (мыс) известно под названием Карабас. К сожалению, объяснить происхождение его никто из них не смог. По устной консультации филолога Т. В. Исламовой (Югорский государственный университет), изучавшей топонимику Нижнего Прииртышья, современный микротопоним «Карабас» вполне может являться видоизменным и сокращенным русским вариантом названия Карыпоспат (Карыпас – Карабас).

Рис. 2. Вид на городище, выявленное в 2018 г. в урочище Алёшкин Мыс.
Снято с СЗ

Второй «городок», отмеченный на карте В. Н. Пигнатти, расположен недалеко от бывшей д. Пуголь. Один из участников экскурсии 1910 г., биолог Б. Н. Городков, приводит следующее описание этого места: «на некотором расстоянии от реки в заливные луга, прорезываемые там и сям речками, вдается мысом высокий берег, покрытый деревьями до самого низа... На этом мысу находится так называемый “чудской городок”, для остяков священное (шайтанное) место, отчего они здесь не рубят деревьев, не выжигают брусничников и даже избегают посещать его» [Городков, 1912, с. 10–11].

Рис. 3. Вид на Пугольский городок. Снято с СЗ, 2018 г.

В 2017 г. при обследовании окрестностей бывшей д. Пуголь на крутом и обрывистом мысу было обнаружено средневековое городище (рис. 3). Сегодня Пугольский городок (так его называют жители с. Болчары) представляет собой небольшую площадку, на которой по кругу, близко друг к другу, расположены 8 жилищных впадин. От остальной части террасы ее отделяют два глубоких рва. Близкие аналогии керамике, собранной на поврежденных участках поверхности, прослеживаются в кинтусовской культуре (этапа нижнеобской КИО), датируемой X–XII вв.

Третье место, где проводилась «раскопка городка» в 1910 г., находится на территории современного с. Болчары, на левом берегу р. Магатка. В 1980–90-е гг. здесь С. И. Шумайловым [Шумайлов, 1985] и В. И. Асташкиным [Асташкин, 1992] были выявлены несколько памятников археологии, среди них есть и городища – Болчары 1/1, 1/2, 1/3. На некоторых из них проводились раскопки, но однозначно идентифицировать их с «городком», исследованным в 1910 г., не представляется возможным.

В заключение хотелось бы отметить, что исследования в низовьях р. Конды, начатые более 100 лет назад, выявили «богатство» этого района объектами археологии. Так, Л. Р. Шульц, совершивший в разные годы несколько поездок по Конде, отмечает, что памятники древности здесь «в большинстве случаев нетронутые и прекрасной сохранности, состоят из городищ, могильников, остатков старинных жилищ и отдельных находок; сюда должна быть отнесена и часть, так называемых, шайтанов, то есть изображений остяцких и вогульских божеств» [Шульц, 1926, с. 24]. Между тем многие из них до сих пор не обследованы, не имеют современных географических привязок. Своевременное выявление археологических памятников Нижней Конды имеет большое значение в контексте обеспечения их сохранности в условиях активного нефтегазового освоения этой территории.

1. Скалозубов Н. Л. Отчет консерватора Тобольского губернского музея за 1897 и 1898 гг. // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 12. Тобольск, 1901–1902. 1901. С. 19–32.

2. Пигнатти В. Н. Отчет консерватора губернского музея о состоянии коллекции за 1908 год // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 18. Тобольск, 1910. С. 12–20.

3. Ланитин В. Отчет секретаря Тобольского музея за 1910 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 20. Тобольск, 1912. С. 2–12.

4. Краткие сведения об увеличении состава коллекций Тобольского губернского музея в 1905 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 16. Тобольск, 1907. С. 12–14.

5. Археологический отдел Тобольского Губернского музея / сост. Н. А. Лыткин. Тобольск : Тип. Тоб. Губерн. Правления, 1890. 17 с.

6. Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Миллера / подгот. А. Х. Элерт. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1996. 310 с. (История Сибири. Первоисточники: вып. 6).

7. Корсунский М. Очерк экскурсии на Конду летом 1908 года // Подорожник: краевед. альм. Вып. 5. Тюмень : Мандр и К^а, 2005. С. 232–318.

8. Отчет императорской археологической комиссии за 1882–1888 годы. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1891. 334 с.

9. Шульгин С. Кондинский край // Научный архив Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Д. 75.

10. Письма М. Г. Корсунского к В. Н. Пигнатти // Научный архив Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Д. 144.

11. Пигнатти В. Н. Краткое сообщение о поездке на реку Конду (М. Кондинская волость, Тобольского уезда) летом 1910 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 20. Тобольск, 1912. С. 1–15.
12. Городков Б. Очерк растительности низовьев реки Конды // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1912. Вып. 20. С. 1–35.
13. Собољникова Т. Н., Кузина А. В., Мухьярова А. Р. Сведения об археологических памятниках Нижней Конды в источниках конца XIX–XX вв. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. Сургут, 2017а. № 4 (49). С. 123–131.
14. Собољникова Т. Н., Кузина А. В., Мухьярова А. Р. Археологические исследования в нижнем течении р. Конда: итоги полевого сезона 2017 г. // Вестник утраведения. Ханты-Мансийск, 2017б. № 4 (31). С. 144–157.
15. Изделия остяков Тобольской Губернии. Этнографическая коллекция Тобольского губернского музея на первой Западно-Сибирской выставке в г. Омске. Объяснительный указатель к коллекции // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1911. Вып. 19. 1909. С. 1–136.
16. Патканов С. К. Иртышские остяки и их народная поэзия / Соч. в 2 т. Т. 1. Остяцкая молитва. Тюмень : Предприниматель Ю. Л. Мандрика, 1999. 399 с.
17. Шумайлов С. И. Отчет о разведках в Кондинском и Ханты-Мансийском районах Ханты-Мансийского национального округа, в Уватском районе Тюменской области в 1984 г. Тобольск, 1985. Архив ИА РАН. Р-1. № 10255. 84 с.
18. Асташкин В. И. Отчет об археологическом исследовании Болчаровского II городища в Кондинском районе Тюменской области, проведенном летом 1991 года. Тюмень, 1992. Архив ИА РАН. Р-1. № 16703. 34 с.
19. Шульц Л. Р. Очерк Кондинского района. Свердловск, 1926. 39 с.

УДК 902

**К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССАХ ИНФИЛЬТРАЦИИ КОЧЕВЫХ ГРУПП
НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЮ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАУРАЛЬЯ***Е. А. Третьяков*

В данной работе рассматриваются основные аспекты проникновения кочевого тюркоязычного населения на территорию Зауралья в VI–XIII вв. и взаимодействия его с аборигенными группами населения, в частности носителями бакальской и юдинской археологических культур. Исходя из источниковой базы погребального обряда и внутренней хронологии комплексов высказано предположение, что контакты со степью начинаются лишь с VII в., а уровень взаимодействия определяется как торговые отношения. Позже, с исчезновением бакальской культуры VIII–IX вв., на территории зауральской лесостепи происходит «встреча двух миров»: степного и лесного. Вследствие этого кимако-кипчакские коллективы колоссальным образом повлияли на носителей юдинской культуры, что подтверждается остатками материальной культуры, реконструкцией хозяйственного типа и погребального обряда.

Ключевые слова: Зауралье, эпоха Средневековья, кочевники, бакальская культура, юдинская культура.

**PROCESSES OF NOMADIC POPULATION' INFILTRATION IN THE
TERRITORY OF THE MEDIEVAL TRANS-URALS***E. A. Tretyakov*

We consider the main aspects of the nomadic Turkic-speaking population' penetration in the territory of the Trans-Urals in the 6th-13th centuries and their interaction with the aboriginal groups of the population, particularly the population of the Bakalskaya and Yudinskaya archaeological cultures. Based on the source base, the burial rite and the internal chronology of the complexes we suggested that contacts with the steppe begin only in VII century, and the level of interaction is defined as trade relations. When the Bakalskaya culture of the VIII–IX centuries on the territory of the Trans-Ural forest-steppe disappeared, there is a «meeting of the steppe and forest worlds». As a result of this meeting, the Kimako-Kipchak collectives influenced the carriers of Yudinskaya culture quite strongly. This is confirmed by the remnants of material culture, the reconstruction of the economic type and the burial rite.

Keywords: Trans-Urals; the era of the Middle Ages; nomads; Bakalskaya culture; Yudinskaya culture.

Эпоха Средневековья Зауралья и Западной Сибири в значительной степени была связана с проникновениями на территорию лесостепной и подтаежной зон кочевых групп населения. Так, начиная еще с середины VI в. южная часть лесостепи Зауралья являлась периферией Тюркского каганата, затем с конца VII в. на территорию Западной Сибири проникают представители Второго Тюркского каганата и позже кимако-кипчакские коллективы. Таким образом, регулярное продвижение кочевников на территорию Зауральской лесостепи обуславливалось непосредственными контактами и взаимодействием тюркоязычных номадов и автохтонного населения региона. В этом контексте характеристика вещевого инвентаря и детализация процессов проникновения кочевых групп населения способны пролить свет на развитие материальной и духовной культуры аборигенного населения, а также уточнить процессы сложения малых народов Урало-Сибирского региона.

Так, рассуждая о взаимодействии кочевников и местного населения (бакальской АК) в период раннего Средневековья, стоит отметить, что схожие типы хозяйства, основанные преимущественно на скотоводческой традиции, в первую очередь, должны были влиять на обострение военной обстановки в регионе, возникшей в связи с переделом природно-территориальных ресурсов. Такой точки зрения придерживается Д. Н. Маслюженко, говоря о том, что в период IV–VIII вв. в лесостепном регионе нарастает военная угроза, ответом на которую является строительство массивных оборонительных сооружений Тоболо-Исетья [Маслюженко, 2008, с. 64–65]. Действительно, крепости Притоболья располагались на высоких гипсометрических отметках, выполняя функции форпостов, неся надзорный характер, в то время как основная часть населения располагалась в пойменных участках, заселяя обширные селища. Полностью согласиться с данной идеей можно лишь в том случае, если мы рассматриваем комплексы Тоболо-Исетья в одних хронологических рамках, т. е. утверждая, что данные поселки заселялись одновременно коллективами разных общин. Тем не менее на данных поселениях могли проживать одни и те же коллективы, которые в течение раннего Средневековья вследствие хозяйственной деятельности постепенно переселялись с одного комплекса на другой. В этом же случае линия так называемых крепостей по Исети не представляла бы из себя единой системы и не могла выполнять роль оборонительной линии, защищавшей южные рубежи бакальской культуры. В подтверждение этому выступают серии радиоуглеродных дат комплексов Тоболо-Исетья, указывающих на эпизодичность заселения данных поселений. Второй аспект, не позволяющий в полной мере согласиться с данным мнением, – это небольшое количество предметов вооружения в культурных слоях раннего Средневековья, в частности в горизонтах бакальской культуры. Таким образом, исходя из характеристики источника возможно предположить, что

военные конфликты, вероятнее всего, несли частный характер. Кроме того, нельзя отрицать возможности междоусобных столкновений между различными общинами одной культуры, например, за скот, пастбищные угодья и т. д. В этом случае линия крепостей, которую мы сегодня интерпретируем как единовременную, несмотря на синхронный период существования ее комплексов, нельзя расценивать как единую структуру.

Более убедительным кажется мнение, что продвижение кочевого населения на территорию западносибирской лесостепи начинается лишь с VIII в. [Троицкая и др., 2004, с. 90]. До этого времени интеграция кочевой культуры прослеживается исключительно во внедрении в обиход аборигенного населения отдельных категорий вещевого инвентаря: вооружение, конская упряжь, поясные гарнитуры, некоторые типы украшений. По материалам раннего Средневековья Зауралья данные выводы подтверждаются несколькими эпизодами. Во-первых, находки посуды среднеазиатского облика кувшиновидной формы в бакальском слое городища Усть-Утяк [Кайдалов и др., 2016, с. 168–169]. Подобный тип посуды абсолютно не характерен для бакальской гончарной традиции и, вероятнее всего, являлся импортом из степной среды. Во-вторых, распространение моды на предметы кочевой аристократической культуры, в частности на поясные гарнитуры, традиция ношения которых была характерна как для ранних, так и поздних кочевников. К ним можно отнести Т-образную бронзовую бляшку и ременный наконечник, происходящие из культурного слоя городища Усть-Терсюк [Рафикова, 2011, с. 305], а также роговые пряжки с городища Борки-1 [Зах и др., 2015, с. 127] и из бакальского захоронения Абатского-3 могильника [Матвеева, 2016, с. 108–109]. Аналоги данных категорий элементов гарнитур были распространены у тюркского населения Барабы в синхронный период (VI–VIII вв.). Тем не менее говорить о перманентных контактах лесостепного населения с кочевым миром в период VI–VII вв. достаточно сложно, тем более о возможности военного противостояния.

О присутствии кочевых групп в лесостепном регионе по данным источников мы можем говорить лишь с середины VII в. Этот период маркирует одно захоронение воина (№ 60) из Хрипуновского могильника, погребальный обряд которого схож с погребальной традицией кочевников Южной Сибири VI–VIII вв. [Костомарова, 2007, с. 60–62]. Захоронение в деревянном ящике с юго-западной ориентировкой (не характерной для бакальской культуры), с остатками пояса и элементами вооружения. Тем не менее посуда, обнаруженная в погребении, находит большое сходство с керамикой бакальской культуры. Возможно, что данный синкретизм погребального обряда вызван непосредственным взаимодействием кочевников с носителями аборигенных культур. С другой стороны, данный факт вполне логично укладывается в идею торгово-обменных отношений между местными и пришлыми группами населения.

Еще одним комплексом, позволяющим говорить о присутствии кочевых коллективов в конце раннего Средневековья в лесостепи, является могильник

Усть-Суерка-1, который на основании инвентаря отнесен к периоду VII–VIII вв. [Маслюженко и др., 2011, с. 84–85]. Расположение могильника на территории, занимаемой бакальским населением в период, который достаточно четко маркируется хронологией поселенческих комплексов, является еще одним фактом, подтверждающим эпизодическое присутствие кочевых коллективов в лесостепи, а также мирную форму сосуществования разнокультурных групп населения в рамках одной территории. Тем не менее говорить о постоянном присутствии кочевых групп в лесостепном регионе нет никаких оснований. Во-первых, полное отсутствие поселенческих комплексов, во-вторых, схожий тип хозяйственной деятельности, основанный на скотоводстве, не позволил бы мирно сосуществовать разнокультурным группам в рамках единой экологической ниши.

Таким образом, мы делаем вывод, что в период VII–VIII вв. присутствие кочевого населения в лесостепи было эпизодичным и преимущественно небольшими коллективами. Продвижение в лесостепь кочевников было обусловлено определенным уровнем взаимодействия с местным населением, форму которого мы определяем как торгово-обменную, тем не менее могли быть и брачные отношения, однако такой уровень взаимодействия довольно сложно определить по данным археологического источника, в частности, Зауралья и Западной Сибири.

С началом развитого Средневековья (конец IX в.) связано появление как в лесостепном Притоболье, так и Приишимье керамики с гребенчато-шнуровой орнаментацией, а также предметов «лесного» облика. Кроме того, в данный период происходит строительство в лесостепной зоне поселенческих комплексов с аналогичным материалом, а также появление могильников этого времени. Данные факты позволяют нам предположить, что рубеж раннего и развитого Средневековья был ознаменован продвижением в лесостепной регион «лесных», более северных групп населения. Здесь мы полностью соглашаемся с мнением А. С. Зеленкова, который считает, что период IX–XII вв. на территории Зауралья и Западной Сибири был связан с возрастанием роли «лесных» культур, таких как юдинская и усть-ишимская [Зеленков, 2018, с. 99]. Таким образом, датировка «смешанных» и однослойных комплексов не противоречит этой точке зрения. В свою очередь, мы лишь можем внести уточнение, отметив, что «северные» группы населения с начала развитого Средневековья занимают территорию уже оставленную коллективами бакальской культуры, поэтому говорить о сосуществовании юдинского и бакальского населения, как это было принято ранее, мы не можем, во-первых, из-за хронологического разрыва бытования культур, во-вторых, ввиду отсутствия синкретичных материалов, а в-третьих, схожих культурно-хозяйственных типов.

Тем не менее в данный период на территорию лесостепи продолжают проникать и оказывать определенное влияние отдельные группы кочевого населения. Причины инфильтрации степных коллективов в лесостепь на сегодняшний момент до конца не прояснены. Одновременно с этим не до конца убедительной

кажется и гипотеза о продвижении кочевого населения на «север», связываемая с потребностью в новых пастбищных угодьях. Однако с этим стоит не согласиться, т. к. кочевники, согласно их хозяйственному типу, были привязаны к степному поясу. Осмелимся предположить, что основной причиной проникновений было оставление Зауральского региона бакальским населением в VIII – начале IX в., открывшим путь кочевникам в лесостепь. Тем не менее интеграцию кочевой культуры в традицию аборигенного населения мы достаточно четко фиксируем в материалах погребальных комплексов развитого Средневековья уже в конце IX в., где вместе с единичными кочевническими захоронениями фиксируется ряд некрополей, содержащих в себе как местные лесные традиции, так и привнесенные кочевые черты.

К первым можно отнести захоронение воина одного из курганов могильника Усть-Терсюк-3 [Маслюженко, 2013]. Это погребение по типу ингумации с северо-восточной ориентацией с деревянным перекрытием, совершенное под насыпью кургана. В нем, наряду с остатками вооружения, зафиксированы остатки «шкуры коня», уложенные в могилу рядом с покойным. Подобный погребальный обряд находит большое сходство в древностях сrostкинской культуры [Матюшко, 2007, с. 520].

К комплексам, отражающим интеграцию кочевой культуры в духовную и повседневную жизнь аборигенного населения, относится грунтовый могильник Медный Борок [Матвеева и др., 2017]. Так, в могилах, совершенных по обряду труположения, помимо сопроводительного инвентаря, характерного для «лесных» культур развитого Средневековья, присутствовали элементы поясных гарнитур и конской упряжи. Также большинство могил сопровождалось головами и конечностями лошадей (шкуры коня). Данные элементы погребального обряда находят сходство в могильниках кимако-кипчакского времени на Алтае и Барабе [Могильников, 2002, с. 58]. Захоронения с тушами и шкурами коня обнаружены в двух погребениях Пылаевского грунтового могильника, совместно с этим в них встречены остатки бронзовых посмертных масок, типичных для финно-угорского круга культур населения развитого Средневековья [Казаков, 2007, с. 125–132]. Таким образом, биритуализм позднесредневековых некрополей в полной мере является отражением процессов тюркизации аборигенного населения Зауралья.

Еще одним элементом, демонстрирующим процессы внедрения тюркской культуры, являются категории вещевого инвентаря, который можно разделить на местный, изготовленный на территории Зауралья и Западной Сибири, а также привнесенный, который соотносится с древностями кочевых культур степной полосы развитого Средневековья. К последним можно отнести элементы поясных гарнитур, некоторые виды вооружения, конской упряжи. Вследствие обширности данного вопроса мы не будем подробно останавливаться на категориях инвентаря, а всего лишь отметим, в каких комплексах фиксируются «импортные» вещи.

Прежде всего, стоит обратиться к грунтовому могильнику Вак-Кур, где в

большинстве погребений найдены элементы поясных гарнитур, аналогии которым обнаружены на Алтае, Южной Сибири и Южном Урале [Турова, 2016, с. 70]. Вооружение, состоящее преимущественно из наконечников стрел и сабель, также, по мнению А. А. Адамова и Н. П. Туровой, происходит с территории Алтая и Южной Сибири, в частности, из комплексов сrostкинской культуры [Адамов и др., 2017]. Маркером, подтверждающим значимость лошади в повседневной и духовной жизни, является конская упряжь. Так, во многих захоронениях могильника Вак-Кур в виде сопроводительного инвентаря встречены: уздечки, стремяна и удила, аналогии которым широко распространены на территории Евразийских степей этого времени. Детали конской сбруи также встречены в погребениях могильников Пылаевский и Медный Борок.

Следующим комплексом, отражающим процессы тесных связей между аборигенным и тюркоязычным населением, является святилище Песьянка-1 [Матвеева и др., 1994, с. 144–148], в культурном слое которого обнаружено большое количество разнообразного инвентаря, в том числе и импортного происхождения. К нему мы можем отнести большую часть вооружения, находящего сходство с материалами Южной Сибири и Алтая, а также монету – дирхем середины X в., и некоторые предметы культа, к которым можно отнести фрагменты серебряного Сасанидского блюда [Там же, с. 147], а также серебряную бляху с изображением сокольника. Данные артефакты, видимо, были привнесены посредством торговли со степным населением в аборигенную среду, где они использовались не по прямому назначению, а скорее всего, исключительно в ритуальных целях.

В итоге, к началу X в. на территорию лесостепи с севера и северо-запада продвигаются носители юдинской культуры, расселяясь на ранее занятых бакальским населением поселках. Одновременно с этим в лесостепь с юга проникают отдельные группы кочевников, которые исследователи связывают с кимако-кипчакским населением. Таким образом, складывается ситуация, при которой на одной территории размещались разнокультурные коллективы. Стоит отметить, что, по сравнению с началом развитого Средневековья, вдвое возрастает количество укрепленных поселений. По материалам юдинской культуры прослеживается высокое количество предметов вооружения и захоронений воинов. Одновременно с этим в степи появляются курганные могильники с захоронениями воинов-кочевников. Изначально можно предположить, что существовало военное противостояние между оседлым и кочевым населением, а территорию лесостепи рассматривать как зону конфликтов за выгодные пастбищные угодья. Тем не менее анализ фортификации сооружений юдинской культуры не позволяет говорить о серьезных оборонительных линиях, предназначенных для масштабных военных действий, а импортное происхождения оружия юдинского населения говорит о его привнесении из кочевой среды. Таким образом, планомерное продвижение кочевников на территорию лесостепного Зауралья можно соотнести с эпохой развитого Средневековья (IX в.), а уровень взаимодействия «лесного» и кочевого миров, исходя из источников, скорее всего, заключался в

экономических и брачных контактах. В то время как с эпохой раннего Средневековья (VI–VIII вв.) связаны единичные элементы инфильтрации кочевого населения и культуры в лесостепную и подтаежную среду.

1. Адамов А. А., Турова Н. П. Рубяще-колющее оружие юдинской культуры. Тамбов : Грамота, 2017. № 12. Ч. 1. С. 13–15.
2. Зах В. А., Еньшин Д. Н., Рафикова Т. Н., Костомаров В. М., Илюшина В. В. Раннесредневековые комплексы городища Борки-1 в нижнем Приишимье // Человек и север : материалы всероссийской научной конференции. Тюмень : ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 127–132.
3. Зеленков А. С. К вопросу о средневековой периодизации Тоболо-Иртышья // Человек и Север : Антропология, археология, экология : материалы всероссийской научной конференции. Тюмень : ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 96–100.
4. Кайдалов А. И., Сечко Е. А., Боталов С. Г. Городище Усть-Утяк-1 // Археология Южного Урала. Челябинск : Рифей, 2016. С. 59–188.
5. Казаков Е. П. Волжские болгары, угры и финны в X–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань : Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.
6. Костомарова Ю. В. Погребение средневекового времени с Хрипуновского могильника // АВ ORIGINE. Тюмень : Вектор Бук, 2007. Вып. 1. С. 53–63.
7. Маслюженко Д. Н., Шилов С. Н., Хаврин С. В. Раннесредневековый могильник Усть-Суерское-1 в лесостепном Питоболье // АВ ORIGINE. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2011. Вып. 3. С. 72–86.
8. Маслюженко Д. Н. Исследования кургана № 55 средневекового могильника Усть-Терсюк-3 в Нижнем Приисетье в 2012 году // Этнические взаимодействия на Южном Урале : сб. науч. тр. Челябинск : Рифей, 2013. С. 207–211.
9. Матвеева Н. П. Западная Сибирь в эпоху великого переселения народов. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2016. 264 с.
10. Матвеева Н. П., Зеленков А. С., Пластеева Н. А., Третьяков Е. А. Средневековый грунтовый могильник Медный Борк // АВ ORIGINE. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2017. Вып. 9. С. 110–132.
11. Матюшко И. В. Кочевнические культуры Южного Урала (по признакам взаимовстречаемости погребального обряда) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 9. № 2, 2007. С. 512–522.
12. Могильников В. А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М. : Наука, 2002. 362 с.
13. Рафикова Т. Н. Бакальская культура лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья : дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 371 с.
14. Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Археология Западно-Сибирской равнины : учеб. пособие. Новосибирск, 2004. 136 с.
15. Турова Н. П. Коллекция наременной гарнитуры рубежа I–II тыс. н. э. из некрополя юдинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 77–86.

УДК 902.2

**ТЮРКСКИЕ ДРЕВНОСТИ В МАТЕРИАЛАХ ЮДИНСКОГО
МОГИЛЬНИКА ВАК-КУР¹***Н. П. Турова, А. А. Адамов*

Для уточнения вопроса о характере этнокультурных контактов угорского населения и тюрков в южнотаежной зоне Западной Сибири на рубеже I–II тыс. н. э. привлечены материалы самого крупного некрополя юдинской культуры – могильника Вак-Кур, где имеются артефакты тюркского облика: украшения и детали костюма (поясные пряжки и накладки, подвески, застежки, булавки), предметы вооружения (сабли), элементы конской амуниции (удила). Проведен анализ основных черт погребальной обрядности юдинского населения (на материалах могильника Вак-Кур) на предмет наличия элементов, характерных для тюрков Алтая и юга Западной Сибири, показавший отсутствие общих черт, которые бы свидетельствовали об этнических контактах населения в форме брачно-семейных отношений. Сделан вывод о торгово-обменном характере этнокультурных связей с тюрками Верхнего Приобья, Алтая, Верхнего Прииртышья, оказавших значительное влияние на материальную культуру угорского населения Нижнего Приобья.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Нижнее Приобье, грунтовый могильник Вак-Кур, эпоха Средневековья, юдинская культура, сrostкинская культура, угры, тюрки.

**TURKIC ANCIENTRIES IN MATERIALS OF VAK-KUR
BURIAL GROUND OF YUDINSKY CULTURE***N. P. Turova, A. A. Adamov*

To clarify the nature of ethnocultural contacts of the Ugrian population and the Turks in the southern taiga zone of Western Siberia at the turn of I-II millennium AD, materials of the largest necropolis of the Yudinsky culture – burial ground Vak-Kur – were considered. The materials of this necropolis include artifacts of the Turkic appearance: ornaments and costume details (belt buckles and cover plates, charms, fasteners, pins), weapons (sabers), and horse ammunition elements (bits). The

© Турова Н. П., Адамов А. А., 2019

¹Исследование выполнено в рамках темы ФНИ № 0408-2018-0001 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н. э. – II тыс. н. э.)».

analysis of the main features of burial rites of the Yudinsky population was performed (based on the materials of the Vak-Kur burial ground) for the presence of ritual elements typical of the Altai Turks and the Turks of southern part of Western Siberia; it showed the absence of common features that would indicate the ethnic contacts of the population in the form of marriage relationship. The conclusion was reached about the trade and exchange nature of ethnocultural ties with the Turks of the High Ob Basin, Altai, and High Irtysh Basin. These relations have had a significant impact on the material culture of the Ugrian population of the Low Tobol Basin.

Keywords: Western Siberia, the Low Tobol basin, burial ground Vak-Kur, the Middle Ages, Yudinsky culture, Srostkinsky culture, the Ugrians, the Turks.

Актуальность вопроса о времени тюркизации средневекового населения Прииртышья заставляет уделять пристальное внимание анализу данных, полученных из некрополей рубежа I–II тыс. н. э. Именно в материалах погребальных комплексов обычно достаточно хорошо фиксируются следы этнокультурных контактов в виде археологически фиксируемых элементов погребальной обрядности и/или предметного комплекса. Ценным источником для прояснения данного вопроса является грунтовый могильник Вак-Кур, в материалах которого фиксируются южные реминисценции, связанные с тюркским миром.

Цель данного исследования – определение характера и степени взаимодействия угорского и тюркского населения. Задачи – вычленение из коллекции могильника Вак-Кур находок, связанных с материальной культурой тюркского населения, а также анализ погребальной обрядности могильника на предмет наличия элементов, характерных для кочевников Алтая и юга Западной Сибири.

Некрополь находится в Ярковском районе Тюменской области, на правом берегу р. Tobol. Могильник исследован шестью раскопами общей площадью около 1650 кв. м, на которых исследовано 220 погребений [Адамов, 2003; Зах, Чикунова, 2010]. По керамическому комплексу со шнуровой орнаментацией некрополь был отнесен исследователями к юдинской археологической культуре, которую многие ученые связывают с этногенезом манси [Викторова, 1968, с. 252–256; Могильников, 1987, с. 175]. Датируется могильник Вак-Кур X–XI вв. н. э. [Адамов, 2003, с. 249]. На площади всех шести раскопов некрополя были выявлены разнообразные категории погребального инвентаря, находящие аналогии в синхронных тюркских памятниках.

Значительное количество изделий тюркского облика имеется среди деталей наременной гарнитуры (пряжки, накладки) могильника Вак-Кур [Турова, 2016]. Из 23 пряжек, выявленных при раскопках [Там же, рис. 3], подавляющее количество (15 экз.) представлено изделиями, характерными для памятников Верхнего Приобья и Южной Сибири:

- бронзовые щитковые пряжки (11 экз., рис. 1: 1, 7) с лировидной фестончатой или гладкой рамкой, выступающим носиком и с выступами – «усиками» на щитке характерны для сrostкинской культуры Верхней Оби; аналогичные из-

деля обнаружены в курганных могильниках Ближние Елбаны V, VIII, датированных IX–X вв. [Грязнов, 1956, табл. LIV: 1; LV: 18; LVII: 15], в погребениях кочевников Алтая IX–XI вв. [Могильников, 2002, рис. 57: 9; 85, 10; 111: 5];

- бронзовые щитковые непрорезные пряжки (2 экз., рис. 1: 8) [Турова, 2016, рис. 3: 15–16]; щиток в виде плоской пластины с невысокими бортиками, которая крепилась к ремню с помощью штифтов; аналогии имеются в погребениях кочевников Алтая IX–XI вв. [Могильников, 2002, рис. 25: 7, 9; 69: 13; 85: 3; 116: 2; 215: 24], в сrostкинских курганах Верхней Оби IX–X вв. [Грязнов, 1956, табл. LVII: 14].

Часть наременных накладок (рис. 1: 2–5, 6, 9, 10) также можно связать с тюрками Алтая или Прииртышья: бронзовые сердцевидные и квадратные накладки с растительным орнаментом, а также накладки с отростком-выступом.

Находками из категории украшений, имеющими классический тюркский облик, являются ажурные подвески с петелькой для привешивания (11 экз., как целые изделия, так и в виде фрагментов). На трех подвесках имеется изображение композиции из двух профилированных птиц, расположенных в зеркальной симметрии относительно центральной оси изделия. Подобные подвески с орнитоморфными изображениями или без них характерны для сrostкинских памятников X–XI вв. Верхней Оби [Дульзон, 1947, табл. 72: 211; Грязнов, 1956, табл. LV: 8–11; Адамов, 2000, с. 195, рис. 48: 9–12; 9]. Шесть ажурных подвесок из могильника Вак-Кур практически идентичны изделиям, выявленным в сrostкинских погребениях (детских) на Верхней Оби: подвеска с изображением пары птиц (рис. 1: 12) находит аналогии среди материалов курганного могильника Ближние Елбаны VIII [Грязнов, 1956, табл. LV: 10–11], а еще пять ажурных подвесок (рис. 1: 13) – среди материалов грунтового могильника Крохалевка 13 [Троицкая и др., 2012, с. 73, рис. 38: 5]. Происхождение и этническая принадлежность ажурных подвесок рассматривались Д. Г. Савиновым [Савинов, 1979, с. 53–72], который связывал происхождение ажурного литья, характерного для сrostкинской культуры, от ажурных изделий таштыкской культуры и считал, что оно характерно для северных районов сrostкинской культуры, кыпчакских по своему составу [Там же, с. 56].

Ажурные бляхи-застежки (6 экз.). Парных изделий не найдено. Подобные застежки бытовали у сrostкинского населения Новосибирского Приобья [Адамов, 2000, с. 106, рис. 34: 3], Томского Приобья [Дульзон, 1947, табл. 30: 28; табл. 33: 16, 67; табл. 50: 58, 66], у кочевников Верхнего Прииртышья [Археологические памятники, 1987, с. 143, рис. 74: 11, 12; с. 202, рис. 102: 5–8].

Булавки (2 экз., из железа и бронзы) [Турова, 2015а, с. 7, рис. 1]. Подобные изделия из разных материалов также встречаются в материалах со средневековых южносибирских памятников древних хакасов [Кызласов, 1977], кочевников Верхнего

Прииртышья [Археологические памятники... , 1987, с. 232, рис. 113: 7], в сrostкинских памятниках X–XI вв. Верхней Оби [Адамов, 2000, с. 52, рис. 6: 1, 2].

На площади могильника Вак-Кур обнаружено шестнадцать пар колец диаметром от 2 до 5,5 см (2 пары – с подвесками), изготовленных из тонкой медной проволоки (рис. 1, 11, 14, 15). Своеобразная мода на круглопроволочные кольчатые серьги/височные подвески, возможно, также появляется у юдинского населения под влиянием тюрок, в среде которых такие изделия были достаточно популярны.

Крючки от поножей (деталь от набедренных ремней, использовавшихся для удержания высоких голенищ сапог) [Савинов, 1979; Адамов, 1991]. Обнаружено две пары крюков: железные и бронзовые (рис. 1: 17–18). Подобные приспособления имеются среди предмонгольских древностей Тувы и в сrostкинских некрополях X–XIV вв. Новосибирского Приобья [Адамов, 2000, с. 57–59, рис. 35: 4, 5; 37: 10; 41: 4, 5; 42: 7, 8; 49: 5, 6; 82: 5, 6; 84: 10], в погребениях Басандайского [Дульзон, 1947, табл. 33: 59б, 78, 83] и Еловского [Мающенко, Старцева, 1970] могильников.

Среди деталей конской амуниции имеется 2 экземпляра железных удил с двумя перевитыми кольцами на внешних концах звеньев (так называемые восьмерковидные удила) [Турова, 2015б, с. 176, рис. 1: 10–11].

Одно изделие [Турова, 2015б, с. 176, рис. 1: 10] укомплектовано S-видными псалиями, крепившимися к внутренней петле «восьмерки», а также поводными кольцами во внешней петле. S-видные псалии снабжены П-образной пластиной-петлей, служащей для крепления ремней оголовья. Удила, аналогичные данному варианту, встречаются в погребениях кочевников Алтая IX–XI вв. [Могильников, 2002, с. 344, рис. 208: 2, 9, 12, 16].

Восьмерковидные удила (зачастую укомплектованные S-видными псалиями) встречаются в IX–X вв. у кочевников Верхнего Прииртышья [Археологические памятники... , 1987, с. 148, рис. 77, 8; с. 211, рис. 105, 25, 26], в погребениях кочевников Алтая IX–XI вв. [Могильников, 2002, с. 344, рис. 208: 2, 9, 12, 16], в IX–X вв. в Западном Забайкалье [Степи Евразии... , 1981, с. 147, рис. 35: 13], в культурах Южной Сибири – чаатас (VI–IX вв.) и тюхтятской (IX–X вв.) [Там же, с. 136, рис. 28: 17; с. 144, 33: 28], у сrostкинских племен Верхней Оби в X в. [Там же, с. 135, рис. 27: 64, 65], в IX–X вв. среди древностей кимаков Верхнего и Среднего Прииртышья [Там же, с. 132, рис. 26: 19, 20], в материалах из памятников кочевников Казахстана и Средней Азии [Там же, с. 124, рис. 20: 41].

Среди находок, относящихся к комплексу вооружения, в материалах могильника имеются три короткие и малые слабоизогнутые сабли; близкие им аналогии известны среди сrostкинских и кимакских древностей [Адамов, Турова, 2017, с. 13, рис. 1].

Итак, бесспорным является факт наличия значительного пласта тюркских

древностей в материалах могильника Вак-Кур, свидетельствующего о взаимодействии угорского и тюркского населения. Для прояснения вопроса о том, является ли это следствием прямых этнокультурных контактов с тюркским населением (совместного проживания населения, предполагающего форму брачно-семейных отношений), в результате которых было бы неизбежно появление смешанных погребальных комплексов, необходим анализ погребальной обрядности и керамической коллекции могильника.

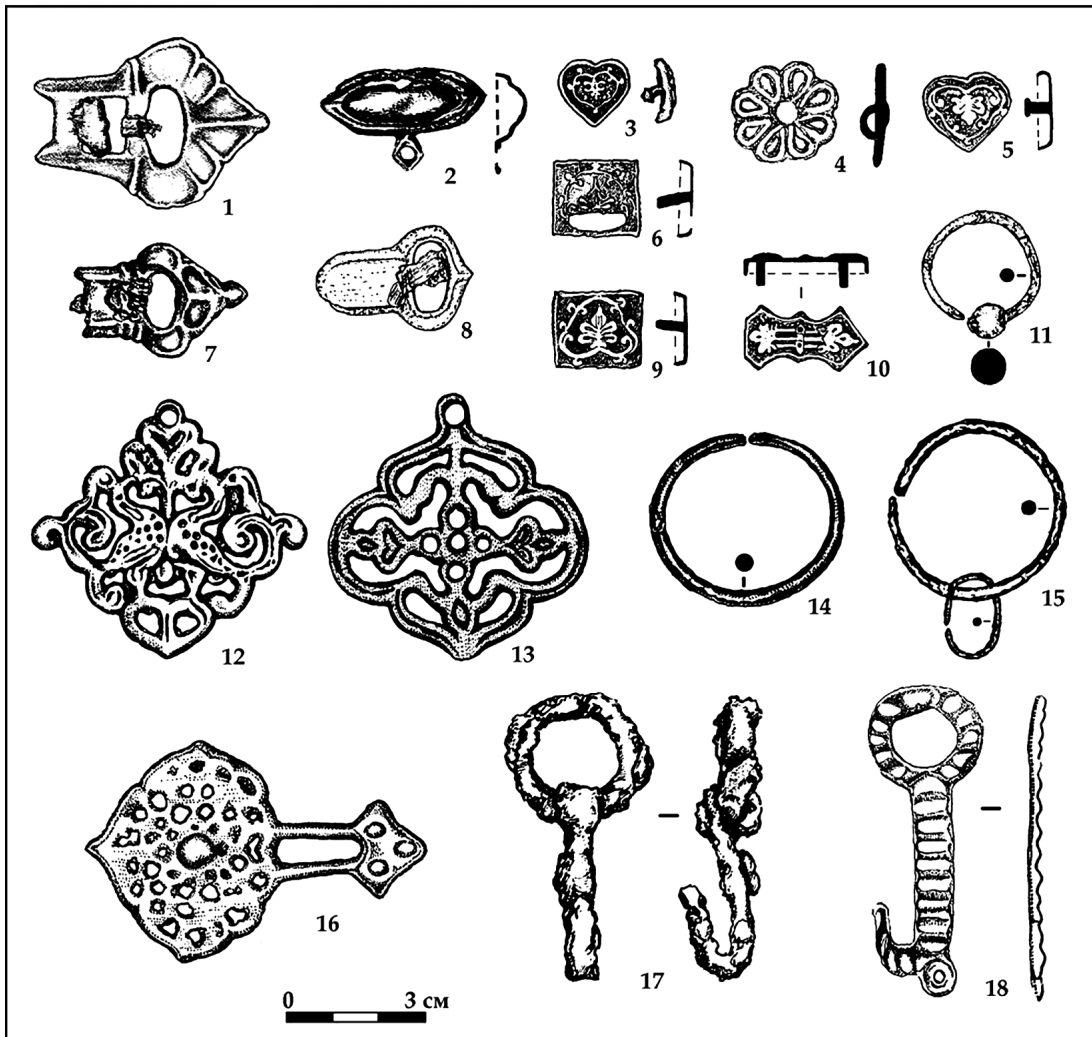

Рис. 1. Могильник Вак-Кур. Погребальный инвентарь.
Материал: 17 – железо; остальное – бронза

Для решения вопроса о характере взаимодействия угорского и тюркского населения проведем сравнение черт погребальной обрядности юдинского населения, фиксируемых в материалах могильника Вак-Кур, а также их южных соседей-тюрков.

Основные черты погребально-поминальной обрядности юдинского населения следующие: умерших хоронили в неглубоких ямах по обряду ингумации, на спине, головой в западном направлении; погребения преимущественно одиночные; встречаются парные (взрослый и ребенок), а также коллективные (трое взрослых) и вторичные; характерной особенностью погребальной обрядности является тотальное, за исключением нескольких детских погребений, нарушение анатомической целостности преимущественно верхней части костяка в ходе практиковавшегося юдинским населением своеобразного постпогребального обряда, видимым результатом которого является разрушение могилы с выбрасыванием костных останков и инвентаря [Турова, 2015в]; использование погребальных лицевых покрытий [Турова, 2005]; поломка части погребального инвентаря [Турова, 2010]; керамические сосуды присутствуют практически во всех погребениях. Для тюрков Верхнего Прииртышья, Алтая, Верхнего Приобья были характерны захоронения под курганами (по обряду ингумации или кремации); погребенного укладывали головой в восточном направлении; имеются захоронения в сопровождении коня (или его чучела); керамические сосуды присутствуют не в каждом погребении.

Таким образом, для могильника Вак-Кур можно отметить отсутствие археологически фиксируемых черт погребальной обрядности, характерных для тюркского населения Нижнего Прииртышья, Алтая, Нижнего Приобья. Нет следов их присутствия и в облике керамической коллекции могильника Вак-Кур: керамика тонкостенная, круглодонная, декорирована шнуровыми оттисками, фигурными штампами, гребенкой, пояском ямочных вдавлений по венчику, т. е. имеет классический юдинский облик [Турова, 2018, рис. 1–2].

Итак, приведенные данные указывают на отсутствие этнических контактов в форме брачно-семейных отношений между угорским и тюркским населением (об этом ярко свидетельствуют черты погребальной обрядности и облик керамической коллекции могильника Вак-Кур). Контакты с кочевниками Верхнего Прииртышья и Верхнего Приобья, от которых к юдинцам попадали разнообразные изделия из железа и бронзы, скорее всего, носили торгово-обменный характер. Результатом этих процессов стало значительное влияние тюрков на материальную культуру юдинцев. Поэтому нет оснований говорить о тюркизации юдинского населения в конце I – нач. II тыс. н. э., можно лишь отметить некоторое влияние тюркской культуры на материальную культуру угорского населения Нижнего Приобья.

1. Адамов А. А. О назначении парных крючков из погребений первой половины II тыс. н. э. лесостепного Приобья // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень : ТюмГУ, 1991. С. 164–168.

2. Адамов А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск ; Омск : ОмГПУ, 2000. 256 с.
3. Адамов А. А. Исследования на грунтовом могильнике Вак-Кур в Притоболье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 248–249.
4. Адамов А. А., Турова Н. П. Рубяще-колющее оружие юдинской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 12 (86): в 4 ч. Ч. 1. С. 13–15.
5. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. 280 с.
6. Викторова В. Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. // Труды Камской археологической экспедиции. Пермь, 1968. Вып. IV. Ученые записки Пермского государственного университета № 191. С. 240–256.
7. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР. М. ; Л., 1956. № 48. 163 с.
8. Дульзон А. П. Дневник раскопок курганного могильника на Басандайке // Труды ТГУ. Т. 98; Труды ТГПИ. Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947. С. 65–148.
9. Зах В. А., Чикунова И. Ю. Средневековый могильник Вак-Кур (по материалам 1986, 1987 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. №1 (12). С. 107–118.
10. Кызласов И. Л. Булавки древних хакасов // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977. Вып. 9. С. 87–104.
11. Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // Свод археологических источников. М., 1983. Вып. E3-18. 128 с.
12. Матющенко В. И., Старцева Л. М. Еловский курганный могильник I эпохи железа // Труды ТГУ. Вопросы истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. Т. 206, вып. 5. С. 152–174.
13. Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М. : Наука, 1987. С. 163–235.
14. Могильников В. А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М. : Наука, 2002. 362 с.
15. Савинов Д. Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 53–72.
16. Степи Евразии в эпоху Средневековья. М. : Наука, 1981. 304 с.
17. Троицкая Т. Н., Сумин В. А., Адамов А. А. Древности Кудряшовского Бора: Крохалевка-13 – комплекс археологических памятников. Новосибирск : Ярус, 2012. 76 с.
18. Турова Н. П. Погребальные лицевые покрытия могильника Вак-Кур // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий : материалы XIII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2005. С. 215–217.
19. Турова Н. П. Преднамеренная порча погребального инвентаря в среде юдинского населения // Тобольск научный – 2010 : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Тобольск, Россия, 12–13 ноября 2010 г.). Тобольск : Полиграфист, 2010. С. 123–125.

20. Турова Н. П. Булавки юдинского могильника Вак-Кур // Сборник статей Всероссийской научно-практической конференция с международным участием «Миллеровские чтения – 2015». Нижневартовск, 2015а. С. 5–7.

21. Турова Н. П. Детали конской амуниции из юдинского некрополя рубежа I–II тыс. н. э. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015б. № 12 (62): в 4 ч. Ч. III. С. 175–178.

22. Турова Н. П. Проблемы интерпретации нарушенных захоронений юдинского могильника Вак-Кур // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015в. № 10 (60): в 3 ч. Ч. II. С. 191–193.

23. Турова Н. П. Коллекция наременной гарнитуры рубежа I–II тыс. н. э. из некрополя юдинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 2 (33). С. 63–76.

УДК 902.01

ГОРОДИЩЕ КАЛИНКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА БАРСОВОЙ ГОРЕ

Ю. П. Чемякин

Публикуются материалы городища Барсов Городок III/4 калинкинской культуры, раскопанного в урочище Барсова Гора около Сургута. Характеризуются постройки и керамика, найденные на городище. Калинкинская культура – наименее изученная из древностей раннего железного века в Сургутском Приобье. Ее происхождение связывают с миграцией из более южных регионов. Об этом свидетельствуют орнаментация на сосудах, планировка поселений, а также кости лошади, найденные на некоторых поселениях. Датировка культуры основана на стратиграфических наблюдениях. Она относится к предкулайскому (белоярско-васюганскому) этапу, или к VI–IV вв. до н. э.

Ключевые слова: ранний железный век, калинкинская культура, Сургутское Приобье.

THE SETTLEMENT OF THE KALINKINSKAYA CULTURE AT BARSOVA GORA

Yu. P. Chemyakin

This article covers findings from the ancient settlement of Barsov gorodok III/4 of Kalinkinskaya culture, excavated on the Barsova gora near Surgut. It describes buildings and pottery found within this settlement. Kalinkinskaya culture is the least studied among the antiquities of the early Iron Age in the Surgut-Ob region. Its origin is associated with migration from the southern territories. This is evidenced by the layout of settlements, as well as the decorative patterns on the pottery and horse bones, found in some of the settlements. The dating of Kalinkinskaya culture time period is based on stratigraphic observations. It belongs to the pre-Kulai culture (Beloyarsko-Vasjugansky) period of time – VI–IV centuries BC.

Keywords: The Early Iron Age, Kalinkinskaya culture, Surgut Ob region.

В 1971 г., в связи со строительством железнодорожного моста через р. Обь, начались спасательные работы уральских археологов на Барсовой Горе, продол-

жавшиеся более 35 лет. К тому времени Сургутское Приобье было практически белым пятном на археологической карте страны. Но 4 года интенсивных раскопок позволили наметить эволюцию культур в конце бронзового – раннем железном веках. Были выдвинуты две гипотезы культурогенеза в регионе. Согласно одной, здесь примерно за полторы тысячи лет сменились четыре генетически связанные друг с другом группы памятников – 1–3 и 5, и несколько особняком стоят памятники 4-й группы, даже не упомянутые в последней работе автора гипотезы [Елькина, 1977; она же, 1981]. Согласно другой, в указанный период в Сургутском Приобье фиксируются две волны миграций: одна – в позднем бронзовом веке, связанная с племенами атлымской культуры (2-я группа памятников, по М. В. Елькиной), вторая – в эпоху раннего железа, с калинkinской культурой (памятники 4-й группы) [Чемякин, 1975, 1989, 2008; Чемякин, Коротаяев, 1976].

Происхождение, исходная территория памятников 4-й группы, или калинkinской культуры, до сих пор неясны. Однако ее характеристики не находят корней в местных культурах. Это и специфическая (линейная) планировка поселений, и своеобразная орнаментация посуды (расположенные в шахматном порядке оттиски гладкого или гребенчатого штампов, жемчужины в «разделительных» поясах). Некоторое сходство с последней имеет керамика Нововасюганского поселения [Кирюшин, 1975]. Этот факт, а также находки костей лошади на ряде селищ позволяют предполагать южное (юго-восточное?) происхождение калинkinской культуры.

Первые памятники этой культуры были открыты в урочище Барсова Гора на правом берегу р. Оби в 7 км к западу от г. Сургута в 1971 г. Сегодня на Барсовой Горе известно 26 поселений и местонахождений (12 городищ) из 48, выявленных в Ханты-Мансийском автономном округе. Правда, на многослойных памятниках не всегда ясно, в какой период были возведены оборонительные сооружения и можно ли их связывать именно с калинkinскими древностями. Собственно калинkinскими в урочище можно считать шесть городищ. Еще три городища и семь селищ выявлены на берегу Кучиминского Сора в окрестностях д. Сайгатина. Отдельные памятники обнаружены на озере Нум-то, на Тромъегане в районе заброшенной д. Ермаково, на левобережье Оби на Соровских озерах. Близкий калинkinским по орнаментации сосуд происходит с Няксимволя (бассейн Северной Сосьвы). К настоящему времени полностью или частично раскопано более 50 объектов калинkinской культуры (в том числе 42–45 – на Барсовой Горе), около 20 из них – на городищах. Однако опубликованы в разной степени лишь 6 памятников. Поэтому ввод в научный оборот каждого нового памятника будет способствовать решению проблем культуро- и этногенеза в регионе.

Городище Барсов Городок III/4 было открыто и исследовано М. В. Елькиной в 1973 г. на территории временного поселка Мостоотряда-29 (соврем. пос. Барсово) [Елькина, 1974, с. 17–20]. Оно находилось на ровном залесенном участке в 350 м от края берега протоки Утоплой, высота которого здесь 32 м. Имело

прямоугольную форму, площадь 440 кв. м (25×19 м). Было окружено рвом шириной 1 м, глубиной 0,3–0,5 м и валом шириной 2–2,5 м и высотой 0,2–0,3 м. На внутренней площадке наблюдались две овальные приподнятые площадки (9×8 м), примыкавшие друг к другу и окруженные канавками (рис. 1). Последние по размерам, форме и заполнению аналогичны рву городища. К 1973 г. оно оказалось сильно разрушенным при строительстве поселка: южная часть памятника была срыта бульдозером до материка, северная изрыта частично и засыпана строительным мусором. Выход, возможно, находился с юго-западной стороны, где вместо сплошного рва зафиксированы две ямы и неуглубленное пространство вокруг них (рис. 1).

Раскоп площадью 288 кв. м был заложен на наиболее сохранившейся северо-западной части памятника и ориентирован по центральной оси городища, по

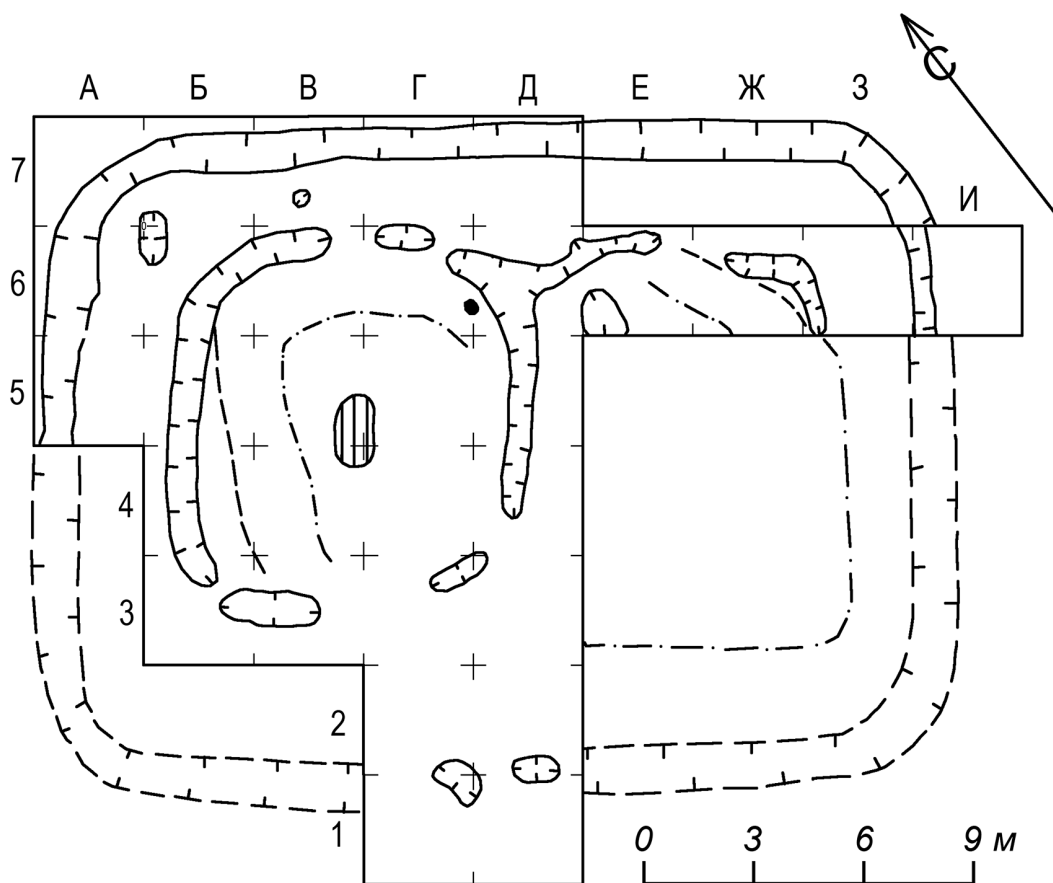

Рис. 1. Городище Барсов Городок III/4.
План раскопа

линии СЗ–ЮВ. Он захватил ров, вал и часть внутренней площадки. Полностью раскопано северное сооружение, южное было разрушено, и в раскоп вошла лишь его восточная часть. Раскопки производились горизонтами по 5–10 см с последующей зачисткой и фиксацией культурных остатков в плане и профиле. Стратиграфия памятника: современный подзол (серый или белый выщелоченный песок) мощностью 5–10 см; культурный слой – серая супесь, отмечена в заполнении некоторых ям; погребенная почва (подзол) – серовато-белый песок, часто с вкраплениями угольков, толщиной 5–15 см; желтый переотложенный песок, которым были сложены обваловки жилищ и вал; материк – песок желтого цвета. В раскопе встречены также прокалы красного цвета и очажный слой – линзы бурой гумусированной супеси с вкраплениями пережженных косточек и угольков. Средняя мощность культурного слоя составила 0,2–0,6 м.

Ров городища, шириной 1 м, глубиной 0,5–0,65 м от уровня погребенной почвы, в профиле имел параболоидную форму и был заполнен белым или серым выщелоченным песком без находок. С западной стороны городища он прослеживался в виде отдельных ям, представлявших собой наиболее углубленные части канавки, поскольку верх его был срыт бульдозером. Я допускаю, что в действительности ров мог быть глубже, поскольку в первые годы работ в условиях подзолистых почв средней тайги за заполнение котлованов, ям мы нередко принимали клинья подзола, образовавшиеся в последних. Само же заполнение часто имело желтый цвет и почти не отличалось от подстилавшего (материкового) песка. Высота вала, сложенного желтым песком, в пределах раскопа достигала 0,15–0,2 м. Под насыпью расчищена овальная яма наибольшим диаметром 0,44 м, глубиной 16 см, заполненная серым песком без находок.

Жилища были наземные, погребенная почва (пол) зафиксирована на глубине 10–20 см от поверхности. Их форма определяется внешними канавками и ямами и была, вероятно, подпрямоугольной. Размеры построек около 8×7 м. Их стены с внешней стороны присыпались землей из канавок, причем между жилищами канавка была общей. Подобная ситуация зафиксирована и на ряде калинкинских селищ [Чемякин, 2008, рис. 60]. В центре северного сооружения на полу находились остатки очага в виде овальной линзы бурой гумусированной супеси размером 1,75×1,0 м, толщиной 5–20 см. Под ней был прокал мощностью 12 см. В заполнении очага найдены фрагменты керамики. Второе жилище, судя по вскрытой части, было аналогичным. В его северном углу выявлена яма. Выходы из жилищ не фиксировались, но наиболее вероятно, что были с юго-западной стороны, где между валом городища и обваловками построек было небольшое пространство. Здесь же, видимо, был и выход с городища, разрушенный бульдозером. По крайней мере, на зачистке тут зафиксированы две отдельные ямы вместо сплошной канавки (рис. 1). М. В. Елькина предположила наличие частокола, присыпанного песком, на месте вала. О нем якобы свидетельствуют некоторые ямки от столбов под насыпью и незначительные размеры самого вала [Елькина, 1974, с. 20]. На мой взгляд, оснований для реконструкции частокола недостаточ-

но, хотя предполагать, что вал был песчаным, тоже нелепо.

Находки на городище в основном представлены фрагментами керамики и несколькими обломками от тиглей. Всего обнаружено 288 фрагментов от 16 сосудов (14 венчиков, из которых три очень маленькие). Среди них чашевидные (с прямыми и отогнутыми наружу стенками) емкости и слабо профилированные горшковидные. Венчики плоские прямые (4 экз.), слабо расширяющиеся наружу (4 экз.) и в обе стороны (2 экз.), с внешним карнизиком (1 экз.), округлый (1 экз.) и плоские скошенные внутрь (2 экз.). Все они украшены наклонными влево отпечатками гребенчатого (6 экз.) или гладкого (7 экз.) штампов, лишь один венчик орнаментирован гребенчатым зигзагом. Диаметры удалось измерить у 6 сосудов. Они колебались от 16 до 33 см, средний диаметр 23,2 см. Наружная поверхность вверху, под орнаментом, хорошо заглажена. Ниже и с внутренней стороны обычны штрихи или расчесы от щепы, редко поверхность гладкая. Основной примесью к глине является шамот (6 экз.), часто с включениями красной крошки (охры? – 10 экз.).

Орнамент покрывал верхнюю треть сосудов (шейку, плечико и, иногда, верхнюю часть тулова). Доминируют отпечатки разных вариантов гладкого штампа, присутствующие на 12 сосудах из 14, на которых сохранился узор (85,7 % емкостей, 86,9 % орнаментов). Гребенчатым штампом украшены фрагменты 2 сосудов (14,3 %, и 13,1 % орнаментов).

Композиции образованы горизонтальными поясками разнонаклонных оттисков штампов (на 14 сосудах и их фрагментах насчитывается 38 поясков = 100 %). Преобладают пояски вертикальных оттисков гладкого штампа – 50,0 % всех орнаментов (присутствуют на 8 сосудах) (рис. 2: 1–6, 9–13). Оригинальны пояски из горизонтальных оттисков гладкого штампа, расположенных в шахматном порядке (29,0 %, сохранились на 8 сосудах). Эти пояски, часто расположенные между рядами вертикальных или наклонных оттисков, определяют своеобразие калинкинской посуды (рис. 2: 1, 2, 6, 9–13). Близки им наклонные колонки из 3–4 горизонтальных или слегка наклонных оттисков гладкого штампа (вместе 5,2 % – рис. 2: 5, 15). Пояски левонаклонных оттисков составляют 10,6 %, правонаклонных оттисков – 5,2 %, выполнены в основном гребенчатым штампом.

Разделительный поясок, находящийся в основании шейки или на перегибе профилированного плечика, сохранился на 13 сосудах. Он представляет собой горизонтальный ряд из ямок (1 сосуд = 7,7 %), жемчужин (6,5 сосудов = 50,0 %) или их комбинации в шахматном порядке (5,5 сосудов = 42,3 %). Отмечу, что ряды жемчужин на керамике предшествующих культур и одновременной белоярской очень редки, в то время как на калинкинской они образуют более половины (до двух третей) разделительных поясков.

Калинкинскую керамику отличают также наличие на ряде емкостей неорнаментированной зоны под венчиком (рис. 2: 1, 4, 11, 13), до разделительного пояска, и аналогичной зоны под ним (рис. 2: 1, 2, 4–11, 13, 15). В настоящей коллекции один горшковидный сосуд по форме, а отчасти и по орнаментации близок кот-

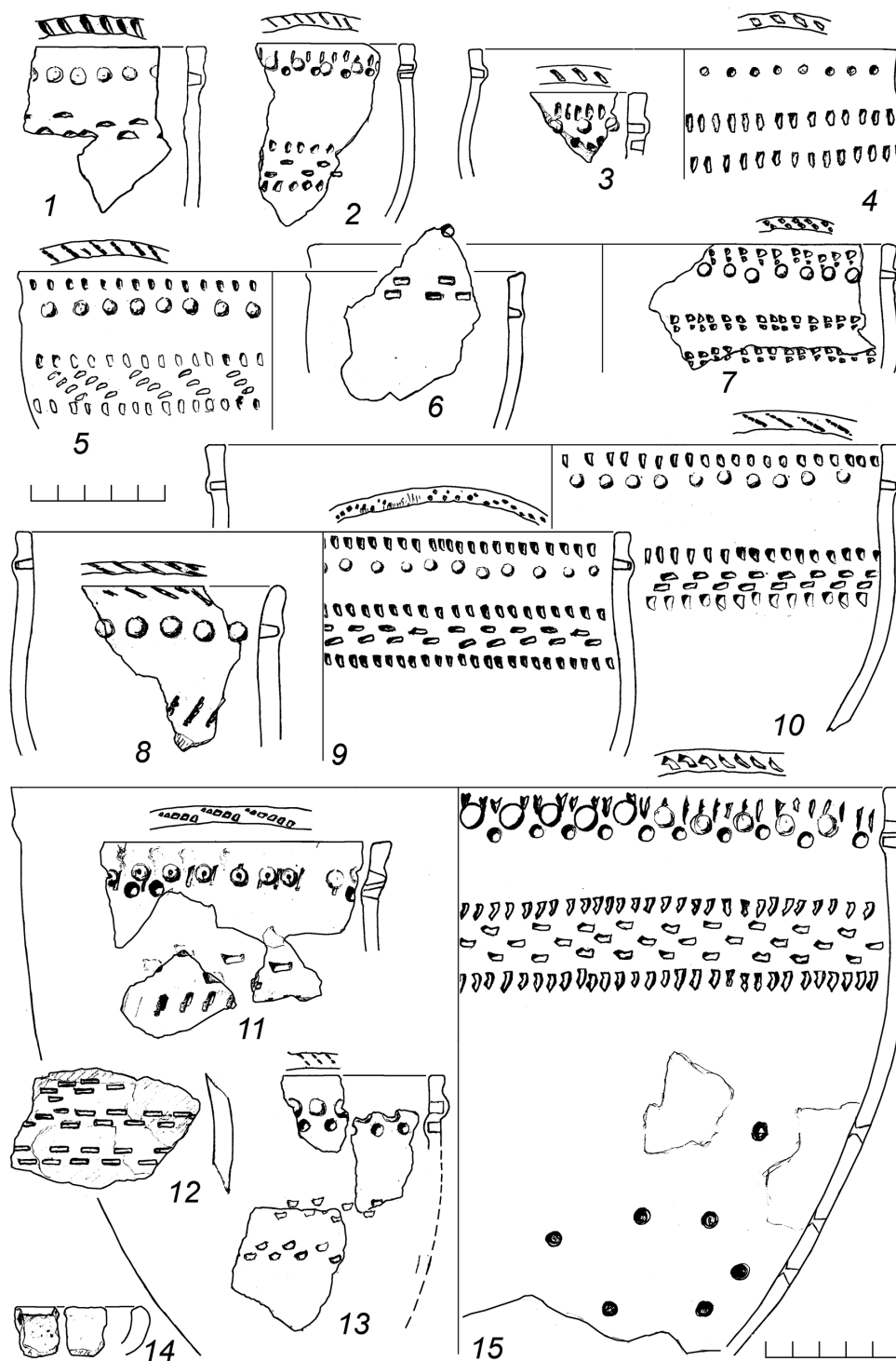

Рис. 2. Городище Барсов Городок III/4: 1–13, 15 – керамика;
14 – фрагмент тигля (глина)

ловидным и горшковидным емкостям белоярской культуры (рис. 2: 4).

Еще один горшок отличается округлым венчиком, не характерным для калинкинской посуды (рис. 2: 8). Интересен типичный калинкинский сосуд, в нижней части которого были просверлены сквозные отверстия (рис. 2: 15). Он вызывает некоторые ассоциации с посудой скотоводов, предназначенной для получения творога. Напомню, что племена этой культуры были знакомы с лошадью. Однако сосуд с отверстиями мог использоваться и для других целей.

В общем же публикуемый комплекс производит впечатление раннего в рамках калинкинской культуры. В нашем представлении, основанном на типологическом сравнении разных коллекций, для ранней посуды более характерны чашевидная форма, прямые и утолщающиеся кверху плоские венчики, преобладание гладкого штампа над коротким гребенчатым в орнаментации, значительная доля поясков из оттисков, расположенных в шахматном порядке, большой процент жемчужин в разделительных поясках. Калинкинская культура датируется в границах предкулайского (белоярско-васюганского) этапа раннего железного века таежного Приобья, или, предварительно, VI–IV вв. до н. э. [Чемякин, 2008, с. 77–78]. Датировка основана на стратиграфических наблюдениях и времени бытования немногочисленных вещей, как правило имеющих широкую дату.

1. Елькина М. В. Отчет о раскопках поселения Барсова гора в Сургутском районе Тюменской области, проведенных в 1973 г. Свердловск, 1974. Архив Института археологии РАН, Р-1, № 5234.

2. Елькина М. В. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1977. С. 104–118.

3. Елькина М. В. О месте сургутских поселений в раннем железном веке лесной зоны Западной Сибири // Вопросы археологии Урала. Свердловск : Изд-во УрГУ, 1981. Вып. 15. С. 109–112.

4. Кирюшин Ю. Ф. Нововасюганское поселение // Из истории Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. Вып. 16. С. 29–48.

5. Чемякин Ю. П. К периодизации раннего железного века в Сургутском Приобье // Новейшие открытия советских археологов: тез. докл. конф. Киев: Изд-во АН СССР, 1975. Ч. II. С. 42–43.

6. Чемякин Ю. П. Сургутское Приобье в эпоху бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск : Изд-во НГПИ, 1989. С. 60–74.

7. Чемякин Ю. П. Барсова Гора : очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут ; Омск : Омский дом печати, 2008. 224 с.

8. Чемякин Ю. П., Коротаев В. П. Многослойное городище Барсов городок I/10 (к периодизации археологических памятников в Сургутском Приобье) // Вопросы археологии Приобья. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 1976. Вып. 1. С. 49–62.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК 297.17(571.1)(001.8)

ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ О СИБИРСКОМ ИСЛАМЕ

Я. Б. Абдуллина

В статье рассматривается тема ислама в Сибири в трудах современных зарубежных исследователей. Представлены основные работы иностранных исследователей о сибирском исламе. Проанализировав работы современных исследователей об истории ислама в Сибири, можно отметить, что эти труды являлись результатом глубокого и цельного изучения с использованием широкого круга источников.

Ключевые слова: история ислама, сибирский ислам, зарубежные исследователи, сибирские бухарцы, Сибирь.

FOREIGN STUDIES OF THE SIBERIAN ISLAM

Ja. B. Abdullina

The article deals with Islam in Siberia in the works of modern researchers. Most of the works of foreign researchers on Siberian Islam were summarized or partially presented. After analyzing the work of modern researchers on the history of Islam in Siberia, it can be noted that the materials were the result of a deep and complete study using a wide range of sources.

Keywords: history of Islam, Siberian Islam, foreign researchers, Siberian Bukharians, Siberia.

Интерес иностранных путешественников, в том числе из Западной Европы, к необъятным территориям и коренным народам региона просматривается начиная с XVI в. Западноевропейские исследователи совершали путешествия в Сибирь и изучали ее, описывали природу и жизнь коренных народов. Огромную роль в жизни населения края сыграл ислам. Религия выполняла культурно-просветительскую миссию и являлась неотъемлемой частью жизни местных народов. Основной целью работы является изучение истории становления и развития ислама в Сибири с широким использованием трудов современных зарубежных авторов.

Рассматривая работы современных исследователей, можно отметить, что тема ислама в Сибири была под запретом для российских ученых по идеологическим причинам в течение длительного времени. В связи с этим целенаправленные исследования сибирского ислама начинаются только в 1990-е гг. XX в.

В трудах зарубежных исследователей о мусульманах Сибири в 1920–1980-е гг. отчетливо просматривалась идеологическая заданность в оценке происходивших процессов, особенно в советский период. Долгое время данная тема не входила в круг интересов научного сообщества, сибирский ислам понимался под общим контекстом экономической, миграционной, религиозной и национальной политики, последовательно осуществляемой в Сибири российским государством в разные периоды истории.

На современном этапе исследования авторов об исламе в Сибири носят системный подход. Ученые стремятся комплексно использовать все имеющиеся письменные источники. Ряд работ, посвященных проблеме распространения ислама, принадлежит перу американского исследователя Аллена Франка. Автор опирается на многочисленные нарративные источники в печатном и рукописном виде, а также на сибирско-татарские легенды, которые представляют собой уникальную повествовательную традицию. В монографиях А. Франка затрагиваются религиозные отношения мусульман на примере крупных бухарских общин, населявших Сибирь и Волго-Уральский регион России (XVII–XIX вв.). Говорится о заметном статусе и роли бухарцев среди мусульман России. По мнению исследователя, бухарские медресе и научная среда оказывали влияние на исламское возрождение, возникшее в России с середины XVIII в. [Frank, 2000, p. 267].

В книге Рафиля Бухараева «Ислам в России: Четыре Сезона», есть глава «Terra Incognita», где автор говорит о том, что сибирские мусульмане, несмотря на свою малочисленность, способствовали поддержанию торговых путей между Сибирью, Китаем и Азией, они оказались незаменимыми в дипломатических отношениях, именно из-за единства веры и сходства культур. Сибирским мусульманам удалось сохранить большую часть торговли с исламским миром на юге, благодаря этой торговле в Сибирь продолжался поток исламских традиций [Bukharaev, 2000, p. 89].

Французский исследователь Стефан Дюдуаньон называет сибирский ислам периферийным и особенным из-за климатических условий. Мусульмане региона, несмотря на климат, продолжали сохранять исламские традиции и самобытность. Подводя промежуточный итог в своем исследовании, ученый констатировал полноценное включение сибирского ислама в мировой исламоведческий процесс, отметив формирование двух подходов к изучению ислама в Сибири – исторического и антропологического, как и наличие двух школ – в Омске (Россия) и в Блумингтоне (Индиана, США). Авторам показалось интересным рассмотреть сибирский ислам в России, чтобы попытаться лучше оценить то, что осуществляло государство в интересах ислама, то, как религия формировала

современное общественное сознание [Dudoignon, 2000, p. 324].

Американский исследователь Кристиан Ноак в работе «Сибирские бухарцы. Мусульманское меньшинство» анализирует деятельность торговых операций сибирских бухарцев, небольшой, но богатой группы центральноазиатского происхождения, которые обеспечивали тесные экономические и культурные связи между Западной Сибирью и исламским миром. В этой статье прослеживается история бухарцев как маленькой и очень «мобильной диаспоры». Учитывая отдаленность Сибири от Центральной России, государственные органы признавали необходимость экономической деятельности небольшой мусульманской элиты и предоставляли им существенные привилегии. Таким образом, бухарцы могли сохранить свой экономический потенциал и свои специфические культурные особенности вплоть до начала XIX в. Сибирские бухарцы зарекомендовали себя как верхний слой в местном мусульманском обществе [Noack, 2000, p. 270].

Эрика Монахан, американская исследовательница, в своей работе рассмотрела положение торговых людей в Сибири, контакты с другими государствами, а также, говоря о людях торговых, автор упоминает сибирских мусульман (в основном, сибирских бухарцев). Анализируя роль ислама в жизни сибирских торговцев, Э. Монахан отмечает, что, несмотря на все попытки государства обращения в православную веру, сибирские мусульмане были нужны, прежде всего, как люди торговые. По мнению автора, сибирские бухарцы были очень широко связаны с миром ислама, они были носителями ислама в Сибири и сохраняли историю своих семейных родословных [Monahan, 2014, p. 369].

Сибирский ислам зарубежные исследователи иногда образно называют «Ислам на краю света». Сегодня Сибирь – это самый северный регион нашей планеты, где ее коренные жители исповедует ислам. Многие ученые определяют несколько этапов становления ислама в Сибири. Сначала это было связано с влиянием Золотой Орды, затем политическими процессами в Сибирском ханстве, и последний этап становления исламской религии – это переселение людей из Поволжья и Средней Азии.

Долгое время данная тема не входила в круг интересов научного сообщества, сибирский ислам находился под объединенным светом истории и антропологии. Роль самого ислама воспринималась в контексте экономической, миграционной, религиозной и национальной политики, последовательно осуществляемой в Сибири российским государством в разные периоды истории.

У зарубежных исследователей существовали представления, что здесь нет местных особенностей исповедания. Сюда переносились «схемы» из знакомого ученым, но иного региона мира. Так и появилось разграничение ислама на «официальный», «народный», «традиционный», «фундаменталистский». Более широкое вовлечение трудов зарубежных авторов в научный оборот при изучении истории ислама в Сибири в современных условиях представляет актуальность исследования, т. к. позволяет раскрыть различные стороны этой проблемы. Кро-

ме того, это поможет выработать грамотную национальную и региональную политику развития на территориях, где живут современные сибирские мусульмане. При этом необходимо исходить из того, что их взгляды, точки зрения содержат немало материалов, способствующих всестороннему изучению, оценке рассматриваемых вопросов. Многие свои работы современные авторы подтверждают объективными документальными архивными, статистическими и другими источниками. Благодаря исследованиям зарубежных авторов эта проблема начинает вызывать научный интерес в России и за рубежом.

-
1. Allen J. Frank. Varieties of Islamization in Inner Asia. The case of the Baraba Tatars // Cahiers du Monde Russe 41:2-3 (2000). P. 256–260.
 2. Bukharaev R. Islam in Russia: the Four Seasons, Curzon Press Ltd, London and St. Martin's Press, New York. 2000.
 3. Dudoignon S. Un Islam Peripherique? Quelques reflexions sur la presse musulmane de Siberie a la veille de la Premiere Guerre mondiale // Cahiers du Monde russe et sovetique. Vol. 41. Avril-Septembre. 2000. 297–340 pp.
 4. Dudoignon S. En islam siberien // Cahiers du monde russe, 41, 2000. Pp. 205–444.
 5. Monahan E. The Merchants of Siberia: Trade in Early Modern Eurasia. Ithaca, NY: Cornell University Press. 2016. 424 p.
 6. Noack Ch. Die Sibirischen Bucharioten. Eine muslimische Minderheit unter russischer Herrschaft // Cahiers du Monde russe et sovetique. Vol. 41. Avril-Septembre. 2000. P. 263–278.

УДК 339.339.7(045)

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КАЗАХСТАНА С РОССИЕЙ В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Ж. Р. Абишева, А. М. Коскеева

Статья посвящена исследованию экономических отношений Казахстана с Россией в конце XVI – начале XVIII в. На основании анализа материалов авторы рассматривают ход формирования торговых связей России с Казахстаном, анализируют торгово-дипломатические отношения и определяют виды товаров, которые имели большой спрос.

Ключевые слова: купец, дипломат, торговля, товары, ярмарка, кожа, ткани.

DEVELOPMENT OF ECONOMIC RELATIONS OF KAZAKHSTAN WITH RUSSIA AT THE END OF XVI – THE FIRST QUARTER OF XVIII CENTURIES

Zh. R. Abisheva, A. M. Koskeeva

Article is devoted to research of economic relations of Kazakhstan with Russia at the end XV – the beginning XVIII centuries. On the basis of the analysis of materials authors considers the course of formation of commercial relations of Russia with Kazakhstan. Authors analyze the trade diplomatic relations and define types of goods which had great demand.

Keywords: kupets, diplomat, trade, goods, fair, skin, fabrics.

В многовековом процессе сближения Казахстана с Россией большую роль сыграло присоединение Западной Сибири к России в конце XVI – начале XVII в., в результате которого пришли в непосредственное соприкосновение с Российским государством северные и восточные территории Казахстана, входившие в состав Среднего жуза. Русско-казахские отношения, неразрывной составной частью которых являлись экономические отношения, прошли в своем развитии три основных этапа: конец XV – 80-е гг. XVI в., 80-е гг. XVI – 30-е гг. XVIII в., 30-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX в. Начало каждого из этапов было связано с переломными моментами во внутренней и внешней жизни России и Казахстана.

О начальном периоде торговых связей России с Казахстаном прямых сви-

детельств нет. Однако можно предположить, что они возникли вместе с дипломатическими отношениями, поскольку в ту эпоху купец и дипломат часто совмещались в одном лице, а сами купцы для лучшего обеспечения своей безопасности в пути нередко присоединялись к дипломатическим посольствам, обычно находившимся под усиленной охраной [Фехнер, 1952, с. 8, 11–12, 59]. Спорадические торговые операции между русскими и казахами могли возникнуть и во время похода князя Федора Курбского Черного и Ивана Салтыка Травнина в 1483 г., в котором принимали участие казахи, и во время посольств Данила Губина (1634–1636), Семена Мельцева (1568–1569), Бориса Доможирова (1577) в Ногайскую орду, в которой также жили казахи и которая находилась в постоянных и разнообразных взаимоотношениях с родным, по определению Чокана Валиханова [Валиханов, 1961, с. 218], Казахским ханством, во время торговых и дипломатических пересылок через казахские степи между среднеазиатскими государствами и Россией, ясно обозначившихся еще в середине XV в. и принявших регулярный характер после взятия Казани и Астрахани. Во время этих официальных дипломатическо-торговых посольств через казахские степи, каковых от Москвы в 1558–1579 гг. было 3, а от среднеазиатских ханств – 11, русские купцы и дипломаты не могли не вступать в торговые связи с казахами хотя бы ради получения от них в обмен на промышленные товары продуктов питания, дорожного снаряжения, лошадей и верблюдов. Русские промышленные товары казахи-скотоводы могли получать и через среднеазиатских и ногайских купцов, большое число которых приезжало в Россию.

С 70-х гг. XVI в. о русско-казахских торгово-дипломатических связях, в силу лучшего сохранения источников этого периода, можно говорить с большей определенностью. В 1573 г. в Казахское ханство к Хакк-Назар-хану (1538–1580) Иваном IV (1533–1584) было направлено посольство во главе с боярским сыном Третьяком Чебуковым через камские владения Григория и Якова Строгановых. Как считали А. Чулошников и другие исследователи [Чулошников, 1932, с. 64], это было, видимо, уже не первое посольство.

Второй этап развития русско-казахских отношений начался с присоединения Западной Сибири к России и завершился уже с началом присоединения Казахстана к России, которая, преодолев разорительные последствия польско-шведской интервенции в начале XVII в., вступила в новый период своей истории, характеризующийся фактическим слиянием всех областей, земель и княжеств в одно экономическое, политическое и культурное целое на базе складывавшегося всероссийского рынка. Россия превращалась в сильное чиновничье-дворянское централизованное абсолютистское государство, раскинувшееся от Балтики до Тихого океана.

Казахстан, в противоположность России, оставался экономически и политически раздробленным, экономически отсталым. В нем господствовало натуральное хозяйство, отсутствовал единый внутренний рынок и устойчивые связи между жузами, кроме того, Казахстан находился под постоянной угрозой быть

поглощенной агрессивной Джунгарией, особенно в «годы великого бедствия» (1723–1727) [История Казахстана, 2002, т. 3, с. 128–130].

В конце XVI – начале XVII в. около соляного озера Ямыш, расположенного на правом берегу Иртыша, возникла знаменитая степная Ямышевская ярмарка, появление которой было непосредственно связано с добычей соли у Ямыш-озера, находящегося в 60 километрах южнее нынешнего г. Павлодара. Первое русское известие о Ямыш-озере находим в наказе 1594 г. о построении города Тары, а именно: «Взять на расход разным людям 70 пудов соли и к тому в прибавку послать из нового города на Таре на озеро Ямыш и велети соль привести на стругах». Упоминания о Ямыш-озере встречаются в Сибирской летописи под 1601 г. [Миллер, 1937, с. 363].

Регулярные соляные и торговые поездки из Тобольска к Ямыш-озеру с 20-х гг. XVII в. совершались на нескольких десятках тяжелых 5-12 саженных казенных и частных дощаников. В документах сообщается, что к моменту отправки каравана из Тобольска к «Ямыш-озеру по соль» подходили по 16 дощаников и 7 ладей с 604 сибирскими служилыми людьми. В 60-70-х гг. XVII в. число уходивших из Тобольска к Ямыш-озеру казенных дощаников возросло до 40. Их сопровождало иногда более 700 человек.

Вместе с соледобытчиками на уходивших из Тобольска (обычно в конце мая – начале июня) дощаниках, собиравшихся почти со всех западносибирских городов, ехали и торговцы на открывавшуюся с 15 августа и длившуюся по две-три недели Ямышевскую ярмарку. Они везли с собой различные российские и иностранные товары: кожи, сукна, холсты, металлические изделия, прутное олово, галантерею, одежду, деревянные изделия, воск, писчую бумагу, осетровый и стерляжий клей.

Среди этих товаров, как видно из дошедших данных за 1640–1655 гг. по Тобольской таможне и за 1675–1691 гг. по Тарской таможне, в 1640–1655 гг. на первом месте были кожи (30,8 % к стоимости всего товара), на втором – сукна (25,8 %), на третьем – металлические изделия (18,4 %), на четвертом – мех выдры (16,6 %) и все прочее составляло менее 9%, а за 1675–1791 гг. удельный вес кож (юфтей) в российском вывозе на Ямышевскую ярмарку поднялся до 75,9 % всей стоимости вывезенного товара. Состав российского вывоза на Восток через Ямышевскую ярмарку был почти идентичен экспорту русских товаров на Восток через Астрахань [Чулошников, 1932, с. 84].

В обмен на эти товары российские купцы получали от прибывших на Ямышевскую ярмарку из Китая, Джунгарии, Бухары, «Колмакии» и Казахстана среднеазиатских купцов, калмыков и казахов китайские, яркендские и бухарские хлопчатобумажные, шелковые и льняные ткани, ревень, бадьян, корицу, чай, хлопчатую бумагу, скот, мерлушки, козлины, овчины, степных лисиц и ясырей.

Среди товаров, ввозимых российскими купцами в Тобольск с Ямышевской ярмарки, основное место принадлежало китайским, турфанским, яркендским и бухарским тканям, на долю которых проходило: в 1668 г. – 85,3 %, 1675 г. – 92 %,

1683 г. – 95,4 %, 1703 г. – 98 %. Среди тканей хлопчатобумажные (китайка, дабы, зендени, выбойки, бязь) превалировали (ежегодно от 78 до 100 %). Остальные товары (пушнина, одежда, хлопчатая бумага, бадьян, посуда, ясыри, скот) занимали во ввозе незначительное место.

О размерах Ямышевского торгова в начале XVIII в. говорят следующие цифры. В 1703 г. на Ямышевской ярмарке торговцами из России и восточными купцами было представлено товаров на 58–62 тыс. руб. Здесь учтены и товары, приобретенные на «товарные деньги», т. е. на деньги, вырученные от продажи ранее обложенных пошлинами товаров. Китайских товаров было привезено на сумму около 20 тыс. руб. В начале XVIII в. таможенные пошлинные сборы Ямышевской ярмарки, собираемые на ней тобольскими целовальниками (около 3 тыс. руб.), почти равнялись таможенным сборам Ирбитской ярмарки (3317 руб.) [Оглоблин, 1904, с. 6].

В 1675 г. русский посланник Н. Спафарий, проезжая через Сибирь в Китай, составил следующее описание Ямышевской ярмарки: «...на тех озерах ежегод ходят из Тобольска и из Томского и из иных сибирских городов по 30 и 40 дощаников по соль, и соль собирают в дощаники из озера самородною в пост Успения Богородицы. И то Ямышево озеро от реки Иртыша с верст 5, а есть исток из Иртыша в озеро. А в то время, как русские (люди) собирают соль из озера, учиница ярморок. И приходят многие тысячи людей калмыки и бухарцы и татары и торгуют с русскими людьми. И они продают лошади и ясырь и иные китайские товары. И держат тот ярморок недели по 2 и по 3, и русские люди, взяв соль и тургуя, возвращаются к Тобольску, а калмыки и прочие – в улусы свои, и то место остается опять пусто» [Путешествие... , 1882, с. 43].

Казахи встречались с сибиряками по торговым делам не только на Ямышевской ярмарке. Сибиряки приезжали с товаром и в сам г. Туркестан. Так, в 1694 г. «вож» посольства Федора Скибина и Матвея Трошина тобольский ясачный татарин Таушко Мерген не только торговал в г. Туркестане, но и «с Бухарцы и Казачьи орды с Татары из Тургистану ходил в Бухарию с товары своими торговать дважды» [Дополнения... , 1867, с. 378–379]. В этом же году Таушко «отпущал из Тургистану в Каракалпаки тобольского Катымгулских юрт татарина Бехметка, назвав человеком своим, с товары своими». Таушко Мерген «и прежде сего», бывая «из Тобольска в Казачью Орду в жожах у торговых бухарцов», не раз приезжал в город Туркестан с торгом. Весной 1692 г. Таушко Мерген с товарищами просили хана Тауке отпустить их с торгом в Бухару. 5 октября 1692 г. казахский хан Тауке (1680–1718) отпустил в Тобольск с посольством своим 15 человек тобольских юртовских татар во главе с Рысь Караваевым, «которые приезжали к Тевкихану (Тауке хан. – прим. авт.) в Ургу торговать с товары своими». В 1694/1695 гг. тобольский юртовский татарин Чока «приходил к Тевкихану из Тобольска с товары своими». В 1695/1696 гг. 6 человек тобольских юртовских татар во главе с Муратом Баки ехали «из Хивы... в Бухары с товары для торгового промысла». В 1697/1698 гг. торговал в городах Туркестане и Бухаре, в Каракал-

пакии и Хиве тобольский татарин посадский человек Мурат Курманов [Дополнения... , 1867, с. 388–389]. Даже этот далеко не полный перечень показывает, какую активную торговую деятельность вели тобольские юртовские татары в Казахской орде, Каракалпакии, Бухаре и Хиве.

Оживленным торговым связям в XVII в. сибирских юртовских татар с казахами способствовали давность торговых и политических сношений Западной Сибири с казахстанскими степями и Средней Азией, единство этнического происхождения татар и казахов. Ведь известно, что кыпчаки, кереиты, найманы, аргыны и другие племена и татары кочевали в одно время по южносибирским и североказахстанским степям и были насельниками одного этнополитического объединения.

Приезжали казахи с торгом и в сибирские города, в том числе в Тобольск. Чаще всего они присоединялись к посольствам. Посольства из Средней Азии в Сибирь проходили через казахские города Туркестан, Сайрам, Карнак, Сузак, Сауран, Сыгнак, Узугент. Даже кружной путь через Поволжье лежал через Казахстан.

Кроме непосредственной торговли с русскими, казахи вели опосредованную торговлю – через бухарцев и других купцов, проходивших через Казахстан с торговыми караванами и получивших на этот проход специальное разрешение от хана Казачьей орды [Дополнения... , 1867, с. 386, 390]. Сами бухарские купцы, проходя с караванами через казахские кочевья, выменивали свои товары на скот, местные продукты скотоводства, изделия домашнего ремесла и сбывали их в Сибири [Ибрагимов, 1958, с. 44–45]. Среди этих товаров могли быть не только продукты собственно казахского скотоводческого хозяйства, промыслов и внутренней торговли, но и приобретенные казахами путем обмена и военных действий.

С развитием в Западной Сибири собственно русского животноводства и промышленной переработки его продукции отпала необходимость в большом ввозе через Тобольск так называемых калмыцких скотоводческо-охотничьих товаров, в состав которых входили и казахские товары. Но ввоз из Калмыкии и Казахстана скота, пушнины, кож, меховых и кожаных, валяных изделий, наполняя Западную Сибирь недостающими товарами, содействовал хозяйственному освоению ее русскими. Одновременно с этим он стимулировал и развитие скотоводческого хозяйства кочевников, увеличение его товарного выхода.

В самом же «восточном» ввозе в Тобольск и Сибирь доминирующее положение на всем протяжении 1639–1703 гг. занимали китайские и бухарские ткани, по сравнению с которыми все остальные товары, в том числе скотоводческо-охотничьи, занимали незначительное место. Однако и во ввозе скотоводческих товаров бухарцы также занимали первое место – 80 % всей ввозимой в Тобольск и Тару в 1637–1698 гг. скотоводческо-охотничьей продукции.

Приезжие бухарцы, а также и россияне, шедшие с ними из Бухары «мимо калмыков степью», привозили в Сибирь, как мы уже видели, не только средне-

азиатские и китайские ремесленные изделия, но и приобретенные по пути следования в Казахстане и Калмыкии меха, кожи, меховые, кожаные и валяные изделия, крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, верблюдов, ясырей [Дополнения... , 1867, с. 375].

В начале XVIII в. это положение вновь рассматривалось в пользу приезжих торговых людей, казахов и бухарцев. В письме сибирского губернатора князя М. П. Гагарина казахскому хану Каипу от 29 ноября 1717 г. говорилось: «Також и вашим людям был бы заказ, чтоб для воровства в сторону царского величества не подъезжали и ссор бы не чинили; и которые ваши люди и бухарцы с вашими людьми к нам с торгом будут, то торг велю дать повольный и безобидный, и пошлины с ваших людей с Казачьей орды и бухарцев брать не велю» [Казахско-русские отношения... , 1961, с. 20]. Здесь важно не только обещание не брать пошлины с казахов и бухарцев, но и то, что «которые ваши людей и бухарцы с вашими людьми к нам с торгом будут». Из этой фразы можно заключить, что в составе приходивших ранее в Сибирь бухарских караванов были и казахские купцы.

Большие льготы предоставлялись и основным российским посредникам в русско-казахской торговле – сибирским юртовским бухарцам. С бухарцев «для их иноземства и за выезд» в Сибирь, в Тобольск по грамотам 1644, 1645, 1649, 1669, 1686 и 1700 гг. не велено «выдельного и пошлинного хлеба и пятые и десятые денег и тягла и обороков имать и с посадскими русскими людьми в тягло писать, и никакими службами утеснять их не велено, и на купленных и зданных и закладных их землях исстари никаких оброков не бывало» [ПСЗ, 1857, т. 4, с. 169]. Только в 1698 г. правительство решилось наложить оброк на бухарские земли, но уже в 1701 г. по ходатайству «бухарской колонии» он был значительно уменьшен [Бахрушин, 1959, т. 4, с. 213–214].

Русское правительство, заинтересованное в развитии русско-казахской торговли, в хозяйственном и в политическом отношениях, создавало для ее развития благоприятные условия: торговые льготы, охрану торговых путей, «береженье и ласку» торговцам-казахам и их посредникам бухарцам и т. д. Россия рассматривала Казахстан не только как торгового партнера, но и как «ключь и врата... ко всем азиатским странам и землям» [Казахско-русские отношения... , 1961, с. 31].

Российско-казахская торговля через Западную Сибирь, как и через Оренбург, была взаимовыгодной и содействовала взаимному сближению России и Казахского государства. С укреплением и развитием русско-казахской торговли создавались необходимые экономические и политические предпосылки для завоевания Казахстана Россией.

-
1. Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1959. 289 с.
 2. Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. В пяти томах. Т. 1. Алма-Ата, 1961. 363 с.
 3. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 10. СПб., 1867. 427 с.
 4. История Казахстана. Т. 3. Алматы, 2002. 768 с.

5. Ибрагимов С. К. Из истории внешнеторговых связей казахов в XVIII в. // Ученые зап. / Ин-т востоковедения. Т. 19. 1958. 381 с.
6. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках. Алма-Ата, 1961. 286 с.
7. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. 449 с.
8. Оглоблин Н. Н. Бытовые черты начала XVII в. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 1. 1904. 204 с.
9. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. СПб., 1882. 198 с.
10. ПСЗРИ. Т. 4. СПб., 1857. 212 с.
11. Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1952. 145 с.
12. Чулошников А. Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI–XVII вв. Л., 1932. 169 с.

УДК 94(47=571)

УРАЛ И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ КАК ЗОНА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

Р. Г. Буканова, Г. Т. Каженова

История Урала и Западной Сибири привлекает внимание исследователей не только в контексте общероссийской истории, но и своими региональными особенностями. Возникшие на данной территории государственные образования играли связующую роль между западной и восточной цивилизациями. В данной статье рассматриваются историко-географические, социальные, политические факторы развития данной территории. Отмечается, что большое влияние на своеобразие образа жизни населения этих мест оказывали природно-климатические условия, которые определяли, в свою очередь, типы и формы материального производства. В составе России в процессе присоединения и освоения территории Урала и Западной Сибири, а также создания административных образований – уездов и губерний, по отношению к которым проводилась дифференцированная политика, исторический процесс в обособленных регионах Среднего Урала, Западной Сибири, Башкирии и Казахстане начинает протекать по-разному. Несмотря на это, Урал и Западная Сибирь и поныне остаются зоной взаимодействия тюркоязычных народов, имеющих устойчивые этнокультурные связи.

Ключевые слова: Урал, Западная Сибирь, сибирские татары, башкиры, казахи.

URAL AND WESTERN SIBERIA AS A ZONE OF INTERACTION OF TURKIC-SPEAKING PEOPLES

R. G. Bukanova, G. T. Kazhenova

The history of the Urals and Western Siberia attracts the attention of researchers not only in the context of the all-Russian history, but also by its regional characteristics. The state formations that emerged in this territory played a connecting role between western and eastern civilizations. This article discusses historical, geographic, social, and political factors in the development of a given territory. It is noted that the climatic conditions that determined, in turn, the types and forms of material production had a great influence on the uniqueness of the way of life of the population of these places. As

part of Russia, in the process of accession and development of the territory of the Urals and Western Siberia, as well as the creation of administrative entities - counties and provinces, in relation to which a differentiated policy was carried out, the historical process in the isolated regions of the Middle Urals, Western Siberia, Bashkiria and Kazakhstan differently. Despite this, the Urals and Western Siberia still remain a zone of interaction between Turkic-speaking peoples with stable ethnic and cultural ties.

Keywords: Ural, Western Siberia, Siberian Tatars, Bashkirs, Kazakhs.

Пространство Урала и Западной Сибири является одной из основных зон взаимодействия тюркоязычных народов еще с эпохи Золотой Орды. И в последующие века, длительное время после присоединения этой территории к Российскому государству, вплоть до XVIII в., на Урале и в Западной Сибири не только сибирские татары, башкиры и казахи, но и другие народы продолжали жить бок о бок, не разделенные государственными или административными границами. Традиционно при исследовании истории взаимодействия разных этнических групп рассматриваются историко-географические, социальные, политические факторы данного процесса [Каженова, 2009, с. 18–19].

Историко-географический фактор. Урал и Западная Сибирь, расположенные на стыке различных географических зон, имели особенности геофизических и природно-климатических условий и представляли собой сложную и вместе с тем целостную экосистему, характеризующуюся рядом специфических черт. Большое влияние на своеобразие образа жизни населения этих мест оказывали природно-климатические условия, которые определяли, в свою очередь, типы и формы материального производства.

К сожалению, до сих пор не изжитая устоявшаяся традиция рассматривать хозяйственную жизнь коренного населения Урала (включая Предуралье и Зауралье) и Западной Сибири только через призму кочевого или полукочевого скотоводства и недооценка уровня социально-экономического развития данного региона. Что не позволяет рассматривать Урал и Западную Сибирь как единый историко-географический кластер и представить объективную историко-географическую и экономическую характеристику этому региону до начала его освоения Московским государством.

Попытка рассмотреть Урал и Западную Сибирь как единый историко-географический комплекс была предпринята курганскими историками. Однако решение этой задачи оказалось возможным только применительно к эпохе, относящейся до вхождения этой территории в состав Российского государства. Наиболее полное представление об Урале и Западной Сибири как обширном историко-географическом пространстве дано в главе, посвященной тюрко-татарским государствам Западной Сибири [Маслюженко, Рябина, 2015, с. 37–76]. Западную Сибирь в неразрывной связи с Северо-Западным Казахстаном исследует К. К. Абуев [Абуев, 2016], Сибирское ханство и Башкирия как единое социополити-

ческое пространство до их вхождения в состав России рассматривается в трудах известного тюрколога А.-З. Валиди [Валиди Туған, 2005, с. 34], а также В. В. Трепавлова [Трепавлов, 1993, с. 93], Р. Г. Букановой [Буканова, 2012, с. 260–262].

Что касается более поздней истории, курганские историки в «единый историко-географический комплекс Урала и Западной Сибири» включают в основном только территории Западной Сибири, Курганской и, частично, Пермской областей [Меншиков, 2015, с. 4–19]. Авторы, изучающие имперский период российской истории с XVIII столетия, акцентируют свое внимание на региональных особенностях развития Поволжья, Урала, Западной Сибири [Побережников, 2018, с. 74–77]. То есть возникает некая пространственная раздробленность в восприятии истории этого обширного региона.

Действительно, по мере появления в данном регионе в XVII–XVIII вв. фронтальных зон в виде укрепленных линий и крепостей, а также создания административных образований – уездов и губерний, по отношению к которым проводилась дифференцированная политика, исторический процесс в обособленных регионах Среднего Урала, Башкирии, Западной Сибири и Казахстана начинает протекать по-разному.

Социальные факторы. По мнению В. В. Меншикова, «процедура определения территориальных рамок в большей степени или, по крайней мере, первоначально связана с механизмом соединения или взаимодействия социального и физического (географического) пространств» [Меншиков, 2015, с. 13]. Исходя из этого положения, можно считать оптимальным в межэтнических отношениях ситуацию, когда контактирующие этносы, сформировавшиеся в сходных природных и климатических условиях, обладают одинаковым статусом. Однако такой тип взаимоотношений не был характерным в контактах указанных этнических общностей, что было обусловлено не только традиционной формой общественно-политического устройства этих народов, но, впоследствии, характером вхождения их в состав Российского государства.

Несмотря на это, межэтнические отношения на территории Поволжья, Урала и Западной Сибири в среде не только тюркского, но и угро-финского и славянского населения осуществлялись по принципу сообщающихся сосудов. Поскольку в Западной Сибири раньше, чем на Урале, было установлено господство царской администрации, особое беспокойство царских чиновников вызывали миграционные потоки, направленные на Южный Урал и Казахстан. Так, в 30-х гг. XVIII в. казанский губернатор А. П. Волынский писал о том, что население в Башкирии «непрестанно умножается и растет <...> а ныне з беглецами стало больше 100000; а имянно: казанские, сибирские, темниковские и прочих тамошних уездов ясашие татары большая половина в Башкиры перешли; к тому ж и протчие иноверцы, мордва, чувашы, черемиса, вотяки целыми селами и деревнями с ясаков туда ж перешли. <...> А ныне же и русских немалое число от подушных податей беглецов в Башкиры перешло...» [Материалы... , 1936,

с. 302–303]. В период обострения общественно-политической ситуации в XVIII в. башкиры массово переселялись в Казахстан, а через Западную Сибирь шли миграционные потоки из Европейской части России на Восток. Таким образом, Урал и Западная Сибирь длительное время оставались зоной активных межэтнических контактов, что стало основой формирования культурного и конфессионального многообразия на этой территории.

Политические факторы межэтнических отношений включают принципы и формы государственного устройства, характер политического строя, тип государственной национальной политики. При любом типе государственного или политического устройства важную роль играет этническая политика государства.

Специфика колонизации Урала и Западной Сибири определялась геополитическим положением данной территории. Сибирское ханство занимало промежуточное расположение на стыке ареалов расселения сибирских народов, башкир и казахов. В составе России происходит перекраивание административно-территориальных границ. Строительство укрепленных острогов, слобод и монастырей было обусловлено не только стремлением защитить русское население, поселившееся на новых землях, но и разобщить местное население. Безусловно, такая политика непосредственно сказывалась и на характере межэтнических отношений. Российское государство активно использовало межэтнические противоречия. Так, например, противопоставление интересов башкир и калмыков стало одной из главных причин башкирского восстания 1662–1664 гг.

Несмотря на проводимую в Российской империи социальную и религиозную политику, этнокультурные связи народов этого обширного региона не были утрачены, историко-географический фактор, тесно связанный с развитием экономики данного региона, продолжал играть важную интегрирующую роль. Возрождение Западной Сибири как зоны межэтнического контакта и взаимодействия особенно возросло в XX столетии в связи с открытием нефтяных месторождений.

1. Абуев К. К. Сибирское ханство в контексте казахско-русских отношений. Кокшетау : КГУ им. Ш. Уалиханова : Эрекет, 2016. 200 с.

2. Буканова Р. Г. Город Уфа в контексте сибирской истории // Тобольск научный – 2012 : материалы IX Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Тобольск, 9–10 ноября 2012 г.). Тюмень : Тюменский издательский дом, 2012. С. 260–262.

3. Вәлиди Туған Ә. Башкорттар тарихы (автор кулъязмаһынан тәржимә). Тулыландырылған 2-се баһмаһы. Өфө: Китап, 2005. 304 б.

4. Каженова Г. Т. История взаимоотношений казахов и сибирских казаков Степного края (XIX – начало XX веков). Кокшетау : КГУ им. Ш. Уалиханова, 2009. 220 с.

5. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII – первой половине XVIII вв. М; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. 631 с.

6. Маслюженко Д. Н., Рябина Е. А. Тюрко-татарские государства Западной Си-

бири в системе международных отношений позднего Средневековья // Историческая локализация Урала и Западной Сибири : учеб. пособие / отв. ред. В. В. Менщиков. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. С. 37–76.

7. Менщиков В. В. Актуальные проблемы исторических исследований в региональном измерении // Историческая локализация Урала и Западной Сибири : учеб. пособие / отв. ред. В. В. Менщиков. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. С. 4–19.

8. Побережников И. В. Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 72–80.

9. Трепавлов В. В. Государственный строй монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М. : Наука, 1993. 168 с.

УДК 94(47).047+94(57)

**ОБ «УЧАСТИИ» СИБИРСКОГО ЦАРЕВИЧА ДЕВЛЕТ-ГИРЕЯ
В БАШКИРСКОМ ВОССТАНИИ 1662–1664 ГГ.**

Д. А. Васьков

В статье рассматривается вопрос о возможном времени смерти сибирского царевича Девлет-Гирея. В историографии встречаются совершенно разные мнения на этот счет. Часто историки приписывают Девлет-Гирею организацию и активное участие в восстаниях коренных народов Урала и Западной Сибири в 60-х гг. XVII в. По мнению автора, причиной ошибочного мнения является неверная трактовка материалов сысского дела, организованного березовским воеводой А. П. Давыдовым. В деле идет речь об антирусском заговоре хантов Березовского уезда в 1662–1663 гг. Приводятся аргументы в пользу точки зрения, что смерть царевича наступила не позднее 1661 г. В этой связи он не мог принимать участия в восстании, начавшемся в 1662 г.

Ключевые слова: сибирские царевичи, Девлет-Гирей, восстания, татары, башкиры, калмыки.

**ABOUT «THE PARTICIPATION» OF THE SIBERIAN PRINCE DEVLET-
GIRAY IN THE BASHKIR UPRISING OF 1662–1664**

D. A. Vaskov

The article discusses the possible time of death of the Siberian Prince Devlet-Giray. There are completely different opinions on this matter in historiography. Historians often ascribe Devlet-Giray organization and active participation in the uprisings of the indigenous peoples of the Urals and Western Siberia in the 60-s of the 17th century. According to the author, the reason for this erroneous view is a wrong interpretation of the materials of the detective business, organized by the Berezovsky Governor A. P. Davydov. The case concerns the anti-Russian conspiracy of Khants of Berezovsky district in 1662-1663. The arguments in favor of the view that the death of the Prince occurred no later than 1661. In this regard, he could not take part in the revolt that began in 1662.

Keywords: siberian princes, Devlet-Giray, revolts, Tatars, Bashkirs, Kalmyks.

Среди оставшихся в Сибири в XVII в. потомков хана Кучума особое место принадлежит его внуку – царевичу Девлет-Гирею. Более четверти века – с 1635 по 1661 г. – он был номинальным главой клана Кучумовичей. Однако имеющиеся в распоряжении исследователей источники не позволяют во всех подробностях восстановить биографию этого яркого представителя сибирских Шибанидов. В частности, не известны годы жизни Девлет-Гирея. Наиболее запутанным представляется вопрос о том, когда он «сошел со сцены» и перестал быть главой рода. Например, известный исследователь Р. Ю. Почекаев верхнюю хронологическую границу правления Девлет-Гирея обозначает началом 1670-х гг., никак при этом не обосновывая свое мнение [Почекаев, 2017, с. 37]. Более того, часто Девлет-Гирею приписывается то, к чему он, скорее всего, вообще не имел отношения. В частности, речь идет о его гипотетическом участии в массовых антирусских выступлениях коренных народов Урала и Западной Сибири в 1660-х гг. В этом отношении несколько одиноко смотрится мнение В. В. Трепавлова, который пишет, что царевич умер «приблизительно в начале 1660-х гг.», т. е. как раз накануне восстаний [Трепавлов, 2012, с. 104].

В литературе нередко можно встретить утверждение, что Кучумовичи были в числе активнейших организаторов башкирского восстания 1662–1664 гг. Причем чаще всего, как было отмечено, на эту роль выдвигается царевич Девлет-Гирей. Так, казахстанский историк М. Ж. Абдиров прямо указывает: «Стоило только внуку Кучума Даулет-Керею в 1662 г. вновь подняться на Русь, как его сразу же поддержали башкиры, татары, ханты и манси» [Абдиров, 1996, с. 141]. Утверждение этого автора представляется еще более странным, если учесть, что страницей ранее он же пишет, что в 1661 г. Девлет-Гирей «собирался воевать, но его взяли в плен» [Абдиров, 1996, с. 140]. Также весьма известные и уважаемые авторы новейшей работы по военной истории Сибири конца XVI – начала XVIII в. пишут: «В “сибирских царевичах” они (башкиры. – Д. В.) теперь видели правителей будущего Башкирского ханства. Кучумовичи также хотели использовать башкир в собственных интересах. Внук Кучума Девлет-Гирей в предвкушении победы щедро “раздавал” сибирские города своим союзникам. Летом 1662 года, когда в Башкирии вспыхнуло восстание против русских властей, Девлет-Гирей ударил по Зауралью» [Никитин, Никитин, 2016, с. 83].

Утверждение, что Девлет-Гирей был одним из организаторов восстания, а также среди его активных участников в дальнейшем, следует признать ошибочным, поскольку это не подтверждается данными источников. В частности, уфимский историк И. Г. Акманов вообще был уверен, что «восстание 1662 г. возникло <...> как самостоятельное движение общинников башкир и других угнетенных масс края. Участие в нем сибирских царевичей и калмыцких тайшей на данном этапе по материалам не прослеживается» [Акманов, 1993, с. 101]. Исследователь считал, что единоличным руководителем восстания в Зауралье в 1662 г. являлся башкирский «выходец» Сары Мерген. И только после его смерти зимой 1662/1663 гг. восстание здесь возглавил правнук Кучума царевич Кчук, но не Девлет-Гирей. Мнение И. Г. Акманова также следует признать чересчур пря-

молиейным, поскольку сведения о присутствии Кучумовичей среди башкир и других повстанцев в 1662 г. все-таки имеются (см. например: [ДАИ, 1851, с. 283, 284, 287, 290]).

Чем же обусловлена уверенность некоторых историков в участии Девлет-Гирея в бурных событиях 1660-х гг.? На наш взгляд, это связано с некритичным отношением к сведениям хорошо известного специалистам розыскного дела 1662–1663 гг. о заговоре обдорского князя Ермака Мамрукова и подготовке им восстания в Березовском уезде (подробнее см.: [Бахрушин, 1955, с. 136; Вершинин, 1998, с. 124]). Заговор был раскрыт березовским воеводой А. П. Давыдовым, который оперативно провел тщательный сыск с допросом и пытками всех заподозренных в «шатости и измене» остяков и самоедов. В общей сложности он допросил 22 человека из числа заподозренных им в неверности. Среди этих «воров и изменников» оказался и кодский остяк Анка Конжиков, который 16 февраля 1663 г. в Березове был «пытан накрепко и огнем сжон». В результате пытки он подтвердил, «что у всех де у них Березовского уезду у остяков была дума и измена на город, город Березов взять и служилых людей побить. А зачалась де у них та шатость и измена во всех городах Тобольского розряду и Томского розряду ж в прошлом во 169-м (1660/1661. – Д. В.) году, и от царевича де от Кучюмова та ссылка о той измене с ними была в том же в прошлом во 169-м году» [Обдорский, 2004, с. 54]. При этом предполагалось, что летом 1663 г. им всем «придти подо все сибирские города и города взять, а служилых людей побить. А под Тоболеск де летом <...> придти царевич Кучюмов с калмаки и с татары и с башкирцы, и Тоболеск де хотят взять и служилых людей побить». Также остяки и самоеды «договорились на том, что быть де царевичю Кучюмову в Тобольску и владеть ему всею Сибирью и ясак де платить со всех городов сибирских тому царевичю Кучюмову».

На наш взгляд, здесь следует обратить внимание на то, что остяк Анка в ходе допроса не назвал имени самого царевича, от которого пришла «ссылка о той измене». В то же время он поведал, что про «ссылку» от этого некоего царевича остякам «сказывали тоболские татаровя, которые де ездят на Березов для рыбные ловли», чьих имен он, Анка, «не упомнит». Похоже, именно это обстоятельство позволило С. В. Бахрушину сделать вывод, что реальными инициаторами и даже «идеологами» заговора были как раз тобольские юртовские татары и бухарцы, а вовсе не Кучумовичи. В своей малоизвестной статье о синхронном с башкирским восстанием в Западной Сибири С. В. Бахрушин писал, что именно «эти круги и выдвинули на первую очередь вопрос о реставрации династии Кучума в лице царевича Девлет-Гирея» [Бахрушин, 1999, с. 241]. Сам березовский воевода А. П. Давыдов упомянул имя Девлет-Гирея только в своем конечном приговоре по этому делу: «ссылались де с вами тобольские татары и вести вам приносили от царевича Кучюмова внука Девлет Киреева, что ему притти под Тоболеск войною с колмаки и с татары и Тоболеск взять» [Обдорский, 2004, с. 60]. За эту «шатость и измену» Ермак Мамруков и еще 17 его товарищей были приговорены А. П. Давыдовым к казни и вскоре повешены. Тем не менее из ма-

териалов сыска вовсе не следует, что сами остяки во время пыток и допросов называли конкретно имя Девлет-Гирея.

Не исключено, что березовский воевода сам мог «домыслить» относительно участия в заговоре Девлет-Гирея. Наше предположение основывается на том, что именно этот царевич был хорошо известен русским властям в Сибири и воспринимался ими как глава клана Кучумовичей, который он возглавлял уже более четверти века. Именно к Девлет-Гирею были адресованы все направлявшиеся к царевичам в 1640–1650-х гг. русские посольства. Ему же, как главе рода, высказывались все претензии за враждебную деятельность его младших родственников. При этом следует обратить внимание на еще одно обстоятельство. Характерно, что в тексте типовой шертной записи для представителей коренных народов Сибири на верность русскому царю, датированной 1648 годом, были такие слова: «и мне, будучи на его Государеве службе, ему Государю служить и прямити и с недруги его, с крымскими и с нагайскими людьми, и сибирского царя с Кучумовым внуком с Девлеткиреем (курсив наш. – Д. В.) с братьею и с племянники их и с иными сибирскими иноземцы, которые Государю непослушны, битися за него Государя, не щадя головы своей до смерти» [СГГД, 1822, с. 441]. Также имя Девлет-Гирея указано и в тексте присяги для русских служилых людей в Сибири, датированной 1650/51 г. (см.: [Зуев, Слугина, 2011, с. 187]). Возможно, исходя из всего этого, А. П. Давыдов и пришел к заключению, что именно Девлет-Гирей мог быть главным инициатором «шатости» среди хантов Березовского уезда.

Есть и еще ряд доказательств, позволяющих усомниться в реальности подготовки масштабного антирусского движения царевичем Девлет-Гиреем. Для этого необходимо обратиться к анализу событий, происходивших за один-два года до начала восстания.

В ноябре 1659 г. младшие Кучумовичи – царевичи Бугай, Кучук, Кансуер и Чучелей – при поддержке торгоутов и дербетов совершили, наверно, один из самых разорительных набегов на Тарский уезд. Нападению тогда подверглись Барабинская, Чойская, Кулебинская, Любинская, Тунусская и некоторые другие волости. В общей сложности в ходе набега погиб 61 человек и 733 были угнаны в плен [Миллер, 2005, с. 36–38, 408–410 и др.]. По другим данным, в плену оказались 712 ясачных людей. Ответные походы служилых людей в степь результатов не дали. Русские власти стали воздействовать на ойратов, отправляя к ним посольства с требованием вернуть пленных, в частности к хошеутовскому тайше Аблаю, который покровительствовал Кучумовичам. Это дало некоторый эффект, т. к. к декабрю 1660 г. царевичи и их союзник торгоутский тайша Лоузан под давлением ойратов из более чем 700 угнанных вернули русским в общей сложности 196 человек [Васьков, 2017, с. 52]. Правда, возвращали в основном «старых да малых» и «увечных», которые в «государев ясак не годятца».

Летом 1661 г. между Девлет-Гиреем и его младшими родственниками произошёл конфликт, вылившийся в вооруженные столкновения между ними. Часть улусных людей от Девлет-Гирея ушли к его младшему двоюродному брату Бугаю. Причиной раздора стало то, что царевичи не смогли поделить своих улусни-

ков. После этой размолвки пути Кучумовичей разошлись. Девлет-Гирей остался на прежнем месте «над Иртышом» в районе его левого притока речки Железенки. При этом его двоюродный брат Бугай с племянниками Кучуком, Кансуером и Чучелеем «покочевали в степ» в западном направлении в сторону р. Ишим.

Вскоре после этих событий улус Девлет-Гирея подвергся неожиданному для него нападению русского отряда под командованием головы тобольских конных казаков Бориса Маркова. Примечательно, что это не была специальная военная акция против царевича: отряд Б. Маркова шел вверх по Иртышу на дощаниках за солью к озеру Ямыш. Такого рода экспедиции были ежегодными, и улус царевича при этом был разгромлен мимоходом. В результате разгрома кочевья Девлет-Гирея было отбито свыше 300 ясачных людей и захвачена богатая добыча (по некоторым данным – до 2600 лошадей и всякого скота). Сам царевич едва не угодил в плен, но успел бежать, «покиня все, а с ним побежали калмыки небольшие люди», а также один аялынец и один «уфинец» из числа приближенных [Васьков, 2017, с. 55]. На этом следы Девлет-Гирея теряются, его дальнейшая судьба неизвестна.

Примечательно, что разгром давнего соперника русских в Сибири, царевича Девлет-Гирея, стал возможен не по причине численного и военного превосходства служилых людей, а благодаря лазутчикам, подосланным к нему в улус по инициативе тарского воеводы князя М. Н. Шаховского. Несколько тарских служилых татар прибыли в кочевье царевича якобы для покупки лошадей. Они усыпили бдительность Кучумова внука, скрыв истинные сроки подхода каравана дощаников к месту, где находился улус. Однако главная цель служилых татар заключалась в том, чтобы тайно «подзывать» назад в российское подданство всех находившихся в улусе царевича татар и башкир. Их призыв был услышан. Неслучайно бывший «изменник» татарин Кутлумерген Илгилдеев откровенно признавался служилым татарам: «Мысль де у нас о том давно есть принести великим государем вина своя и приклониться, толко не смеем, боясь на себя великих государей гневу за свою вину, что мы своровали, изменили, к царевичам отъехали» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 597. Л. 70]. Некоторые улусники царевича при этом заявили о своей готовности призывать назад в русское подданство прочих бывших ясачных татар и башкир, живущих у Девлет-Гирея, а также о желании вместе с русскими людьми «промышлять» над царевичем, «как бы его изымать и к великим государем привести».

Таким образом, в самом конце июля 1661 г. Девлет-Гирей потерпел сокрушительное поражение. Его имя совсем не фигурирует в событиях начавшегося в 1662 г. башкирского восстания. В связи с этим совсем непонятно, как он мог оказаться во главе масштабного заговора по изгнанию русских из Сибири, как полагают некоторые историки. Конечно, можно предположить, что царевич, страдаемый жаждой мщения за вероломство и коварство русских, мог разослать после случившихся событий призыв всем своим потенциальным сторонникам подняться на войну с «неверными». Однако такой сценарий представляется

маловероятным. Как известно, в традиционном тюрко-монгольском мире всегда ценились такие качества лидера, как военная удача, богатство и удачливость. Собственно, отсюда проистекает популярный культ батыров, баев и т. д. Девлет-Гирей же хоть и сумел избежать позорного плена, но все равно потерпел серьезнейшую неудачу. Он лишился всех улусных людей, всего имущества и с жалкой горсткой последних сторонников стал скитаться где-то в степях Верхнего Прииртышья. Видимо, этот район и стал его последним пристанищем, поскольку здесь его следы теряются, а дальнейшая судьба совершенно неизвестна. Вряд ли бы за ним пошли массы восставших. Что-то подсказывает: судьба Девлет-Гирея была печальной и, скорее всего, она была сходной с судьбой его царственного предка хана Кучума, который также лишившийся всего, что имел, в итоге сгинул где-то в ногайских кочевьях.

1. Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы : Жалын, 1996. 176 с.
2. Акманов И. Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII в. Уфа : Китап, 1993. 224 с.
3. Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII вв. // Научные труды. Т. 3, ч. 2. М. : Изд-во АН СССР, 1955. С. 86–152.
4. Бахрушин С. В. Восстание в Западной Сибири в 1662–1665 гг. // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв. Брянск : Изд-во Брянского гос. пед. ун-та, 1999. С. 229–255.
5. Васьков Д. А. Вооруженные столкновения между сибирскими служилыми людьми и Кучумовичами в 1661 г. и их последствия // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 50–58.
6. Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург : МУМЦ «Развивающее обучение», 1998. 204 с.
7. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1851. Т. IV. 416 с.
8. Зуев А. С., Слугина В. А. «Служити мне государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичю». Русская присяга и шертовальная запись середины XVII в. // Исторический архив. 2011. № 2. С. 183–189.
9. Миллер Г. Ф. История Сибири. М. : Вост. лит-ра, 2005. Т. 3. 598 с.
10. Никитин Д. Н., Никитин Н. И. Покорение Сибири. Войны и походы конца XVI – начала XVIII в. М. : Русские витязи, 2016. 124 с.
11. Обдорский край и Мангазея в XVII в. : сб. документов. Екатеринбург : Тезис, 2004. 200 с.
12. Почекаев Р. Ю. Из вассалов в сюзерены. Российское государство и наследники Золотой Орды. СПб. : Евразия, 2017. 432 с.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214 (Сибирский приказ).
14. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1822. Ч. 3. 540 с.
15. Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М. : Вост. лит., 2012. 231 с.

УДК 332.3+093+913

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ ЮРТ КАЖ-БЕРГЕЛЬСКИХ ПО ПИСЬМЕННЫМ И ГРАФИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ¹

Е. П. Загваздин

*Посвящается памяти
Игоря Владимировича Белича –
этнографа, историка, краеведа, музееведа*

Сведения о землевладении сибирских татар достаточно широко представлены в исторической и этнографической литературе. Однако сравнительно немного репрезентативных данных, позволяющих уточнить особенности хозяйственного освоения земель местным населением. Статья посвящена предварительному анализу письменных и графических источников, освещающих этот процесс на примере землепользования татар юрт Каж-Бергельских с XVII до первых десятилетий XX в. Татарское поселение располагалось в Тобольском Прииртышье, на низкой террасе правого берега р. Иртыш, в 1 км к югу от Иоанно-Введенского монастыря. Северо-западной границей угодий служил водораздел р. Шанталык. Приведенные источники позволяют уточнить особенности хозяйствования татар этого поселения на разных уровнях прирусловой части р. Иртыш (левый и правый берега, пойменные и надпойменные участки), их взаимоотношение с соседями по земельным спорам. Эти сведения позволяют уточнить некоторые обстоятельства формирования татарских поселений в Тобольском Прииртышье, по крайней мере, с XVII в.

Ключевые слова: Тобольское Прииртышье, р. Шанталык, юрты Каж-Бергельские, Иоанно-Введенский монастырь, землевладение.

LAND TENURE YURT KAGH – BARGELSKI IN WRITTEN AND GRAPHIC SOURCES

E. P. Zagvazdin

Information about a land tenure of siberian tatars were well represented in a historical and an ethnographic literature. However, a little representative data got

© Загваздин Е. П., 2019

¹Исследование выполнено в рамках темы ФНИ № 0408-2018-0001 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н. э. – II тыс. н. э.)».

detailing peculiarities of economic development of the land by local population in dynamics. The article is devoted to a preliminary analysis of written and graphic sources showing this process on the example of the land tenure Tatar vill. Kach-Bargelski from the 17th century to the first decades of the 20th century. The Tatar settlement was located on the river Irtysh near Tobolsk, on a low terrace the rightcoast, at a distance of 1 kilometer to south from the Ioanno-Vvedensky monastery. The North-Western boundary of the land was watershed of the river Shantalik. Sources allow to specify the characteristics the tatars settlement at different levels in the riparian part of the river Irtysh (left and right coasts, riparian and floodplain areas), their relationships with neighbors in land disputes. In turn, these data allow also to clarify some circumstances formation of tatar settlements in the Tobolsk region at least since the 17th century.

Keywords: Tobolsk-Irtysh basin, river Shantalik, vill. Kach-Bargelski, Ioanno-Vvedensky monastery, Land tenure.

Уже в начале 1620-х гг. при архиепископе Киприане церковь начинает формирование земельных архиерейских владений в Тобольском уезде. Этот процесс продолжился при Макарии, Нектарии и последующих владыках [Харина, 2013]. Одни из первых подробных сведений об использовании земель в Прииртышье, по реке Шанталык, Софийским архиерейским домом приведены в переписи 1625 г. [Переписные книги 1625 г., 1994]. *«Да в Тобольском же уезде на Шанталыке мельница колесная на ходу. А на той мельнице мелнишний онбар. А дана та мельница в дом Софеи Премудрости Божии прежнему сибирскому архиепископу Киприяну по государеву указу во 130-м году»* [Там же, с. 67]. Отсылка в источнике к государеву указу показывает, что использовать мельницу стали чуть ранее, на 3 года, чем перепись была составлена. О том, что мельница не единственное и не первое владение церкви по р. Шанталык, отмечено в переписных книгах 1636 г. [Переписные книги 1636 г., с. 125]. Там описаны *«пашенные земли и сенные покосы, дача всяких чинов людей, которые давали за вклад в дом Софеи Премудрости Божии... в прошлом во 129-м году»*.

Из этих списков, в первую очередь, нас интересует, в какой части русла р. Шанталык эти участки располагались. Идентифицировать их все проблематично, т. к. непонятно, о каких «баяраках» и «врагах» идет речь, по сторонам которых они располагались. Сравнительно ясной представляется лишь запись о том, что одна из меж проходила вверх по р. Иртыш и до р. Шанталык, а затем тянулась по р. Шанталык. Здесь, вверх по р. Шанталык, справа располагались земли Ивана Рукина, Митьки Фомина, а слева земли Якунки Безноски и др. [Переписные книги 1636 г., с. 125]. О том, что их землевладения по р. Шанталык расположены именно так, указывает более поздний план С. У. Ремезова. На нем отмечена д. Рукина, отошедшая в 1659 г. в качестве дарения от жены Ивана Рукина Марфы к Ивановскому монастырю [Харина, 2013, с. 40]. Деревня расположена вверх по р. Шанталык, на левом берегу, т. е. справа, если смотреть от устья к истоку.

Любопытно, что д. Рукина указывается в Дозорной книге 1623 г. как «деревня по Сибирской дороге против Бергеля на Яру» [Дозорная книга 1623/24 гг., л. 78]. План С. У. Ремезова, составленный позже Дозорной книги, подтверждает эту догадку, т. к. на нем д. Рукина расположена дальше от Иртыша и ближе к краю террасы и дорогам. Кроме того, напротив д. Рукиной к югу расположены юрты Бергельские, обозначенные у С. У. Ремезова как юрты Подмысовые [Хорографическая чертежная книга... , 2011, л. 80]. Однако уже на другой его карте видим обозначение их как юрты Шанталыкские² [Там же, л. 11]. Характерные особенности рельефа долины р. Шанталык, вырисованные на этих планах, не оставляют сомнений, что это одни и те же юрты Бергельские, но под разными именами. Возможно, впрочем, что «Бергел», упоминающийся в источнике, обозначает хороним, а не комоним, т. к. в тексте недостаточно указаний, что это поселение.

В целом, о соседских с Тобольским архиерейским домом татарских поселениях в окрестностях р. Шанталык письменные источники 1620-30-х гг. упоминают достаточно скупо и туманно. Так, в переписной книге 1636 г. есть указание о неизвестном татарском поселении, расположенном в том же районе на левом берегу Иртыша: «А по правую сторону тем же Rogozинниковым врагом на низ государева жалованья пашенные земли и сенные покосы, и до Иртыша реки дуг и остров, что против устья Шанталыка речки. А против того острова за рекою Иртышем юрты татарские [Переписные книги 1636 г., с. 126]. Обращает внимание наличие некоего острова, который здесь выступает как естественный рубеж между владениями церкви и безымянного татарского юрта. Если обратиться к современным картам участка русла р. Иртыш у Иоанно-Введенского монастыря, то никакого острова на них не наблюдается. На этом участке русла расположена заболоченная долина длиной 4,7 км и шириной чуть более километра с узкими лентами «ручьев» по ее площади. По этой же долине протекает р. Шанталык. В 1980-х гг. на Ивановском перекате «остров» был срыт земснарядами, т. к. затруднял судоходство³.

Однако если привлечь картографический материал 1688 г. из фондов РГАДА, то становится ясно не только как выглядела эта часть русла более 300 лет назад, но и какой юрт упоминается в описи 1636 г. В совокупности с письменными

²В Дозорной книге 1623/24 гг. указана «русская» «деревня Шанталыке межах с монастырскими пашнями. Во дворе служилый человек литвин Григорий Черный» [Дозорная... , л. 91–91об]. Н. А. Балюк составила статистику по деревням Софийского архиерейского дома от 1647 г., где значится д. Шанталыцкая с 4 дворами [Балюк, 1997, с. 110, табл. 8].

³Информаторы: Владимир Николаевич Дёмин, Геннадий Павлович Кислицин (п. Сумкино, г. Тобольск). При низком уровне воды в Иртыше обнажаются его остатки, создающие опасность судну сесть на мель. На перекате периодически проводятся дноуглубительные работы. Последняя расчистка русла проходила в 2016 г.

источниками графический документ уточняет хронологические маркеры существования в этой части русла р. Иртыш поселений, а также проливает свет на становление земельных взаимоотношений татар бергельских с церковью.

Речь идет о чертеже из дела по челобитной служилых тобольских татар из юрт Бергельских о спорной земле с Ивановским монастырем Тобольской епархии [Чертеж... , 1688; Дело... , 1688]. Чертеж склеен из четырех бумажных листов и имеет размеры 81×64,5 см. Графика выполнена с использованием туши и разноцветных красок. Датируется источник 1688 г. На обороте фиксируется помета «...голова подъячей Афанасей Парфенов руку приложил».

Графический источник (рис. 1) позволяет уверенно определить безымянное татарское поселение из переписи 1636 г. как юрты Исеневские. Остров на карте отмечен как «остров Софейской»⁴, а само поселение обозначено как «юрт Исенев против острова». Этот остров, «сросшийся» с низкой заливной террасой правого берега, еще сравнительно недавно фиксировался, к примеру, на лоцманской карте р. Иртыш от 1972 г. [Лоцманская карта... , 1972, л. 3]. Идентификация татарского поселения относительно этого острова важна для понимания расположения соседских земельных угодий и во избежание путаницы с близко находящимися населенными пунктами.

Главный объект этого чертежа – юрты Бергельские. Они расположены в юго-восточной части долины р. Шанталык и обозначены крупной «горкой» домов. Во все стороны от них расходятся линии, которые маркируют как действующие межи, так и спорные. Спорная межа обозначена как «межа что татара сказали». Примечательно, что русло реки раздваивалось по линии обрыва верхней террасы и дальше протекало северо-западнее, чем сейчас. Второе русло, то, что на более поздних картах отмечено как р. Шанталык, на чертеже обозначено как «перекопь». По меже близ этой «перекопи» татары обозначили край своих владений.

На противоположной стороне р. Иртыш располагались юрты летние Бергельские. На чертеже они обозначены скоплением домиков уже меньшего размера, что, вероятно, для писца означало второстепенный характер этого поселения, чем располагавшегося на правом берегу. Границы левобережного поселения также выделены линиями, обозначающими межи. Речка Бергелка, ее правый берег, выступает западной границей владений этого поселения. Текст чертежа говорит о том, что на заречной стороне располагаются пашенные земли и сенные покосы, межи саусканских татар к речке Бергелке. Обозначено, что «татарская поско-

⁴С. Н. Щербич приводит архивные данные от 1659 г., в которых остров принадлежит Ивановскому мужскому монастырю и используется для покосов: «Да на острову што на реке Иртышу на 100 копен» [Щербич, 2009, с. 84].

тина мокрые места под паашню не готятца а в той поскотине ходит скот многих деревень».

Характерно, что татарские летние юрты Бергельские на левом берегу соседствовали и с русской деревней. Так, по Дозорной книге 1623/1624 гг. она обозначена как *«деревня за рекой Иртышем по край Саусканского лугу на реке Бергельке. Во дворе пашенный крестьянин Серешка Степанов. У него брат Созонко да Гришка. Пашины паханные середние земли 6 чети с полуосминою в поле а в дву потому ж. Пашенново лесу дубровы 10 десятин. Сена косит в дуброве 100 копен да в лугу косит 100 копен живуцим четь выти»* [Дозорная книга 1623/24 гг., л. 110]. В Дозорной книге несколько раз упоминаются уголья по р. Бергелке, принадлежащие как татарам, так и русским, но без детальной локализации [Там же, л. 84–90]. Таким образом, становится понятно, что это за скот «многих деревень». К сожалению, на чертеже 1688 г. не показаны другие соседние деревни, кроме юрт Исеневских.

Важным дополнением к топографии обеих Бергельских юрт и характеристике хозяйственной деятельности их жителей служит описание, сделанное Г. Ф. Миллером в 1734 г. [Описание... , 1996]: *«Bergor-aul, две татарские деревни по обе стороны Иртыша: первая в 1 версте от предыдущей переправы, а вторая в 1 версте выше следующего монастыря. Они принадлежат одним и тем же хозяевам, являющимся частью ясачными, часть служилыми, и находящаяся на западной стороне заселена летом, а на восточной стороне, у подножия высокого берега – зимой. Обычай иметь особые летние и зимние жилища очень распространен у татар в здешних местах. Они делают это для того, чтобы иметь тем самым больше пастбищ для их скота».* Описание расположения Bergor-aul не оставляет сомнений в том, что это именно рассматриваемое нами поселение: *«Бергорской остров, между Ивановским монастырем и последним аулом Bergor, посередине Иртыша; длиной в полверсты. Речка Bergor, впадает в Иртыш с западной стороны, напротив последнего аула Bergor».*

Другими источниками, проясняющими дальнейшее развитие землевладения юрт Бергельских, являются материалы земельных споров с Ивановским монастырем, относящиеся к XIX – первым десятилетиям XX в. В отдельной публикации уже рассматривался завершающий аккорд этого противостояния, произошедший в 1916 г. [Загваздин, 2017]. В тех документах отражено, что обе стороны конфликта не пришли к разрешению этого спора, а остались каждый при своем мнении [О межевании... , 1916, л. 11]. Окончательное решение спора не отражено ни в акте, ни в деле. Было ли доведено до логического завершения также не известно. Об этом пространно с политическим оттенком говорится в тексте письма 20 мая 1917 г. из Тобольской духовной консистории. В нем монастырь уведомляется о прекращении дела, связанного с возобновлением межевых знаков на дачах монастыря вплоть до решения земельного вопроса Учредительным собранием [О межевании... , 1916, л. 13].

Материалы дела 1916 г. говорят о том, что противостояние сторон и отстаивание границ не прекращалось на протяжении последующих XIX – нач. XX в.

Об этом говорят ссылки о наличии карт межевания спорных участков в 1800, 1834, 1891 и 1897 гг., а также сами дела по земельным спорам, относящиеся к XIX в. [Дело... , 1835]. В рассмотренных материалах 1916 г. отражена ценная информация, поясняющая границы угодий юрт Каж-Бергельских. Представители татарской стороны апеллировали к тому, что границей между монастырскими землями и землями жителей юрт исконно считается р. Шанталык [О межевании... , 1916, л. 7–7 об.]. Река Шанталык, как одна из границ угодий, вероятно, была не единственным аргументом в споре. Со слов монахини Марии Ельшиной в 1891 г., при межевании доверенный юрт Каж-Бергельских не признал межевые знаки прежнего землемера Федотова, заявив, что граница проходила по почтовой дороге. Но доказательства доверенным не были представлены и межи были возобновлены [О межевании... , 1916, л. 8–8 об.].

Рис. 1. Чертеж спорных земель между Ивановским монастырем и служилыми татарами д. Бергельские юрты Тобольского уезда, 1688 г.
[РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1009. Л. 90 а-б]

Дела не всегда завершались в пользу монастыря, однако в тех случаях, когда суд вершился в пользу церкви, татары предпочитали политику непротивления, но продолжали пользоваться спорными землями, что вызывало открытое раздражение и духовных, и светских властей.

Более детально определить расположение спорных десятин земель, упоминавшихся в деле 1916 г., пока не представляется возможным, так как не выявлен какой-либо план этих угодий с межевыми спорными границами, относящимися к XIX в. Работу по дальнейшему поиску и анализу материалов межевания XIX в. еще предстоит сделать. Оценить размер земли жителей юрт Каж-Бергельских (правый берег р. Иртыш), несмотря на неполный набор сведений, позволяет план 1890 г. из научного архива ТИАМЗ [План... , 1890] (рис. 2).

Таким образом, сопоставляя материалы XVII – начала XX в., касающиеся землевладения юрт Каж-Бергельских, в целом убеждаемся, что так же, как и в XVII в., западной границей угодий была р. Шанталык (теперь Ивановская). Однако эта граница не подходила вплотную к левому берегу реки, т. к. вдоль нее находились покосы Софийского дома, а в последующем и Ивановского монастыря. Судя по плану 1890 г., восточная граница этих угодий по правому берегу р. Иртыш расширилась к востоку, по сравнению с XVII в., но, так же как и в XVII в., занимала нижнюю и верхнюю террасы (рис. 3). Не до конца прояснена судьба

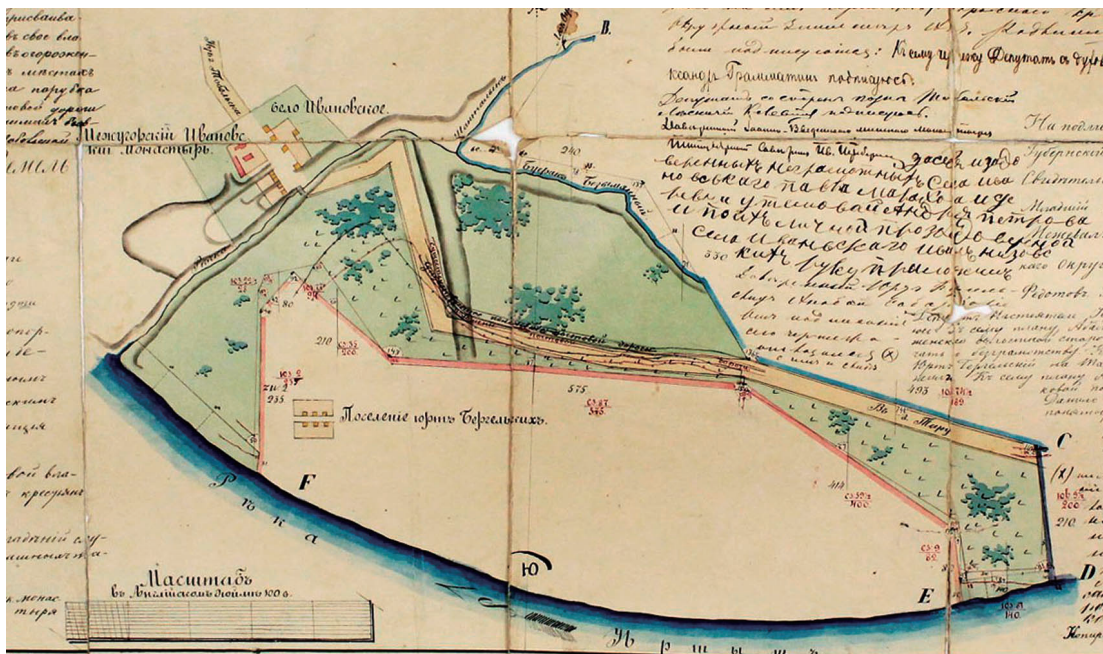

Рис. 2. План смежных земель Тобольской губернии Тобольского округа Абаклакской волости дачи Иоанно-Введенского монастыря (копия), 1890 г.
[НА ТИАМЗ ТМ-11794/99. Инв. № ИГК-106]

землевладения юрт Каж-Бергельских на левом берегу Иртыша, а также то, насколько долго существовало это летнее поселение.

Рис. 3. План границ угодий юрт Каж-Бергельских на современной топографической основе (реконструкция автора по: [План... , 1890]): 1 – Иоанно-Введенский женский монастырь; 2 – юрты Каж-Бергельские; 3 – граница землевладения; 4 – река Шанталык (Ивановская)

1. Балюк Н. А. Тобольская деревня в конце XVI – XIX в. Тобольск : Типогр. ЗАО «Штрих», 1997. 224 с.

2. Дело о нестеснении инородцев Подбугорно-Бердельских юрт в пользовании сенокосною землею, отрезанною им из дач Иоанновскаго монастыря (1835 г.) // ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-197. Оп. 1. Д. 11.

3. Дозорная книга 1623/24 гг. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 1. Д. 3.

4. Загваздин Е. П. О земельном споре между татарами юрт Каж-Бергельских

и Иоанно-Введенским женским монастырем // Историко-культурное наследие татар и сибирских татар Тюменской области. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2017. С. 94–97.

5. Лоцманская карта реки Иртыш. От селения Саусканские Юрты до устья. Ленинград : Картфабрика ВМФ, 1972. 70 л.

6. О межевании бывшей спорной земли, малого луга и зимняка (28.06.1916–27.05.1917) // ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-197. Оп. 1. Д. 154.

7. Описание городов, крепостей, острогов, слобод, сел, деревень, островов, рек, речек, озер и других достопримечательностей на реке Иртыше и возле него вверх от города Тобольска // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. (История Сибири. Первоисточники. Вып. VI). Новосибирск : Сибирский хронограф. 1996. С. 75–99.

8. Переписные книги 1625-го года // Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1994. Выпуск IV. С. 37–80.

9. Переписные книги 1636-го года // Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1994. Выпуск IV. С. 81–133.

10. План смежных земель Тобольской губернии Тобольского округа Абалакской волости дачи Иоанно-Введенского монастыря (копия) 1890 г. // НА ТИАМЗ ТМ-11794/99. Инв. № ИГК-106.

11. Харина Н. С. Формирование и развитие церковно-корпоративного землевладения Тобольского архиерейского дома в XVII в. // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории : коллективная монография. Ч. 8. Нижневартовск, 2013. С. 20–54.

12. Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова. Тобольск : Возрождение Тобольска, 2011. 692 с.

13. Сайт РГАДА. Раздел «Карты». Чертеж земель на Иртыше с Ивановским монастырем. – URL: <http://rgada.info/geos2/zapros.php?nomer=970> (дата обращения: 01.12.2018).

14. Дело Софейскаго Архиерейскаго дома Ивановскаго монастыря с юртовскими тобольскими служилыми захребетными Бергельскими татарами о спорной земле // РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1009. Л. 90 а-б.

15. Щербич С. Н. Источники формирования земельного фонда Тобольского архиерейского дома в XVII в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2009. № 9. С. 81–85.

УДК 39(571.1)

О ТАТАРАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*Р. Д. Зайдуллин*

В статье освещается образ сибирских татар с точки зрения татар Урало-Поволжья, представлены знаменитости Западной Сибири среди татар.

Ключевые слова: татары Западной Сибири, татарский язык, культура, духовность.

ABOUT TATARS OF WESTERN SIBERIA*R. D. Zaydullin*

The article highlights the image of Siberian Tatars from the point of view of the Tatars of the Ural-Volga region, presents celebrities of Western Siberia among the Tatars.

Keywords: Tatars of Western Siberia, Tatar language, culture, spirituality.

В конце XVII в., по данным Н. А. Томилова, все тюркские группы, относившиеся к сибирским татарам, насчитывали около 16 тыс. человек. По итогам Всеобщей переписи населения 1897 г. татар в Тобольской губернии насчитывалось 56 900 человек. В общее число сибирских татар в 1897 г. было включено до 7,5 тыс. «пришлых» из разных районов страны, а также 11,3 тыс. бухарцев.

Значительные группы сибирских татар проживали в городах Тюмени, Тобольске, Омске, Таре, Томске и др. В этих городах на протяжении нескольких столетий татары жили в татарских слободах. Здесь же в XIX – начале XX в. оседали и многие волго-уральские татары.

До середины XX в. татарское население региона преимущественно проживало в сельских населенных пунктах – аулах, юртах. Для них характерны приречные и приозерные типы поселений. С сооружением дорог появились притрактовые селения. Почти в каждой татарской деревне была мечеть, обычно деревянная, иногда кирпичная (с. Тоболтуры, Ембаево и др.). В некоторых больших селениях (с. Тукуз, Ембаево и др.) было по две-три мечети.

Казанские татары пришли в Западную Сибирь задолго до появления русских. Связи между населением Поволжья и Сибири очень древние. Они носили постоянный характер и не прерывались в последующие периоды.

Сибирские татары являются древними автохтонными тюрками Западной Сибири. Складывалась эта группа в течение длительного времени, поскольку в их среду вливались новые волны тюрков, пришедших в Сибирь позднее. Таким образом, основу этногенеза сибирских татар составили тюркские племена. В конце XI – начале XII в. на р. Ишим было создано первое государство предков сибирских татар. Ставка правителя находилась в г. Кызыл Тура, недалеко от впадения Ишима в Иртыш. В 20-е гг. XIII в. образовалось второе государство сибирских татар – Тюменское ханство. В начале оно находилось в орбите хозяйственных, духовных и этнических связей с Золотой Ордой и в некоторой зависимости от него, однако скоро стало самостоятельным. Сибирское ханство, образованное в 1495 г., стало преемником Тюменского ханства.

Важное место занимает письменная культура, в развитии которой приняли участие: тоболяк А. Маметов (встречавшийся с А. Н. Радищевым); Н. Атнометов – составитель изданного в 1802 г. Букваря татарского и арабского письма, учитель Тобольского Главного народного училища; М. Юмачиков – учитель медресе юрт Ембаевских, издавший две книги на арабском языке; Ханифа Ниязова – учительница г. Тары, поэтесса, а также многие другие личности.

Пропагандой различных знаний занимался тоболяк Х. Ченбаев, переводивший с русского на татарский язык ряд научно-популярных брошюр и издававший их в 1911–1917 гг. Сибирский бухарец Г. Ибрагимов (1857–1944) был автором многих книг и брошюр, в том числе книги «Чулпан йолдызы» («Звезда Чулпан»), изданной в Стамбуле в 1895 г., а затем в 1907 г. в Петербурге, статей «Автономия или идарэи-мөхтэрият» («Автономия или самоуправление»), «Мэхкэмэ-и-шэргия» («Духовное собрание»), «Краткая программа думской мусульманской трудовой фракции», путевых заметок путешествия в Монголию, Маньчжурию, Японию, Корею, Китай, Турцию, изданных в Стамбуле в сборниках «Сираты Мустахим» и затем отдельной книгой «Мир ислама», принесший ее автору широкую известность в странах Востока и России.

В советский период произошли значительные изменения в культуре. С утратой части национальной культуры заметное развитие получили устное народное творчество, народно-декоративное искусство, народная музыка, хореография, народные знания, некоторые сферы профессиональной культуры.

Многие татары Западной Сибири прославились своей деятельностью в различных сферах. Талантливые сказителями были житель д. Яланкуль Омской области С. М. Зайнитдинов (1854–1927), родившийся в юртах Турбинских Тобольского округа В. Ярмухамедов (1884–1967), талант которого как сказителя и собирателя сказок расцвел в первой половине XX в. Из тоболо-иртышских татар (бухарцев) известны доктор архитектуры М. С. Булатов, исследователи в области истории, этнографии и фольклора татар доктора наук Ф. Т. Валеев, Х. Х. Ярмухаметов и другие ученые. Также прославилась талантливая балерина и выдающаяся исполнительница народных танцев народная артистка СССР Г. Б. Измайлова (Ташкент), дирижер оркестра Большого театра профессор Ф. Ш. Мансуров,

чемпионка мира по художественной гимнастике Галима Шугурова (Омск), писатель Якуб Занкиев – автор романа «Иртыш таңнары» («Иртышские зори»), поэт Булат Сулейманов.

Культурное взаимообогащение особенно заметно у томских сельчан с казахами и поволжско-приуральскими татарами. Общие черты в культуре и быте татар Западной Сибири распространяются также благодаря процессам культурного влияния и взаимообогащения между ними и русскими. Наблюдаются распространение общих интегрированных черт европейской культуры, модернизация этнокультурного облика татар.

Система образования первоначально сложилась в форме обучения на дому. Учителями были муллы, грамотные сибирские татары либо пришельцы из европейских губерний, выдававшие себя за знатоков арабского языка. Во второй половине XIX в. дети в некоторых селах и деревнях учились в мусульманских начальных училищах (мектеб), в медресе, расположенных в отдельных городах Сибири (Томске и др.) и единичных крупных селах, например в юртах Ембаевских Тюменского округа. Часть татарских детей обучалась в русских школах и гимназиях. В первые три десятилетия советского периода во всех татарских деревнях Западной Сибири действовали школы, обучение в которых проходило на татарском языке. Такие же школы были и в ряде городов: Таре, Тобольске, Тюмени, Томске и др. Существовали и татарские педагогические училища (в Томске, Тюмени, Тобольске и др.). В 1920-х гг. в Сибири выходили газеты на татарском языке, в городах и селениях открывались библиотеки, имевшие литературу на татарском языке. В последующие десятилетия увеличение знания русского языка, реальная возможность путем его владения повысить уровень своего образования и образования детей приводят к отказу томских селений от обучения детей на татарском языке. С середины 1980-х гг. начался пересмотр национально-языковой политики в системе образования и всей культуры татарского населения сибирского региона [Народы России, 1994, с. 331].

В просвещении сибирско-татарского населения немалую роль играют различные культурно-просветительные учреждения (клубы, библиотеки и др.), татарские центры культуры, татарская пресса. Появилась первая газета на татарском языке «Яңарыш» («Обновление») в Тюменской и Омской областях, ведутся передачи областного радиовещания на татарском языке.

После революционных событий 1917 г. представители мусульманского духовенства, которые до этого занимались обучением грамоте и имели большой опыт, были отстранены от учительской работы. Для подготовки учителей для татарских школ в 1930 г. в Тюмени было создано татарское педучилище, которое в 1934 г. было переведено в Тобольск. За время своего существования (до середины 50-х гг.) на базе училища было подготовлено более 1500 учителей. Тобольское татарское педучилище долгие годы было центром пропаганды и распространения татарской национальной культуры в Тюменском регионе.

В связи с расширением сети семилетних и средних татарских школ воз-

никла необходимость в подготовке учителей с высшим образованием. Для этой цели в 1950–1953 гг. при Тюменском пединституте работал факультет по подготовке учителей русского и татарского языков и литературы с двухгодичным сроком обучения, который в 1953 г. был переведен в Тобольский пединститут и функционировал до начала 60-х гг. XX в. Во время «перестройки» воссоздаются в вузах Тюмени и Тобольска русско-татарские отделения, кафедры. Но в последние годы они были закрыты.

В некоторых районах Тюменской области (Тобольском, Вагайском) сохраняются территории компактного расселения татарского населения.

Во второй половине XX в. произошел значительный отток сельского населения в города, усилившийся в последние десятилетия. Жители сельских населенных пунктов переселяются обычно в близлежащие города. На сегодняшний день сибирские татары из преимущественно сельских жителей превратились в горожан, в основном, первого и второго поколений. Урбанизация в целом сопровождается отрывом от ценностей традиционной культуры, разрывом в культурном плане между поколениями, усилением тенденции к утрате родного языка [Файзрахманов, 2005, с. 136].

У некоторых групп сибирских татар отмечается весенний праздник Амаль (в день весеннего равноденствия). К старинным праздникам относится праздник Карга путка (Карга туй), который проводился перед началом посевных работ во время прилета грачей. Жители села собирали крупу и другие продукты по дворам, затем в большом котле варили кашу, остатки трапезы оставляли в поле. В засушливое летнее время проводили обряд вызывания дождя «шокрана», «кук корманнык». Жители села во главе с муллой обращались к Всевышнему с просьбой о дожде. В жертву приносили животное, из мяса которого готовили угощение для участников мероприятия, мулла читал молитву. Из народных праздников татары ежегодно отмечают Сабантуй, который исследователи считают заимствованным у поволжских татар.

Эффективные полевые исследования о суфийской литературе татар проведены философами (О. М. Иванова, Л. М. Билалова) и филологами (Ф. С. Сайфуллина). Результаты опубликованы в книге о Сибири как об идеальном мире в татарской литературе в период суфизма [Сайфуллина и др., 2015].

К духовному наследию сибирских татар относится разнообразный в жанровом отношении фольклор. Известны дастаны «Идегей», «Ильдан и Гольдан» и др., песни (йыр), байты, сказки (йомак, акият), частушки (такмак) и др. Из традиционных музыкальных инструментов известны курай, кубыз, тумра.

Изучению процесса актуализации музеями Западной Сибири такой части нематериального культурного наследия, как традиционные религиозные верования сибирских татар, посвящена статья историков из Алтайской государственной педагогической академии [Сайфуллина и др., 2015]. В работе исследована эксклюзивно-выставочная и культурно-образовательная деятельность шести музеев – Томска, Новосибирска, Омска, Тюмени. Авторами подчеркнута огра-

ниченность информационного потенциала как следствие отсутствия монографий, научных статей и архивных документов и взаимодействия музеев и национально-культурных объединений татар Западной Сибири в культурно-образовательной сфере.

Вопрос этнического самосознания и этнической идентичности стал предметом активной дискуссии, которая развернулась в общественных и научных умах в связи с переписью населения в 2002 г. С этого времени учеными (С. Н. Корусенко) выделено несколько уровней этнического самосознания. Произошла консолидация самосознания западносибирских татар. Большинство групп, относящихся к этнониму «татары», считают себя сибирскими, поскольку Сибирь является родиной, местом проживания и территорией деятельности, что усилило региональную идентичность и общность сибирских татар [Корусенко, 2009, с. 56].

1. Диянова А. М., Труевцева О. Н. Актуализация традиционных религиозных верований сибирских татар музеями Западной Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19. С. 88–95.

2. Корусенко С. Н. Уровни этнического самосознания татар Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 56–58.

3. Народы России : энциклопедия / [Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН] ; гл. ред. В. А. Тишков. М. : Большая рос. энциклопедия, 1994. 479 с.

4. Сайфуллина Ф. С., Хуснутдинова Л. Г., Галиуллина С. Д., Иванова О. М., Билалова Л. М. Представления о Сибири как идеальном мире в средневековой суфийской татарской литературе // Социально-экономические и гуманитарно-философские проблемы современной науки. М. ; Уфа : Ростов-на-Дону, 2015. С. 16–21.

5. Файзрахманов Г. Л. Приволжско-приуральские татары Западной Сибири XVII – начала XX веков // Регионоведение. 2005. № 2. С. 136–143.

УДК 94(47).031

ФАКТОР УРБАНИЗАЦИИ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ УЛУСА ДЖУЧИ

И. Л. Измайлов

В статье автор обращается к дискуссионному вопросу о городах периода Золотой Орды. Автором обозначены основные причины расцвета городов и городской культуры в Улусе Джучи. Показано, что становление городов и городской цивилизации шло вслед за установлением торговых путей и было непосредственно связано с этим процессом. В свою очередь, это привело к укреплению политической власти, осуществляющей контроль над торговыми магистралями, усложнению социальной структуры общества, развитию культуры и установлению связей с базовыми центрами цивилизации. Развитие городской цивилизации и социальной структуры общества привело к формированию устойчивой этнополитической общности – средневековых татар.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, город, урбанизационные процессы, торговые пути, татары, золотоордынская цивилизация.

THE FACTOR OF URBANIZATION IN THE DEVELOPMENT OF THE JUCHI ULUS

I. L. Izmaylov

In the article the author addresses the controversial issue of the cities of the Golden Horde period. The author identifies the main reasons for the flourishing of cities and urban culture in the Jochi Ulus. It is shown that the formation of cities and urban civilization followed the establishment of trade routes and was directly related to this process. In turn, this has led to the strengthening of political power to control trade routes, the complexity of the social structure of society, the development of culture and the establishment of links with the basic centers of civilization. The development of urban civilization and the social structure of society led to the formation of a stable ethno – political community-the medieval Tatars.

Keywords: Golden Horde, Juchi Ulus, city, urbanization processes, trade routes, Tatars, Golden Horde civilization.

Золотая Орда и становление новой экономической структуры в Поволжье. Образование в Евразии империи Чингиз-хана и его потомков, возникшей из крови и разрушений периода завоеваний, привело к созданию «мировой державы», объединившей земли от Амура до Дуная и от Северного Ледовитого океана до Персидского залива. После своего возникновения эта империя переживала период расцвета, когда наступил относительно прочный мир. Хотя междоусобная война крупнейших улусов и привела в 1269 г. к образованию самостоятельных государств, но даже тогда экономические и этнополитические связи объединяли их гораздо сильнее, чем спорадические пограничные конфликты.

Прекрасно иллюстрирует это история Поволжья в период Золотой Орды. Единые законы, отсутствие многочисленных таможенных перегородок и стабильное управление воспринимается населением как огромное благо. Практически сразу после завоевания стали активно действовать мировые торговые магистрали, которые пришли в упадок в конце XII в. Это, в первую очередь, Великий шелковый путь, который проходил через территорию Улуса Джучи от Ургенча до Азака и городов Крыма, через Сарай и торговый путь по Волге и Каспию, связывая Переднюю Азию с Северной Европой. В силу своего исключительно выгодного географического положения Улус Джучи стал средоточием целого ряда магистральных торговых путей, пронизывавших весь евразийский континент.

Один из них – поволжский – связывал мусульманский Восток с Северной Европой и Балтикой.

Второй – черноморско-волжский – соединял причерноморские города с нижневолжскими городами и далее со среднеазиатским ответвлением Великого шелкового пути.

Третий – транскавказский – связывал страны Ближнего Востока с Юго-Восточной Европой.

Важнейшей караванной дорогой для Золотой Орды служила магистраль, которая была северным ответвлением Великого шелкового пути и шла через города Восточного Туркестана, Семиречья, Хорезма в Поволжье, а оттуда – в Центральную Европу. Благодаря удачно сложившейся конъюнктуре в условиях войн и нестабильности на Среднем и Ближнем Востоке, вызванной монгольскими завоеваниями, вторжениями хорезмийцев и крестовыми походами, товарный поток из Китая хлынул в Европу через Поволжье. Концентрация богатств, награбленных в завоеванных странах, и участие в мировой торговле колоссально обогатили аристократию Улуса Джучи и подталкивали ее к подчинению новых земель, к установлению контроля за балканским и малоазийским отрезками Великого шелкового пути. По этому знаменитому торговому пути, начинавшемуся в Китае и проходившему через Орду, шли многие необходимые для Западной Европы товары – пряности, шелк, хлопок, драгоценные камни, хлеб и рабы, а также меха и пушнина [Martin, 1978, с. 401–422; Петров, 1995, с. 60–91; Федоров-Давыдов, 1998, с. 338–59]. Этот поток товаров, чрезвычайно ценившихся

на рынках Европы, обогащал посредников и служил одной из основ благосостояния всех городов Дашт-и-Кыпчака. С торговлей были связаны не только поступления в казну от торговых пошлин, но и благополучие многочисленной obsługi: караванщиков, проводников, охраны, владельцев караван-сараяв, ремесленников и т. д. Кроме того, многие мастерские занимались изготовлением предметов на продажу и переработкой полуфабрикатов. Все они очень чутко реагировали на любые изменения торговой активности.

Судя по запискам европейских послов и купцов (Дж. де Плано Карпини, Г. Рубрук, Марко Поло), этот путь активно начали функционировать уже в 50-е гг. XIII в. Путешественники особо отмечали, что «купцы, снабженные тамгой, свободно странствовали повсюду, и никто не дерзал трогать их». Беспрепятственная торговля позволяла быстрее обмениваться новинками науки и техники, быстрее претворять их в производство (например, производство чугуна и огнестрельного оружия) [Кирпичников, 1976, с. 77–78; Рязанов, 1997]. Кроме того, перераспределение продукта в пределах державы способствовало сосредоточению его в руках местной знати, например, на Руси, Булгарии и т. д. Судя по археологическим материалам, благосостояние даже простого населения столицы было довольно высоким, а средоточие излишков богатств и продуктов в отдельных городах вызвало в них бурный расцвет ремесла, науки и культуры.

Сердцем Улуса Джучи были степи Дашт-и-Кыпчака и особенно Нижнее Поволжье. Именно в этой области, по словам Ибн-Халдуна, было «мало городов, но много населенных мест». Здесь же находились два мегаполиса Улуса Джучи – Сарай и Сарай ал-Джадид (Новый Сарай), а также другие крупные города: Хаджитархан (близ современной Астрахани), Бельджамен, Укек (близ современного Саратова) и Сарайчик, которые, вместе с десятками городков и поселений, их окаймлявшими, образовывали густонаселенный земледельческий оазис, тянувшийся по обоим берегам вдоль всего нижнего течения рек Волги и Урала. Здесь находился политический, экономический и культурный центр империи, место, где происходило средоточие огромных материальных и людских ресурсов – во многом за счет регулярного ограбления провинций – и уже в конце XIII в. произошел небывало стремительный рост городов.

Необходимо особо подчеркнуть, что сама структура городских поселений в Улусе Джучи была очень рациональна и подчинялась социально-политическим и торгово-экономическим требованиям и самым строгим законам логистики. Некоторые археологи прямо указывают, что крупные поселения внутри страны можно искать с помощью циркуля и карты. Достаточно прочертить круг в 40–50 км (т. е. средний дневной переход торгового каравана), как мы обнаружим поселения, как бы веером расходящиеся по путям магистральных торговых путей, и эта цепочка продолжается до следующего крупного города. Крупные города, за редким исключением, имели настолько удобное и выгодное местоположение, что русские крепости и города фактически развивались на их территории, например: Самара на месте целого куста поселений, Саратов близ Укека, Царицын (Волго-

град) на месте Сарая ал-Джадид, Астрахань построена из кирпичей Хаджитархана, Белгород Днестровский развился из татарского Аккермана, Запорожье расположено близ Кучугурского городища, Азов – прямой наследник татарского Азака, Наровчат возник на месте татарской Наручади (Мухши), Уральск на месте Сарайчика и т. д. Иными словами, это были не просто города, возникшие в голой степи по нелепой прихоти ханов-самодуров, а развивавшиеся центры, средоточие торговли и ремесла, пункты роста своих регионов. При этом они имели свое место не только во внутриордынской, но и мировой трансасиатской магистральной торговле. Не случай, а логистика играла важнейшую роль в выборе места для основания города, логичность и рациональность которого подтверждает то, что практически все областные столицы Поволжья развиваются на месте татарских городов. Но и среди этих центров выделяются размерами и значением несколько центральных городов.

Золотоордынская цивилизация – яркая страница истории мировой культуры. В Джучиевом Улусе был создан пышный имперский стиль, впитавший в себя традиции многих народов, но не в хаотическом скоплении разнородных элементов, а в системе органично слитых явлений, перекрытых мощно звучащими стилями и направлениями, разными в различные периоды существования государства. Кроме синкретичного фона домонгольских культур, некоторые из которых имели развитый образный язык, основанный на мусульманских (хорезмская, болгарская) и евразийских кочевых (кыпчаки, кимаки) традициях, в культуре Улуса Джучи нельзя не видеть центральноазиатских и дальневосточных элементов материальной и художественной культуры [Gorelik, Kramarovsky, 1989, p. 67–87; Kramarovsky, 1991, с. 255–273; Крамаровский, 2001]. Имперская культура Золотой Орды складывалась в результате творческой активности практически всех народов, входивших в состав государства, осваивая принесенный завоевателями на запад культурный репертуар. Наиболее ярко чингизидские традиции проявлялись в культурном круге социально престижных изделий, являвшихся принадлежностью и отличительной чертой военно-служилой знати: в крое костюма, системе поясной гарнитуры, предметов оружия и конского снаряжения, других аксессуаров. Разумеется, полностью единой эта культура не была, поскольку изначально была строго социально ориентирована. Однако в начале XIV в., по мере роста городов в Улусе Джучи, прежде всего в Поволжье, здесь пышно распускается новая урбанистическая восточная средневековая культура, «культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана, математиков и астрономов, изыскано тонкого орнамента и каллиграфии» [Федоров-Давыдов, 1976, с. 118]. Характерными чертами декоративно-прикладного искусства Золотой Орды являются орнаментальность, полихромность в использовании цветовой гаммы, наличие арабесковых мотивов и т. д.

Появление большого количества городов в Дашт-и-Кыпчаке в XIII–XIV вв. (сейчас их известно более ста) – явление уникальное в истории Средневековья.

Практически на пустом месте возникли не просто отдельные города, а целая область, ставшая центром яркой цивилизации, сочетавшей степную кочевническую и оседлую мусульманскую культуры. По образному выражению Г. А. Федорова-Давыдова, золотоордынские города периода расцвета «представляли смесь среднеазиатских мечетей и минаретов, изразцов и поливной посуды, деревянных срубов и кочевнических юрт» [Федоров-Давыдов, 1976, с. 118].

Несомненно, важнейшую роль в появлении и стремительном росте Сарая и других городов сыграла ханская власть. Возникнув как административно-политические центры, вокруг которых селилась аристократия, города довольно быстро стали местами, чья хозяйственная жизнь была связана с концентрацией, переработкой и перераспределением стекавшихся со всех концов Орды продуктов и богатств. Обслуживание знати стало мощным импульсом бурного подъема экономической и культурной жизни в конце XIII – первой половине XIV в. в период наивысшего могущества правивших здесь ханов. Такая тесная связь с центральной властью, однако, стала для городской жизни губительной. В условиях кризиса и разложения империи города теряют постоянные источники притока сырья и богатств, начинают хиреть, а потом вообще приходят в упадок. Этому в немалой степени способствовала большая консервативность жизни основной части степного населения, кочевавшего со своими стадами в засушливой степи и, в принципе, не завесившего от сарайских ханов. Вместе с ослаблением ханской власти центр власти перемещается из городов в кочевые орды, которые становятся средоточием политической и военной мощи.

Следует также подчеркнуть три обстоятельства, которые способствовали расцвету городов, развитию сельской округи вокруг них и укреплению единства государства, тем самым сплачивая различные части империи и способствуя формированию цивилизации и единой средневековой татарской этносоциальной общности. В первую очередь, это создание системы бесперебойно функционирующих коммуникаций – *ямов* (*йамов*, *джамов*), представляющих собой почтовые станции с лошадьми и караван-сараями. Обычно они располагались на расстоянии 30–50 км между собой, т. е. на длину дневного перехода на всех важнейших караванных путях Улуса Джучи, связывая различные города и порты страны [Еманов, 1995]. Ямская повинность была одной из важнейших государственных повинностей населения, избавление от которой особо оговаривалось в тарханых ярлыках, например русскому духовенству. Кроме чисто государственных интересов – быстрое распространение важной государственной информации во все концы страны, система ямов, вместе с возникшими рядом с ними караван-сараями, стала и системой важнейших торговых артерий страны, по которым беспрепятственно и безопасно двигались караваны с товарами от портов Крыма до Каракорума и Ханбалыка. Яркое описание этого пути из Кафы в Сарай, а из него в Ургенч и оттуда в Индию дал в начале XIV в. путешественник и географ Ибн Батута [Тизенгаузен, 1884, с. 280–314]. Это были не только пути движения

материальных ценностей, но и информации – культурных и технологических достижений, религиозных проповедников. Недаром часто караван-сарай обычно служили вакуфом для какой-то определенной суфийской общины или близ караван-сарая возникала *ханака* – странноприимный дом для проповедников и дервишей.

Другим важным условием служило создание стабильной до определенных пределов денежно-финансовой системы Улуса Джучи. Уже в середине XIII в. создана своя денежно-весовая система, основой которой стал серебряный *дирхем* (*йармак*) весом 1,156 г. Позднее эта система была упорядочена ханом Токтой в 1310/11 г. и с некоторыми изменениями просуществовала вплоть до гибели государства, а в некоторых регионах и позднее [Мухамадиев, 1983, с. 41–140; Федоров-Давыдов, 2003]. Одновременно выпускались и медные монеты, пропорциональные ценности серебряной монеты, которые имели хождение внутри страны и за ее пределами, а в некоторых государствах (например, в Московском Великом княжестве) она стала основой возникшей денежно-весовой системы. Стабильность и кредитоспособность торговцев Улуса Джучи способствовали не только укреплению их связей со Средиземноморьем, но и появлению передовых форм кредитно-финансовых систем – банков и векселей. По аналогии с Юаньским Китаем, возможно, на территории Улуса Джучи имели хождение и бумажные деньги – государственные векселя. Судя по итальянским письменным источникам, в ходу также были и частные векселя, которые связывали в единую финансовую систему торговые компании городов Италии и, очевидно, других стран Средиземноморья с торговыми домами Золотой Орды.

Несомненно, что, кроме чисто экономических, важнейшую роль в появлении и стремительном росте Сарая и других городов сыграла ханская власть. Возникнув как административно-политические центры, вокруг которых селилась аристократия, города довольно быстро стали местами, чья хозяйственная жизнь была связана с концентрацией, переработкой и перераспределением стекавшихся со всех концов Орды продуктов и богатств. Обслуживание знати стало мощным импульсом, которому города обязаны бурным подъемом экономической и культурной жизни в конце XIII – первой половине XIV в., в период наивысшего могущества правивших здесь ханов. До тех пор, пока симбиоз оседлых и кочевых областей сохранялся, ханам Улуса Джучи и правящим кланам удавалось сдерживать сепаратизм отдельных улусбеков и удерживать в подчинении покоренные народы.

Города Поволжья были также крупными культурными центрами, где развивались литература и искусство, формировались общеразговорный и литературный языки. В начале XIV в. мусульманская община в городах и в войске настолько усилилась, что смогла возвести на престол своего ставленника – хана Узбека (1314–1342). Придя к власти, он «умертвил большое количество уйгуров – лам и волшебников и провозгласил исповедание ислама». Именно с этого периода ислам становится государственной религией и стержнем имперской идеологии

(Подробнее см.: [DeWeese, 1994; Малов, Малышев, Ракушин, 1998; Измайлов, 2006, с. 53–88]). Мусульманское духовенство с этого времени становится важнейшим проводником религиозной политики, получая большие земельные наделы и рычаги влияния на народ.

Расцвет империи Джучидов, развитие городов, становление пышной и синкретичной культуры, формирование общепонятного городского койне и литературного языка («поволжский тюрки»), а также активное перемешивание военно-феодальной знати привело к возникновению татарской этнополитической общности. Несмотря на довольно хорошо изученные последствия этих процессов, сам механизм такой этнополитической трансформации остается еще плохо понятным. Однако, судя по современным этнологическим исследованиям и анализу специфики средневековой ментальности, можно предположить, что ключевую роль в этих процессах сыграли идеологические причины, а именно внедрение новой джучидской этнополитической идентификации.

В степях и городах Дашт-и-Кыпчака, где происходили подобные процессы распыления племенной структуры кыпчаков и формирование новой этносоциальной структуры, общим этнонимом становится имя «татар». Об этом прямо свидетельствует историк и государственный деятель державы Ильханидов Рашид ад-Дин: «вследствие силы и могущества татар... (ныне) в стране киргизов, келаров и башкир в Дашт-и-Кыпчаке, в северных (от него) районах <...> все тюркские племена называют татарами» [Рашид ад-Дин, 1952, с. 103]. Этнокультурным отражением этих процессов может служить целый пласт новых элементов центральноазиатской культуры (восходящих к киданьско-чжурчженьскому искусству), связанный, прежде всего, с новыми традициями имперского государственного управления (металлические пайцзы, джучидские монеты и т. д.) и чингизидского рыцарства (украшения пояса, оружие и воинское снаряжение, орнаментированная конская упряжь и т. д.) [Kramarovsky, 1991, с. 260–264; Крамаровский, 2001]. Татары, являясь стеновым хребтом империи Джучидов, не только не растворились в небольших, разрозненных и деморализованных кыпчакских родах, но и подчинили их своей власти, включили в свою военно-административную и клановую систему, по существу «переварив» их без остатка, внедрив в их среду новое – татарское этнополитическое самосознание. Таким образом, активное формирование слоя военно-служилой знати, создание материальных и духовных символов надплеменного имперского единства, а также государственной идеологии с использованием как традиционных (тюркских и монгольских) мифологем, так и исламских идей и символики привело к формированию на территории Улуса Джучи новой этнополитической общности.

Спад в трансевразийской торговле и упадок городов Золотой Орды. Связь могущества Золотой Орды с подъемами и спадами трансевразийской торговли иллюстрирует сам упадок этого государства. Спад в международной торговле начался еще в 40-х гг. XIV в. и достиг пика падения во второй половине века. Вызвано это было рядом причин, к которым можно отнести освободительное

восстание в Китае против монгольской династии Юань, нестабильное положение в Средней Азии и Моголистане, эпидемии бубонной чумы, смута в Анатолии после распада державы Ильханов, а также вспышка войны между основными средиземноморскими торговыми державами – Генуей и Венецией. Все это вызвало ограничение товарооборота между Востоком и Западом, резко подорвав положение нижеволжских городов. Только в конце XIV в. наметился медленный выход из кризиса, несколько ожививший мировую торговлю [Карпов, 1990, с. 60–63, 300–331; Еманов, 1995].

Подобная тесная связь с центральной властью стала, однако, губительной для городской жизни. В условиях кризиса и разложения империи, города, теряя постоянные источники притока сырья и богатств, начинают быстро хиреть, а потом вообще приходят в упадок. Этому в немалой степени способствовала большая консервативность жизни основной части степного населения, кочевавшего со своими стадами в засушливой степи и, в принципе, не зависевшего от сарайских ханов. Поэтому вместе с ослаблением централизации власть перемещается из городов в кочевые орды, которые становятся средоточием политической и военной мощи.

Таким образом, можно сделать несколько важнейших выводов. Во-первых, развитие цивилизации в Волго-Уральском регионе самым прямым образом связано с возникновением и расцветом международной торговли по трансевразийским торговым магистралям. В IX–X вв. – это, в первую очередь, Волго-Балтийский торговый путь. Во-вторых, становление городов и городской цивилизации идет вслед за установлением этим торговых путей и непосредственно связано с ними. Таким образом, для данного региона особую важность приобретают мысли великого русского историка В. О. Ключевского о «торговом» пути происхождения городов. Думается, что материалы нашего региона полностью подтверждают сделанные им более ста лет назад выводы. В-третьих, поволжские города в полной мере могут быть названы термином, который использовал другой русский историк античности и археолог Михаил Иванович Ростовцев применительно к городам Ближнего Востока, назвав их «караванными городами». Соответственно, расцвет, подъем и упадок их можно связывать не только с ослаблением государственной власти или природными причинами, но и с пульсацией торговой активности на разных направлениях. В-четвертых, возникновение городов ведет к укреплению политической власти, осуществляющей контроль над этими магистралями и усложнением социальной структуры общества, развитием культуры и установлением связей с базовыми центрами цивилизации. Происходит расширение границ ойкумены и затягивание в ее орбиту областей «третьего» и «четвертого» миров. Соответственно, страна, ставшая очагом новой социально-политической системы, играет роль системообразующего центра для тяготеющего к ней региона. В-пятых, развитие городской цивилизации и социальной структуры общества ведет к формированию устойчивой этнополитической общности, как это произошло со средневековыми татарами.

1. Еманов А. Г. Север и Юг в истории коммерции на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995.
2. Измайлов И. Л. Ислам в Улусе Джучи (Золотой Орде) // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Казань, 2006. С. 53–88.
3. Карпов С. П. Итальянские морские республики и южное Причерноморье в XIII–XV вв. : Проблемы торговли. М., 1990.
4. Кирпичников А. И. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.
5. Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
6. Малов Н. М., Малышев А. Б., Ракушин А. И. Религии в Золотой Орде. Саратов, 1998.
7. Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М., 1983.
8. Петров А. М. Великий шелковый путь (о самом простом, но мало известном). М., 1995.
9. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М. ; Л., 1952.
10. Рязанов С. В. Чугунолитейное ремесло в городах Золотой Орды (итоги предварительного исследования). Уфа, 1997.
11. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.
12. Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М. : Искусство, 1976.
13. Федоров-Давыдов Г. А. Торговля нижеволжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1998. С. 38–59.
14. Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.
15. Gorelik M. V., Kramarovsky M. G. The Mongol-Tatar states of the thirteenth and fourteenth centuries // Nomads of Eurasia. Los Angeles, 1989.
16. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tukles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania State University. 1994.
17. Martin J. The Land of Darkness. The fur trade under the Mongols. XIII and XIV centuries // Cahiers du monde russe et soviétique. 1978. Т. XIX. 4 (oct.-dec.). P. 401–422.
18. Kramarovsky M. G. The Culture of the Golden Horde and the Problem of the Mongol Legacy // Rules from the Steppe, State Formation of the Eurasian Priphery. The Univ. of Southern California, 1991.

УДК 94,04/14*

**КЛАН АЛБЫР/ОЛБЕРЛЫ И ЕГО МЕСТО
В КИМАКСКО-КЫПЧАКСКОМ МИРЕ
(К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ИСТОКАХ ГРУППЫ)¹**

Д. М. Исхаков, З. А. Тычинских

В статье рассматривается проблема этнической принадлежности клана албар/олбер, известного в XIII в. в связи с монгольскими завоеваниями. Этот клан, во главе которого тогда стоял Бачман-султан, имел прямое отношение к кимакам (емекам), у которых прослеживаются старые контакты не только с тюрками, но и протомонголами. Так как у кимаков, фактически являвшихся частью восточных кыпчаков, обнаруживается наличие татарского этнического компонента, вопрос о клане албыр/олбер оказывается выходящим на комплекс проблем, имеющих прямое отношение к становлению этнополитической общности «монголо-татар». В целом исследование этнической истории клана албыр/олбер позволяет по-новому осветить весьма дискуссионный вопрос о тюркском этническом участии в формировании золотоордынских татар.

Ключевые слова: клан, албыр/олбер, кимаки, кыпчаки, монголы, кидане, государство Ляо, Золотая Орда.

**THE CLAN ALBIR/ALBERLI AND ITS PLACE
IN THE KIMAK-KYPCHAK WORLD
(ON THE ISSUE OF THE ETNIC ORIGINS OF THE GROUP)**

D. M. Iskhakov, Z. A. Tychinskyh

The article deals with the problem of the ethnicity of the Albir / Olber clan, known in the 13th century in connection with the Mongol conquests. This clan, at the head of which then stood Bachman-Sultan, was directly related to the Kimak (Emek), who have traced the old contacts not only with the Turks, but also with the Proto-Mongols. Since the Kimak, who were actually part of the Eastern Kipchaks, revealed the presence of the Tatar ethnic component, the issue of the Albir / Olber clan turns out to be a set of problems that are directly related to the formation of the ethnic-

© Исхаков Д. М., Тычинских З. А., 2019

¹Исследование выполнено в рамках темы ФНИ № 0408-2018-0001 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н. э. – II тыс. н. э.)».

political community of the «Mongol-Tatars». In general, the study of the ethnic history of the clan Albir / Olber allows us to shed some light on the very controversial issue of the Turkic ethnic participation in the formation of the Golden Horde Tatars.

Keywords: clan, Albir / Olber, Kimaks, Кypчакс, Mongols, Khitan, Liao State, Golden Horde.

Как известно, на части территории Великого Монгольского государства (Еке Монгол улуса) – в Улусе Джучи, больше известном как Золотая Орда, в конечном счете за его политически доминировавшим (государствообразующем) населением закрепилось наименование «татары». Но вопрос о том, как из первоначального этнического ядра «монголов» возникло объединение, маркировавшееся как «монголо-татары» или просто «татары», до сих пор относится к числу до конца не выясненных, в том числе и потому, что в Центральной Азии существовали собственно татарские кланы, с которыми объединяющиеся под руководством Чингисхана монгольские племена столкнулись на рубеже XII–XIII вв. и покорили их. Так как «народ монголов» весьма быстро по ходу становления Великого Монгольского государства стал именоваться «монголо-татарами» (мэн-да), одним из значимых аспектов этнополитической истории этой громадной империи – самой большой в истории человечества – является осмысление ее тюрко-монгольского (= татаро-монгольского) характера, чему есть ряд препятствий как объективного, так и субъективного характера. Если к числу первых отнести сложносоставной характер «монголо-татар» при неясности этнической принадлежности многих, вошедших в это объединение групп, то в разряде вторых следует указать не только на существование современных народов, носящих этнонимы «татары» и «монголы» с пересекающимися национальными историями (вследствие бытования двойной маркировки «народа монголов» уже с периода образования Еке Монгол улуса, а также из-за правления в Золотой Орде и у ее политических наследников – татарских ханов, орд Чингисидов), но и на воздействие современных российских реалий (уход в постсоветский период от привычного обозначения Золотой Орды как «монголо-татарского» государства к понятию «монгольская держава» или вообще к безэтнической маркировке ее как «Орды», а населения – как «ордынцев»).

Подобные метания в определениях вызваны как политическими причинами, так и научными – в частности, объясняемыми недостаточной изученностью этнополитических процессов, происходивших в рамках Улуса Джучи. К примеру, в историографии, в том числе зарубежной, достаточно широко распространено мнение о сложении золотоордынских «татар» в результате того, что пришлые монголы были ассимилированы численно преобладавшими местными кыпчаками. При этом обычно упускается из виду, что эти самые «монголы» ко времени образования Золотой Орды на самом деле являлись уже отнюдь не первоначальными «монголами» (мэнью), а «татаро-монголами». Кроме того, у восточных

кыпчаков-кимаков, прежде всего, существовало значимое собственное «татарское» этническое составное, также по ходу завоеваний Чингисхана вошедшее в состав Великого Монгольского государства и оказавшееся затем в границах Золотой Орды. Поэтому и существует необходимость взглянуть на проблему становления средневековых, т. е. золотоордынских, татар (= «монголо-татар») несколько иначе, чем это было принято до сих пор.

В свое время В. В. Бартольд в статье «Татары» обратил внимание на сообщение Джуджани, связанное с походом 1218/1219 г. хорезмшаха Мухаммада б. Текеша на кыпчаков, возглавлявшихся Кадырханом б. Юсуфом Татарским [Бартольд, 2002, с. 559]. Это место сочинения Джуджани «Табакат-и Насыри» выглядит так: «В 615 г. х. он (т. е. хорезмшах Мухаммад. – Д. И., 3. Т.) отправился за Кадыр-ханом, являвшимся сыном Юсуфа Татарского, в Туркестан и проник в Туркестан настолько далеко к северу, что [достиг] Уйгура [l-ghur] [,] [он продвинулся] так далеко к северу, что достиг Северного Полюса» [Tabakati Nasiri, vol. 1, 1970, p. 267]. Нам сейчас уже известно, что указанная местность, где, согласно Джуджани, день сливался с ночью, действительно находилась в северной зоне, но не настолько далеко, как писал этот автор, – речь идет о бассейне р. Ирғиз, где-то в междуречье рек Кайлы и Кимача (т. е. на границе современной Актюбинской области Казахстана и Оренбургской области РФ) [Ахинжанов, 1989, с. 225–234]. В приведенном сообщении следует обратить внимание на предводителя кыпчаков, явно восточных, который маркирован как сын Юсуфа *Татарского*. Почему этих кыпчаков возглавляло знатное лицо, принадлежавшее к неким «татарам»? Вопрос этот остался открытым.

В дальнейшем один из крупных отечественных филологов татарского происхождения – Э. Н. Наджип, специалист по тюркской филологии средневекового периода, написавший ряд качественных работ, посвященных характеристике этноязыковой ситуации X–XV вв. в тюркском мире, в статье «Очерк историко-культурной обстановки в XIV и XV вв.», освещая проблему этноязыковой ситуации в Золотой Орде и Мамлюкском Египте, сделал следующее, заслуживающее внимания замечание: «Прибывшие в Египет во время правления Бейбарса *татарские* эмиры (речь идет об их прибытии туда после 1262 г. – Д. И., 3. Т.) являлись коренными жителями кыпчакских степей... Племена, называвшиеся татарскими, жили в Дешт-и Кыпчак и до прихода монголов на эту территорию» [Наджип, 1989, с. 86].

Таким образом, перед нами возникают «татары», уже в домонгольское время находившиеся на территории Дешт-и-Кыпчак. Заметим, что как у В. В. Бартольда (у него более явно), так и у Э. Н. Наджипа (менее явно) при их рассуждениях, кажется, прежде всего, подразумеваются восточные кыпчаки, про которых последний автор отмечал, что они вообще-то являлись западной ветвью кимаков [Наджип, 1989, с. 42]. Это замечание должно быть учтено, ибо за ним скрывается весьма серьезная проблема, которая до сих пор должным образом даже не поставлена. О чем идет речь? Речь идет о присутствии среди кыпчаков, в первую

очередь среди представителей восточной их ветви, далеко не случайно увязываемых с кимаками, весьма значимого татарского этнического компонента.

Для того чтобы разобраться в этом непростом вопросе, было решено обратиться к сюжету, связанному с кланом олбер/албыр (есть и другие написания его наименования). Так как об этом клане уже писалось неоднократно, нам представлялось важным сосредоточиться на вопросе об этнической принадлежности этой группы, ибо именно он остается до сих пор весьма дискуссионным. На самом деле поиск ответа на этот вопрос имеет более широкое значение, в целом затрагивая проблему этнической принадлежности ряда восточно-тюркских кланов, вошедших в состав кимаков и собственно восточных кыпчаков, а через них – в состав золотоордынских татар.

Весьма известный клан албыр/олберлы, во главе со своим предводителем Бачман султаном, оказавший монгольским завоевателям ожесточенное сопротивление в районе низовьев реки Волги в период великих завоеваний 1235–1242 гг., многократно являлся объектом внимания исследователей. В последнее время было установлено, что политический центр этого клана, входившего в круг кимакских объединений, находился в районе современного Оренбурга, где существовал легендарный город Актубэ [Исхаков, 2012]. По поводу этнической принадлежности этой группы до сих пор существует дискуссия в литературе. Согласно взгляду одних исследователей, это был монгольский (киданьский) клан, но другие исследователи придерживаются мнения, что это были тюрки. Для того чтобы выяснить истинную их этническую принадлежность, необходимо заново проанализировать существующие источники, а также разобрать историографию вопроса.

Начать следует с рассмотрения информации, содержащейся в трудах Ибн ал-Асира и Махмуда Кашгари.

В труде Ибн ал-Асира «Ал-Камил фи-т-та тарих» (XIII в.) под 435 г. х. (1043/1044) отмечено, что «в этом году в месяце сафаре приняли ислам десять тысяч кибиток из неверных тюрков, которые, бывало, делали ночные набеги на мусульманские города в краях Баласагуна и Кашгара, грабили их и учиняли беспорядки». Далее источник уточняет: «...они проводили лето в краях Булгара, а зимовали в краях Баласагуна. Но и когда приняли ислам, то рассеялись по стране; в каждом крае по тысячи кибиток или меньше, или больше; ведь они объединялись [раньше] только для того, чтобы защищать друг друга от мусульман» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 211–212]. На эту информацию мы должны обратить особое внимание потому, что она относится к эпохе усиления кыпчакско-кимакских групп. Кроме того, в данном известии фиксируется пребывание этой группы (10 тыс. кибиток – это не менее 50 тыс. чел., а скорее всего, и больше) летом в «краях Булгара», что весьма важно, ибо имеется одна «зацепка», как думается позволяющая узнать, что за группа в названном выше источнике подразумевается в лице этих, являвшихся «неверными», но затем весьма рано принявших ислам тюрков.

Дополнительная информация о них, вероятно, содержится у Махмуда Кашгари. Дело в том, что у Махмуда Кашгари есть указание на то, что «двоих сыновей царя Кыпчаков Инала Уза... называют *табар*» [Ал Кашгари, 2005, с. 344] (выделено нами. – Д. И., З. Т.). Возможно, в последнем случае, как и в случае с понятием «инал», подразумевается титул, в частности «табар» может быть «иль-табаром»/эльтебером – известным тюркским титулом. Но не исключено, что в некоторых источниках этот титул был передан как имя собственное. В этой связи укажем на то, что, согласно Джуджани, одного из родоначальников племени илбари, являвшегося как раз «ханом 10 000 семейств», звали Абаром [Tabakati Nasiri, vol. II, 1970, p. 791, 800–801]. Джуджани отмечает, что этот Абар хан приходился дедом (возможно, прадедом) Улуг хану Азаму, жившему в эпоху монгольских завоеваний в Средней Азии. Судя по хронологии, этот Абар хан мог жить в середине – второй половине XI в. и соответствовать Табару М. Кашгари [Ахинжанов, 1989, с. 202]. В таком случае возникает вопрос: не подразумеваются ли под 10 000 «кибиток» или «семей», принявших в 1043/1044 г. ислам, представители клана алпарлы/илбари/олбер? Принимая в расчет их нахождение летом «в краях Булгара», это весьма возможно. Тем более что в верхних звеньях генеалогии являвшегося предводителем этого клана Бачман султана, начиная от его отца – Габдерахман султана и заканчивая его прапрадедом, которого, судя по генеалогии, звали Габделгазизом (титул у него такой же – «султан»), фигурируют мусульманские имена [Исхаков, 2010, с. 95–96], свидетельствующие, что представители этого клана приняли ислам задолго до времени жизни Бачмана. А данные Ибн ал-Асира о том, что после принятия ислама названное объединение тюрков «рассеялось», можно считать не вполне достоверными. Дополнительным аргументом в пользу нашей гипотезы может служить известный рассказ Лаврентьевской летописи, под 1184 г. сообщающей об участии «половцев Емяковых» во внутриполитической борьбе в Волжской Булгарии [ПСРЛ, т. 1, с. 389]. Понятно, что для этого они должны были находиться не так далеко от территории этого государства.

Как уже было установлено [Ахинжанов, 1989; Исхаков, 2012], этому критерию больше всего соответствуют именно представители клана илбари (олбер), бывшего частью кимаков и, судя по всему, локализованных в предмонгольское время в бассейне р. Яик.

Раннюю историю этого клана сейчас необходимо уточнить и «вписать» в общую историю и начальный этап движения кимакско-кыпчакского объединения в XI–XII вв. на запад. При его рассмотрении мы будем опираться на известные труды С. Г. Агаджанова, С. М. Ахинжанова, О. Прицака, П. В. Голдена, Р. П. Храпачевского, А. Ш. Кадырбаева, Е. И. Кычанова и др. В необходимых случаях к ним будут сделаны дополнения и комментарии, главным образом, в русле интересующей нас тематики.

Исследователи едины в том, что весьма многочисленные восточные группы тюрков из Центральной Азии и прилегающих территорий Южной Сибири в

предмонгольское время стали выдвигаться на запад вследствие подъема монголоязычных кочевников – киданей и основания ими в начале X в. государства Ляо, вскоре включившего в свои территориальные рамки и Северный Китай [История Востока, т. II, 1995, с. 300]. После упрочения власти это государство начало активные военные действия в западном направлении, что привело в начале XI в. к крупным передвижениям тюркских групп, расселенных в Центральной Азии. Есть предположение, что в ходе киданьских походов начала XI в. на уйгур Ганьчжоу (1010), затем в северо-западную часть Джетесу (1014), после чего – в окрестности Баласагуна (1017), в составе киданьских отрядов имелись и многочисленные восточно-тюркские племена [Агаджанов, 1969, с. 154–155]. В частности, описывая наступательные действия киданей на Баласагун, Ибн ал-Асир сообщает об участии в этом «трехсот тысяч кибиток из тюркских родов. Среди них и хитаи» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 183] (т. е. кидане). В других источниках речь идет об участии в этом походе войск, насчитывавших 100 тыс. кибиток [Агаджанов, 1969, с. 155], что не противоречит первой цифре. Ясно одно – в киданьских походах, совершавшихся в первых десятилетиях XI в. вместе с восточно-тюркскими кланами, участвовало огромное число людей, что не могло не привести к крупным передвижениям населения из Центральной Азии, Южной Сибири и прилегающих зон в западном направлении.

С. Г. Агаджановым, О. Прицаком, П. В. Голденем и С. М. Ахинжановым уже достаточно подробно разбирались сообщения восточных и некоторых западных источников, сообщающих об этой миграции тюркских групп, в первую очередь состоявших из представителей кимацско-кыпчакской общности и близких этнически к ним других тюркоязычных кланов. В общем виде их анализ существующих источников сводится к следующему.

Прежде всего, речь должна идти о переселениях из Центральной Азии нескольких весьма многочисленных, но в этническом отношении не вполне однородных групп. Наиболее развернутые данные об этом содержатся у ал-Марвази (род. в 1046 г.) и у Матфея Эдесского (ум. в 1146 г.). Приведем их сообщения для выяснения главной канвы событий, происходивших, как можно полагать, в первой половине XI в. в Северной Евразии, в конце концов завершившихся формированием нового состава населения этой огромной территории в ее степных зонах. Оно и получило в конечном счете общее наименование кыпчаки/половцы, хотя имело достаточно различающиеся этнически сегменты.

В сочинении арабского историка Шарафа ал-Марвази (род. 1046 г.) «Таба, и ал-хайван», относящегося к XII в. и являющегося трактатом зоологического характера, есть описания историко-географического, а также этнологического характера, в том числе глава «О тюрках», содержащая, кроме прочего, интересную информацию об указанном выше массовом переселении тюрок Востока: «Среди них (тюрок. – Д. И., З. Т.) есть группа [людей], которые называются “кун”, они прибыли из земли Китай, боясь китайского хана. Они христиане несторианского толка. Свои округа они покинули из-за тесноты пастбищ. Из их [числа] Ахинджи

ибн Качугар Хорезм-шах. Их преследовал народ, который назывался *кай*. Они многочисленнее и сильнее их. Они прогнали их с тех пастбищ. [Тогда куны] переселились на землю *шаров*, а шары ушли в землю *туркменов*. Туркмены переселились на восточные [земли] *гузов*, а гузы переселились в землю *печенегов*, поблизости от Армянского [Черного или Каспийского. – Д. И., 3. Т.] моря» [Храпачевский, 2013, с. 212] (этнонимы и территориальные определения выделены нами. – Д. И., 3. Т.).

Читая это сообщение, надо иметь в виду, что упоминающийся в нем хорезмшах Акинджи (Икинчи) ибн Кочкар (Кочугар) был убит в 1097 г. [Ибн ал-Асир, 2006, с. 230–231; Бартольд, 1963, с. 387], поэтому содержание данного известия явно описывает более ранние события XI в. Хотя сведения ал-Марвази о тюрках были заимствованы из разных источников, в том числе и из ранних [Храповский, 1959, с. 208–211], само содержание приведенного уникального сообщения, как уже установлено, относится к начальным десятилетиям XI в. и связано с формированием государства Ляо – государства киданей/каракитаев (см. выше понятия «Китай», «китайский хан» – речь идет тут о киданях), вызвавшего массовые миграции населения на запад из глубин Центральной Азии. Но для понимания того, какие группы имелись ввиду в этом довольно сложном по структуре сообщении, необходимо остановиться еще на одном источнике XII в. – на труде армянского историка Матфея Эдесского, также писавшего в своей летописи об этих переселениях. В частности, под 1050/1051 г. он поместил известие о столкновении Византии с печенежской опасностью, вызванной серией перемещений кочевых групп, когда «народ отц приблизился и разбил [народ] хардеш, а [последний] двинулся вперед и победил узов и печенегов» [Pritsak, 1982, p. 337–338] (этнонимы выделены нами. – Д. И., 3. Т.). Разбравший это сообщение О. Прицак счел возможным видеть в «народе отц» (отц по-армянски «змея») «народ змей», т. е. группу *кай*, а в общности «хардеш»/«половых/светловолосых» – кыпчаков/половцев, приравняв «узов» к огузам [Pritsak, 1982]. На самом деле по поводу группы *кай* у него есть еще один комментарий, который будет рассмотрен несколько позже.

Следует отметить, что ранее О. Прицака С. Г. Агаджанов при комментировании разбираемого источника в «рыжеволосых» (хардеш) увидел группу «сары», полагая, что под ней подразумеваются кыпчаки Алтая, а «народ змей» (отц) он также предлагал идентифицировать (под вопросом, правда) с группой *кай* [Агаджанов, 1969, с. 158]. При этом он ссылаясь на работу Ю. А. Зуева, указавшего в свое время на наличие у клана *кай тамги* в виде змеи [Зуев, 1960, т. 8, с. 132–133]. Позже и С. М. Ахинжанов согласился с мнением О. Прицака и С. Г. Агаджанова относительно тождества «народа змей» (отц) с каями и «народа хардеш» – с шарами/сары [Ахинжанов, 1989, с. 180]. Но он заметил, что у Матфея Эдесского нет одной группы, которая присутствует у ал-Марвази, – речь идет о кунах. Причину их отсутствия у армянского летописца XII в. он объяснил тем, что куны выпали из орбиты его внимания из-за отдаленности их местона-

хождения [Ахинжанов, 1989, с. 180]. Это, как думается, вряд ли так, поэтому данный вопрос требует отдельного разбора.

Таким образом, в приведенных выше двух источниках сообщается об одном и том же событии, случившемся не позже начальных десятилетий XI в. Согласно указанию этих источников, сдвиг кочевого населения «из земли Китая» происходил так: каи → куны → шары → туркмены (это принявшие ислам гузы/огузы) → гузы → печенеги. Если принять во внимание, что торки русских летописей (а это и есть огузы), преследуемые половцами/кыпчаками, дошли до южнорусских степей к 1054 г., а в 1064 г. их разбитые группы уже переправились через Дунай, оказавшись на территории Византии [Агаджанов, 1969, с. 158–159], то начало массового движения кочевников надо отнести к более раннему периоду – скорее всего, оно должно датироваться 1030–1040 гг. [Агаджанов, 1969, с. 157; 24, р. 336; Ахинжанов, 1969, с. 182–187].

Теперь нам в этом довольно сложном конгломерате из нескольких групп (прежде всего, таких как каи, шары/сары, куны) необходимо найти ту конкретную этническую общность, куда восходил интересующий нас клан *алпарлы/олбер*. Задача эта непростая из-за существенных разногласий между исследователями относительно этнических истоков данного знатного клана. Поэтому нам придется еще раз вернуться к этому вопросу для выяснения системы аргументации точек зрения разных авторов (С. Г. Агаджанова, О. Прицака, П. Голдена, С. Г. Ахинжанова, Р. П. Храпачевского).

Несмотря на то что у исследователей, занимавшихся проблемой этнических корней тех групп, из среды которых выводится клан алпарлы/олбер, нет единства по этому вопросу, одно их объединяет: они склонны полагать, что к XI в. этнические формирования, о которых идет речь, даже если они первоначально не являлись тюркоязычными, уже были ассимилированы в численно преобладавшей тюркской среде [Агаджанов, 1969, с. 157; Pritsak, 1982, р. 335–336; Golden, 1986, vol. 6, р. 18–22; Голден, 2004, р. 105; Ахинжанов, 1989, с. 98, 101, 105, 113; Храпачевский, 2013, с. 22–23, 39]. В принципе, для разработки нашей темы такого вывода было бы уже достаточно. Но с целью более глубокого обоснования тезиса об изначальной тюркской этнической принадлежности предков клана алпарлы/олбер – а мы полагаем именно так – считаем необходимым подробнее остановиться на взглядах наших оппонентов, в первую очередь следуя за линией доказательств Б. Б. Кумекова, занимавшегося проблемой происхождения кимаков специально. К кимакам, из среды которых обычно выводятся и кыпчаки, приходится обращаться потому, что именно в составе населения Кимакского каганата имелись группы, например татары, являвшиеся знатной частью кимакского сообщества, про которые в литературе бытует давнее мнение об их монголо/кидане-язычности (детальнее см.: [Atwood, 2015, vol. II]). Так как именно с ними связываются предки клана алпарлы/олбер, есть необходимость нового анализа данного вопроса.

Эта трактовка восходит к считающимся в сино-тюркологии классическими исследованиям И. Маркварта и П. Пелльо, ее недавно воспроизвел и С. П. Атвуд, прямо указавший на то, что в китайских источниках наиболее ранние ссылки на группу кай идут в форме *kūmo-xī*, *kūnmō/kuími*, т. е. «кимек» [Atwood, 2015, vol. II, p. 049–050]. При этом С. П. Атвуд заявил, что насчет групп кай и киданей имеется «общий консенсус» относительно их «монголоязычности» [Atwood, 2015, vol. II, p. 049]. Думается, что это не совсем так, особенно если учесть исследование Б. Е. Кумекова, не только не согласившегося в целом с вышеназванной концепцией о монголоязычности кимаков [Кумеков, 1972, с. 45], но и отнесшего группу кай к тюркским этническим образованиям [Кумеков, 1972, с. 124]. В частности, он в своем заключении исходил из того, что ал-Бируни (XI в.) относил группу кай, как и кунов, кимаков и ряд других групп (кыргызов, токуз-гузов, хазар), к тюркам. Такое определение группы кай имеется и у Махмуда Кашгари, назвавшего ее «одним из тюркских племен» [Ал Кашгари, 2005, с. 858].

О. Прицак в зарубежной историографии сформулировал те основные подходы к изучению ранней этнической истории клана олберлик, которым затем во многом следовал и П. Голден. В частности, О. Прицак выводил названный клан из состава кимаков/кунов, как он думал, являвшихся протомонголами, населявшими в ранний период Маньчжурию, откуда его представители откочевали в конце XI в. (около 1090-х гг.). Кроме того, нам следует обратить внимание на примечание О. Прицака, утверждавшего относительно «народа змей», что каи «правили» конфедерацией найманов (об этом см. далее). В целом О. Прицак этнические истоки кимаков и объединения кай выводит из этнической среды протомонгольских групп *ku-mo-xsi* (татабы тюркских источников), правда подчеркнув, что к XI в. они уже были тюркизированы (последнее заключение обязано своим появлением публикации труда Махмуда Кашгари, неизвестной более ранним исследователям). Наконец, мы не должны упускать из поля нашего зрения приведенное выше мнение О. Прицака, касающееся этнических связей между каями и найманами, ибо через последних появляется связующая нить и с татарами [Pritsak, 1982; Golden, 1986, vol. 6]. Этот исследователь, связывая племя олберли с каями, считал, что каи («народ змей») стали правящим слоем у кимаков после 1031 г., приняв к тому же в 1043 г. ислам. Как он полагал, кланы олберли и кай в итоге к 1100 г. «разделили между собой власть» в Дешт-и-Кипчаке, когда из первых были верховные каганы, а из вторых – соправители.

По мнению П. Голдена, клан олберлик вышел из состава объединения *xī* (*xsi*), т. е. каев, в раннее время своей истории локализованных на юго-востоке Внутренней Монголии и на северо-востоке Маньчжурии. Группу кай, в полном согласии с построениями И. Маркварта и П. Пелльо [Golden, 1986, vol. 6, p. 14–19; Голден, 2004, с. 105–107], он считает прото (ранне)-монголами, датируя время ухода связанного с ней клана олберлик на запад серединой XII в., указав, что к 1150-м годам вышедшие из его среды ханы уже установили полный контроль над

восточными (дикими) половцами (к последним он относил кунов/команов, канглы, кыпчаков, считая их за «один народ»). П. Голден полагал, что клан олберлик положил начало одной из правящих над половцами групп – Бонякидам [7, с. 107]. Свои выводы относительно ранней этнической истории клана олберлик он базировал на данных «Юань ши», источника не вполне ясного для выводов по этой группе. Да и отнесение им времени появления клана олберлик в Волго-Уральском регионе к середине XII в. не вполне согласуется с источниками – кроме указанных выше данных о возможном принятии этим кланом ислама еще в 1043 г., когда клан летом поднимался до границ Волжской Булгарии, скорее всего, до рубежей по р. Яик, надо еще учесть одно примечание самого П. Голдена, в котором содержится информация из арабских источников, согласно которой группа олберлик фиксируется до 1050 г. [Golden, 1986, vol. 6, p. 13], что более соответствует накопленным сейчас данным.

Советская и российская историография, хотя и подверглись влиянию западной историографии, имела в отношении трактовки проблемы этнической и политической истории клана олберлик свои отличительные особенности. Начнем с того, что уже в 1970 г. был осуществлен перевод части текста «Юань ши», имеющей отношение к кыпчакам [Кычанов, 1963, с. 59–65]. Но он не получил должного объяснения, вследствие чего из него потом извлекались несоответствующие между собой этнические построения. Так, казахский историк С. М. Ахинжанов в том же году опубликовал статью, в которой, опираясь в том числе и на «Юань ши», высказал мнение о существовании на Южном Урале уже в XI в. «независимого кипчакского владения» [Ахинжанов, 1970, с. 48–49], которое он затем связал с «конфедерацией кипчакских племен» во главе с ханами из клана илбари/ольбурлик [Ахинжанов, 1976, с. 88]. Этот вывод данного исследователя опирался на анализ «Юань ши» П. Пелльо, полагавшего, что указания на место проживания в этом источнике восточных кыпчаков как «Юйлиболи» отражает наименование клана ильбари. По мнению С. М. Ахинжанова, ханы из племени ильбари/ольбурлик в конце XI – начале XII в. возглавили конфедерацию кипчакских племен Западного Казахстана [Ахинжанов, 1976, с. 88], но затем их в начале XII в. сменили баяуты, бывшие ветвью кимаков. Они являлись, как и в целом кимаки (кай), выходцами из состава монголоязычных татаро-монголов, затем, правда, отюреченные. Как полагает С. М. Ахинжанов, хотя клан илбари был замещен как ханское племя баяутами, последние все же приняли «имя» илбари [Ахинжанов, 1989, с. 101, 105, 113, 201]. Но еще в 1133 г., когда войска хорезмшаха Атсыза воевали с кыпчаками на Мангышлаке, те возглавлялись кланом илбари. Этот историк общее движение из Центральной Азии (северо-восточной Монголии и Манчжурии) в XI в. видит таким образом: вначале кай (= кимаки) в самом начале XI в. покорили *ябагу*, обитавших (внимание! – Д. И., З. А.) в бассейне р. Оби (р. Ямар по Махмуд Кашгари), затем в союзе с группами *басмыл* и *джумул* это сообщество двинулось в Семиречье (при этом шары, т. е. кыпчаки, возглавлялись басмылами), а куны, участвовавшие в этом же движении, являлись

киданиями [Ахинжанов, 1989, с. 184, 186–187]. Наконец, последний штрих: ханы половецкого объединения, существовавшего на Дону, – Шаруканиды были связаны, как полагал С. М. Ахинжанов, с «народом змей»/каями, в данном случае – с кланом токсоба [Ахинжанов, 1989, с. 137–138, 141].

Р. П. Храпачевский, писавший о клане илбари совсем недавно, приложил массу усилий для того, чтобы доказать, что та часть «Юань ши», в которой речь идет об одной династии кыпчаков (о ней писал и С. М. Ахинжанов), обычно связываемой с объединением во главе с илбари, на самом деле относится к кунам, из среды которых и вышли кыпчакские ханы, объединившие кимаков, канглы и «других кипчаков». Но – обращаем на это особое внимание – эти куны в свое время являлись, как он думает, частью татар, откочевав на запад не позднее первой трети XI в. Этот автор не исключает, что из среды кунов были и кай, с которыми он связывает токсобичей [Храпачевский, 2013, с. 20–23, 37–39]. А вот клан илбари во главе с Бачманом он не склонен относить к кунам [Храпачевский, 2013, с. 38–39], но при этом не расшифровывает их более конкретную этническую принадлежность.

Теперь надо несколько слов сказать о трудах других исследователей, в которых хотя напрямую и не обсуждается проблема клана илбари/ольбурлик, косвенно она все же затрагивается.

В частности, в своей работе, посвященной огузам, С. Г. Агаджанов высказывал мнение, что куны, первоначально жившие в Северном Китае и Западной Сибири (так он их локализует) и являвшиеся несторианами, могли быть частью конфедерации киреитов, как известно принявших несторианство еще в 1009 г. [Агаджанов, 1969, с. 156–157]. Далее весьма интересны наблюдения А. Ш. Кадырбаева, использовавшего при изучении канглы китайские источники. Он не только отмечает проживание канглы в Семиречье и на Иртыше, будучи частью кыпчакско-кимацкого объединения, но и указывает на существование у знатных представителей этого клана родственных связей со знатной частью найманов [Кадырбаев, 1979, с. 50]. Показательно также, что в приведенном им отрывке из «Синь Юань ши», в котором речь идет о знатном вожде из канглы Есударе, отец последнего зафиксирован как «Айбо-баяут», что, скорее всего, указывает на баяутов как часть канглы [Кадырбаев, 1979, с. 54]. Более того, в таком китайском источнике, как «Мэнгу эрши цзи», он находит известие о том, что «киреиты были предками канглы. Западные племена именовались канглы, восточные киреитами» [Кадырбаев, 1982, с. 133]. Комментируя эти достаточно уникальные данные, он опять приводит материалы о родственных связях между знатью канглы и найманов [Кадырбаев, 1982, с. 133]. Такого рода сведения приводил и Б. Е. Кумеков, указывавший на существование брачных связей между кыпчакским кланом токсоба и татарами, причем в домонгольский период [Кумеков, 1986, с. 40].

Отдельно необходимо отметить монографическое исследование Б. Е. Кумекова, посвященное кимакам, в котором он развивает совершенно иную, чем у многих исследователей, концепцию этнической принадлежности кимаков,

важную для нас. На основе анализа племенного состава кимаков он пришел к выводу, что кимаки изначально являлись тюрками [Кумеков, 1972, с. 128–129]. К тому же время продвижения кимаков на запад он датировал гораздо более ранним периодом – не позже конца IX в., когда совместно с огузами они вышли не только в Приаралье и Прикаспийскую зону, но и в Приуралье; миграцию кимаков в бассейны Урала и Эмбы он датировал X в. [Кумеков, 1972, с. 64]. По его заключению, кимаки в XI в. потеряли свою гегемонию в северо-евразийских степях, уступив это место кыпчакам. При этом он допускал, что кимаки могли частично «удержаться» на основной своей территории на левом берегу Иртыша [Кумеков, 1972, с. 86–87].

Итак, какой же общий вывод можно извлечь из анализа литературы, посвященной клану олберли? Главное заключение сводится к тому, что этнические истоки этого весьма известного и знатного клана остаются все еще не вполне ясными. Главный дискуссионный вопрос: были ли они выходцами из состава протомонголов или тюркских групп? Как думается, несмотря на присутствие в историографии весьма укорененной позиции, доказывающей их первоначальную принадлежность к ранним (прото) монголам – а эта линия доказательств идет через весьма спорное определение кимаков (каев) как протомонголов, на самом деле не менее фундированной выглядит другая концепция – об их тюркской этнической принадлежности. Мы придерживаемся именно этой концепции, считая, что клан ильбари/олбер был правящей группой, частью кимаков/йемек-ков, оказавшись в бассейне Яика, т. е. в Южном Приуралье, в первой половине XI в. – между 1030–1040-ми годами.

1. Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIV вв. Ашхабад : Ылым, 1969. 394 с.

2. Ахинжанов С. М. Об этническом составе кипчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата : Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1976. С. 81–93.

3. Ахинжанов С. М. Кипчаки и Хорезм в конце монгольского нашествия // Вестник АН Казахской ССР. 1970. Вып. I. С. 45–49.

4. Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1989. 293 с.

5. Ибн ал-Асир. Ал – камил фи-т- та’рих. Полный свод историй / Пер. с араб. яз., прим. и ком. П. Г. Булгакова, доп. к перев., прим. и ком., введ. и указ. Ш. С. Камолиддина. Ташкент : Узбекистан, 2006. 560 с.

6. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Сочинения. М. : Изд-во вост. лит., 1963. Т. I. 759 с.

7. Бартольд В. В. Татары // Бартольд В. В. Работы по истории, филологии тюркских и монгольских народов / подгот. к изд. С. Г. Кляшторный; отв. ред. А. Н. Кононов. М. : Вост. лит., 2002. С. 559–562.

8. Голден П. Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского

центра СО РАН, 2004. С. 103–134.

9. Зуев Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана / Труды ИИАЭ. Т. 8. Алма-Ата : Изд-во АН Казахской ССР, 1960. Т. 8. С. 93–140.

10. Исхаков Д. М. Арские князья и нукратские татары : (Историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 224 с.

11. Исхаков Д. М. Тюркские исторические предания о кыпчаках (кимаках) Оренбуржья // Степи северной Евразии. Материалы VI международного семинара и VIII международной школы-семинара «Геоэкологические проблем степных регионов» / Под науч. ред. чл.-кор. РАН А. А. Чибилева. Оренбург : ИПК «Газпромпечатъ» ООО «Оренбурггазпромсервис», 2012. С. 319–321.

12. История Востока. Восток в средние века. М. : Вост. лит-ра, 1995. Т. II. 716 с.

13. Кадырбаев А. Ш. Тюрки-канглы в империи Чингис-хана (по китайским источникам) // П. И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение (к 100-летию со дня смерти) : материалы конференции. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1979. Часть II. С. 50–57.

14. Кадырбаев А. Ш. Китайские источники монгольской эпохи о внешнеполитических связях тюркских кочевников Казахстана – кыпчаков и канглы с народами Центральной Азии и Дальнего Востока (XII – начало XIII в.) // Общество и государство в Китае. Тринадцатая научная конференция : тез. и докл. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1982. Часть 2. С. 132–136.

15. Кумеков Б. Е. Этнокультурные контакты кыпчаков и татар (по арабо-персидским источникам) // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности : тез. докл. XXIX сессии РИАС, Ташкент, сентябрь, 1986. История, литература, искусство. М., 1986. Т. I. С. 39–40.

16. Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата : Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1972. 156 с.

17. Кычанов Е. И. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII веке (публикация источников) // Известия Академии наук Киргизской ССР. Серия общественных наук. 1963. Т. V. Вып. 1. С. 59–65.

18. Ал Кашгари Махмуд. Диван лугат ат-Турк. Алмата : Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.

19. Наджип Э. Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1989. 291 с.

20. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М. : Наука, 1962. 733 с.

21. Храковский А. Шараф ал-заман Тахир Марвази. Глава о тюрках. Введение и перевод // Труды сектора востоковедения АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1959. Т. 1. С. 208–218.

22. Храпачевский Р. П. Половцы – куны в Волго-Уральском междуречье (по данным китайских источников) / Историко-генеалогический проект «Суюновы». Серия «Материалы и исследования». Т. II : Исследования по истории кочевников восточноевропейских степей. М. : ЦИВОИ, 2013. 125 с.

23. Atwood C. P. The Qai, the Khongai, and the names of the Xiōngnū // International Journal of Eurasian Studies. 2015. Vol. II. P. 035–063.

24. Golden P. B. Cumanica II. The Ölperl (Ölperli): the fortunes and misfortunes of an

Inner Asian Nomadic Clan // Archivum Eurasiae Mediaevii. 1986. Vol. 6. P. 5–30.

25. [Juziani]. Tabakati Nasiri: A General History of the muhammadian dynasties of Asia, Including Hindustan; from a.h. 194 (810 a.d.) to a.h. 658 (1260 a.d.) and Irruption the infidele Mugals into Islam by Mavlana Minhaj-ad-din, Abu-Umar-i Usman [ibn Sirajol-lin al Juziani J.] Transl. by Major H.G. Raverly. New Delhi : Oriental Books Reprint Corporation, 1970. Vol. I. 1296 p.; Vol. II. 1292 p.

26. Pritsak O. Polovcians and Rus // AEMA. 2. (1982). P. 321–340.

УДК 575.17:599.9

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ МОНИТОРИНГА СЕЛЬСКИХ ПОПУЛЯЦИЙ СИБИРСКИХ ТАТАР: МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ, ВОСПРОИЗВОДСТВО, ГЕНОФОНД

М. Б. Лавряшина, М. В. Ульянова, З. А. Тычинских, В. В. Поддубиков, А. Д. Падюкова, Д. О. Имекина, И. О. Остроухова, А. М. Веденин, В. Г. Волков, Е. В. Балановская

В статье обсуждаются промежуточные итоги мониторинга сельских групп сибирских татар, полученные в ходе экспедиционных сезонов 2012–2016 гг. Адаптационные ресурсы и особенности воспроизводства исследованы с использованием методов и подходов генетической демографии, популяционной и экологической генетики. Мониторингом охвачено не менее половины мест компактного расселения сибирских татар в Тюменской, Новосибирской, Томской и Кемеровской областях. Изучены материалы архивов за 1940–2015 гг.: записи книг похозяйственного учета сельского населения, акты ЗАГС о заключении браков. Проанализированы анкеты, заполненные на женщин старше 45 лет. Оценены результаты опросов и экспертных интервью. Исследованы биологические образцы (венозная кровь) для получения «генетических портретов» локальных групп. Изучены географические тренды распределения частот генов, кодирующих ферменты биотрансформации этанола. Проанализированы особенности частот ДНК маркеров генов, продукты которых участвуют в метаболизме белков, липидов, углеводов, витаминов. Проанализирован фонд фамилий.

Ключевые слова: сибирские татары, популяционно-генетическая структура, генетическая демография, мониторинг, межэтнические контакты, воспроизводство, генофонд, этническая идентичность.

INTERMEDIATE RESULTS OF MONITORING OF THE RURAL POPULATIONS OF THE SIBERIAN TATARS: ETHNIC CONTACTS, REPRODUCTION, GENE POOL

M. B. Laurasina, M. Ul'yanova, Z. A. Tychinskyh, V. V. Poddubkov, A. D. Padyukova, D. O. Emakina, I. O. Ostroukhova, A. M. Vedenin, V. G. Volkov, E. V. Balanovskaya

The article discusses the interim results of monitoring of rural groups of Siberian Tatars, obtained during the expedition seasons 2012–2016. Adaptive resources and reproduction features are investigated using methods and approaches of genetic demography, population and environmental genetics. Monitoring covered at least half of the places of compact settlement of Siberian Tatars in Tyumen, Novosibirsk, Tomsk and Kemerovo regions. The materials in the archives for 1940-2015.: the record books household registration of the rural population, the acts of the Registrar on the conclusion of marriages. The questionnaires filled in for women older than 45 years were analyzed. The results of surveys and expert interviews were evaluated. Biological samples (venous blood) were studied to obtain «genetic portraits» of local groups. Examined geographic trends of the frequency distribution of the genes encoding enzymes of the biotransformation of ethanol. The features of DNA marker frequencies of genes whose products participate in the metabolism of proteins, lipids, carbohydrates, vitamins are analyzed. The Fund of surnames is analyzed.

Keywords: Siberian Tatars, population-genetic structure, genetic demography, monitoring, interethnic contacts, reproduction, gene pool, ethnic identity.

Сибирские татары – крупнейшее по численности коренное население Западной Сибири с поясом расселения «от Урала до Енисея». Современный этнический ареал сибирских татар расположен в территориальных границах Тюменской, Новосибирской, Томской и Кемеровской областей. Обширная география расселения определяет разнообразие межэтнических контактов сибирских татар и оказывает влияние на адаптационные модели, практикующиеся локальными группами в условиях социально-экономических трансформаций, а также изменения типа хозяйственной деятельности и образа жизни.

Согласно современным представлениям, сибирские татары – это этническая общность, объединяющая в своем составе три крупных этнотерриториальных массива: тоболо-иртышский, барабинский и томский, которые, в свою очередь, формируются на основе различных этнографических групп и локальных сообществ. Схема, составленная на основе традиционной этнографической классификации, предложенной Н. А. Томиловым, отражает это разнообразие (рис. 1).

Комплексное исследование сибирских татар с привлечением научных коллективов Москвы и Сибири было инициировано в 2012 г. Е. В. Балановской (МГНЦ, Москва). При содействии административных органов и органов здравоохранения Тюменской, Новосибирской, Томской и Кемеровской областей запущена программа этносоциального и медико-биологического мониторинга сибирских татар. Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФИ (проекты 14-06-00272а, 14-06-10020к, 17-06-00513а). В период 2013–2018 гг. осуществлено 9 экспедиций. Обследованим охвачены сибирские татары тоболо-иртышской (татары-бухарцы, заболотные, искеро-тобольские, иштякско-токузские, ялуторовские, тюменские), барабинской (барабинско-турашские,

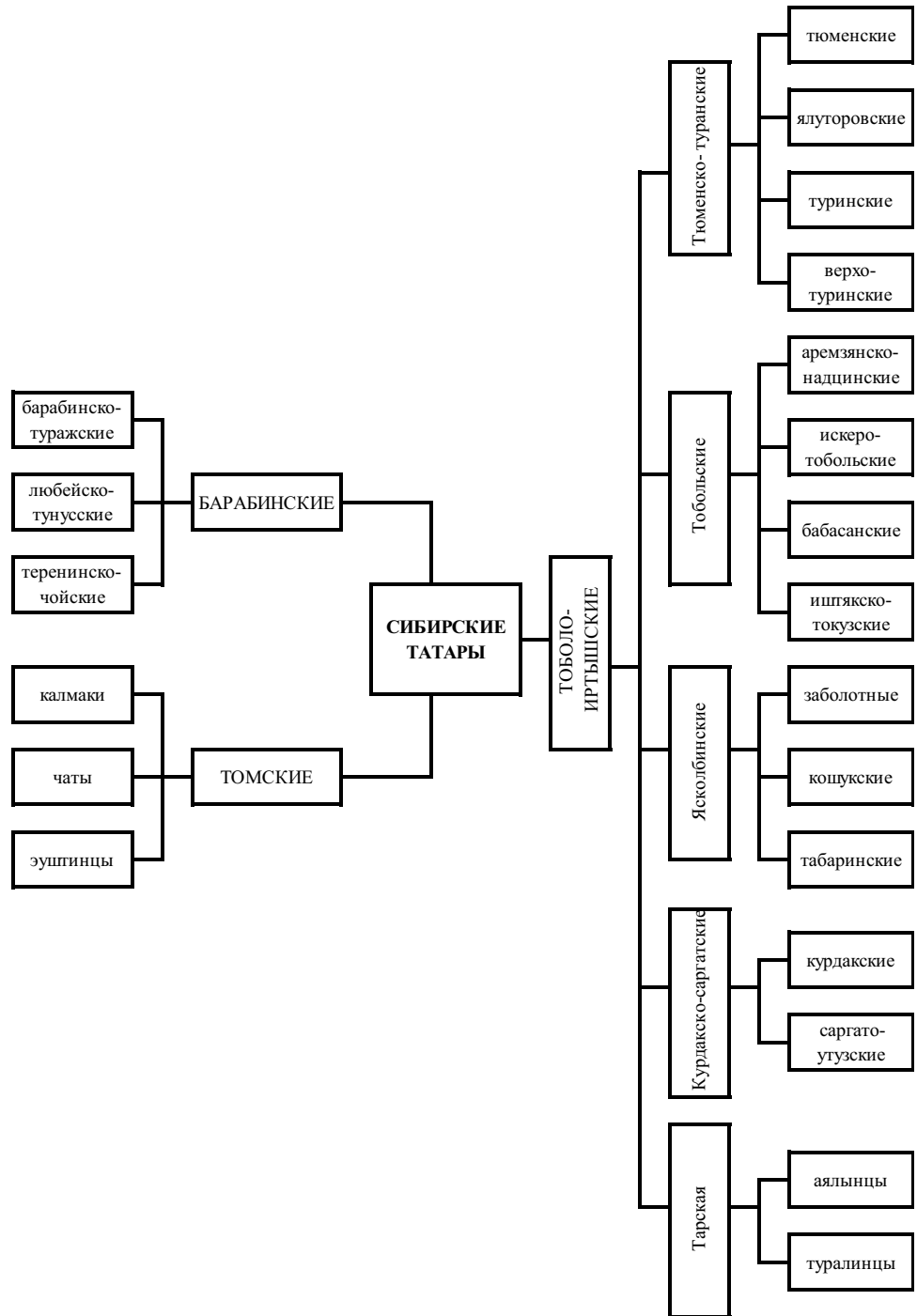

Рис. 1. Классификационная схема этнических дефиниций сибирских татар.
Составлена по данным Н. А. Томилова [Томилов, 1981, с. 246–247]

любейско-тунусские, теренийско-чойские), томской (эуштинцы, чаты, калмаки, обские татары) групп.

Задача мониторинга состояла в получении новых научных данных об адаптационных возможностях (биологических, социокультурных) локальных популяций, территориальных групп и региональных сообществ сибирских татар, особенностях их популяционно-генетической структуры и демографического развития в условиях социально-экономических трансформаций середины XX – начала XXI в. Для достижения ключевой исследовательской цели был обобщен мировой и отечественный опыт исследований процессов демографического перехода, социально-демографической адаптации этнических групп коренных народов и их отражения в динамике популяционно-генетической структуры и сформулированы ключевые положения методологии комплексного медико-биологического и этносоциального мониторинга, применимые не только к сообществам сибирских татар, но и к иным аналогичным группам, а также определена оптимальная исследовательская программа, инструментарий и источниковая база мониторинга.

Результаты исследований, проведенных в местах проживания сибирских

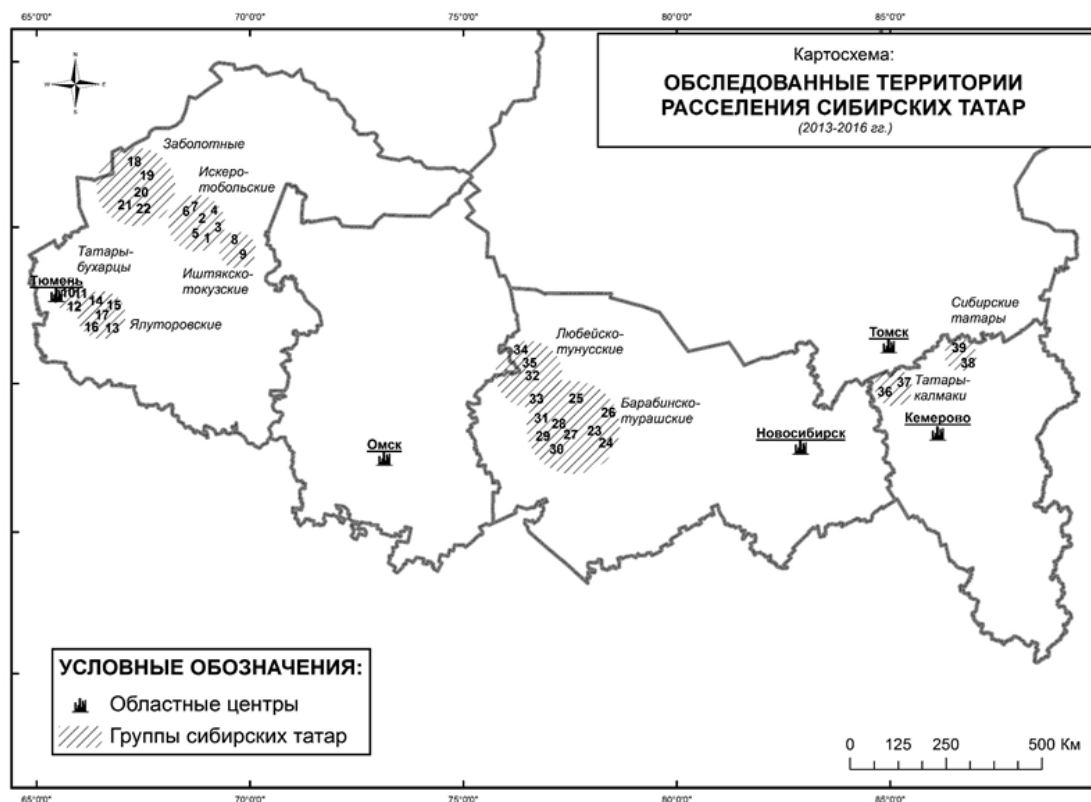

Рис. 2. Карта-схема обследованных мест компактного расселения татар

татар, позволили уточнить и частично усовершенствовать методологические основы, методическую и источниковую базу исследовательской модели. В настоящее время она является в целом верифицированной, в значительной мере универсальной и может применяться в проведении аналогичных исследований, охватывающих не только сибирских татар, но и другие этнические сообщества.

На настоящий момент исследовано не менее половины всех сохранившихся на сегодняшний день мест компактного проживания сибирских татар. Суммарно 3 области, 11 районов, 23 муниципальных сельских поселения (рис. 2).

Отметим, что в процессе исследования было установлено: на современном этапе часть групп барабинских и томских татар (известных по данным литературы) оказалась на стадии завершенной культурной и биологической ассимиляции. К таковым относятся теренийско-чойские барабинские татары Новосибирской области, татары-калмаки Кемеровской области и обские татары Томской области. Территория Кемеровской области оказалась наименее перспективной в контексте исследования сибирских татар. Группы татар-калмаков, проживающих в Юргинском и Яшкинском районах, практически полностью ассимилированы татарами-переселенцами (миграции XVII–XX вв. из европейской части России) и русскоязычным населением. Татары Ижморского района в целом оказались переселенцами из Волго-Уральского региона (миграции XVII–XIX вв.).

В ходе проведенных экспедиций получен огромный массив данных, позволивший проанализировать динамику генетико-демографических процессов, особенности современного этносоциального, этнокультурного и собственно этнического развития, популяционно-генетическую структуру и структуру заболеваемости в местах компактного расселения сибирских татар в 3 регионах Западной Сибири (Тюменской, Новосибирской, Кемеровской областей).

Важнейшие научные результаты, полученные за весь период исследования, могут быть сведены к следующему.

1. Разработана, обоснована, апробирована в серии кейс-стади в районах основного проживания сибирских татар, верифицирована и подготовлена к дальнейшему широкому применению модель комплексного медико-биологического и этносоциального мониторинга демографических, популяционно-генетических, социально-экономических и этнокультурных компонентов адаптационного потенциала локальных популяций, территориальных групп и региональных сообществ коренных народов Западной Сибири. Данная исследовательская модель построена на основе принципов междисциплинарного синтеза в проблемном поле популяционной генетики, генетической демографии, этнологии, социологии, культурной и социальной антропологии. На ее основе возможен комплементарный анализ синхронных процессов социальной модернизации и вызванных ею демографических сдвигов и трансформаций популяционно-генетической структуры в сообществах коренного населения.

Модель описывает методологию, исследовательские методы, инструмен-

тарий и источники научных данных, применение которых оказывается эффективным для исследования многоаспектных проблем развития сложных по составу сообществ, каковыми в настоящее время являются сибирские татары. В частности, методологическую основу комплексного медико-биологического и этносоциального мониторинга могут составлять принципы:

- обоснованная стратегия исследования – при организации и проведении обследования должна быть разработана оптимальная для целей исследования стратегия сбора первичных материалов (источников информации, территорий расселения, значимых для описания групп);

- комплексный подход – привлечение исследовательских методов и инструментария естественно-научных и гуманитарных дисциплин, таких как популяционная генетика, генетическая демография, этнология, социальная и культурная антропология, социология, дает возможность не только констатировать современное состояние локальных популяций, территориальных групп и региональных сообществ коренных народов, но и увидеть направленность процессов, охарактеризовать их интенсивность, проанализировать причины наблюдаемых трансформаций;

- ретроспективный анализ – изучение состояния локальных популяций, территориальных групп и региональных сообществ в динамике в ряду поколений (не менее трех) позволяет оценить направленность, глубину и выраженность регистрируемых популяционно-генетических, демографических и этносоциальных трансформаций;

- унифицированный подход к сбору и анализу данных – осуществление исследования на основе единого набора источников информации, стандартного набора методических и статистических приемов позволяет получить сопоставимые данные для дальнейшего сравнительного анализа;

- обоснованный выбор источников информации – для верификации результатов исследования целесообразно для решения каждого блока задач привлекать различные источники информации и анализировать их информационную емкость.

Среди применяемых при проведении комплексного мониторинга методов важнейшими являются следующие: методы популяционной (маркерный метод) и демографической генетики; комплекс методов этносоциального мониторинга, ориентированного на системный анализ процессов демографического, социально-экономического и культурного развития этнических сообществ коренных народов; методы этносоциологии в части выборочных экспресс-исследований этнической идентичности, социального самочувствия и самовосприятия сообществ коренных народов.

Значимой проблемой является эффективный подбор источников научных данных для целей комплексного медико-биологического и этносоциального мониторинга, выявляющих основные аспекты современного этапа развития локальных популяций, территориальных групп и региональных сообществ

коренных народов. В предлагаемой нами исследовательской модели предполагается использование следующих основных групп источников: записи книг похозяйственного учета сельского населения (остаются высокоинформативным источником, однако в контексте исследования коренных народов, в том числе сибирских татар, для уточнения их этнической принадлежности требуют привлечения информантов – жителей данной местности старших поколений); анкеты, заполненные на женщин завершеного репродуктивного периода (позволяют оценивать особенности воспроизводства населения отдельных территорий, требуют охвата максимального разнообразия возрастных групп для получения динамических оценок); генеалогические анкеты (являются единственно возможным источником данных для формирования выборок при исследовании генофонда населения, для уточнения генеалогических данных целесообразно проводить дополнительный опрос представителей семей старшего поколения); фонд фамилий (информативный источник информации, позволяющий исследовать динамику популяционно-генетической структуры и демографические характеристики отдельных популяций); материалы выборочных социологических опросов по проблемам социального самочувствия и этнической идентичности представителей локальных групп сибирских татар, применяемые в настоящем исследовании для оценки характера восприятия самим населением текущих процессов его демографического развития в контексте ключевых направлений социальной модернизации сообществ сибирских татар; материалы глубинных экспертных интервью, уточняющие причинно-следственные связи и основные факторы синхронных процессов демографического развития, социальной и культурной модернизации локальных групп сибирских татар; материалы похозяйственного опроса населения с целью характеристики практикуемых населением форм жизнеобеспечения, структуры доходов и прожиточного уровня, необходимые для диагностики степени сохранения исследуемыми этническими группами основ традиционных жизнеобеспечивающих практик; картографические материалы (картограммы с визуализацией основных рядов статистических данных, анализируемых в настоящем исследовании), отражающие пространственную логику изучаемых процессов демографического, социального и культурного развития региональных сообществ сибирских татар.

По совокупности исследовательских возможностей модели комплексного медико-биологического и этносоциального мониторинга адаптационного потенциала локальных популяций и региональных сообществ коренных народов Сибири очевидно, что она, во-первых, способна расширить исследовательский фокус современных исследований в области этнодемографии, социальной и культурной антропологии за счет введения в научный дискурс данных медико-биологических исследований, уточняющих многое в сфере процессов воспроизводства населения. По сути, разработанная в настоящем проекте исследовательская модель и методология комплексных междисциплинарных исследований задают новые стандарты исследовательской программы, направленной не только

на синтез фундаментального знания в проблемном поле этничности и этнических сообществ, но также на развитие в этой области экспертизы, имеющей четко выраженный научно-прикладной характер.

2. Попытки применить модель комплексного медико-биологического и этносоциального мониторинга для исследования динамики популяционных генофондов, демографического потенциала и адаптивных возможностей сибирских татар в контексте текущих процессов их социальной модернизации выявили ряд важных особенностей этих процессов, в значительной мере подтверждающих исходную гипотезу о наличии устойчивой корреляции между социальными и культурными трансформациями в исследуемых сообществах – с одной стороны и тенденциями демографического перехода (принимающего в этом смысле вид «догоняющей модернизации») – с другой.

Наиболее яркие тому примеры обнаруживаются, в частности, на основе анализа данных, полученных нами в местах основного расселения заболотных татар Лайтамакского сельского поселения Тобольского района Тюменской области, барабинских (барабинско-турашских) татар Гжатского сельского поселения Куйбышевского района Новосибирской области, а также группы сибирских татар-калмаков Ленинского сельского поселения Яшкинского района Кемеровской области.

Лайтамак – центральный поселок Лайтамакского сельского поселения; численность населения – 480 чел., доля татарского населения – 99,9 %. Этнический ареал лайтамакских заболотных татар является, по сути, географическим изолятом (расположен на территории болотистого края). Аул Бергуль – поселок Гжатского сельского поселения, расположен в 25 км от районного центра – г. Куйбышев; численность населения – 540 чел., доля татарского населения – 54,1 %. Юрты-Константиновы – поселок Ленинского сельского поселения, расположен на территории высоко урбанизированной Кемеровской области, характеризующейся самой значительной за Уралом плотностью населения. Расположены Юрты-Константиновы в 45 км от районного центра (пгт. Яшкино); численность населения – 103 чел., доля татарского населения – 65,7 %.

Сравнительный анализ динамических показателей демографического воспроизводства вышеуказанных локальных групп сибирских татар с учетом местных социально-экономических условий выявляет их закономерную последовательность в соответствии со степенью выраженности признаков кризиса воспроизводства населения (от максимально устойчивой демографической ситуации, коррелирующей с устойчивостью этнических традиций в сфере жизнеобеспечения до отчетливо выраженной завершенности процессов демографического перехода, совпадающей с существенной степенью культурной ассимиляции): заболотные татары пос. Лайтамак – барабинско-турашские татары аула Бергуль – татары-калмаки Юртов-Константиновых.

Заболотные татары. Так, в группе лайтамакских заболотных татар на протяжении трех исследованных поколений (1950-е, 1980-е, 2010-е гг.) реги-

стрируется наиболее благоприятный для перспектив воспроизводства населения расширенный (прогрессивный) тип; оптимальное соотношение полов; демографическая молодость популяции (5,07); незначительный уровень межэтнического смешения (причем доля сибирских татар в данной группе близка к 100 %, а татары-переселенцы из Волго-Уральского региона единичны). Также для этой группы характерен относительно высокий уровень рождаемости. Данные исследования фонда фамилий отражают незначительную трансформацию популяционно-генетической структуры ($d = 0,9$). Демографическая устойчивость популяции заболотных татар пос. Лайтамак во многом обеспечивается за счет незначительной интегрированности местных групп татарского населения в доминирующее общество через каналы социально-экономической интеграции (инкорпорации). Результаты проведенного здесь этносоциального исследования структуры жизнеобеспечения выявляют существенную роль этнических традиций в этой сфере. В ситуации ограниченности доступных местному населению рабочих мест и иных возможностей трудовой занятости основную жизнеобеспечивающую функцию выполняет экстенсивное природопользование, в том числе такие его традиционные отрасли, как рыболовство (имеющее у татар Лайтамака товарное значение), охота, побочное лесопользование.

Сохранение базовых элементов этнической традиции жизнеобеспечения предопределяет здесь и необходимость поддержания основ традиционной социальной организации, в том числе в области семьи, межсемейных (родовых) и общинных связей. Более всего это заметно на примере структуры семьи, которая у татар лайтамакской группы проявляет заметно большую (в сравнении с остальными обследованными сообществами) частоту встречаемости сложных по составу многопоколенных семей. Таким образом, специфический контекст социальной дистанцированности лайтамакской группы от доминирующего социума (объясняемой значительной удаленностью и труднодоступностью района), как показывают результаты исследования, задает соответствующий тип демографического развития населения, который можно считать расширенным. Относительно стабильной и устойчивой можно считать и групповую идентичность лайтамакской группы татар, в которой, согласно данным социологического исследования, присутствуют разделяемые в группе маркеры самосознания, основанные на территориальном, этнокультурном и диалектном (языковом) признаках. В целом этническое самосознание заболотных татар основывается на признании их особой в культурном смысле субэтнической группой, соотносимой тем не менее с сибирско-татарской общностью. При этом не имеют существенного значения, по мнению наших респондентов, даже этногенетические аспекты групповой идентичности.

Барабинско-турашские татары. В данной группе отмечаются признаки завершения процесса демографического перехода (уже у поколения 1970-х гг.), выражен дисбаланс в структуре полов в сторону преобладания мужчин, однако доля однонациональных браков остается на стабильно высоком уровне. Отме-

чается тенденция увеличения демографического возраста населения (от 8,24 у поколения 1950-х до 10,87 у поколения 2010-х), таким образом, бергульские татары находятся в преддверии демографической старости. Установление «этнического диагноза» при анализе записей книг похозяйственного учета для данной группы проведено на основе опроса информантов (местных жителей старшего поколения). Полученные данные свидетельствуют, что не менее четверти татар, проживающих на территории аула Бергуль, являются потомками от смешанных браков коренных сибирских татар и татар переселенцев с территорий европейской части России. Динамика фонда фамилий данной группы татар свидетельствует об изменении популяционно-генетической структуры, наиболее отдаленными друг от друга оказались поколения 1950-х и 1980-х гг. Характеристики социально-экономической ситуации на примере с. Бергуль объясняют особенности процессов демографического воспроизводства в местной популяции татар. Возможности стабильного жизнеобеспечения за счет трудовой занятости на территории сельского поселения крайне ограничены. С другой стороны, район относительно доступен в транспортном отношении и, по этой причине, в существенной мере включен в региональную систему социально-экономических связей. Подавляющее большинство трудоспособного населения здесь склонно невысоко оценивать свои жизненные перспективы и ориентируется на выезд на постоянное место жительства за пределы сельской администрации. Именно этим могут быть объяснены выявленные в настоящем исследовании признаки неустойчивости потенциала воспроизводства популяции, а также практически полной завершенности процесса демографического перехода. В этнокультурном отношении, как показывают материалы опроса населения, также отмечаются тенденции трансформации и культурной ассимиляции. Причем последняя здесь осложняется смешением не только в системе «татарское население – доминирующий социум», но и на уровне межгруппового культурного синтеза (различные группы татар, в том числе сибирских и выходцев из региона Поволжья). По совокупности выявленных черт современного этапа комплексного демографического, социально-экономического и культурного развития группы бергульских татар следует отметить, что они в настоящее время переживают переход от этнической традиции к модернизированным формам культуры и социальной организации, что прямо сказывается на общей направленности демографического процесса. Как следствие отмеченных тенденций демографического перехода, социальной и культурной модернизации бергульских татар, отмечается и выраженная дихотомия в структуре их групповой идентичности: по данным социологического опроса, приблизительно равные доли респондентов из числа татарского населения с. Бергуль выразили свою сопричастность сибирско-татарской общности и в целом татарской этничности.

Татары-калмаки. В отношении этой группы выявлены наиболее неблагоприятные характеристики. Резкая смена типа воспроизводства с прогрессивного на регрессивный (в настоящее время практически половина населения Юртов-

Константиновых находится в возрасте старше 60 лет), значительный уровень межэтнического смешения и завершение процессов культурной и биологической ассимиляции (единичные представители данной группы идентифицируют себя как татары-калмаки, хотя фонд фамилий все еще сохраняет специфический антропонимикон). Отметим, что в основе выявленного высокого уровня распространенности медицинских абортос лежит преобладание в группе анкетированных женщин лиц старших возрастных групп. В этнокультурном смысле татары-калмаки представляют собой субэтнос в составе сибирско-татарской общности, давно и прочно вставший на путь культурной и социальной модернизации, направленной на интеграцию в структуру доминирующего общества. Число татар-калмаков, устойчиво проявляющих ключевые признаки групповой идентичности, исключительно невелико. Преобладающей формой этнического самосознания является общетатарская идентичность, не подразумевающая каких-либо признаков локальной (групповой) культурной идентичности. Разрушенность основы этнической идентичности татар-калмаков сопровождается завершенностью культурно-ассимиляционных процессов. На уровне практикуемых систем жизнеобеспечения не выявляется каких-либо явных отличий от массовых хозяйственно-экономических практик, характерных для большинства сельского населения Сибири.

Приведенный здесь ряд случаев достаточно отчетливо иллюстрирует взаимозависимость между текущими процессами демографического воспроизводства, социальной и культурной модернизации локальных групп сибирских татар. На примере приведенных материалов видно, что демографическая устойчивость наиболее присуща тем из обследованных нами групп, которые сохраняют в настоящее время базовые компоненты этнической культуры и традиционных систем жизнеобеспечения. И напротив, нарастающие тенденции социальных и культурных трансформаций в направлении интеграции локальных групп сибирских татар в структуру доминирующего общества определяют демографический переход в сторону сужения воспроизводства, упрощения структуры семьи, снижения рождаемости и общей убыли населения не только за счет отрицательного сальдо естественного прироста, но и выезда населения за пределы «этнических» территорий.

3. По совокупности всех полученных в рамках настоящего проекта результатов коллективом исполнителей были сформулированы и обоснованы следующие основные выводы и заключения о закономерностях комплементарного развития на современном этапе демографических (в том числе медико-биологических), социальных и культурных компонентов адаптационного потенциала:

- социально-экономические трансформации, которым подвергаются коренные сибирские народы, детерминируют процессы модификации социокультурных установок и оказывают воздействие на институт семьи, что находит отражение в особенностях процессов воспроизводства населения, определяет относительный вклад факторов популяционной динамики и, таким образом,

определяет направленность, выраженность и глубину трансформации популяционно-генетической структуры;

- изменение генетической структуры популяции оказывает влияние на ее адаптационный потенциал, что находит отражение в особенности характера распределения аллельных вариантов исследованного комплекса полиморфных генных локусов и структуре заболеваемости населения отдельных территорий.

1. Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. Томск : Изд-во ТГУ, 276 с.

УДК 94(57)+94(574)''16-17''

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП НОГАЙСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В СИБИРСКОМ ХАНСТВЕ

Д. Н. Маслюженко

С первой четверти XV в. лидеры Ногайской Орды были постоянными союзниками правителей Тюменского и Сибирского ханств. Потомки бека Идигея были связаны с Шибанидами не только политическими союзами, но и брачными отношениями, что приводило к включению последних в различные споры внутри Мангытского юрта. Особенно усилились отношения с Идигеевичами при сибирском хане Кучуме, который значительно активизировал брачную политику в этом направлении. В результате он и его сыновья оказались в родстве с большинством семей потомков Идигея. Потенциально это должно было стать основой для укрепления позиций сибирских ханов, но, с учетом постоянной борьбы за власть среди самих ногаев, привело к невозможности получения помощи от противоборствующих семей. Несомненно, это стало одной из причин краха внешней политики Сибирского ханства, несмотря на вполне реальное присутствие в окружении Кучума представителей Урмаметевых и Алтыулов вместе с военными отрядами. Последние контакты с ногаями фиксируются при наследнике Кучума хане Али, однако безуспешность этой политики уже при его брате Ишиме привела к переориентации внешней, в том числе брачной, политики на новых союзников, т. е. калмыков.

Ключевые слова: Кучум, Сибирское ханство, Ногайская Орда.

THE FINAL STAGE OF NOGAI PRESENCE IN THE SIBERIAN KHANATE

D. N. Maslyuzhenko

Since the first quarter of the XV century, the leaders of the Nogai Horde have been constant allies of the rulers of the Tyumen and Siberian Khanate. The descendants of Bek Idigey were connected with theShibanids not only with political unions, but also with marital relations, which led to the inclusion of the last-named in various disputes within the Mangyt Yurt. Relations with Idygey descendents especially intensified during the Siberian Khan Kuchum's days, who greatly intensified the marital policy

in this area. As a result, he and his sons were related to most families of the Idigey descendants. Potentially, it was to become the basis for asserting the Siberian khans, but with due an account for the permanent race for power among the Nogai themselves it led to the inability to receive an assistance from contending families. Undoubtedly it became one of the causes of the Siberian Khanate foreign policy collapse, despite the real presence of Urmametovy and Altyuly representatives along with military units in the Kuchum's retinue. The last contacts with Nogais were recorded during the Kuchum descendent Khan Ali's days, but the failure of this policy already in his brother Ishim's days led to a reorientation of the foreign policy, including martial policy, to new allies, i.e., the Kalmyks.

Keywords: Kuchum, the Siberian Khanate, the Nogai Horde.

На протяжении всей истории сибирской государственности Шибанидов представители правящего рода Ногайской Орды Идигеевичей оказывали на нее значительное влияние. Это может быть связано в равной степени с несколькими факторами. Во-первых, со сложившейся политической традицией распределения полномочий между ханами из потомков Шибана и беклярибеками из потомков Идигея, установившейся со времени первого союза Хаджи-Мухаммада с могущественным мангытским беком. Во-вторых, закреплением этих союзов на уровне многочисленных брачных договоров. В-третьих, реальным размещением мангытов на восточных землях владений Шибанидов. В-четвертых, их многочисленностью, которая в условиях нехватки собственных людских ресурсов у тюменских и сибирских ханов могла увеличить их военную силу. Тесные политические и родственные связи между мангытской аристократией и Шибанидами на протяжении всего XV-XVI вв., а также сам характер государственности у номадов, по всей видимости, делали абсолютно прозрачной и номинальной границу между Ногайской Ордой и Тюменским и Сибирским ханствами. Ногаи часто и свободно кочевали по лесостепной зоне Западной Сибири вплоть до Исети (иную точку зрения на вопрос см.: [Самигулов, 2012, с. 126–130].

Особенно активизировались связи с ногаями на последнем этапе истории сибирской государственности, т. е. в Сибирском ханстве в период правления Кучума. Впервые этот вопрос был рассмотрен в статье В. В. Трепавлова 1997 г. [Трепавлов, 1997, с. 180–186]. В последнее время многие аспекты темы, в частности брачные отношения, были уточнены автором этой статьи [Маслюженко, 2014, с. 51–55; Маслюженко, Рябина, 2017, с. 103–109]. В данной работе мы попробуем рассмотреть вопрос не в хронологическом порядке, а относительно связей Кучума и его сыновей с представителями отдельных семейных кланов потомков Идигея, которые на протяжении XVI в. активно организовывали альянсы, неоднократно приводившие к внутренним смутам и борьбе за власть.

На первом месте для Кучума, по всей видимости, стояли связи с потомками Шейх-Мамая б. Мусы б. Ваккаса. В литературе уже неоднократно указывалось на то, что в 1470-е гг. с Мусой породнился тюменский хан Ибрахим, дед Кучума.

При дворе самого Шейх-Мамаю воспитывались братья Ахмад-Гирей и Кучум, а сам могущественный ногайский бий некоторое время управлял и сибирскими территориями. В июле 1577 г. в Москву был представлен отчет о посольстве в Ногайскую Орду, который, видимо, отражает ситуацию весны этого года. В нем Тимофей Лачинов пишет, что к мирзе Аку б. Шейх-Мамаю, который на тот момент являлся лидером Шихмамаевичей и играл значительную роль в ногайской политике, приезжал посол Таилак за лошадьми и овцами, которые, по договору, Кучум должен был получить за свою дочь, выданную замуж за этого ногайского аристократа [ПДРВ, 1801, с. 189]. Тем самым еще раз были скреплены отношения с одним из самых воинственных ногайских кланов. В результате одним из последних союзников Кучума станет именно лидер Алтыулова улуса Аулия б. Ак б. Шейх-Мамай, который в 1594–1598 гг. будет участником формирующегося сибирско-бухарско-ногайского союза против русских и получит в свои руки какие-то родовые владения сибирских Шибанидов на Сырдарье или в Приаралье (?) [Беляков, Маслюженко, 2016, с. 235–237]. Связи с этим кланом поддерживал и старший сын и наследник Кучума хан Али. В 1603 г. на Обуге (Убагане) недалеко от него зимовали 300 ногаев во главе с мурзой Урусом Алтыулова улуса, одним из потомков Шейх-Мамаю. Весной он подкочевывал к Ую, недалеко от его впадения в Тобол, где вскоре были ограблены «Кильдемановы дети» из Терсятской волости [Миллер, 2005, с. 210]. Тогда же была предпринята попытка организации совместного похода Али и Уруса с 1100 татарами на Тюмень, оставшаяся безуспешной в связи с ожиданием возвращения из Московии царевича Кансувара и цариц [Миллер, 2005, с. 211–212]. Несмотря на это, определенная часть ногаев (видимо, и Урусовых и Алтыуловых) была при Али и в 1606 г. [Миллер, 2005, с. 226]. После этой даты связи с Шихмамаевичами (Алтыулами) больше не фиксируются. Однако в августе 1608 г. мирза Урус, кочевавший ранее с Алеем, еще пограбил два юрта татарских служилых людей на Пышме, но был затем разбит за Исетью служилыми людьми того же атамана Дружины Юрьева, что ранее разбил Азима б. Кучума [Миллер, 2005, с. 243].

Сам Кучум и его сын Канай были также женаты на дочерях нурадина и, позднее, ногайского бия Уруса б. Исмаила б. Мусы, а его сын Джан-Арслан, видимо, был женат на дочери Кучума [Трепавлов, 2002, с. 375; Трепавлов, 2012, с. 43; Беляков, 2014, с. 84]. Известно, что жену Каная звали Танай (Данай), и она попала в русский плен после разгрома Кучума в 1598 г. [Беляков, 2011, с. 69]. Кроме того, одна из дочерей хана Ах-ханым, которая также попала в плен с детьми в 1598 г., была женой ногайского мирзы Бегая (Бая) б. Канбая б. Исмаила [Беляков, 2011, с. 69]. Многие зауральские племена также были связаны с ногаями, в том числе платили им ясак. Это положение подтверждается тем, что в 1623 г. калмыки требовали ясак у татар из катайцев и сынрянцев, указывая на то, что до этого они платили его ногаям [Миллер, 2005, с. 342]. Известно, что еще в 1600 г. ногаи приезжали в деревни Салжиутской волости [Миллер, 2005, с. 184]. Судя по последующим документам, ясак с зауральских волостей Уфимского уезда

и Катайской волости Тюменского уезда собирал мурза Канай б. Динбай б. Исмаил [Миллер, 2005, с. 194]. По мнению В. В. Трепавлова, он был сторонником русской партии и занимал пост наместника Башкирии [Трепавлов, 2002, с. 366]. С 1600 г. он участвовал в третьей смуте в Ногайской Орде вместе с другими Тинбаевыми на стороне Урусовых и Алтыулов [Трепавлов, 2002, с. 386]. Судя по дальнейшим событиям, именно для представителей этих трех кланов юг Западной Сибири на некоторое время станет местом накопления сил.

Другим послом – Семеном Мальцевым – было сообщено, что в том же 1577 г. старший сын Кучума Али женился на дочери ногайского бия Дин-Ахмада [ПДРВ, 1801, с. 193]. Ее звали Хандаза (Кандаза), и она попала в русский плен после разгрома Кучума в 1598 г. [Беляков, 2011, с. 69]. Недаром летом 1577 г. сам ногайский бий в письме в Москву также пишет о «сватовстве с сибирским царем Кучумом» и далее просит «и хто его будет посол, и тыбе его пожаловал почтил...» [ПДРВ, 1801, с. 222]. Кучум расширял и связи с сыном Дин-Ахмада Ураз-Мухаммадом, который вскоре женился на дочери Кучума Карамыш и получил ссуду в пять тысяч алтын [Трепавлов, 2002, с. 322–323, 372–373]. В 1580-е гг. Ураз-Мухаммад будет первым ногайским тайбугой, к которому как раз и уйдут от Кучума люди Тайбугина юрта после русского вторжения [Трепавлов, 2012, с. 41]. Его сын Али в середине 1590-е гг. будет некоторое время владеть семью волостями на Иртыше и, по предположению В. В. Трепавлова, выступать в качестве последнего беклярибека сибирского хана Кучума [Трепавлов, 2012, с. 134; Миллер, 2005, с. 362]. Осенью 1607 г. Али б. Кучум после потери своих кочевий на Ишиме и поражения от тюменцев его ногайских союзников будет некоторое время скрываться именно у Урмаметевых до попадания в русский плен [Трепавлов, 2012, с. 76]. Интересно, что Продолжатель Утемиша-Хаджи приводит хорошо известную по русскому актовому материалу историю о том, что Али пытался получить поддержку ногайского бия Иштерека б. Дин-Ахмеда, но был ограблен его братом Яштереком (при этом оба брата у этого автора смешаны в одну фигуру). Продолжатель приводит интересный пассаж про Иштерека: «Однако и тот сказав, что сын моего брата не может меня привязать к себе, не помог ему и забрав деньги, которые остались от его великого отца» [Миргалеев, 2014, с. 65]. Кстати, именно после этого политические и брачные союзы с ногаями отходят в прошлое, а при брате Али Ишиме на первое место выходят калмыки, которые постепенно вытесняют из брачной политики иных претендентов.

Кроме этих случаев, известно, что сестра хана Кучума была замужем за ногайским мирзой Элем (Илем), потомком еще одного ногайского бия Юсуфа б. Мусы, отстраненного от власти Исмаилом, чья дочь, в свою очередь, была замужем за противником Кучума – сибирским князем Едигером [ПДРВ, 1795, с. 323]. Именно Чина б. Эля предлагал в качестве аманата в Москву в 1586 г. сибирский царевич Мурад-Гирей в переговорах с ногайскими послами от бия Уруса, когда говорил о необходимости обращения Кучума к московскому царю и о своем потенциальном посредничестве в этом [Маслюженко, Рябинина, 2017, с. 107].

Таким образом, мы видим, что Кучум и его сыновья были связаны с большинством наиболее сильных кланов потомков Идигея, что, возможно, и стало одной из причин отказа им в поддержке со стороны аристократии Ногайской Орды, которая во второй половине XVI в. погрязла в многочисленных спорах. В этих условиях хан и его сыновья не могли опереться на какой-то один из кланов, не вступив в противоречия с другими. Исключением, видимо, могли быть Алтыуловичи, которые, за счет откочевки в Центральную Азию, частично дистанцировались от общеногайских споров.

Один из них, в конечном итоге, выплеснулся и на сибирские просторы [Маслюженко, 2016, с. 5–10]. Летом 1601 г. в Тюмень пришла информация о том, что по осени («как хлеб поспеет») на Исеть в Пускурскую (Бачкурскую) волость хотели прийти до семи тысяч ногайцев во главе с детьми Уруса б. Исмаила – мурзами Ян Расланом и Алта Улышаимом [Миллер, 2005, с. 198]. Генеалогия Урусовых позволяет идентифицировать этих мурз именно как Джан-Арслана (одного из лидеров Урусовых в эти годы) и Балта-Барака [Трепавлов, 2002, с. 657]. Они вместе с «Казакские орды люди» в 1601 г. подошли к Исети и хотели использовать кочевья между Исетью и Миассом для того, чтобы оставить здесь жен, детей и «кошевных людей». Кочевья должны были стать тылом в дальнейшей войне с «Казыевым улусом, с Урмаметевыми детьми» [Миллер, 2005, с. 198]. Под «Казыевым улусом» принято понимать потомков Урака б. Алчагира, кочевавших в Малой Ногайской орде на Крымской стороне Волги и пользовавшихся поддержкой крымских ханов. Около 1590 г. казыевцы убили Уруса, что могло стать причиной для кровной мести, а еще в середине 1590-х гг. Урусовы привлекались астраханскими воеводами для отражения казыевцев [Трепавлов, 2011, с. 46–56]. Однако к 1601 г. эти ногайские кланы были разделены значительным расстоянием. Урусовы, видимо, получили поддержку казахов, с которыми к этому времени у ногаев прекратились столкновения из-за появления общего противника – ойратов-калмыков, и вынуждены были отступить в Сибирь под угрозой русских войск.

Однако вторая часть документа более точно указывает, что противником для Урусовых были Урмаметевы, т. е. большой клан братьев и сыновей прорусски настроенного ногайского бия Ураз-Мухаммада, зятя Кучума. Несмотря на длительный союз этих кланов против казыевцев, в 1598 г. Ураз-Мухаммад был убит в ходе столкновения с Джан-Арсланом б. Урусом. Вражда между этими кланами продолжалась вплоть до 1604 г. [Трепавлов, 2002, с. 387–392]. В отписке указывается, что Урусовы хотели заключить договор с ханом Али и бывшими при нем табынцами и сынрянцами для совместного нападения на Пускурскую и Киньрскую волости [Миллер, 2005, с. 198]. Однако, во время набега на Астрахань в том же 1601 г. Джан-Арслан попал в плен и был увезен в Москву. Хотя о дальнейшем пребывании этого ногайского клана в Сибири информации нет, в отписке от мая 1606 г. тюменского воеводы Матвея Годунова встречается информация о некоем князе «Бараков брат» из кочевий хана Али. Князь жаловался

на то, что хан Али со своими людьми, в том числе ногаи, больше к нему не прислушиваются, поскольку его братья Барак и Карлам Апас Азя (возможно, Каплан Урусов) умерли в Тобольске и Тюмени соответственно [Миллер, 2005, с. 226]. Вопросы о том, кто этот брат и как ногаи оказались в русских городах, в источниках не раскрываются. Лишь отписка тюменского головы Алексея Безобразова от 28 мая 1605 г. позволяет предположить, что Барак ушел в Тюмень вместе с сыном Али Арасланом [Миллер, 2005, с. 223], взятым в плен еще в 1598 г. и потом отпущенным к отцу в Сибирь. В 1604 г. лидер Урусовых Джан-Арслан заключил шертъ со своим давним противником бием Иштереком, братом Ураз-Мухаммада. Возможно, в условиях Смутного времени его братья были аманатами, призванными сдерживать активность своего лидера, который в 1606 г. даже хотел встать на сторону Лжедмитрия II [Трепавлов, 2002, с. 393].

Став в результате многочисленных браков заложниками внутриногайских противоречий, Кучумовичи после пленения Али, видимо, разорвали отношения с Идигеевичами. Несмотря на это, в сентябре 1610 г. ногаи уже самостоятельно вновь пограбили Салжиутскую волость, а затем ушли по Миассу в сторону Тюмени [Миллер, 2005, с. 256]. Скорее всего, это был последний ногайский поход в Сибирь, с этого времени в документах не заметно присутствия ногаев на юге Западной Сибири, а традиционными политическими и брачными партнерами для следующего сибирского хана Ишима были уже калмыки, что заложило новые направления в политической истории Сибирского ханства периода его окончательного упадка.

1. Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань : Рязань-Мир, 2011. 512 с.

2. Беляков А. В., Маслюженко Д. Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratumplus*. 2016. № 6. С. 229–243.

3. Маслюженко Д. Н. Ногайский фактор в московско-сибирских переговорах 1555–1563 гг. // *История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всероссийской научной конференции*. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 51–55.

4. Маслюженко Д. Н. Тюркские группы в кочевьях Кучумовичей в Южном Зауралье в 1600-е гг. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2016. № 3 (41). С. 5–10.

5. Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А. Брачная политика правителей Тюменского и Сибирского ханств // *Средневековые тюрко-татарские государства*. 2017. № 9. С. 103–109.

6. Миллер Г. Ф. *История Сибири*. Т. I. М. : Вост. лит. РАН, 2005. 630 с.

7. Миргалеев И. М. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // *История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы II Всероссийской научной конференции*. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 64–66.

8. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. X. СПб. : При Императорской Академии наук, 1795. 327 с.
9. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. XI. СПб. : При Императорской Академии наук, 1801. 315 с.
10. Самигулов Г. X. К вопросу о границе Ногайской Орды и Сибирского Зауралья // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани, 2012. С. 126–130.
11. Тrepавлов В. В. Сибирско-ногайские отношения в XV-XVIII вв. (основные этапы и закономерности) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность : доклады II международной конференции. Кн. 2. М. ; Иркутск ; Тэгy : Иркутск. гос. пед. ун-т, 1997. С. 180–186.
12. Тrepавлов В. В. История Ногайской Орды. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
13. Тrepавлов В. В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань : Фолиант, 2011. 252 с.
14. Тrepавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М. : Вост. лит., 2012. 231 с.

УДК 94(571):930.253

**РОЛЬ ГУБЕРНАТОРОВ Ф. И. СОЙМОНОВА И И. И. НЕПЛЮЕВА
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ТАТАРСКОЙ КОМИССИИ»
Г. ТОБОЛЬСКА СЕРЕДИНЫ XVIII В.**

И. Д. Пузырев

Статья посвящена анализу роли сибирского губернатора Ф. И. Соймонова и оренбургского губернатора И. И. Неплюева в формировании позиции имперской власти в отношении сибирских мусульман. Автор приходит к выводу, что отрицательная оценка Ф. И. Соймоновым эффективности «татарской комиссии» в совокупности с конфликтом И. И. Неплюева и митрополита Сильвестра (Гловацкого) привели к смещению последнего с тобольской кафедры.

Ключевые слова: Тобольск, Сибирь, сибирские мусульмане, татарская комиссия.

**THE ROLE OF THE GOVERNORS F. I. SOYMONOV AND I. I. NEPLYUEV
IN THE ACTIVITY OF «TATAR COMMISSION» OF TOBOLSK IN THE
MIDDLE OF XVIII CENTURY**

I. D. Puzyrev

The article is devoted to the analysis of the role of the Siberian governor F. I. Soymonov and Orenburg governor I. I. Neptyuev in the formation of the position of the Russian Imperial power against Siberian Muslims. The author comes to the conclusion that the negative assessment of the efficiency of the «Tatar Commission» in conjunction with the conflict of I. I. Neptyuev and Metropolitan Sylvester (Glovatsky) led to the displacement of the Sylvester from the Tobolsk cathedra.

Keywords: Tobolsk, Siberia, Siberian Muslims, Tatar Commission.

Одним из ключевых вопросов многовековой истории России была задача управления этноконфессиональным разнообразием ее населения. Решением данной задачи чаще всего становилось привлечение к работе в регионах с названной спецификой тех управленцев, которые имели опыт взаимодействия с различными этносами и конфессиями. К числу таких незаурядных управленцев середины XVIII в. следует отнести сибирского губернатора Ф. И. Соймонова (1692–1780)

и оренбургского губернатора И. И. Неплюева (1693–1773). В историографии неоднократно была освещена их деятельность. В рамках данной работы хотелось бы затронуть вопрос о роли указанных губернаторов в деятельности «татарской комиссии», действовавшей в г. Тобольске с 1751 по 1757 г.

Истории христианизации языческих и мусульманских народов Российской империи в XVIII столетии посвящена солидная историография. Отдельные аспекты политики в отношении мусульман Сибири затронуты Г. Т. Бакиевой [Бакиева, 2004, с. 26–31; она же, 2008, с. 7–15], В. П. Ключевой [Ключева, 2004, с. 131–137], А. Ю. Коневым [Конев, 2004, с. 115–116; он же, 2014, с. 137–141] и В. Ю. Софроновым [Софронов, 2012, с. 16–25]. А. А. Крих рассмотрела роль мусульманских религиозных деятелей и их влияние на решения имперской власти [Крих, 2012, с. 87–92]. Анна Алексеевна пришла к выводу: решающую роль в отказе от попыток деятельности православной миссии среди мусульман Сибири стали совместные усилия в 1750-х гг. территориальных общин мусульман с целью давления на власти регионального и центрального уровня. А. А. Крих отметила, что осознание татарской элитой Тобольска расстановки сил между двумя империями – Османской и Российской – привели к сознательному распространению слухов о возможном заступничестве Турции за российских мусульман, а благоприятная информационная среда сделала татар и бухарцев победителями в споре с сибирским митрополитом Сильвестром (Гловацким) [Крих, 2012, с. 92].

Тем не менее остается неисследованным целый ряд вопросов, например: почему митрополит Сильвестр был смещен с кафедры в Тобольске, хотя на его стороне был Синод? Какие факторы, помимо внешнего («за нас турки вступятся»), могли способствовать успешному решению дела в пользу мусульман?

Для ответа на поставленные вопросы необходимо рассмотреть новые источники из РГАДА, в частности материалы фонда 248 (Сенат) и фонда 349 (Московская контора тайных розыскных дел). Кроме того, важным источником, способным пролить свет на взаимоотношения мусульман Западной Сибири с имперскими властями, могут стать опубликованные в 2014 г. мемуары сибирского губернатора Ф. И. Соймонова. Хотя рукописные материалы Федора Ивановича Соймонова (1692–1780) дошли до наших дней не полностью, они дают многочисленные сведения «из первых рук» об управлении Сибирской губернией.

Кроме того, необходимо остановиться на истории возникновения «татарской комиссии». В 1750 г. в Сибирской губернской канцелярии и Тобольской духовной консистории разбирали ряд доносов крещеных и некрещеных татар друг на друга. Назначенный в 1749 г. на кафедру в Тобольске новый митрополит Сильвестр (Гловацкий), решил расширить православную миссию за счет крещения мусульман. Мотив действий Сильвестра – вопрос дискуссионный. Указ императрицы Елизаветы Петровны 1744 г. устанавливал, что обращение иноверцев в православную веру должно носить добровольный характер [ПСЗ-I, т. XII, 1830, с. 157–159]. Отметим, что митрополит Сильвестр имел опыт работы в Новокрещенской конторе. Известны были и претензии к его действиям.

Будущий губернатор Ф. И. Соймонов, скептически оценивая действия митрополита, отмечал, что «Сильвестр, будучи ревнитель к православно́й вере, и желая последовать предкам своим, принял намерение обращать татар <...>, которых под разными притеснениями забирал в свою консисторию, держал многих долговременно в железах и принуждал принимать крещение, почему будто бы некоторые волею и крещение восприяли». Мотив действий митрополита, по мнению Ф. И. Соймонова был исключительно личный: «...оказалось это по большей части нечто иное, как архиерейская гордость и желание той чести и славы, что он мог не так, как прежние архиереи, остяков и вогулов, но магометан в христианский закон перевести. А прочие, как консистория, та и отцы крестные, поступили единственно по его приказаниям» [Кравцов, 2014, с. 208–209]. Стоит признать, что представленная оценка носит явно субъективно окрашенный характер. Вероятно, Соймонов был не в курсе, что еще митрополит Филофей (Лещинский) в начале XVIII в. крестил немало мусульман из татар и бухарцев, инкриминируя Сильвестру желание выделиться миссионерской деятельностью в отношении сибирских тюрок.

Согласно выявленным А. А. Крих материалам, в сентябре 1750 г. по судебному процессу было арестовано десять тобольских юртовских татар, в том числе тобольский бухарец абыз Нурла Сеитов, которого обвинили «в поношении на святое и душеспасительное крещение ругательства, хулы и поношения...», а также в совращении «в басурманство» новокрещенного татарина Юшпина Измаилова. Сеитова посадили под арест в доме митрополита Сильвестра, а 22 ноября 1750 г. отправили в Москву в канцелярию тайных розыскных дел [РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 843, л. 70]. Арест одного из лидеров тобольской уммы заставил тобольских юртовских татар и бухарцев составить прошения к сибирскому губернатору А. М. Сухареву. Но А. М. Сухарев, если верить мемуарам Ф. И. Соймонова, «был человек известный и ни в чем архиерею прекословить или не смел, или, прямо сказать, не умел» [Кравцов, 2014, с. 208]. 3 октября 1750 г. на сходе, состоявшемся на Нижнем посаде г. Тобольска, мусульмане составили прошение в Сибирскую губернскую канцелярию. Одним из участников схода был брат арестованного абыза – Сундулла Сеитов, который по доношению митрополита Сильвестра через год будет обвинен в том же преступлении – «хулению на православную веру». По доносу казака Петра Елисеева, знавшего татарский язык и проходившего мимо схода, были арестованы все активные его участники. Арест лидеров общины заставил присоединиться к коллективной жалобе бухарцев и ясачных также и служилых тобольских татар, в частности их голову – Авазбакея Кульмаметьева. Невозможность добиться освобождения арестованных побудила татар и бухарцев обратиться с жалобой на общеимперский уровень. Как пишет Ф. И. Соймонов, «татарские и прочих народов, находящихся в Сибири, в Тобольске и в прочих городах магометанского закону немалое число, знав императорские указы, что неволею к вере никого принуждать не велено, не получа от губернатора никакой справедливости, просили в Правительствующем Сенате и на архиерея, и на губернатора» [Кравцов, 2014, с. 209].

О скандале, разразившемся в Тобольске, стало известно в Москве уже в декабре 1750 г. Прокурор Сибирской губернии Е. Елисеев, 23 ноября 1750 г. отправил доношение по поводу событий в Тобольске генерал-прокурору князю Н. Ю. Трубецкому, где обвинил губернатора А. М. Сухарева в сговоре с митрополитом Сильвестром (Гловацким), после чего дело было вынесено на рассмотрение в Сенат. Рассматривая это дело на совместном заседании, 23 октября 1751 г. Синод предложил создать в Тобольске специальную комиссию о татарах и бухарцах, куда бы вошли по два представителя от Сената и Синода [Полное собрание... , 1912, с. 436–439]. Состав комиссии был определен Сенатом. Ф. И. Соймонов крайне скептически оценивал ее состав: в нее ввели «с татарской стороны – бригадира Чемодурова, и летами и умом совсем слабого, другого – надворного советника Льва Болтина, который хоть не летами, но умом слабого человека, третьего – Вологодского полку капитана Черкашевинова, который хотя и достойный того был, однако один против всех столько силы не имел. С архиерейской стороны – архимандрит Добрыня и 2 игумена, из которых один был и пьяница, и дурак, а другой из подьяческого рода проворный крючкотворец. Архимандрит Добрыня был достойный к тому делу человек, но прежде указу был от комиссии уволен и отпущен в Иверский монастырь» [Кравцов, 2014, с. 209]. Подобная отрицательная оценка состава комиссии Ф. И. Соймоновым, на мой взгляд, связана с огромными расходами, которые она причинила. Назначенный новым губернатором после смерти А. М. Сухарева и непродолжительного правления В. А. Метляева (1752–1757) Ф. И. Соймонов посчитал, что комиссия истратила за 6 лет 7000 рублей.

Правительствующему Сенату данная идея понравилась, и, по аналогии с Тобольской следственной комиссией о татарах и бухарцах, 12 ноября 1751 г. было решено создать в Оренбурге Комиссию об иноверцах для разбирательства духовных дел. Тем самым сибирский опыт управления «иноверцами» был перенесен в Оренбург.

Важно отметить, что губернатор Оренбурга И. И. Неплюев сыграл далеко не последнюю роль в деятельности «татарской комиссии». Согласно мемуарам Ф. И. Соймонова, в Оренбург были отправлены «татарские письма» для перевода из-за подозрения содержащейся в ней «хулы на христианскую веру» [Кравцов, 2014, с. 209]. По сути, именно от перевода этих текстов зависел исход деятельности татарской комиссии и, в частности, арестованного Сундуллы Сеитова. Тем временем между губернатором Оренбурга, действительным тайным советником И. И. Неплюевым и сибирским митрополитом Сильвестром (Гловацким) возник конфликт, который, как мне кажется, оказал влияние на деятельность татарской комиссии и последующее снятие с кафедры сибирского митрополита Сильвестра в 1755 г. И. И. Неплюев был видным государственным деятелем, прошедшим морскую академию в Петербурге, основанную Петром I. В чине поручика морского галерного флота И. И. Неплюев, назначенный главным командиром над всеми судами, строящимися в Петербурге, заслужил похвалу первого рос-

сийского императора. С 1721 по 1734 г. И. И. Неплюев был назначен русским резидентом в Константинополе, затем генерал-губернатором в Малороссии (Украине). Его карьера не была ровной. По доносу придворных интриганов его сняли с поста генерал-губернатора, лишили имущества и всех наград, пожалованных ему Петром Великим, а затем заключили в тюрьму, откуда он был освобожден императрицей Елизаветой, после чего в 1742 г., будучи назначенным Елизаветой Петровной наместником Оренбургского края, он занялся устройением Южного Приуралья. Думается, что долгое пребывание Неплюева в Османской империи сыграло определяющее влияние на его отношение к мусульманам. Так, 28 марта 1751 г. И. И. Неплюев в своем доношении в Сенат отказался выдать 11 башкир из Исецкой провинции сибирскому митрополиту Сильвестру (Гловацкому), который требовал их присылки в Тобольск для крещения. В своем обстоятельном доношении в Сенат И. И. Неплюев, которого вряд ли можно заподозрить в симпатиях к мусульманам, о которых он отзывался, что те «в богопротивном своем магометанском законе столь крепки и замерзели» [РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 843, л. 2 об.], тем не менее высказался за соблюдение принципа непринуждения в вере – основы государственной стабильности.

Говоря о башкирах, И. И. Неплюев, отмечал «оний народ противных замыслов, имея у себя в свежей памяти страх российского оружия и <...> весьма сомнительно, дабы они по легкомыслию своему в рассуждении оногo своего закона не впали в какое крайнее отчаяние, а наипаче когда между ими разгласится, что их всех в неволе окрестить хотят, или в обращении кого либо недозвольною осмотрительностью будет поступлено <...>. Но того больше опасно, чтобы не устремились многие на побег в Киргиз-Кайсацкие и другие орды. И там будучи пустых эхов не наплодили, как выше означено» [РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 843, л. 2 об.]. Тем самым И. И. Неплюев, действуя с позиции государственного прагматизма, опасался возможного влияния миссионерской деятельности (крещения башкир) на позиции России в степном пограничье. Удивительно, что в этом споре Сенат был на стороне И. И. Неплюева, и тот имел смелость не согласиться с мнением Синода, который поддерживал митрополита Сильвестра. «Требование Синода исполнить невозможно», – рапортовал в Сенат Неплюев [РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 843, л. 28], но, согласно указу, «комиссия для иноверцев» в Оренбурге все же была создана 26 ноября 1751 г. Непреклонная позиция И. И. Неплюева в дальнейшем могла привести к снятию митрополита Сильвестра с Тобольской кафедры. Это подтверждается тем, что идеи, изложенные оренбургским губернатором, легли практически слово в слово в основу указа Сената 29 марта 1751 г.: «...по сему ведениям о поступках преосвященного митрополита Тобольского с выше писанными иноверцами. И какие до них иноверцев велико важные духовные дела касались, и о невольном их крещении принять в довольное рассуждение и оное чинить ему запретить дабы от того в таком пограничном месте по легкомыслию оных иноверцев не последовало паче чаяния от них каких худых следствий» [РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 843, л. 44].

С назначением в 1757 г. на должность сибирского губернатора Ф. И. Соимонова деятельность «татарской комиссии» фактически пошла на убыль, а вскоре была прекращена. Любопытно, что новый губернатор, в отличие от «безвольного» А. М. Сухарева, заподозрил подделку митрополитом челобитных о крещении, якобы поданных татарами: «Да при том и оказалось, что у желательных к крещению, челобитий не их крещеных, ниже их старшин, по-русски консисторские подьячие, и церковники русские подписывались» [Кравцов, 2014, с. 209]. Тем не менее в фонде Московской конторы тайных розыскных дел, куда были отправлены татары, обвиненные в «поносительстве христианской веры», сохранились доношения из Сибирской губернской канцелярии и промемории от митрополита Сильвестра, где приложены удостоверения о крещении с подписями на тюрки, требующие дальнейшего изучения [РГАДА, ф. 349, оп. 1, ч. 2, д. 3943]. Сам Ф. И. Соимонов признает, что «можно бы по обстоятельствам дел и в кратчайшее время решить, но принуждены были лишнее время продолжить по той причине, что при деле явились архиерейские сообщения, при которых прилагал татарские письма, утверждая, что оные будто бы наполнены были поношением и ругательством христианской вере» [Кравцов, 2014, с. 209].

Появление архиерейских сообщений не случайно затянуло дело. По стандартному обвинению 5 ноября 1750 г. был арестован Сундулла Сеитов, у которого была найдена «татарская четвертная в красной коже книжка, которую носил он на себе, а в той де его книжке по переводу некоторые с татарского на русский язык речей заключается важнейшие на православную нашу веру поносно ругательные злые слова так де как и о других содержавшихся под следствием татар зашитые в платье в воротниках, в аракинах и в шапках ругательные на православную христианскую веру и волшебные заговорные письма и цидулки» [РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 843, л. 65]. Найденные при Сундулле письма «за неимением при духовной его преосвященства консистории переводчика на русский язык перевести некому и того де ради для переводу <...> и при Сибирской губернской канцелярии такового переводчика не имеется, отосланы быть куда надлежит» [РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 843, л. 65 об.]. Несмотря на отсутствие переводчика, в деле имеется следующий текст: «Письмо по-татарски с знаменованьем речи русскими литеррами: А урусомеляры кем калды дын масалманске эчин да торбизарам куфур ва кафер дин». Там же дается подстрочник: «Перевод речи с татарского на русский язык: По повелению Божию сотворена вера бусорманска содержать её, бежать от худой и проклятой христианской веры» [РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 843, л. 66].

Есть основания предполагать, что обвинение Сундулле было вымышленным, т. к. перевод с татарского не является дословным – перевод нужен был для обвинения, поэтому в него вставлена фраза о христианстве, которой нет в «оригинале». Пролить свет на этот вопрос могла бы книга, которую изъяли у Сундуллы, но она, к сожалению, не сохранилась, т. к. не была приложена к «делу».

Ф. И. Соймонов был вынужден послать в Оренбургскую губернскую канцелярию и требовать перевод с тех писем. «Но как в переводе ничего того не оказалось, то мы и решение учинили – татар оправдали, а архиерея и прочих помощников ему обвинили, и деньги, издержанные в комиссии, расположили. А по архиерейском самовольстве и что он поступал против присяги и прав государственных, то предали на рассмотрение и для решению Святейшему Синоду. Однако он избавился тем, что за год до этого умер в Суздальской епархии. На то от Сената указ получили: комиссию уничтожить, а дела отдать в губернский архив».

Таким образом, есть основания предполагать, что деятельность Ф. И. Соймонова и отрицательная оценка им эффективности «татарской комиссии» в совокупности с конфликтом И. И. Неплюева и митрополита Сильвестра (Гловацкого) привели к смещению последнего с Тобольской кафедры. Весьма вероятно, что действия Ф. И. Соймонова и И. И. Неплюева, а вовсе не сила воздействия челобитья татарских общин в Сенат или алармистские ожидания («турки вступятся»), привели к роспуску «татарской комиссии».

1. РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 843.

2. РГАДА. Ф. 349. Оп.1. Ч. 2. Д. 3943

3. ПСЗ-1. Т. XII. СПб., 1830. № 8978. С. 157–159.

4. Бакиева Г. Т. К вопросу о взаимоотношениях мусульман и новокрещеных у сибирских татар // Социокультурная динамика и экономическое развитие Тюменского региона. XXI век : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тобольск, 2004. С. 26–31.

5. Бакиева Г. Т. Российское государство и сибирские татары в XVII – нач. XX в.: конфессиональный аспект // Изв. Алт. гос. ун-та. История, полит. науки. 2008. № 4. Т. 4. С. 7–15.

6. Ключева В. П. Православие и ислам в Западной Сибири (кон. XVII – сер. XVIII в.): проблемы взаимодействия // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2004. № 5. С. 131–137.

7. Конев А. Ю. Конфессиональная политика России в отношении иноверцев Западной Сибири в XVIII веке в документах Государственного архива Тюменской области // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 22 (351). История. Вып. 61. С. 137–141.

8. Конев А. Ю. Русская православная церковь в Сибири XVII–XIX вв. (Социально-правовые аспекты межконфессиональных отношений) // Русские : материалы VII Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2004. С. 115–116.

9. Кравцов М. Н. Ф. И. Соймонов: рукописное наследие. Из фондов отдела письменных источников Исторического музея. М., 2014.

10. Крих А. А. Взаимодействие сибирских татарских религиозных общин с имперскими властями: сер. XVIII века // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – нач. XXI века) : сборник статей. Оренбург, 2012. С. 87–92.

11. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1912. Т. 3. С. 436–439.

12. Софронов В. Ю. Три века сибирского миссионерства. Ч. 2. Тобольск, 2005. С. 16–25.

УДК 39(475.5=512.1)

**ТЮРКИ ЗАУРАЛЬЯ: ВАРИАНТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ
(XVIII – НАЧАЛО XX В.)***Г. Х. Самигулов*

Мы зачастую воспринимаем слова, обозначающие сословные группы XVII – начала XX в., как жесткие детерминанты. Считается само собой разумеющимся, что «башкиры» и «татары» – это разные этносы, сложившиеся еще до вхождения Зауралья в состав Московского государства, а «вогулы» и «остяки» – это непременно угры. В результате исследователи пытаются найти угорские корни сылвенских тюрков или терсяк и не могут их найти, потому что их и не было. В действительности все перечисленные понятия использовались в русских документах в качестве обозначений социальных/сословных групп. То есть тюрки в документах Соликамского или Верхотурского уездов могли называться «остяками» или «вогулами», поскольку эти слова обозначали податное население. Люди, считавшие себя татарами, вполне могли входить (и входили) в сословную группу «башкиры». В частности, багарякские, ичкинские, кунашакские и сафакулевские татары в период с 1864 по 1917 г., согласно «Положению о башкирах», считались башкирами и как таковые фигурируют в документах. Поэтому не стоит однозначно воспринимать эти термины в документах XVII–XIX вв. как этнонимы; идентичности представителей отдельных групп могли быть весьма своеобразными с точки зрения сегодняшнего восприятия, человек мог себя считать одновременно башкиром и вогулом или татариним и башкиром.

Ключевые слова: социальные группы, идентичности, татары, башкиры, бухарцы, вогулы.

**TURKS OF THE TRANS-URALS WAYS OF IDENTITY
(18th – EARLY 20th CENTURIES)***G. Kh. Samigulov*

We often accept the words which designate the class groups in 17th – early 20th centuries AD as very firm terms. It goes without saying that the Bashkirs and Tatars are different ethnoses which had been formed before including the Trans-Urals into Moscow State, and the Voguls and Ostyaks are necessarily Ugrians. As a result, the

scholars try to find Ugrian roots of Sylven Turks or Tersyak and cannot find them because they never existed. As a matter of fact, all listed terms were used in the Russian documents as names of social/class groups. It means that the Turks could be named «Ostyaki» or «Voguls» in the reports of Solikamsk or Verkhotur'e yezds, so these words indicated the taxed population. People, who considered themselves «Tatars», might have been a part (and could) of the class group «Bashkirs». Particularly, the Bagaryak, Kunashak, Ichkin and Safakul' Tatars in the period 1864 – 1917, according to «Polozhenie o Bashkirakh» were considered as the Bashkirs and as such appeared in the documents. That is why: 1. We should not unambiguously interpret these terms in the 17th-19th AD documents as ethnonyms. 2. Identities of the representatives of the different groups could be very specific from the modern point of view – one man could consider himself as the Bashkir and Vogul or as the Tatar and Bashkir simultaneously.

Keywords: social groups, identities, Tatars, Bashkirs, Bukharts, Voguls.

Ситуация с изучением истории названий и самоназваний тюркского (и не только тюркского) населения Зауралья и Западной Сибири конца XVI – XVIII в. пока что развивается достаточно медленно. В основном преобладает традиционное восприятие терминов, обозначающих различные группы населения, как этнонимов. Проще говоря, если в документе написано «вогул» или «остяк», значит, делается вывод, что речь идет о представителе угорских народов, «татарин» – тюрк, «бухарец» – выходец из Средней Азии и т. д. То обстоятельство, что эти термины в документах использовались, преимущественно, как обозначения социальных (сословных) групп, достаточно трудно воспринимается сообществом. Соответственно, накапливается «пресс» ошибочных интерпретаций, оказывающих непосредственное влияние на работы историков – историографическая традиция, будучи необходимой и одной из основополагающих составных исторической науки, имеет и свои слабые стороны. В частности, устаревшие трактовки в течение долгого времени сохраняют свойства своего рода императива. Но это издержки метода, которые нужно стараться преодолеть.

Надо отметить, что, будучи используемыми, в первую очередь, в качестве соционимов, подобные понятия не теряли и своего «этнического» значения, точнее, обозначения людей по языковой принадлежности либо месту происхождения. Этот момент зачастую осложняет интерпретации документов конца XVI – XVIII в., но не делает их невозможными. Причем для анализа достаточно традиционных исторических методов. Правда, не лишне учитывать и то, что официальные обозначения зачастую (но далеко не всегда) со временем превращались в вариант самоидентификации.

Еще одно обстоятельство, достаточно обычное, но, как правило, упускаемое при работе с историческими материалами: людям свойственна многоуровневая идентичность. То есть один человек может быть одновременно татаринем и башкиром или бухарцем и служилым татаринем. Иначе говоря, это не взаимо-

исключающие понятия. Зауральские тюрки к моменту принятия российского подданства представляли практически единую культурно-хозяйственную общность, и формирование зауральских башкир и сибирских татар в современном понимании произошло уже в рамках Российского государства. Причиной формирования этих групп стало разделение территории на уезды, а также использование в каждом из уездов своей терминологии для обозначения иноверческого населения: в Уфимском уезде их называли башкирами и, очень небольшую часть, тарханами; в Туринском, Тюменском и частью Тобольском уездах – ясачными, служилыми и захребетными татарами. Этой теме посвящено уже некоторое количество публикаций, и останавливаться на ней здесь я не буду, а приведу примеры идентификации разных групп тюркского населения Зауралья. Начнем с Верхотурского уезда XVII в.

У А. А. Дмитриева опубликованы данные по сбору ясака в Верхотурском уезде 1626 г.: «Верх Уфинские татаровя – сотник Илцыбай Тулубаев, а у него в сотне ясачных Вагулич: Сыбай, Беклыбай, Менлыбай, Менлокозя, Сарка, Беккозя, Сырник, Церебай, Безкозя, Ешкозя... И всего Верх-Уфинских татар 17 человек» [Дмитриев, 1897, с. 173]. Автор по этому поводу пишет в примечании, что «вероятно, здесь допущена ошибка переписчиком: следовало сказать ясачных Татар, а не Вогулов» [Дмитриев, 1897, с. 173]. На первый взгляд, все логично: переписчик сделал ошибку, а в действительности в документе речь идет о татарах или башкирах. Посмотрим другой документ. В грамоте из Сибирского приказа верхотурскому воеводе В. Л. Корсакову сказано: «Верхотурского уезду Верх-Уфинские волости ясачных башкирцов, сотника Ишимбайко Кулушева с товарищи...», а в конце документа приписка, сделанная в Верхотурье о получении грамоты: «147-го мая в 23 день подал вагулятин Ишинбайко» [МИБ, 1936, с. 72–73]. Из цитированного документа следует, что служители Сибирского приказа, явно на основе текста челобитной, называли жителей Верх-Уфимской волости башкирами, а в Верхотурской приказной избе сотника этой волости Ишимбая обозначали как «вагулятина». Подобное постоянство параллельного использования различных этнонимов в отношении населения одной и той же ясачной волости вряд ли можно объяснить случайностью или совпадением. При желании вы найдете довольно много опубликованных документов, в которых люди с мусульманскими, а иногда и чисто тюркскими именами, названы вогулами.

Для примера можно привести фрагмент отписки верхотурского воеводы Льва Измайлова 1653 г.: «А та новая Чюсовская слобода Тобольского уезду от Мурзинские слободы, х которой вы тое слободу емлете, во сте верстах, а не в 7 верстах, и поселилась та слобода меж верхотурских ясачных вагулич Аяцкой, и Терсяцкой, и Чюсовской волостей в 5 и 7 верстах» [Миллер, т. III, 2005, с. 375–376]. Название Терсяцкой волости говорит само за себя: ее население относилось к тюркам племени терсяк, а не к уграм. Что касается Чюсовской волости, то в 1670-х годах ее жители писали: «бьют челом сироты ваши Верхотур-

ского уезду Чюсовской волости ясачные татаровя и черемиса Бишко Тихонков Пахоско Шакшияров и все Чюсовской волости ясачные татаровя и черемиса а в прошлых Государяи годов по вашим Великих Государей указам селились мы сироты ваши вновь в Чюсовской волости от Чюсовской слободы 10 верст» [РГАДА, ф. 1111, д. 51, стб. 62]. В 1651 г., при основании Чусовской слободы, как ее первопоселенцы, так и ясачные люди трех волостей жаловались на притеснения со стороны сылвенских татар: «приезжает де тот Мамайко с братом своим с Тихонком и с зятем своим Шадрьбайком и Казанского уезду с черемисою вверх Чюсовыя реки в их Игнашки Егитова вагульские вотчины и всякими де промыслы промышляют... а как де те татаровя Мамайко, да Тихонко, да Шадрьбайко в их вогульских вотчинах воровством своим промышляют, тому де есть лет с 15... А в челобитной, государь, Уфинской и Верх-Чусовской волостей ясачных людей Уразбайко Булатова да Кутлыбайка Апсаитова написано: завладели де тот Мамайко с братьею их Уразбайковою и Кутлыбайковою вотчиною, рыбными ловлями и звериными ужожей вверх по Чюсовой реке и до Терсятской волости и до верх Бисери реки...» [Миллер, т. III, 2005, с. 346]. Мы опять видим ту же картину, что и в цитированных документах по Верх-Уфимской волости: этнически население Чусовской волости относится к тюркам и финнам (татары и черемисы, т. е. марийцы), но как податное сословие обозначаются «верхотурскими ясачными вогуличами». Аналогично и с терсяками Терсяцкой волости.

Следовательно, сами ясачные люди Верхотурского уезда могли себя называть башкирами, татарами, черемисами, но для Верхотурской приказной избы они были ясачными вогулами. При этом в документах Верхотурской приказной избы мог признаваться факт их принадлежности к тюркскому населению и в тех же документах, наряду с обозначением «ясачные вогуличи», были указания на языковую или родоплеменную принадлежность: «татарин», «терсяк».

В качестве иллюстрации разделения зауральских тюрков на башкир и татар приведу небольшой сюжет, который характеризует и весьма непростую ситуацию с формированием названий волостей. В 1730-х – 1740-х гг. башкиры Мякотинской волости уступают часть своих земель для нужд заводов Екатеринбургского ведомства, затем для Каслинского завода. В результате оставшейся земли оказывается мало для поддержания прежнего уровня жизни и уплаты ясака. И башкиры Мякотинской волости нашли выход – в челобитной, направленной в Исетскую провинциальную канцелярию, они предложили свой вариант компенсации потерь: они просят передать им землю Уиратской татарской ясачной волости, которая располагалась смежно с Мякотинской волостью, но сами ясачные татары уиратцы там уже не живут, а живут в Тюменском уезде и там платят ясак [РГАДА, ф. 411, оп. 1, д. 7, л. 106 об. – 107, 113 об.]. В этой ситуации непонятно, откуда взялись земли ясачных татар в Уфимском уезде. Здешнее ясачное население, имеющее право на вотчинные земли, называлось башкирами? Кроме того, обозначение «Уиратская волость» также не встречалось в других источниках.

Комментарий ситуации находим в заявлении башкир Балакатайской волости: «Белокатайской волости башкирской старшина Абдулла Каскинов по призыве в Ысецкую правинциальную канцелярию сказкою показал: о которой де земле Мякотинской волости старшина Янгильда Сапхангулов с товарищи называя Уряцкою пустою просят, та земля не пустая, но он, Абдулла, и все Белокатайской волости башкирцы на ней жительство домами имеют, понеже де исстари роду Белокатайской волости роду их башкирского, а не Уряцкая, на коей прапрадеды и деды их жили, а урятцом и никому другому до нее дела нет. И Уряцкою признавая называют потому, что на той земле жили их же роду белокатайские башкирцы, а имянно лутчие люди прапрадед ево, Абдуллин, Казбуря, да Казбурин брат родной Учюмсал Касамберевы (коих уже вживе нет). И назад тому лет с триста или более, подлинно он, Абдулла, не знает, когда еще и города Тобольска не было, откочевал помянутой Учюмсал с несколько человек башкирцами на то место, где ныне означенной город Тобольск, к хану Кучюму и не возвратились. А прапрадед ево, Абдуллин, Казбуря и другие башкирцы остались на оной земле и с того времени поныне живут, в том числе и он, Абдулла. А ныне слышно, оставшыя роду Учюмсалова башкирцы, дав себе назов урятцами, жительство имеют Сибирской губернии в городе Тюмени, где им и земли даны, и платят по тому городу ясак, а иные числятся бес платежа ясака, служылыми» [РГАДА, ф. 411, оп. 1, д. 7, л. 129 об. – 130]. Реконструировать ситуацию можно так: уиратцы представляли собой группу, родственную катаяцам (балакатайцам), которая не то в XV, не то в XVI в. ушла в Сибирь, на Тобол. Время ухода не понятно, поскольку сначала говорится о трехстах годах «или более», а затем сообщается, что они ушли к хану Кучуму, налицо явная нестыковка. Но в отсутствии дополнительной информации мы это несовпадение вряд ли разрешим: балакатайцы могли спутать количество лет либо же имя Кучума было упомянуто как некая понятная всем привязка (да и в общественном сознании балакатайцев вполне могли произойти некие подвижки, связавшие основные события истории с именем Кучума).

Аргументы балакатайцев о том, что «урятцы» жили там из оброка, обманом и т. д., с большой долей вероятности могут быть отнесены к обычным доводам, призванным снять сомнения властей в вотчинных правах башкир Балакатайской волости на эти земли. Сомнения в том, что эта земля незадолго до составления цитируемых документов действительно принадлежала неким «урятцам» рассеиваются при прочтении продолжения документа: «дали он, Абдулла, и все белокатайцы, согласно по добровольному договору письмо, чтоб тою белокатайскою, называемою уряцкою, землею владеть как белокатайским, ему, Абдулле с товарищи, так и мякотинским, Янгильде с товарищи и команды ево служылым сартом, обще всем» [РГАДА, ф. 411, оп. 1, д. 7, л. 130 об.]. Башкиры Балакатайской волости при всех своих доводах признавали, что земля, о которой просили мякотинцы, действительно называлась «уиратской»/«уряцкой» – собственно, это и было обозначением/ограничением территории, о которой шла речь. То есть это

была действительно конкретно определенная территория, и то, что катайцы согласились владеть ею совместно с бакатин (мякотинцами), подтверждает, что эта земля составляла ранее отдельную волость.

Что же касается названия «Уиратская волость», то частичную разгадку мы находим у Г. Ф. Миллера, который отмечает, что калмыков в Сибири называют уйратцами [Миллер, 2000, т. I, с. 176–177]. Правда, возникает следующий вопрос: почему группу, предположительно уже имевшую название «катай», в Сибири начали называть «уйратами»? Сохранялась ли все еще память о том, что кара-китай (предки группы «катай») были родственниками по языку калмыкам? Или были другие причины? Возможно ли, что катай ко времени правления Кучума все еще сохраняли (наряду с тюркским) родной язык? Вопросов возникает много, как это зачастую и бывает после выявления новых деталей прошлого. Но при этом мы можем сделать некоторые выводы:

1. Подтверждается вхождение представителей одной родоплеменной группы в состав и башкир, и сибирских татар.

2. Некоторые родоплеменные группы в XVI в., возможно, находились в стадии формирования самоидентификации – об этом свидетельствует смена самоназвания «катай» на «уйрат» группой, ушедшей в Сибирь, но сохранявшей долгое время тесные контакты с родственниками на Урале.

3. Изменение самоназвания и внешнего идентификатора коснулось далеко не всех катайцев, живших на территории Тюменского уезда, что подтверждается наличием названий, связанных со словом «катай», в частности названий «Катай урамы» (Катайская улица) в некоторых населенных пунктах, входивших в состав Тюменского уезда.

И еще один сюжет, показывающий достаточно прихотливые варианты формирования различных сословных групп, их переформатирования и т. д. Имеются в виду группы, которые сформировались в Южном Зауралье на протяжении середины XVII – первой трети XVIII в.: ясачных татар и служилых мещеряков. Формат статьи не позволяет излагать подробно, поэтому будут достаточно тезисные выкладки.

В составе этносословной группы ясачных татар, которая оказалась на территории вновь созданной Исетской провинции, было несколько команд: ичкинские татары, татары Усть-Багаряцких юрт и татары команды Ильтебана Степанова. Первые две имели смешанный состав, но основу их составляли местные, зауральские тюрки. Фактически это были две взаимосвязанные группы. А ясачные татары команды Ильтебана (Ильтебана) Степанова проживали в деревнях на оз. Кызылташ, р. Багаряк и Синара в 1730-х – 1740-х гг., по крайней мере в документах 1744 г. ясачные татары команды Ильтебана Степанова еще упоминаются [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1092а]. Но уже в 1743 г. по их прошению им были отведены земли в нераздельной Кара- и Барын-Табынской волости, куда они впоследствии и переселились, образовав 13 новых деревень. Если в 1744 г. они значатся еще как ясачные татары, то в 1750 г., как пишет А. З. Асфанди-

яров, в документах их называли уже тептярями [Асфандияров, 2009, с. 26]. В письме Батырши Алеева императрице Елизавете Петровне приводятся слова старшины служилых мещеряков Муслюма (Муслима) Аширова: «...оглашен указ о том, чтобы старшина Ильтабан со всей своей командой, оставив веру ислама, перешли бы в русскую веру, или же вернулись в прежнюю, дедовскую свою веру – чувашскую» [Письмо Батырши..., 1993, с. 80]. Следовательно, если и не вся команда Ильтабана Степанова, то большая ее часть этнически относились к чувашам. При этом назывались они «ясачными татарами». Можно с уверенностью говорить о том, что это название носило сословный характер. А в сословие тептярей и бобылей они, очевидно, перешли в 1747 г. П. И. Рычков сообщает о мордве, черемисах, вотяках и чувашах, что они были положены в тептярский восьмигривенный ясак в 1747 г. [Рычков, 1887, с. 30–34]. Таким образом, часть чувашей в Зауралье относились к этносословной группе ясачных татар, а затем вошли в состав группы тептярей и бобылей. Но на этом не заканчиваются метаморфозы их наименования. Ниже мы вернемся к этой теме.

Две остальные группы ясачных татар – ичкинские и Усть-Багарцких юртов – с 1754 г. перешли в группу служилых татар, когда уплата ясака в Оренбургской губернии была заменена покупкой соли, а башкиры, ясачные татары и тептяри получили статус служилого населения. Кроме этого, с первой трети XVIII в. в Южном Зауралье находилась группа служилых мещеряков. Именным указом, данным 10 апреля 1798 г. генералу от инфантерии барону Игельstromу, было одобрено создание Башкиро-Мещеряцкого войска [ПСЗ-I, т. XXV]. В Южном Зауралье в его состав вошли как служилые мещеряки, так и группы служилых татар – багарякских и ичкинских. Таким образом, при создании Башкиро-Мещеряцкого войска сословная группа мещеряков в Южном Зауралье значительно расширилась, включив в себя существовавшие группы «служилых татар».

В 1855 г. Башкиро-мещеряцкое войско было преобразовано в Башкирское, при этом мещеряки остались в его составе [Асфандияров, 2005, с. 184–188]. То есть сословие мещеряков было упразднено, а те, кто к нему относился, были включены в состав башкирского сословия. И именно этот процесс отражен в материалах Ревизских сказок 1859 г., где запечатлены «башкиры» тех деревень [ЦГИА РБ, ф. И-138, оп. 2, д. 768, л. 430–450]), которые в материалах прошлой ревизии были записаны как мещеряцкие [ЦГИА РБ, ф. И-138, оп. 2, д. 50, л. 42–61, 204–213]. На этом преобразования не завершились, и следующим шагом правительства стало кардинальное преобразование сословия (сословной группы) башкир с четким включением в ее состав людей, входивших ранее в сословные группы тептярей и бобылей и мещеряков.

В «Положении о башкирах», вышедшем в 1863 г., первый пункт гласил следующее: «Иностранцы, известные под названием Башкир, Мещеряков, Тептярей и Бобылей, имеющие общее наименование Башкирского войска, получают гражданское устройство, как свободные сельские обыватели, на основаниях, в сем Положении определенных» [Положение о башкирах, 1863, с. 3]. А основывалось

это положение на указе, подписанном Александром II 14 мая 1863 г.: «...признав справедливым обитающих в губерниях: Оренбургской, Самарской, Пермской и Вятской Башкир и других инородцев, составляющих вместе с ними нынешнее Башкирское войско, уравнивать в гражданских правах с прочими свободными сельскими обывателями и образовав общественное их управление на общих, указанных НАМИ для устройства сельских обществ началах с теми в применении их изменениями, кои необходимы по особому положению сих инородцев» [Положение о башкирах, 1863, с. 2]. Из служилого сословия башкиры были преобразованы в сословие свободных земледельцев, оставаясь, однако, на особом положении. Одним из основных (если не основным) отличий башкир от других групп «сельских обывателей» было сохранение за ними вотчинных прав на землю [Положение о башкирах, 1863, с. 8–11, п. 15–23].

Таким образом, те, кто входил до 1855 г. в сословие мещеряков (а также те, кто относился к сословию тептярей и бобылей), с 1855 г. вошли в состав Башкирского войска (т. е. служилого башкирского сословия). С 1863–1865 гг., с расформированием Башкирского войска, бывшие мещеряки были на основании указа Александра II включены в сословие башкир – свободных сельских обывателей. В 1860-х–1880-х гг. башкирами обозначались в документах жители Ичкинской деревни [ГАПК, ф. 238, оп. 1. д. 478, л. 3–4 об.], мещеряки деревни Ахуновой [ОГАЧО, ф. И-113, оп. 2, д. 1011, л. 35 об. – 36], мещеряки Челябинского уезда (в том числе и ичкинские татары Альменевской волости) [Список населенных мест, 2006, с. 215, 244]. При этом принадлежность к башкирской сословной группе была выгодна, поскольку давала права на вотчинные земли. На официальном уровне бывшие тептяри и мещеряки именовались теперь башкирами, а самоопределение их могло быть разным. После революции 1917 г., с отменой сословий, основная часть бывших мещеряков и тептярей перестала называть себя башкирами. Примечательно, что ичкинские татары сохранили татарское самосознание, а бывшие татары Усть-Багаряцких юрт называют себя мишарями.

1. Асфандияров А. З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа : Китап, 2005. 265 с.

2. Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа : Китап, 2009. 744 с.

3. Государственный архив Пермского края – ГАПК. Ф. 238. Оп. 1. Д. 478 ; Ф. 316. Оп. 1. Д. 109.

4. Государственный архив Свердловской области – ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а.

5. Дмитриев А. А. Пермская старина : сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. 7. Верхотурский край в XVII веке. К 300-летию Верхотурья. Пермь : Тип. П. Ф. Каменского, 1897.

6. Материалы по истории Башкирской АССР (в дальнейшем – МИБ). Часть I. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. 631 с.

7. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. М. : Вост. лит., 2000. 630 с.
8. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. III. М. : Вост. лит., 2005. 600 с.
9. ОГАЧО. Ф. И-113. Оп. 2. Д. 1011.
10. Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне. Уфа : УНЦ РАН, 1993. 250 с.
11. Положение о башкирах. СПб. : В типографии Управления Иррегулярных войск, 1863. 117 с.
12. ПСЗ-I. Т. XXV.
13. РГАДА. Ф. 411. Оп. 1. Д. 7 ; Ф. 1111. Д. 51.
14. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Оренбург. отд-ние ИРГО, 1887.
15. Самигулов Г. Х. Багарякские татары // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 8 (337). Серия: История. Вып. 59. С. 15–17.
16. Список населенных мест. Часть II. Оренбургская губерния, 1866. Уфа : Китап, 2006. 260 с.
17. ЦГИА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 503 ; Ф. И-138. Оп. 2. Д. 768.

УДК 930

**ПРЕДВОДИТЕЛИ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР В ПОХОДЕ ВОЕВОДЫ
КНЯЗЯ А. В. ЕЛЕЦКОГО «НА ТАРУ-РЕКУ» (1594 г.)¹***Я. Г. Солодкин*

Две трети с лишним численности рати, отправленной с князем А. В. Елецким в Среднее Прииртышье строить очередной русский город на новой восточной окраине России, составляли служилые и ясачные татары (судя по наказу этому воеводе). В сооружении Тары должны были под предводительством головы М. Мальцова участвовать сто служилых татар из Казани и Свияжска (наряду с тремя сотнями башкир) и столько же тобольских атамана Ч. Александра, голов Баисеита и Байбахты. Согласно памяти А. В. Елецкому, с завершением возведения основных укреплений «Тарского города» к зиме 1594/95 г. сотню выходцев из Казани и Свияжска (как и башкир), а также полсотни тобольских конных татар, старшим у которых являлся Баисеит, надлежало отпустить обратно, а полсотни других, во главе с Байбахтой, оставить на несколько месяцев в качестве годовальщиков. Примечательно, что М. Мальцов, владевший помещьем в Мещовском уезде, десятилетием ранее участвовал в подавлении восстания «луговой черемисы», а Байбахту следом намечалось привлечь к участию в походе против Пегой орды.

Ключевые слова: основание Тары, служилые татары, численность и состав татарского контингента в отряде князя А. В. Елецкого, Среднее Поволжье, Тобольск, Тюмень, М. Мальцов.

**SERVICE TATARS' LEADERS IN VOIVODE PRINCE A.V. YELETSKY'S
TARA RIVER CAMPAIGN (1594)***Ya. G. Solodkin*

Two-thirds and more of the ratios sent with Prince A. V. Yeletsky to the Middle Irtysh to build another Russian city on the new eastern outskirts of Russia were the serving and fur-tax paying Tatars (judging by the order of this voivode). In the construction of Tara, one hundred service Tatars from Kazan and Sviyazhsk (along with three hundred Bashkirs) and the same Tobolsk ataman Ch. Alexandrov, the

© Солодкин Я. Г., 2019

¹Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ и Департамента образования и молодежной политики ХМАО – Югры № 17-11-86004.

heads of Baisit and Baybakhty should have been led by the head of M. Maltsov. According to the memory of A. V. Yeletsky, with the completion of the construction of the main fortifications of the “Tarsk city” by the winter of 1594/95, a hundred immigrants from Kazan and Sviyazhsk (as well as the Bashkirs), as well as fifty Tobolsk equestrian Tatars let go back, and fifty others, led by Baybahta, leave for a few months as superstandants. It is noteworthy that M. Maltsov, who owned the estate in Meshchovsky district, a decade earlier participated in the suppression of the meadow meadow rebellion, and Baibacht was planned to be attracted to take part in the campaign against the Pied Horde.

Keywords: The founding of Tara, serving Tatars, the number and composition of the Tatar contingent in the detachment of Prince A. V. Yeletsky, Middle Volga Region, Tobolsk, Tyumen, M. Maltsov.

Летом 1594 г., вероятно в середине августа, самая многочисленная из русских военных экспедиций конца XVI в. за «Камень» (предполагалось, что в ней примет участие 1541 человек), основала «Тарский город» в Среднем Прииртышье, «чтоб пашню завести, и Кучума царя истеснить, и соль устроить», и привести ряд волостей «под высокую государеву руку». В составе «судовой и конной рати», предводительствовать которой было поручено князю А. В. Елецкому, судя по адресованному ему пространному наказу и дополняющим его памяткам, кроме 147 московских стрельцов, находились (во главе с четырьмя сотниками – детьми боярскими) сто татар из Казани и Свияжска, триста башкир из Уфимского уезда, 150 стрельцов, «полоненников» с пищалями, «польских» казаков (т. е. выходцев с Поля) из Казани, Лаишева и Тетюш, всего 554 человека под началом головы М. Мальцова, сто тобольских конных татар атамана Черкаса Александрова, голов Баисеита (Баязета) и Байбахты, триста конных и сто пятьдесят ясачных «добрых» татар из Тюмени с уездом и волостей, расположенных «в верх по Иртышу». (В. Д. Пузанов заблуждался, включив в число ратных людей выступивших к «Таре-реке», накануне служивших «на Верхотурье», выстроенном лишь зимой 1597–1598 гг., и Пельма [Пузанов, 2005, с. 100]). Еще у Г. Ф. Миллера вызвало удивление то обстоятельство, что русские власти решили взять в поход, кроме стрельцов, казаков, черкас и «литвы», много татар «для отправки в опасные татарские места, где постоянно можно было ожидать враждебного нападения изгнанного хана Кучума». (В Казани, кстати, в 1593 г. проживали пленники – немцы и «литва» [Акты... , 1836, с. 438, 439].)

Руководителю экспедиции, который обязывался «поставить» город в «Ялах» («Аялах»), в 15 днищах «в судех ходу» от Тобольска, предписывалось отправить против «сибирского царя», если он не признает власть московского самодержца, казаков, тобольских и тюменских татар, башкир, «тутошных ясачных татар... лутчих». К зиме, после сооружения основных укреплений Тары, Баисеита и его подчиненных – полсотни конных татар – надлежало отпустить в Тобольск, а стать же во главе с Байбахтой, т. е. в качестве годовальщиков, оставить на ближайшие месяцы в основанной у реки Аркарки крепости (названной Тарой

по реке, у берегов которой князь А. В. Елецкой, следуя «приговору» тобольского воеводы князя Ф. М. Лобанова-Ростовского, первоначально хотел возвести город) [Миллер, 1999, с. 281–282, 349, 351, 352; Тычинских, 2010а, с. 64–65, 116; Солодкин, 2016, с. 235]. (Утверждение, будто тогда Ч. Александров являлся головой [Маслюженко, 2010, с. 9], неточно, как и указание на то, что он вместе с Баязетом и Байбахтой предводительствовал казанскими, тобольскими и тюменскими татарами [Худяков, 2011, с. 106]. Отметим также, что Д. О. Скульмовский, говоря об участии тоболяков в «поставлении» Тары, упомянул только про сотню «литвы», черкас и казаков головы С. Рупосова [Скульмовский, 2007, с. 157].)

Данные об участии отрядов Баисейта и Байбахты, видимо подчиненных Черкасу Александрову, в «тарской» экспедиции противоречат подкрепленному сведениями С. У. Ремезова (внушающими серьезные сомнения) заключению о том, что с окончательным разгромом Кучума триста «мурз и мурзичей», явившихся к Тобольску, были «поверстаны в службу», составив основу контингента «йомышлы» главного города «русской» Сибири [Тычинских 2010а, с. 46–47; Тычинских 2010б, с. 118]. Она, вероятно, стала складываться ранее – не позднее середины 1594 г. К тому же численность тобольских служилых татар в XVII в. зачастую колебалась от 250 до 262 человек [Пузанов, 2010, с. 55–56, 64–65; Тычинских 2010а, с. 47, 52, 53, 67, 143; Тычинских, 2017, с. 45, 46, 50 и др.], а сотня их должна была принять участие в экспедиции к «Вышнему» Нарыму, близ которого следом, в том же 1597 г., заложили острог [Вершинин, Шашков, 2004, с. 17–18 и др.] (подведомственный на первых порах администраторам Сургута).

Мамлей Иванов сын Мальцов (называть его Мамлы [Тычинских, 2010а, с. 64, 65] не стоит), являвшийся помещиком Мещовского уезда [Акты... , 2008, с. 207], вероятно, принадлежал к кругу городских или уездных дворян. (Имя «Мамлей» носило несколько современников Мальцова [Веселовский, 1974, с. 193; Осадный список... , 2009, с. 71, 113, 206, 280 и др.].) До того, как Мальцов, будучи головой, «Тарской город ис Казани... ставил», этот дворянин в том же чине участвовал, находясь в сторожевом полку, в походе против «луговой черемисы», когда войска, направленные для подавления очередного бунта в Среднее Поволжье, «многие улусы разорили» [Полное собрание... , 1978, с. 229; Покровский, 2006, с. 187–188; Анхимюк, 2007, с. 186; Солодкин, 2015, с. 27].

Царская грамота в Сургут от 31 августа 1596 г. свидетельствует о том, что в экспедиции (она, как выяснил Е. В. Вершинин, состоялась в следующем году) против властителя Пегой орды верхненарымского князя Вони должны были участвовать, помимо тобольских стрельцов и казаков, сургутян, кодских остяков и (если мятеж «инородцев» в «Югорской земле» улегся) березовских казаков, сто служилых татар Тобольска под началом Байбахты и Кызылбая [Русское старожильческое население... , 2007, с. 316]. Первый из них к тому времени, надо думать, вернулся из Тары, где, напомним, обязывался с полусотней подчиненных «годовать» вскоре после ее «поставления». В 1603 г. воевода Тюмени князь

А. Д. Приимков-Ростовский, кстати, сообщил голове Туринского острога Ф. К. Фофанову со слов тюменского ясачного татарина К. Ян-субина о том, что «чают шатости в тобольских в юртовских татарех», в том числе «в Кызылбае болшем, да в Байбахте» [Миллер, 2000, с. 209]. (О Кызылбае, еще в 1609 г. считавшемся одним из «лутчих» среди «йомышлы» (тогда он побывал «за пристава») [Тычинских 2010а, с. 58], см.: [Солодкин, 2017, с. 227–228].)

Черкас (Иван) Александров, имевший прозвище Корсок, часто, хотя без должных оснований, включающийся в число «ермаковых казаков», участвовал, видимо, в закладке Тюменского острога, не исключено и Тобольска, а по возвращении из Тары – в подавлении восстания «иноземцев» Березовского уезда, в походе против Вони, когда был «срублен» Нарымский острог, а затем уже в чине головы тобольских служилых татар (которых могло насчитываться до 250) – в окончательном разгроме Кучума на Оби и пленении спустя десятилетие, около 1608 г., следующего сибирского хана Али (Алея) [Никитин, 2001, с. 62–68; Трепавлов, 2012, с. 76 и др.].

Татары, служившие «святоцарю» Федору в Сибири еще во второй половине 1580-х гг. [Исхаков, 2017, с. 51–52], как мы видим, сыграли существенную роль в утверждении его власти и в Среднем Прииртышье со времени появления в этом краю (который пытались удержать за собой «кучумляне») «Тарского города».

1. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М. : Древлехранилище, 2008. Т. 4. 632 с.

2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею имп. Академии наук. СПб. : Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. Т. I. XV + 491 + 12 + 25 + 4 с.

3. Анхимюк Ю. В. Росписи казанского зимнего похода в разрядной книге ОР РНБ Q. IV. 53 // Государство и общество в России XV – начала XX века : сб. ст. памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб. : Наука, 2007. С. 180–188.

4. Вершинин Е. В., Шашков А. Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут : Диорит, 2004. С. 10–32.

5. Веселовский С. Б. Ономастикон : Древнерусские имена, прозвища, фамилии. М. : Наука, 1974. 382 с.

6. Исхаков Д. М. Арские князья на службе у московских государей: походы в Сибирь // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч. конф.: г. Курган, 21–22 апреля 2017 года. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2017. С. 49–52.

7. Маслюженко Д. Н. Возможности использования сибирских летописей для реконструкции идеологии Сибирского княжества Тайбугидов // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории : коллект. моногр. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2010. Ч. 5. С. 5–33.

8. Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. Т. I. 630 с.

9. Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Т. II. 796 с.
10. Никитин Н. И. Соротники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье. С. 51–87.
11. Осадный список 1618 г. М. ; Варшава : Дрвлекхранилище, 2009. 683 с. (Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. Т. VIII).
12. Покровский Н. Н. Сибирское общество XVII – начала XVIII в. по челобитным // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2006. С. 180 – 198.
13. Полное собрание русских летописей. М. : Наука, 1978. Т. 34. 304 с.
14. Пузанов В. Д. Военная служба годовальщиков в Сибири XVII века // Северный регион: наука, образование, культура. 2005. № 1 (11). С. 97–112.
15. Пузанов В. Д. Служилые люди города Тобольска // Северный регион: наука, образование, культура. 2010. № 1 (21). С. 55 – 68.
16. Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX в.: исследовательские материалы и документы. М. : Галерея, 2007. 591 с.
16. Скульмовский Д. О. К истории формирования тобольского гарнизона на рубеже XVI–XVII веков // Вест. ЧелГУ. 2007. № 18 (96). Вып. 21: Ист. С. 156–160.
17. Солодкин Я. Г. Кизылбай Купландеев (к истории корпорации тобольских служилых татар конца XVI – первой трети XVII в.) // XX Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. «Сулеймановские чтения», посв. 100-летию Я. К. Занкиева «Национальное образование и культура в полиэтническом пространстве: региональный компонент»: 28–29 апреля 2017 года, г. Тобольск. Тобольск : Изд-во Тобольского гос. пед. ин-та им. Д. И. Менделеева (филиал Тюм. гос. ун-та), 2017. С. 227–228.
18. Солодкин Я. Г. О сословной принадлежности голов служилых татар в России конца XVI – начала XVII в. // Военно-юридический журнал. 2015. № 2. С. 26–31.
19. Солодкин Я. Г. Служилые татары и ранняя русская колонизация Сибири (конец XVI – начало XVII в.): военные аспекты // Средневековые тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 233–239.
20. Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака : Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2012. 231 с.
21. Тычинских З. А. Военно-служилые люди Тобольска в XVII в. // Тобольск: времена, события, люди : коллект. моногр. / Труды Тобольской комплексной научной станции УрО РАН. Вып 5. Исторические науки / отв. ред. А. И. Татарникова. Тобольск : ТКНС УрО РАН, 2017. С. 43–54.
22. Тычинских З. А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань : Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010а, 288 с.
23. Тычинских З. А. Татарская страта Сибирского ханства // Сулеймановские чтения (тринадцатые) : всерос. научно-практ. конф. «Тюркское средневековье Западной Сибири в современных исследованиях» (Тюмень, 18–19 мая 2010 года) : материалы и докл. Тюмень : Экспресс, 2010б. С. 117–120.
24. Худяков Ю. С. Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII веке // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири : материалы междунар. конф.: г. Курган, 22–23 апреля 2011 года. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 104–108.

УДК 94(57)

К ПРОБЛЕМЕ ПОЛИТОГЕНЕЗА В КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВАХ

Т. А. Уалиев

В статье рассматриваются вопросы изучения политогенеза, социально-политического развития кочевых обществ, различные подходы к теории социальной эволюции кочевых обществ. Многие из аспектов изучения данной тематики в современных исследованиях по-прежнему остаются дискуссионными.

Цель работы: рассмотреть основные этапы развития взглядов к проблеме государственности номадов, обобщение и историографический анализ опыта исследований по политогенезу кочевых обществ (проблеме зарождения, расцвета и трансформации/гибели кочевых империй). Методологической основой статьи являются современные концепции многолинейности и многообразия политогенеза.

Ключевые слова: историография, кочевые империи, политогенез, государственность, гибель кочевых империй.

THE PROBLEM OF POLITICAL GENESIS IN NOMADIC SOCIETIES

T. A. Ualiyev

The article deals with the study of political genesis, the socio-political development of nomadic societies, various approaches to the theory of social evolution of nomadic societies. Many aspects of this issue are still debatable for the contemporary historical science.

Aims of the work: to consider the main stages of the development of views on the problem of statehood of nomads, a synthesis and historiographical analysis of the experience of research on the political genesis of nomadic societies (the problem of the origin, flourishing and transformation/death of nomadic empires). The methodological basis of the article is the modern concepts of multilinearity and diversity of political genesis.

Keywords: historiography, nomadic empires, political genesis, statehood, death of nomadic empires.

История и пути социально-политического развития кочевых обществ были и по-прежнему остаются предметом длительных и многочисленных дискуссий.

Разработки А. М. Хазанова, Т. Барфилда, Н. Н. Крадина и других исследователей не только не утолили, а, скорее, повысили интерес к вопросам типологии политических и социальных структур кочевых империй евразийского региона.

На сегодняшний день назрела необходимость в классификации и систематизации обширной литературы по данной проблеме. В связи с многоплановостью и сложностью рассмотрения вопросов характера и особенностей эволюции кочевых обществ, а также с учетом уровня развития современной исторической науки возникает необходимость целостного исследования и систематизации подходов по этой проблематике. В частности, востребован анализ постсоветских исследований российских ученых и зарубежных исследователей, прямо посвященных или косвенно связанных с вопросами зарождения и причинами кризисов и гибели кочевых империй. До сих пор в отечественной и зарубежной историографии кочевниковедения отсутствует какое-либо отдельно взятое исследование, непосредственно связанное с вопросами и теоретическими аспектами гибели кочевых империй с точки зрения специального историографического анализа накопленного опыта.

В большинстве обобщающих историографических работ отсутствует постановка проблемы упадка и гибели кочевых империй. Если отдельные исследования и затрагивали данную проблему, то ограничивались лишь описанием или перечислением основных факторов, приведших к распаду империй кочевников. При этом вопросы гибели кочевых обществ не менее важны для уяснения характера их устройства, для ответа на общетеоретические вопросы кочевниковедения, чем вопросы их формирования. Данное обстоятельство заставляет нас обратиться к специальному изучению, с целью обобщения и историографического анализа опыта исследований по политогенезу кочевых обществ (проблеме зарождения, расцвета и трансформации/гибели кочевых империй). В данной статье мы ищем ответы на следующие вопросы: как у исследователей разных эпох и школ менялось отношение к процессам политогенеза кочевых обществ, — мыслится ли это как упадок одних структур и появление новых или просто как эволюция.

Исследование кочевых обществ в Европе началось с середины XVIII в. Интерес стимулировался общим расширением международных отношений, началом европейской экспансии в страны Востока. Вводя в научный оборот сведения восточных авторов, европейские исследователи ограничивались лишь нарративным методом исследования, повествованием и описанием исторических событий прошлого, сбором фактов и реконструкцией политической и этнической истории. Как образно отметил Н. Н. Крадин, «это был период первоначального накопления научного «капитала» [Крадин, 2001б, с. 108].

Непосредственно интерес к проблеме уровня развития кочевых народов начал возрастать с конца XIX в., и именно в это время зарождается фундаментальная основа источниковой и методологической базы, позволившая в после-

дующие годы приступить не только к изучению кочевых обществ, но и к первым попыткам теоретического осмысления его места в мировом историческом процессе.

Большинство российских ученых рубежа XIX – начала XX в. рассматривали кочевые народы Евразии в качестве родоплеменных обществ и теоретические обоснования своих идей строили в основном в русле эволюционизма. Но, как отмечает С. А. Васютин, господствующее положение эволюционистских идей в науке в начале прошлого века «определялось скорее исследовательской практикой», чем слепым соблюдением канонов эволюционистской теории, и не является закономерным [Васютин, 2016, с. 39].

Процессы политогенеза, возникновения государственности связывались, прежде всего, с военными и политическими способностями, лидерскими качествами харизматичных вождей (Н. А. Аристов, А. Н. Харузин и др.). В исследованиях А. Н. Харузина кочевое общество предстает как родовое государство, которое, по мнению ученого, является ранним этапом государственности и может возникнуть лишь двумя способами: «путем объединения нескольких экономических единиц (отдельных хозяйств) для внеэкономических связей» и подчинения одним кланом других или «посредством завоевания одних обществ другими» [Харузин, 1903, с. 277].

По мнению Н. А. Аристова, «падение тюркских государств» было связано с междоусобицей в «правлящем доме» и стремлением родов и племен к самостоятельности. История носила циклический характер: отдельные родовые союзы подчинялись усилившемуся племени, создававшему государство. Так возникали государства кочевников, так же они и уходили с авансцены исторической арены. Тем самым род не только имел определяющее значение в бытовой жизни тюрков, но и играл весьма важную роль в их политической истории [Аристов, 1896, с. 284–285].

Различались взгляды и на процессы политической интеграции кочевников. Наиболее популярные и полярные из них были обозначены В. В. Бартольдом и В. В. Радловым. Идеи В. В. Бартольда были «ближе к позитивистской научной традиции» и также испытали «влияние марксизма» [Васютин, 2016, с. 43]. Он делал акцент на внутренних противоречиях и утверждении власти аристократии над простыми кочевниками. В. В. Радлов связывал причины возникновения «государств» у номадов с деятельностью кочевых лидеров по консолидации скотоводов для решения внешнеполитических задач [Радлов, 1989, с. 249]. Данные подходы обозначили ключевую для последующих поколений ученых проблему соотношения эндогенных и экзогенных факторов формирования империй номадов. В некотором смысле они продолжают оставаться своеобразным водоразделом между современными приверженцами теории номадного способа производства (Г. Е. Марков, Н. Э. Масанов) и сторонниками концепции экзополитарного способа производства (Н. Н. Крадин, Т. Дж. Барфилд, Т. Д. Скрынникова).

В середине 1930-х гг. в советской литературе, когда произошел окончатель-

ный переход советской исторической науки на «марксистские рельсы» историописания, в трудах историков был замечен явный сдвиг от идейного плюрализма научных поисков в сторону строгого жесткого монолизма. История и развитие кочевых обществ трактовалось почти исключительно с классовых позиций. После того как на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников (19 февраля 1933 г.) Сталин в своей речи упомянул о революции рабов, историками была высказана точка зрения, что и кочевники, как европейцы, в своем общественно-политическом развитии должны были поступательно проходить через универсальные для всех обществ исторические формации – ступени развития [Сталин, 1933, с. 285]. На этом фоне и развивалась та самая знаменитая дискуссия о «кочевом феодализме» (С. П. Толстов, В. Я. Владимирцов и Н. Н. Козьмин), в результате которой теория «кочевого феодализма» прочно заняла господствующее положение в советском кочевниковедении [Васютин, 2009, с. 24].

В середине XX в. в мировой исторической науке произошла смена парадигм рефлексии исторического прошлого. Ведущее положение в исследованиях ученых стали занимать оригинальные подходы структурализма, мир-системного анализа, неозволюционизма; представители «школы Анналов» меняют концепцию своих предшественников, предпочитая более широкие темы узким – социально-экономическим исследованиям.

Все эти изменения сказались и в исследованиях социально-политической истории кочевников Евразии, в частности «в оценке политических систем, характеристике власти и ее сакральных основ, внимании к формам взаимодействия оседлых цивилизаций и обществ» [Васютин, 2016, с. 117]. Постепенно происходит поляризация мнений между сторонниками ортодоксальной, канонизированной позиции, согласно которой базисом кочевого феодализма являлась общинная собственность на землю [Крадин, Скрынникова, с. 22], и приверженцами «концепции доминантной роли отношений собственности на скот в структуре феодальных отношений, защищаемой в работах С. Е. Толыбеков, С. Л. Фукса, Ф. Шахматова» [Масанов, 1995, с. 218].

Период 60–80-х гг. XX в. стал наиболее ярким в истории советских исследований социально-политических институтов номадов. Новый подъем теоретических исследований связан с именем известного кочевниковеда Г. Е. Маркова, который доказывал, что кочевники имеют особый путь развития, коренным образом отличающийся от оседло-земледельческих обществ. Если земледельческие общества, по его мнению, последовательно проходили разные исторические стадии развития, то социально-политические изменения у кочевников имели циклический характер. Как считает ученый, кочевые империи создавались ради грабежа и завоеваний в интересах военных и племенных предводителей. Даже самые крупные и могущественные империи кочевников по своей сути являлись «временными, эфемерными образованиями», и, по мере «распадения империи и децентрализации племен», власть и влияние «военно-племенных предводителей

ослабевают», и далее следует гибель кочевой империи [Марков, 2010, с. 312].

Большое влияние на современные исследования кочевников оказали разработки А. М. Хазанова и американского антрополога Т. Дж. Барфилда о взаимодействии кочевнических и оседло-земледельческих обществ.

А. М. Хазанов подчеркивает внутреннюю экономическую нестабильность кочевников. Признаки объединения кочевников в единую политическую систему возникали в ходе захватнических операций и походов против оседлых обществ. Также ученый отмечает возможность появления государственных образований у кочевников из-за необходимости обороны от внешнего мира. По мнению ученого, генезис и становление «кочевой государственности никогда не было спонтанным процессом. Внешние факторы в нем всегда превалировали над внутренними». И «само возникновение и существование кочевых государств в основном зависело от возможности эксплуатации оседлых государств и обществ» [Хазанов, 2007, с. 13]. Но такие образования обычно имели кратковременный, эфемерный и наименее устойчивый характер. К тому же, по словам ученого, «от обороны до нападения и экспансии у номадов был всего лишь один шаг» [Хазанов, 2001, 363].

Т. Дж. Барфилдом была предложена оригинальная теория, которая раскрывает механизмы возникновения кочевых государств. Согласно этой теории, уровень консолидации кочевого общества прямо пропорционален могуществу соседнего ему оседлого государства [Барфилд, 2009, с. 20]. Отмечая неустойчивое положение правителя и экстенсивный характер экономики кочевников, Барфилд указывает, что именно «эта внутренняя слабость кочевого общества заставляла властителей успешных кочевых государств создавать более безопасную экономическую базу». «Правительство империи сюнну организовывало кочевые племена в единую силу, которую правитель использовал для получения торговых привилегий и товаров из Китая. Черпая ресурсы извне, государство сюнну обрело стабильность, которой другим способом оно не могло достичь» [Барфилд, 2009, с. 47].

Ведущая роль в изучении кочевых обществ среди российских ученых принадлежит Н. Н. Крадину. Его теоретические идеи отличает богатый арсенал теоретико-исследовательских методов. Еще в начале 90-х гг. XX в., по словам ученого, он, несмотря на неутешительные последствия распада Советского Союза, «попытался реанимировать и творчески развить некоторые направления западного марксизма и сформулировать концепцию особого пути социальной эволюции кочевников в рамках марксистского видения исторического процесса» [Крадин, 2007, с. 5].

Как и Барфилд, Крадин придерживается точки зрения о том, что существует определенная взаимозависимость между ростом населения, централизацией и экономическим подъемом Китая, с одной стороны, и возникновением кочевых империй – с другой. По словам ученого, «по аналогии с законом Ньютона можно

вывести мир-системный закон тяготения, согласно которому величина кочевых обществ и их могущество прямо пропорциональны размерам и силе оседло-земледельческих обществ “центра”, входящих с номадами в общую региональную суперсистему» [Крадин, 2007, с. 150].

Определенный интерес вызывает его анализ причин кризиса и распада кочевых империй. Исследователь пишет, что их, как правило, было несколько: внутренние ушибы, локальные экологические потрясения, нашествие врагов и т. д. Одновременно он выделяет специфические факторы, которые «потенциально способствовали структурной неустойчивости кочевых империй»: интеграция в империю преимущественно для решения внешних задач; неустойчивость верховного правителя, вынужденного «балансировать в поисках консенсуса между различными политическими группами»; «перепроизводство элиты», связанное с удельно-лиштвачной системой престолонаследия, где каждый из наследников выступал как претендент на власть и ресурсы империи. В итоге через два – три поколения это вело к междоусобицам, гражданской войне и распаду степных держав [Крадин, 2001а, 22].

Можно с уверенностью сказать, что исследовательские подходы Н. Н. Крадина к оценке кочевых империй как экзополитарных или ксенократических государств заняли одно из ведущих мест в мировом кочевниковедении.

В целом, в 1990-е – начале 2000-х гг. наблюдается рост интереса к проблемам исторического анализа кочевых империй. Одной из важных задач остается разработка типологии потестарно-политических систем. Исследования в этом направлении велись интенсивно в последнее десятилетие. Обзор литературы показывает, что в постсоветских исследованиях доминирует оценка кочевых империй как догосударственных образований, за исключением политий, созданных в результате захвата номадами территорий с оседлым населением [Крадин, 1992, с. 147].

Однако, на наш взгляд, подобная оценка излишне однозначна. Определяя кочевые общества как составные или суперсложные вождества, ученые применяют дефиниции, разработанные на историческом материале земледельческих обществ, иначе говоря, возрождается унитарный подход, присущий для эпохи господства марксизма. Ведь, определяя кочевую политарную систему как «феодальную», «раннеклассовую» или как «вождество», исследователи фактически отождествляют их с политическими системами земледельческих народов. Представляется, что более перспективным было бы попытаться сформулировать самостоятельные типологические единицы, которые наиболее адекватно отражали бы особенности социально-политического развития номадов.

Таким образом, в изучении кочевых империй Евразии на повестке дня стоит ряд актуальных вопросов, связанных с поиском альтернатив в оценках социально-политических процессов в кочевых объединениях. Анализ степени изученности показывает нам круг ключевых проблем, решение которых позволит

раскрыть изучение и обобщение опыта исследований по политогенезу кочевых обществ, проблеме государственности и гибели кочевых империй.

1. Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. VI. Вып. III–I. С. 277–456.
2. Барфилд Т. Дж. Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / пер. с англ. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова ; науч. ред. и предисл. Д. В. Рухлядева. СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ ; Нестор-История, 2009. 488 с.
3. Васютин С. А. Власть и социум в кочевых империях Центральной Азии VI – начала XII в. : дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2016. 762 с.
4. Васютин С. А. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. 400 с.
5. Крадин Н. Н. Кочевники Евразии. Алматы : Дайк-Пресс, 2007. 416 с.
6. Крадин Н. Н. Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // Восток. 2001а. № 5. С. 21–32.
7. Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики) / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток : Дальнаука, 1992. 240 с.
8. Крадин Н. Н. Философия и общество. Вып. 2 (23). 2001б. С. 108–138.
9. Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М. : Вост. лит., 2006. 557 с.
10. Марков Г. Е. Кочевники Азии : Структура хозяйства и общественной организации. Изд. 2-е, испр. М. : КРАСАНД, 2010. 320 с.
11. Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества). Алматы ; М., 1995. 320 с.
12. Радлов В. В. Из Сибири : Страницы дневника. М. : Наука, ГРВЛ, 1989. 749 с.
13. Сталин И. В. Первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников передовых колхозов. 15-14 февраля 1933 г. : стенографический отчет. М. ; Л., 1933. С. 285–286.
15. Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы : Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
16. Хазанов А. М. Кочевые государства и государства кочевников. Тавтология или история? // Сборник материалов международной конференции «Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства». 2007. С. 9–16.
17. Харузин Н. Н. Этнография. Вып. III. Собственность и первобытное государство. СПб., 1903. 331 с.

УДК 94(574)

**ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ КАЗАХСКОЙ СИМВОЛЬНОЙ ЭЛИТЫ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.***Т. А. Уалиев*

Статья посвящена проблемам возникновения казахской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв., которая была тесно связана с процессом этнической консолидации на фоне интенсивной колонизации края. Автор на основе анализа истории возникновения и развития национальной элиты раскрывает дуальную природу истоков казахской интеллигенции – эволюцию, с одной стороны, про-западных, с другой – промусульманских направлений национального истеблишмента того периода.

Ключевые слова: казахская интеллигенция, Алаш Орда, джадидизм, национальная элита, элитология.

**BASIC OF BECOMING THE SYMBOL OF THE KAZAKH ELITE END OF
THE XIX – EARLY XX CENTURIES***T. A. Ualiyev*

The paper is dedicated to the problem of genesis of the Kazakh intellectuals in XIX–XX centuries which was tightly connected with ethnic consolidation during the intensive colonization of region. The author on the basis of historical analysis and emergence of national elite reveals the dual nature of historians among the Kazakh intellectuals, evolution on one hand pro-vestern, on the other hand pro-vuslim trends of national establishment of that period.

Keywords: Kazah intellectuals, Alash Orda, Dzhadidism, national elite, elitology.

На рубеже XIX–XX вв. Казахстан вступил в качественно новый этап своего интеллектуального развития. Адаптация традиционного казахского общества к условиям и потребностям рыночно-капиталистических отношений, охватившим последний бастион коренного населения – аул и аграрный сектор экономики, господство политико-идеологических установок метрополии, рост социально-культурной общности народов Евразийского пространства обусловили рождение казахской интеллигенции новой формации. Такие города, как Орен-

бург и Омск, стали интеллектуальными центрами, откуда исходили духовные импульсы, так необходимые для создания и просветительских организаций того времени, что стало возможным с образованием социополитического, культурного пространства и этнокультурных контактов между приграничными городами и населением России и Казахстана.

Возникновение казахской интеллигенции имело место в определенный исторический момент и было тесно связано с процессом этнической консолидации на фоне интенсивной колонизации края. Пресловутая теория «двух потоков» в культурной жизни выразилась в том, что «за пятидесятилетний период прямого колониального правления Российской империи (1868–1917) в Казахстане сформировались два поколения интеллигенции, первое из которых поддерживало колониальную политику русских, а второе выступило на защиту казахской культурной и политической автономии. Обе эти группы отличались модернизированным характером, поскольку выступали за более или менее видоизменение традиционного общества [Benda, 1972, с. 95]. Само возникновение национальной интеллигенции было тесно связано с тюркским возрождением, а позже – с джадидистским движением. Но начиная с историка, фольклориста и этнографа Ч. Валиханова и кончая деятелями движения «Алаш» это этническое возрождение сопровождалось и даже развивалось благодаря сознательному принятию европейских либеральных, светских ценностей и идеалов, которые преобладали среди большинства русских левоцентристских интеллектуалов.

Для восточных мусульманских этнических групп подобное обращение к чуждым по существу культурным блокам являлось редким явлением в колониальном мире, где доминировала четкая разделительная грань между метрополией и колониями, в том числе по психологическим и вербальным параметрам культурного самоопределения, так называемая бинарная оппозиция «Мы – Они». Особую роль в формировании элиты края сыграл феномен джадидизма – течения, которое едва ли не первым в истории ислама попыталось осуществить модернизацию духовно-интеллектуальной составной религии на основе складывающихся реалий. «Усул-и-Джадид (новый метод) представлял собой реформистское движение, зародившееся в 1901 году, которое стремилось к усовершенствованию ислама с целью его защиты от вторжения русской культуры, но никак не к автономии или отделению» [Бырбаева, 2005, с. 314]. Его влияние было настолько широко, что «в самой Оттоманской империи первоначальные импульсы пантюркистского мировоззрения шли именно от передовых представителей тюркских мусульман Российской империи» [Анес, 2009, с. 87].

Естественно, что сам по себе «новый метод» как духовное ядро наднационального возрождения мусульманского мира не носил ярко выраженной политической окраски, а, скорее всего, напоминал волну российского просветительского движения, но на основе присущих колониальным окраинам черт. Неслучайно в недрах этого течения шли сложные процессы этногенеза каждой из этнических

групп, пока они не вылились в общенациональный поток освободительного ренессанса первой четверти XX столетия.

Другая особенность состояла в том, что формирование казахской интеллектуальной элиты не носило характера единодушия и мировоззренческого компромисса. В казахском национальном истеблишменте того периода наличествовал дуализм, который порой мог граничить с обоюдной нетерпимостью. Со второй половины XIX в. среди казахов получила развитие письменная литература. В действительности это были два вида литературы: одна развивалась под влиянием русской культуры, а другая – ислама. Первая есть результат деятельности небольшой группы русофилов, или русских демократов, как их принято называть в советской литературной критике. Эти люди окончили русскую светскую школу и писали по-русски. Они выступали за усвоение лучших традиций западной культуры, за перестройку казахской культуры с тем, чтобы привести ее в соответствие с основными экономическими и культурными ценностями русской империи. Одновременно зарождалась и другая группа интеллектуалов. Эти люди писали на татарском или смеси татарского и казахского языков и являлись выпускниками мусульманских религиозных школ. Они рассматривали русское завоевание и соответствующие условия развития Степи как угрожающие моральному укладу казахского общества. Эта позиция лучше всего выражена в произведениях поэтов течения «Зар Заман» (тревожное время или апокалипсис), в которых высказывается призыв к казахам искать утешение в исламе.

Наконец, к концу века возникло новое поколение интеллигенции, чьи взгляды во многом представляли комбинацию этих двух позиций. Они выступали за преобразование казахской кочевой экономики и интеграцию казахского народа в основное русло империи, но они также ратовали за сохранение казахской культуры путем развития казахского культурного языка и сохранения памятников прошлого казахской истории [Анес, 2009, с. 199].

К этому следует добавить, что апелляция к исламу не являлась проявлением фанатичной религиозности перед лицом наступающей западной цивилизации. В данном случае религия служила дополнительным инструментом к формированию этнической идентичности именно в формах и обликах вестернизированной нации. «Ислам увеличивал устремление к национализму, поскольку он обеспечивал эмоциональную и культурную близость между людьми, изъяснявшимися на одном языке, разделявшим одну веру и вынужденными терпеть обращение с собой как с покоренным народом или людьми второго сорта» [Анес, 2009, с. 122]. Зачастую «местная интеллигенция открыто отказывалась принимать участие в мероприятиях, направленных против религии их предков» [Анес, 2009, с. 36].

Какими бы ни были мировоззренческие разногласия, однако в недрах этого движения пестовалась идея консолидации казахов в единую нацию с воспитанием национальных чувств на основе преодоления родовой и клановой уособицы. «В дореволюционном периоде в казахском обществе существовало четкое разделение между сторонниками светского и религиозного направления модерни-

зации. Первые выступали за адаптацию общества к изменившимся условиям, в то время как вторые ратовали за сохранение традиционных нравов в социальных отношениях и культуре. Но обе эти группы сходились в одном: защите индивидуальности казахского общества» [Анес, 2009, с. 189]. Решению этой задачи во многом препятствовала специфическая форма организации управления кочевым социумом на принципах малых и обособленных администраций. Бай (глава рода) олицетворял собой представительную власть рода, поддерживал обычаи и организовывал систему взаимопомощи даже тогда, когда его позиция в двадцатом столетии определялась в большей степени уровнем личного благосостояния, нежели богатством рода. Аксакалы (старейшины) поддерживали главу, младшие подчинялись старшим, женщины – мужчинам, согласно экзогамии и другим брачным обрядам. Практически экономическая и политическая власть в казахском ауле сливалась [Бырбаева, 2005, с. 316].

Первая попытка объединения, как отмечалось выше, была осуществлена партией «Алаш», которая попыталась форсировать процесс этногенеза на основе широкого тюрко-мусульманского культурного контекста. Концепция «единого потока» артикулировалась в данном случае уже по параметрам прямого политического действия в условиях относительной либерализации самодержавного строя. Революция 1905 г. и сопровождавшее ее политическое переустройство послужили катализатором погружения молодой казахской интеллигенции в национализм. Значительно возросло число образованных казахов, появились новые способы распространения политической информации, увеличились возможности для публикаций, ослабла цензура, была провозглашена свобода собраний и организаций, легализованы политические партии, проводились агитационные кампании по выборам в Государственную Думу. «В Степи выросло новое поколение, которое возмужало исключительно в условиях русской колониальной администрации. Не то чтобы это поколение было лучше образовано или сплочено, чем их предшественники. Однако они обладали более четким представлением о своем предназначении» [Анес, 2009, с. 291–292].

Последовавшие затем революционные потрясения, превратившие Степь вплоть до 1924 г. в театр военных действий и гражданского противостояния, определили новую линию размежевания внутри казахской культурно-политической элиты, но уже по границам инкорпорированной классово-политической борьбы. Особый отпечаток на данный этап исторического развития наложило сотрудничество представителей национально-либерального движения с большевистским режимом, которые «привнесли вирус мусульманского национализма, приверженность исламской культуре и устремления к автономии» [Анес, 2009, с. 11]. Объяснялось это представлениями алашордынцев о большевизме как о наименьшем зле по сравнению с самодержавной идеологией белого движения, а также невозможностью «сидеть казахам на обочине истории и надеяться на благоприятный исход» [Анес, 2009, с. 12].

В качестве основных оппонентов идеологии «Алаша» во внутриказахском

политическом движении выдвинулись так называемые национал-коммунисты из разночинцев-выдвиженцев, привнесшие идеи национального освобождения на основе стратегии большевизма, но с минимизированным присутствием в азиатском обществе европейцев и классовой борьбы. Представляя собой «синтетическое воплощение социализма и национализма в новой функциональной идеологии», мусульманский национал-коммунизм придерживался той же идеи фикс в отношении «разжигания мирового революционного пожара», что и Москва в первые годы установления советской власти. Отличительная особенность заключалась в том, что прессование буржуазного крыла на политической площадке привело к поощрению шовинистических и националистических наклонностей, поскольку «коммунистический опыт еще более разжигает национализм вместо того, чтобы ослабить его» [Анес, 2009, с. 416]. Одним из ярких представителей этой доктрины «социализма в тюркестане» являлся Т. Рыскулов, националист и пантюркист, который выступил в 1920 г. за создание Тюркской Коммунистической партии, национальной мусульманской армии и Великой Тюркской Республики в Центральной Азии» [Анес, 2009, с. 48].

В заключение можно резюмировать, что главным отличием сторонников казахского или алашевского проекта от проекта их союзников и конкурентов в лице пантюркистов и джадидистов являлась обращенность в историческое прошлое только казахского кочевого общества, а также признание необходимости вестернизации и модернизации в рамках русского культурного пространства. К исламским ценностям они относились критически, в значительной мере из-за дискриминации женщин и неприятия социальных и научных инноваций, принимая главным в своей деятельности решение аграрного вопроса и справедливое наделение земель казахов. Казахский язык считался националами особым образцовым языком, свободным от арабо-персидских заимствований. Языковой сепаратизм казахских националистов подвергся критике со стороны пантюркистов, считавших необходимым создание общетюркского языка и относивших локальные тюркские языки к диалектным формам языка тюрки. Казахские национальные деятели верили в возможность совместного проживания казахов, русских и представителей других народов без ассимиляции и притеснения друг друга.

-
1. Анес Г. Қазақ газеті. 1914 жыл. Алматы : Арыс, 2009. 504 с.
 2. Benda H. Continuity and Change in South East Asia / New Haven : New Haven University Press. 1972. 286 с.
 3. Бырбаева Г. Б. Центральная Азия и советизм: концептуальный поиск евро-американской историографии. Алматы : Дайк-Пресс, 2005. 484 с.

УДК 904

ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ ВОИНОВ СИБИРСКОГО ТАТАРСКОГО ХАНСТВА¹

Ю. С. Худяков, А. Ю. Борисенко

В статье анализируются предметы вооружения ближнего боя из археологических памятников сибирских татар, изученных на территории Западной Сибири. В ходе изучения находок из раскопок могильника Абрамово-10 и городища Искер были проанализированы и классифицированы железные наконечники копий, палаши и сабли, боевые топоры, кинжалы и боевые ножи, которые применяли сибирские татарские воины в ближних и рукопашных боях для поражения своих противников. Среди наконечников копий выделены разные формы. Некоторые копия применялись универсально против легковооруженных и тяжеловооруженных противников. Другие копия были предназначены для защищенных металлическими доспехами врагов. Копья были самым распространенным видом оружия сибирских татарских воинов. На древках копий крепились флаги и вымпелы. В ближних и рукопашных боях татарские воины атаковали своих противников палашами и саблями, применяли боевые топоры. В рукопашных схватках они могли наносить удары кинжалами и боевыми ножами.

Ключевые слова: Сибирское татарское ханство, городище Искер, оружие ближнего боя, копия, палаши, сабли, боевые топоры.

CLOSE COMBAT WEAPON OF THE WARRIORS OF THE TATAR KHANATE OF SIBIR

Yu. S. Hudyakov, A. Yu. Borisenko

It is analyzed in an article the armament objects from archaeological monuments of the Siberian Tatars, studied in the territory of Western Siberia. In the course of findings' examining from excavations of the burial ground Abramovo-10 and ancient settlement Qaqliq it was analyzed and classified the iron spears' tips, broadswords and sabres, battle-axes, daggers and combat knives that were used by the Siberian Tatar warriors in close and hand-to-hand combats to defeat their adversaries. It is committed different forms among the spears' tips. Several spears were used universally against the

© Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., 2019

¹Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9).

lightly-armed and heavily-armed adversaries. Other spears were intended for defended by metallic armours enemies. Spears were the most widespread type of weapon of the Siberian Tatar warriors. It was affixed the flags and pennants on spears' shafts. Tatar warriors attacked their adversaries with broadswords and sabres in close and hand-to-hand combats, applied battle-axes. They could launch attacks with daggers and combat knives during hand-to-hand combats.

Keywords: Tatar Khanate of Sibir, settlement Qaşliq, close combat weapon, spears, broadswords, sabres, battle-axes.

Одним из крупных татарских государств, образовавшихся после распада Золотой Орды на территории Западной Сибири, было Сибирское татарское ханство. Правители этого государства владели обширными степными и лесостепными землями на территории Западно-Сибирской равнины и удерживали в вассальной зависимости угорские и самодийские племена северной таежной зоны. В случае военной опасности татарские ханы могли привлекать в свои войска не только сибирских татарских, но и угорских и самодийских воинов.

Как показал опыт предшествующего изучения военного дела сибирских татар, они были вооружены широко распространенными в течение эпохи позднего Средневековья традиционными для тюркских и монгольских кочевых народов основными видами холодного оружия ближнего и рукопашного боя. К числу «обыкновенного» оружия, характерного для сибирских татарских воинов во время военных столкновений с русскими казаками и служилыми людьми, Г. Ф. Миллером были отнесены луки и стрелы, а также копья и сабли [Миллер, 1999, с. 225]. В то же время сибирские татары были знакомы с действием огнестрельного оружия и артиллерии, о чем свидетельствует приобретение ханом Кучумом двух пушек в столице Казанского ханства. Однако применить свои пушки в условиях ожесточенного боя с отрядом русских казаков атамана Ермака на Чувашском мысу сибирские татарские воины не сумели. Они ни разу не смогли выстрелить из своих пушек и были вынуждены сбросить их в реку, чтобы эти орудия не достались противникам. Вероятно, среди сибирских татарских воинов не оказалось артиллеристов.

Как показал опыт предшествующих исследований, основным оружием дистанционного боя у сибирских татарских воинов на всем протяжении периода их противостояния с русскими казаками и служилыми людьми оставались луки и стрелы [Худяков, 2007, с. 240]. Судя по некоторым изобразительным материалам, они использовали для поражения противника и такое метательное оружие, как пращи [Сибирские летописи, 2008, с. 472–474, 492, 495].

В то же время в распоряжении у сибирских татарских воинов имелись различные виды оружия ближнего и рукопашного боя, среди которых были копья, палаши и сабли, боевые топоры, кинжалы и боевые ножи [Худяков, 2007, с. 244–245].

Среди копий сибирских татар выделяются наконечники древкового колющего оружия с остроугольным острием, ромбическим в сечении пером удлиннен-

но-ромбической формы, покатыми плечиками, удлиненной конической втулкой с валиком по нижнему краю и отверстием для крепления к древку. Подобные наконечники копий были найдены в археологических памятниках Прииртышья и Барабинской лесостепи. Один из таких наконечников был обнаружен в ходе археологических раскопок памятника Абрамово-10 в Барабе [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 73]. Копья такой формы использовались универсально против легковооруженных и защищенных металлическими доспехами противников. Копья с крупным, массивным пером применялись для нанесения противнику широкой раны. Наконечники копий с удлиненно-ромбическим пером и длинной втулкой были предназначены для проникания в поражаемую цель на значительную глубину.

Подобные копья имелись на вооружении у монгольских кочевников на территории Центральной Азии во время предшествующей эпохи развитого Средневековья. В течение рассматриваемого исторического периода они были вооружены копьями такой формы [Худяков, 1997, рис. 83].

Другие железные наконечники копий, которые были найдены на площади столицы Сибирского ханства – городища Искер, расположенного в Прииртышье, включают остроугольное острие, удлиненное, узкое, вытянутое, четырехгранное перо, со слабо выделенными плечиками или без плечиков, и удлиненную, коническую втулку. У некоторых наконечников копий втулка была снабжена несомкнутым швом. Такие пики были рассчитаны на пробивание панцирной брони и кольчужного покрытия [Худяков, 2007, рис. 3, 4–6]. Подобные бронебойные пики были на вооружении у номадов Центрально-Азиатского региона в эпоху развитого Средневековья [Худяков, 1997, рис. 83].

Судя по имеющимся находкам железных наконечников копий с площади Искерского городища, у воинов Сибирского татарского ханства имелись на вооружении эффективные бронебойные пики, с помощью которых они могли вести наступление против защищенных металлическими доспехами противников в ближних боях.

Если судить по изображениям на миниатюрах лицевого летописного свода, то копья с выделенными наконечниками были самым распространенным видом оружия сибирских татарских воинов. Они изображены в руках у пеших и конных воинов. Как правило, копья увенчаны наконечниками с остроугольным острием, удлиненно-ромбическим пером и укороченными, пологими плечиками. У некоторых копий наконечники не выделены [Сибирские летописи, 2008, с. 472–474, 479, 485, 490, 492, 495, 497, 500].

На некоторых миниатюрных рисунках многие копья сибирских татарских воинов изображены со знаменами, флагами и вымпелами, укрепленными на древках, которые могли служить в качестве опознавательных знаков или использоваться для передачи сигналов в ходе боевых столкновений с противниками. В руках у отдельных сибирских татарских воинов показаны боевые знамена с прямоугольными полотнищами, обрамленные широкими полосами со всех че-

тырех сторон, и с двумя длинными косицами, а также треугольные знамена и небольшие, узкие вымпелы такой же формы [Сибирские летописи, 2008, с. 474, 479, 483, 485, 492, 495].

Судя по расположению на разных рисунках, знамена с прямоугольными полотнищами и двумя косицами служили для обозначения отдельных воинских подразделений, в то время как треугольные вымпелы принадлежали рядовым воинам [Сибирские летописи, 2008, с. 479, 495].

В условиях ближних и рукопашных боев сибирские татарские воины могли применять для поражения противников предметы длинного клинкового оружия: палаши и сабли. На площади Искерского городища было найдено несколько татарских палашей и сабель. Среди них есть два палаша с остроугольным острием, прямыми, длинными, однолезвийными клинками. У одного из палашей сохранилось напускное перекрестье с обоймой овальной формы и двумя выступающими в обе стороны загнутыми окончаниями. Черен рукояти снабжен граненой обкладкой. У второго палаша не сохранилась обкладка рукояти и перекрестье. От рукояти сохранился упор и узкий, прямой железный черен [Худяков, 2007, с. 245]. Находка сабли с городища Искер имеет остроугольное острие, выделенную, удлиненную елмань, длинный, однолезвийный, слабоизогнутый клинок. От рукояти сохранился упор, слабоизогнутый в сторону лезвия черен [Худяков, 2007, с. 245]. Данные находки свидетельствуют о том, что сибирские татарские воины имели на вооружении палаши и сабли.

На рисунках лицевого летописного свода в руках у пеших и конных сибирских татарских воинов изображены сабли с остроугольными остриями, плавно изогнутыми клинками, с прямыми перекрестьями. У перекрестий некоторых сабель изображены загнутые концы [Сибирские летописи, 2008, с. 472–474, 479, 490, 492, 497, 500, 501]. У некоторых сибирских татарских воинов на рисунках показаны сабли с клинками, вложенными в ножны [Сибирские летописи, 2008, с. 469, 490, 491, 492].

В ближних и рукопашных боях сибирские татарские воины использовали для поражения своих противников боевые топоры. Судя по имеющейся находке, подобные боевые топоры имеют плоский обух с выступающим в сторону рукояти короткой бородкой, короткий проух, узкий, слегка расширенный клин с закругленным лезвием. Такой боевой топор был найден на площади Искерского городища [Худяков, 2007, с. 245]. На некоторых миниатюрах подобные боевые топоры в руках у сибирских татарских воинов не изображены. В то же время в руках у некоторых русских воинов показаны бердыши с широкими плоскими полукруглыми лезвиями на длинных рукоятях [Сибирские летописи, 2008, с. 469, 492, 493]. В довольно редком случае в руках у одного русского воина показан боевой топор на длинной рукояти, с клиновидным, расширенным лезвием [Сибирские летописи, 2008, с. 500]. Вполне вероятно, что боевой топор из городища Искер мог быть приобретен сибирскими татарами у русских людей, у которых близкие по форме топоры в период освоения Сибири использовались

в качестве обычных хозяйственных инструментов. Однако точно такие железные топоры в период российского освоения Сибирского региона русскими людьми активно приобретались представителями разных сибирских коренных народов у российских торговцев и использовались не только во время хозяйственных занятий, но и в военных целях [Соловьев, 1987, рис. 31, 2, 3]. Вполне вероятно, что боевой топор, найденный на Искерском городище, был приобретен сибирскими татарами у русских людей [Худяков, 2007, с. 245].

Во время рукопашных боев сибирские татарские воины могли использовать для нанесения ударов по противнику различные виды короткого клинкового оружия, в том числе кинжалы. На площади Искерского городища обнаружено несколько кинжалов, у которых выделяются остроугольные острия, прямые двулезвийные клинки без перекрестья, с выделенным упором и прямым череном. Обкладки рукояти у этих кинжалов не сохранились.

В составе оружия рукопашного боя сибирских татарских воинов были боевые ножи. Один боевой нож был найден на Искерском городище. У него выделяется косой срез острия, прямой, однолезвийный клинок. Лезвие клинка повреждено, на нем имеются зазубрины. В области упора клинок боевого ножа снабжен бронзовой обоймой, украшенной тремя орнаментированными полосами. Боевой нож имеет прямой черен для крепления обкладки рукояти.

Рассмотренный набор оружия, применявшегося сибирскими татарскими воинами в период существования Сибирского ханства в условиях ближних и рукопашных боев, в должной мере соответствует подобным комплексам боевых средств других тюркских и монгольских кочевых народов Степного пояса Евразии в период позднего Средневековья.

1. Миллер Г. Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М. : Вост. лит., 1999. Т. I. 630 с.

2. Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего Средневековья. Новосибирск : Наука, 1990. 262 с.

3. Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань : Александрия, 2008. 688 с.

4. Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха Средневековья. Новосибирск : Наука, 1987. 193 с.

5. Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.

6. Худяков Ю. С. Военное дело Сибирского ханства в позднем Средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3. Археология и этнография. С. 238–254.

УДК 93

**ИСТОРИЯ МАЛОЙ НОГАЙСКОЙ ОРДЫ И ЕЕ ОТНОШЕНИЯ
С КРЫМСКИМ ХАНСТВОМ В 50–60-е гг. XVI в.***М. Е. Шалак*

В представленной статье на основе исторических источников будет проанализирован процесс выстраивания взаимоотношений Малой Ногайской Орды с Крымским ханством в первое десятилетие ее существования (1551–1562). В результате проделанной работы был сделан вывод о постепенном включении Малых Ногаев в орбиту союзников Крымского ханства на Северном Кавказе. В дальнейшем усиление зависимости Малых Ногаев от Крыма будет напрямую связано с ослабеванием их военного и политического влияния и усилением позиции Московского государства в регионе. Именно защита от Москвы заставит казыевцев искать поддержки и помощи у крымских ханов. В итоге, к концу 30-х гг. XVII в. Малая Ногайская Орда прекратила свое существование как политическое образование, а большинство ее мирз со своими людьми переселились на территорию Крымского ханства.

Из-за отсутствия документов, отражающих собственно крымско-ногайские отношения, нами будут привлечены и проанализированы в основном источники по русско-ногайским и русско-крымским отношениям, входящие в Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой и Крымским ханством.

Ключевые слова: Малая Ногайская Орда, Крымское ханство, Посольские книги.

**HISTORY OF THE LITTLE NOGAI HORDE AND ITS RELATIONS WITH
THE CRIMEAN KHANATE IN THE 50–60 OF THE XVI CENTURY***M. E. Shalak*

In the present article on the basis of historical sources will be analyzed the process of building relationships of the Little Nogai Horde with the Crimean Khanate in the first decade of its existence (1551–1562). As a result of the work done, it was concluded that the Little Nogais were gradually included in the orbit of the allies of the Crimean Khanate in the North Caucasus. In the future, the increased dependence of the Little Nogais on the Crimea will be directly related to the weakening of their military

and political influence and the strengthening of the position of the Moscow state in the region. Just the protection from Moscow was forced Kazievcev to seek support and help from the Crimean khans. As a result, by the end of the 30s of the XVII century the Little Nogai Horde ceased to exist as a political entity, and most of its mirz with its people moved to the territory of the Crimean Khanate.

Due to the lack of documents reflecting the actual Crimean-Nogai relations, we will be involved and analyzed mainly sources on Russian-Nogai and Russian-Crimean relations included in the Embassy books on Russia's relations with the Nogai Horde and the Crimean Khanate.

Keywords: Little Nogai Horde, Crimean Khanate, Embassy books.

Казыев улус, или Малая Ногайская Орда, был объектом пристального внимания соседей и, в первую очередь, Крымского ханства и Московского царства. Каждое из этих государств рассматривало Северо-Кавказский регион как сферу исключительно своих интересов и поэтому пыталось втянуть это новое военизированное сообщество в орбиту своего влияния. Что касается основателя Казыева улуса – мирзы Гази б. Урака, то он далеко не сразу определился, на кого из могущественных соседей ориентироваться в вопросах своей внешней и внутренней политики. Выбор этот был сделан в пользу Крыма. В представленной статье мы попробуем разобраться с причинами выбора Малыми Ногаями Крымского ханства в качестве своего основного союзника и покровителя, а также рассмотреть весь процесс взаимоотношений между ними в первое десятилетие существования Казыева улуса, чтобы понять, в какую сторону они развивались.

Само время появления Малой Ногайской Орды до сих пор точно не определено [Трепавлов, 2016, с. 384]. Так, П. Г. Бутков полагал, что после взятия Астрахани русскими войсками в 1554 г. произошло разделение Ногайской Орды на три части, одной из которых были Малые Ногаи [Бутков, 1869, с. 170]. Турецкий ученый Х. Инальджик также связывал время возникновения Малой Ногайской Орды с действиями против Астраханского ханства, только уже со стороны крымского хана Сахиб Гирея (1532–1551) [Inalcik, 1948, s. 359]. По мнению В. М. Жирмунского, отделение Малой Ногайской Орды от Большой произошло между 1557–1559 гг. [Жирмунский, 1974, с. 485]. А. И. Сикалиев считал, что Малые Ногаи обособились, не смирившись с бием Исмаилом (1554–1563), захватившим власть в Ногайской Орде [Сикалиев, 1994, с. 43]. С точки зрения А. Курата, причиной ухода Гази-мирзы за Волгу стал голод, разразившийся в Ногайской Орде в 1557 или 1558 г. [Kurat, 1961, p. 11, 12]. Концом 1540-х, вслед за Ш. Лемерсье-Келькеже, или началом 1550-х гг. датирует возникновение Казыева улуса В. В. Трепавлов [Трепавлов, 2016, с. 385].

Если обратиться к собственно крымским источникам, то в самом раннем из дошедших до нас сочинении исторического характера, трактате Реммалля Ходжи «Тарих-и Сахиб Гирей хан», составленном в Крыму в 1553 г., ни о каких Малых Ногаях не упоминается, хотя подробно описаны многочисленные экспе-

диции этого хана на Северный Кавказ [Tarih-i, 1973]. По документам, составившим Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой, время появления Малой Ногайской Орды можно проследить более точно. Так, в докладе служилых татар, Кадыша Кудинова и Енгарая Янсубина, отправленных к ногайскому бию Юсуфу (1549–1554), датированном 26 ноября 1549 г., говорится: «а на сей (правой. – М. Ш.) стороне Волги нагайских мирз нет никово» [Посольские книги... , 1995, с. 318]. Следовательно, на тот момент в Москве об отдельном Казыевом улусу ничего не знали. Это, правда, не означает того, что Гази мирза не мог откочевать на правую сторону Волги в декабре 1549 г. Тем не менее можно с уверенностью говорить, что до 26 ноября 1549 г. Малой Ногайской Орды как отдельного политического образования не существовало.

Вслед за В. М. Жирмунским, В. В. Трепавлов пишет, что первое упоминание о Гази мирзе и его людях в русских документах относится к маю 1552 г. [Жирмунский, 1974, с. 482–483; Трепавлов, 2016, с. 385]. Однако на самом деле первый раз имя Гази мирзы встречается годом раньше. Окольничий Федор Нагой писал царю, что к нему, в Касимов, в понедельник 14 сентября 7060 г. (1551) прибыли ногайцы, а с ними вместе бастановский татарин, «а взял его на поле сее весны Казы мирза Ураков на Ахматовых горах» [Посольские книги... , 2006, с. 68]. Ахматовы горы до сих пор, насколько нам известно, идентифицировать не удалось. Однако ясно, что Гази уже «казаковал» в степи весной 1551 г. Причем он не просто сам промышлял в степи, а собрал вокруг себя таких же казаков-изгоев, сделавшись серьезной силой, о чем свидетельствует сам факт попадания его имени в государственные документы.

Уже к маю следующего, 1552 г. отряд Гази мирзы насчитывал 400 человек, пополнившись астраханскими людьми. Как следует из грамоты Исмаила мирзы к Ивану IV, возможными объектами нападений казыевцев могли быть как территории Московского царства, так и купеческие караваны,двигающиеся через Волго-Донское междуречье [Посольские книги... , 2006, с. 86]. Ни о каких контактах Гази с Крымом в источниках пока не говорится. Когда в апреле 1555 г. хан Ямгурчи попытался захватить Астрахань, Гази-мирза упоминается как один из участников этого похода наряду с сыновьями убитого в Ногайской Орде бия Юсуфа – Юнус мирзой, Ак мирзой и Алей мирзой [Полное собрание русских летописей, 1904, с. 245]. Причем помощь Ямгурчи оказал и крымский хан Девлет Гирей (1551–1577), отправив под Астрахань Шигай-богатыря Антулова с конницей и янычарами. Таким образом, впервые казыевцы действовали заодно с крымцами. Однако вскоре между союзниками произошел раскол, и Гази мирза убил бывшего астраханского хана Ямгурчи, поддерживаемого Девлет Гиреем [Посольские книги... , 2006, с. 177; Трепавлов, 2016, с. 391, 393].

А уже в грамоте Исмаила от 15 октября 1560 г. отмечен факт союза Казыева улуса с Крымским ханством: «с крымским царем Казы мирза содиначился» [Посольские книги... , 2006, с. 323]. Следовательно, понадобилось около десяти лет, чтобы Гази смог преодолеть традиционную неприязнь ногаев к крымцам

и встать на сторону крымского хана Девлет Гирея [Трепавлов, 2016, с. 392]. Этот выбор определит всю последующую судьбу Малой Ногайской Орды, которая все прочнее будет входить в орбиту крымского влияния. Исследователи по-разному расценивали крымско-казыевские отношения. Так, А. А. Новосельский писал, что, кочуя со своей ордой в степном Предкавказье от Азова до Кабарды, Гази мирза сумел наладить устойчивые отношения с Девлет Гиреем, находясь в номинальном подданстве от Турции [Новосельский, 1948, с. 15–16]. По мнению Е. Н. Кушевой, Гази мирза поддерживал интересы Крыма и Турции на Северном Кавказе, находясь в прямом подчинении от крымского хана [Кушева, 1963, с. 236]. Союзником Крыма считал Гази мирзу В. М. Жирмунский [Жирмунский, 1974, с. 485]. В. В. Трепавлов полагает, что между Казыевым улусом и Крымским ханством установился военно-политический альянс, направленный против общих врагов – России и Большой Ногайской Орды. Однако не следует рассматривать отношения казыевцев к крымскому хану как безграничную преданность и солидарность [Трепавлов, 2016, с. 393].

Исмаил сообщал в Москву, что крымский хан прислал к Малым Ногаям Суртаи аталыка для заверения в дружбе. В свою очередь Гази Ураков также отправил в Крым своих людей: «Илдебола да Ян мирзу на уверенье» [Посольские книги... , 2006, с. 323]. Таким образом, в 1560 г. складывается альянс между крымским ханом, Гази мирзой, Юсуфовичами и Токтар мирзой, направленный против Большой Ногайской Орды и России. К тому же теперь Гази защищал владения Крыма с востока и мешал Исмаилу организовывать ногайские набеги на крымские улусы [Посольские книги... , 2006, с. 324].

В грамоте, читанной в Москве 18 ноября 1560 г., Исмаил писал: «А недрузи мне четыре люди: крымской да Казыи мирза, да Юсуфовы княжие дети и их слуги, да астраханские люди» [Посольские книги... , 2006, с. 325]. Исмаил сообщал, что Девлет Гирей и Гази мирза договаривались о каких-то совместных действиях в устье Северского Донца. Выгодное стратегическое положение на «промежке», которое занимал Казыев улус, в случае большого похода «всеми людьми» заволжских ногаев на Крым, позволило бы Гази мирзе безнаказанно разорить оставшиеся без присмотра улусы Исмаила. Если же, уступая постоянным требованиям из Москвы, выступить в поход «половиною людми», то тогда казыевцы смогут напасть на ногайское войско с фланга. Поэтому Исмаил просил Ивана IV согнать Гази мирзу «с того промежка» любым приемлемым способом, и только тогда он сможет организовать военный поход против Крыма, не опасаясь ни удара с фланга, ни нападения в тылу [Посольские книги... , 2006, с. 325, 326].

А пока, следуя договоренности с русским царем, Исмаил смог только организовать очередной небольшой набег на Крым во главе с Якшисаат мирзой и половиною его людей. В своей грамоте ногайский бий сообщал Ивану IV, что Девлет Гирей и Гази мирза договорились на том, что «Казы мирзе деи Крыму недружбу никак не делати, то б еси ведал» [Посольские книги... , 2006, с. 326]. В. В. Трепавлов полагает, что это был один из пунктов шертного договора, за-

ключенного в 1560 г. Гази мирзой с Девлет Гиреем [Трепавлов, 2016, с. 392]. Таким образом, по мнению ученого, между Казыевым улусом и Крымским ханством сложился прочный и искренний союз, вызывающий зависть у Больших Ногаев [Трепавлов, 2016, с. 392].

Два года подряд до заключения этого союза бий Исмаил посылал к Гази мирзе с предложением объединиться для совместных действий против исконного ногайского врага – Крымского ханства. Однако Гази не принял предложение Исмаила и не встал на сторону противников крымского хана. «И ныне деи он з Девлеткиреем царем зговорился, верь тому» [Посольские книги... , 2006, с. 326]. Как справедливо отмечает Я. В. Пилипчук, Гази мирза стремился поддерживать дружественные отношения с крымским ханом. Он старался наладить с Крымом равноправные отношения, не имеющие ничего общего с отношениями вассальной зависимости [Пилипчук, 2016, с. 230].

В грамоте, зачитанной в Москве 12 июля 1561 г., Исмаил снова сообщал Ивану IV, что Гази Ураков и крымский хан «крепко уговорились» на том, что Девлет Гирей предоставит лидеру Малых Ногаев войско для набега, сначала на Больших Ногаев, а потом и на русскую «украину». Писал он и о том, что Гази вел переговоры с могущественным крымским карачи-беком мангыт – Дивей мирзой о совместных действиях против заволжских ногаев и России. Поэтому главной совместной задачей Исмаил считал войну против Малой Ногайской Орды. А расправившись с Гази и его улусом, можно было бы приняться и за Крым. При этом поход на казыевцев Исмаил предлагал Ивану Васильевичу организовать до зимы, а уже зимой он сам возьмет Крым, не опасаясь за свои тылы [Посольские книги... , 2006, с. 336, 337]. В ответной грамоте к Исмаилу от 8 августа 1561 г. царь писал, что он приказал своим черкесским союзникам «промышлять» над казыевцами в горах, а если они уйдут в степи, то там донские казаки должны будут громить малонагайские улусы [Посольские книги... , с. 339].

Уже через полгода, в январе 1562 г., Исмаил в своей грамоте к русскому царю фразу «а Казы мирза с Крымским заодин» употребит три раза [Продолжение... , 1795, с. 170, 173, 176]. Складывается впечатление, что союз между Крымом и Малой Ногайской Ордой превратился в навязчивую идею для бия Больших Ногаев. В это время Гази мирза отправляет в Крым Мехмед Кул б. Саид-Ахмеда мирзу для заключения соглашения, по которому если Девлет Гирей соберется идти войной на «белого царя», то впереди ханского войска будет идти Гази со своими воинами. В свою очередь, Девлет Гирей обещал выделить рать Гази для набега на Большую Ногайскую Орду [Продолжение... , 1795, с. 179]. К этому времени к военно-политическому альянсу между Крымским ханством и Малой Ногайской Ордой присоединяются и некоторые черкесские князья. Направлен этот альянс был, в первую очередь, против Больших Ногаев и России.

Приблизительно в это же время Исмаил дважды писал в Москву, что Гази мирза стал для Больших Ногаев врагом «пущи Крыма». И в который раз он обосновывает свое бездействие относительно Крымского ханства невозможностью

совершения похода из-за наличия Казыева улуса на «промежке»: «людей своих послати на Крымъ, ино въ промежке Казый стоять, и онъ людей моихъ поемлетъ» [Продолжение... , 1795, с. 252]. В грамоте Исмаила, которая была зачитана в Москве 15 декабря 1562 г., сообщается, что Гази мирза посылал к Девлет Гирею своих людей просить войско, оснащенное пушками и пищальями, под руководством двух мирз, для похода на Астрахань «сего году». В той же грамоте впервые говорится о том, что черкесы, примкнувшие к крымско-казыевскому союзу, «Казыевой жене племя» [Продолжение... , с. 266]. Следовательно, альянс с черкесами был скреплен браком между Гази мирзой и дочерью кабардинского князя Пшеапшоки Кайтукина [Посольская книга... , 2016, с. 97]. Незадолго до этого, в 1561 г., другой кабардинский князь и противник Пшеапшоки – Темрюк Идаров выдал замуж своих дочерей: Кученей (Марию) за Ивана IV, Малхуруб за Дин-Ахмеда, сына бия Исмаила [Продолжение... , 1801, с. 52–53; Жирмунский, 1974, с. 484; Трепавлов, 2016, с. 394]. Таким образом, в 1562 г. на Северном Кавказе сложилась сильная коалиция Девлет Гирея, Гази Уракова и Пшеапшоки Кайтукина, противостоящая другой коалиции Ивана IV Васильевича, Исмаила Мусаевича и Темрюка Идарова.

Исмаил вновь просит Ивана Васильевича прислать к июню три тысячи человек с пушками и пищальями против казыевцев, аргументируя необходимость совместных действий против Гази мирзы не только тем, что это даст возможность без помех ударить по Крыму, но и тем, что крымский хан не осмелится пойти в набег на Русь. В ответ Иван Васильевич со своим послом Михаилом Колупаевым сообщал Исмаилу, что «Казыя мурзу всех болши надобе воевати», только сейчас прислать стрельцов он не сможет по причине готовящегося крупного похода на Литву [Продолжение... , 1795, с. 276]. Тем не менее в Москве не оставляли надежды заполучить к себе в союзники Гази мирзу и тем самым разрушить крымско-казыевский союз. Для этой цели в Астрахань была отправлена сестра Гази, бывшая замужем за давно уже осевшем в Москве служилым татарским царевичем Бек-Пуладом б. Шейх-Аулиаром [Продолжение... , 1795, с. 279; Трепавлов, 2016, с. 394]. Она везла с собой царское жалование для брата, на случай, если тот перейдет на службу к русскому государю. В то же время к кабардинскому князю Темрюку Идарову был отправлен посол Семен Степанович Ярцев с предложением государева жалования за службу для того же Гази Уракова. Если же и на этот раз Гази мирза не примет царское предложение, то тогда Иван IV обещал Исмаилу прислать на Казыев улус войско и выбить Гази с его территории. А пока он предлагал ногайскому бию самому «промышлять» над казыевцами [Продолжение... , 1795, с. 280].

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что взаимоотношения между Малой Ногайской Ордой и Крымским ханством строились именно как союзнические с полным равноправием сторон. Правда, сложились они не сразу. понадобилось приблизительно десять лет, чтобы Гази мирза окончательно решился на союз с извечным противником ногаев – Крымом. Но чем дальше, тем крепче

становился этот союз. И несмотря на все попытки бия Исмаила и царя Ивана IV переманить Гази мирзу на свою сторону, он так и не примкнет к ним и до конца будет верен хану Девлет Гирею. После гибели Гази в 1576 г. и смерти Девлет Гирея в 1577 г. отношения между Малой Ногайской Ордой и Крымским ханством будут меняться в сторону вассалитета-сюзеренитета, но это уже будет тема другого исследования. Тем не менее выбор первого лидера Казыева улуса окажется судьбоносным для всей последующей истории этого политического образования на Северном Кавказе.

1. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1. СПб. : Императорская Академия Наук, 1869. 545 с.
2. Жирмунский В. М. Избранные труды : Тюркский героический эпос. Л. : Наука, 1974. 727 с.
3. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). М. : Изд-во АН СССР, 1963. 372 с.
4. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 447 с.
5. Пилипчук Я. В. Политика Крымского ханства на Северном Кавказе (1475–1769 гг.) // История военного дела: исследования и источники. 2016. Т. VIII. С. 220–246. URL: www.milhist.info/2016/05/23/pilipchuk_1 (дата обращения: 23.05.2016).
6. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Ч. 1. СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1904. 298 с.
7. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. М. : Фонд «Русские Витязи», 2016. 400 с.
8. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала : Дагестанское книжное издательство, 1995. 360 с.
9. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста. Казань : Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.
10. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. 10. СПб. : Императорская Академия Наук, 1795. 327 с.
11. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч. 11. СПб. : Императорская Академия Наук, 1801. 315 с.
12. Сикалиев А. И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск : Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований, 1994. 328 с.
13. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. Казань : Казанская недвижимость, 2016. 764 с.
14. Inalcik H. Osmanlı-Rus rekabetinin menşei ve Don-Volga kanalı teşebbüsü (1569) // Belleten. Turk Tarih kurumu. Ankara, 1948. Cilt 12. Sayı 46. S. 349–402.
15. Kurat A. N. The Turkish Expedition to Astrakhan' in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal // The Slavonic and East European Review. 1961. Vol. 40. № 94. P. 7–23.
16. Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 à 1551). Ed. crit., trad., notes et glossaire par Ö. Gökbilgin. Ankara: Baylan Matbaası, 1973. 313 s.

УДК 551.583(571.1)(091)

**CLIMATE CHANGE, DISEASE AND THE HISTORY
OF WESTERN SIBERIA IN THE MEDIEVAL AND EARLY
MODERN PERIODS**

U. Schamiloglu

New research on climate change, which can lead to the outbreak of disease, suggests that the earlier period of the Golden Horde experienced warmer climate with greater precipitation in the southern territories. Beginning 1280 there was a downturn in climate, leading to cooler temperatures and a shift of precipitation to the north. This paper discusses the possible ramifications of this change, including the spread of disease, in particular the Black Death. This paper then turns to the question of climate change in Western Siberia, asking whether it is possible to document these phenomena for Western Siberia. The paper offers an agenda for research on climate change and disease in Western Siberia. The paper concludes with the example of the campaigns in the south of Abulxayr as a response to the extreme downturn in climate in the 1430s, coinciding with the Schröder Minimum during the Little Ice Age.

Keywords: Climate change, disease, Little Ice Age, Golden Horde, Siberia.

**ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА, БОЛЕЗНИ И ИСТОРИЯ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И В НАЧАЛЕ
СОВРЕМЕННОГО ПЕРИОДА**

Ю. Шамильоглы

Данная статья представляет новое исследование об изменениях климата на территории Золотой Орды в исторической ретроспективе. Автор приводит гипотезу, что в ранний период Золотой Орды наблюдался более теплый климат с большим количеством осадков на южных территориях, а начиная с 1280 г. происходит климатический спад, приведший к снижению температуры и смещению осадков на север. В статье обсуждаются возможные последствия этого изменения, в том числе распространение болезней, в частности Черной смерти (чумы). Затем автор обращается к вопросу об изменениях климата в Западной Сибири, пытаясь выявить, возможно ли документировать эти явления для Западной Сибири. В статье предлагается программа исследований по изменению климата

и болезням в Западной Сибири. Автор связывает кампании Абулхайра на юге с экстремальным спадом климата в 1430-х гг., совпавшим с минимумом Шрёдера во время Малого ледникового периода.

Ключевые слова: изменение климата, болезни, Малый ледниковый период, Золотая Орда, Сибирь.

0. Introduction. The present paper focusing on Western Siberia draws upon and builds upon my earlier work surrounding disease and climate change in medieval Eurasia. Beginning in the late 1980s I began to argue that disease – namely the pandemic known as the «Black Death» caused by the bacillus *Yersinia pestis* – played an important role in the collapse and subsequent history of the Golden Horde, see most recently [Schamiloglu, 2017]. Historians and scientists are now also demonstrating the link between climate change and disease (see below). More recently, I have argued that the Golden Horde state began to experience the effects of climate change around the 1280s. The medieval period of warm and wet climate began to end at that time, followed by the transition to a period of dryer (and cooler) climate in the western territories of the Golden Horde. Although it would be centuries before the height of the «Little Ice Age» and the «Maunder minimum» of reduced sunspot activity (1645–1715), the impact nonetheless began to be felt very quickly by the Golden Horde, see [Schamiloglu, 2016].

As background to a discussion of the possible effect of climate change and disease on Western Siberia, I would like to summarize some of the data on climate change presented in the article on climate change in the Golden Horde presented in [Schamiloglu, 2016]. (Please see this article for references, I will not repeat them here.)

The data for short-term variation in climate in the territories of the Golden Horde are far less abundant than for Western Europe, nor can one simply derive the climate of the Golden Horde from the data for the climate of the rest of Europe in this same period¹. Nevertheless, certain categories of “proxy” data offer important evidence regarding the climatic history of the territories of the Golden Horde in the 13th–14th centuries. These data include:

- explicit references to temperature, precipitation, and famine in sources such as the Russian chronicles;
- written and physical evidence on the changing level of the Caspian Sea;
- the physical record of annual sediment deposits in Lake Saki in Crimea;
- analysis of pollen from datable archeological sites;

¹It is believed that fluctuations of rainfall and run-off in Crimea and much of southeastern Europe are generally inverse to those of northern, western, and central Europe. However, the detailed studies of climatic change in Western Europe during this period cannot be considered applicable to the territories of the Golden Horde. Moreover, the Golden Horde covered such a vast area of Eurasia that there was significant variation within its territories.

- analysis of annual growth of tree rings (dendrochronology);
- and certain other sources².

At the same time, I hasten to point out that there is no consensus regarding all the basic facts relating to the climatic history of this territory. No doubt further research will amplify and/or challenge some of the assertions I have made in [Schamiloglu, 2016]³.

1. *Climate Change in the Territories of the Golden Horde*

To begin with temperature, although the precise regional and local variations in temperature in the territories of the Golden Horde may never be known, the application of *global* trends is a very attractive working hypothesis for which certain other correlations can also be established. One study has assembled data to suggest that the uniform advance and retreat of glaciers around the world is indicative of shorter-term *global* trends of cooling and warming, including the following cold intervals over the past two millenia:⁴

Cold Periods	Warm Periods	(Suggested Minimum Date)
570-660 CE		(640 CE)
	660-850 CE	
850-1040 CE		(930 CE)
	1040-1280 CE	
1280-1400 CE		(1330 CE)

Conversely, maximum temperatures during *global* periods of warmer climate would fall between these cooler periods (so 660-850 CE and 1040–1280 CE).

Recent research suggests that the dates for the earlier cold period may need to be revised⁵. Whatever the appropriate dates may be, based on these data, it seems that – more or less – the first eight decades of the 13th century were the latest part of a *global* warming trend. The year 1280 marks the period of the beginning of a *global* cooling

²Additional evidence for the climatic history of Russia is offered by dendrochronology (the study of annual tree ring growth patterns), but the sudden declines in ring growth for this region are not related to the long-term trends in precipitation discussed here. They are more likely to be indicators of periods of cold or drought.

³In that article I did not attempt a detailed discussion of this literature because it enters into areas where I am strictly an amateur. I would observe, however, that much of the data on which this research is based is culled from the Russian chronicles. Since the interpretation of these data is still open to debate, historians should approach reconstructions of the climate of the European part of the USSR (and the equations applied to these data in some of this literature) with great caution.

⁴It should be remembered that these data may not reflect other undetected cooling trends, nor are the suggested minima intended to be regarded as highly accurate.

⁵I am simply following Lamb and others. There are many proposed revisions to these dates, see for example [Büntgen et al., 2016].

trend through the end of the 14th century centered around 1330 CE. Many scientists and scholars believe that this is, in fact, the beginning of the cooling period known as the «Little Ice Age» lasting approximately 1400–1800 (with 1650, 1770, and 1850 CE marking the beginning of three particularly cold intervals), see [«Little Ice Age»].

The suggested minimum date of 1330 CE for the cold period 1280–1400 CE coincides with the beginning of the spread of the Black Death, highlighting the relationship between climate change and disease which is only now beginning to be appreciated by scholars, see most recently [Campbell, 2016]. As we know from Europe and North America, the Little Ice Age had a dramatic impact on the daily life and economy of the local populations and led to the abandonment of many settlements in marginally viable ecological zones. Yet the implications of the most severe periods of the Little Ice Age for sedentary regions such as the Middle Volga region or for the nomads of the Eurasian steppe have yet to receive serious scholarly attention. As I have noted elsewhere, the Middle Volga region is susceptible to poisoning of rye crops during times of poor growing conditions and extremes of weather are associated with climate change, see [Schamiloglu, 2002, p. 16]. The problem of pastoral nomads in the northern Eurasian territories enduring a food crisis during the period of the Little Ice Age also requires special attention; for a comparable study of climate change this period for the Ottoman Empire see [White, 2011].

On the basis of the data I presented [Schamiloglu, 2016], we can confidently offer the working hypothesis that there were long-term trends of high precipitation in the southern territories of the Golden Horde until 1280, followed by a decline. There was another small peak in 1310, followed by another, even worse drop in precipitation in 1320. It is only after 1360 that there was a recovery in elevated levels of precipitation peaking in 1370 and bottoming out in 1420. In the north, there may have been a dramatic rise in precipitation along the upper and middle course of the Volga River by the beginning of the 14th century, as indicated by the rising level of the Caspian Sea. (One could speculate that this might have begun in the 1280s.) It is not clear, however, whether this would also be the case for Western Siberia.

2. Impact of Climate Change in the Territories of the Golden Horde

A consideration of climatic change begs the question of how climatic change might have affected the territory of the Golden Horde. The possible impact on human beings of climatic variability in various periods is the subject of debate in a growing body of literature⁶. The results of the debate on the effects of climatic variation in Western Europe and elsewhere can serve as a guide to our own attempt at a description of climatic conditions in Central Eurasia during the time of the Golden Horde. Scholars disagree on the full range of effects of the period of warming in

⁶While certain scholars, most notably Leroy Ladurie, have questioned the impact of a decline of as little as 1 degree Celsius in mean temperature, other scholars now point out that such small figures can mask a greater frequency of extreme conditions, see [Schamiloglu, 2016, p. 18, n. 24].

Western Europe, but these can be considered to include the expansion of cultivation in marginal areas which could not have been cultivated earlier due to excessive cold, major changes in the kinds of crops cultivated in other areas, and often lower precipitation. Some scholars have even equated advances in Western European civilization during this period with favorable climatic conditions, which may also have been partially responsible for a rising population in Western Europe during this time.

The onset of the cooling trends, however, had the opposite effects: increased storm activity, cooler and wetter growing seasons often resulting in failed harvests and famine, illnesses from moldy grain, the abandonment of marginal agricultural lands, epidemics, and increased glaciation⁷. In Western Europe it was not uncommon for communities to be forced to abandon their previous areas of habitation because of worsening conditions (especially at higher altitudes, where we find evidence of abandoned villages). On the other hand, worsening growing conditions in Italy after 1280 would contribute to an economic boom in the Golden Horde because of an increased demand for grain exports to the Italian maritime republics; on the grain exports of the Golden Horde see [Schamiloglu, 2009].

There are many other effects of climate change yet to be teased out of the sources for the history of medieval Eurasia. For example, in another paper (in preparation), I am trying to understand how a series of changes in the western territories of the Golden Horde might have climate change as an underlying primary or secondary factor. The topics which I am trying to re-analyze include whether the transfer of the capital from Saray Batu to Saray Berke located further north along the Volga River had anything to do with the rising level of the Volga River in this period (because of the rising the level of the Caspian Sea). Did the shift of precipitation away from the south create better conditions for grain production around Ükek (present day Uvek, near Saratov, see [Schamiloglu, 2018])? Could factors related to change in climate and therefore environment (including changing patterns in grain production and trade) have contributed to political struggles among the Golden Horde élite in the last two decades of the 13th century? And finally, how was the change in climate and environmental conditions favorable to the spread of various diseases? I do not insist that there is abundant data to document these processes in detail. What a knowledge of climate change and its chronology on this territory does offer, however, is a different perspective on how to analyze the existing historical data, some of which has been rather well known since the 19th century.

Of course, one of the most famous result of climate change would be the creation of environmental conditions favorable to the spread of various diseases, especially the infamous pandemic known as the Black Death (caused by the bacillus

⁷For these examples for the period of warming in Western Europe, according to Lamb from 750-1150/1200. It is instructive to compare the work of Lamb with the evaluation his findings by Leroy Ladurie, see [Schamiloglu, 2016, p. 18, n. 25].

Yersinia pestis) from the Tibet-Qinghai Plateau to the territory of the Golden Horde in the late 1330s (or earlier?). Of course, the Black Death would arrive in Kaffa in 1346, after which it spread to the Middle East and Europe. As the author has argued elsewhere, the Black Death resulted in a wide range of catastrophic transformations in the territory of the Golden Horde state, just like elsewhere in the Middle East and Europe. More recently it has been proposed that smallpox was yet another disease which affected the Golden Horde in the mid-14th century, see [Green, 2018].

3. *Climate Change and Disease in Western Siberia?*

The question I would like to turn to next is whether anything remotely comparable took place in Western Siberia. Was there a shift from a milder and wetter climate to a different kind of climate regime beginning in the late 13th century in Western Siberia as well? Could the milder and wetter climate of the era before 1280 have attracted armies along with herds of horses and sheep to the region around Tobolsk and Tümen, where the territories of the Shibanids and later the Siberian Khanate would be located? If so, this would lay the basis for the concentration of human and animal populations (and military forces) in Western Siberia before 1280. What changes, if any, occurred after the beginning of the cooling period beginning around 1280? What about more broadly during the Little Ice Age? This can be studied on the basis of established processes which are already well known, such as analysis of pollen from archeological sites and on the basis of dendrochronology, see for example [Büntgen et al., 2016]. I am not aware of studies specifically for the territories of the region of Tobolsk, though they may well exist. (For research on the Little Ice Age by Russian scholars, see [Levi et al., 2014a, 2014b, 2014c].)

Given the importance of these topics, I would raise a series of questions as an agenda for research on the role of climate change and disease in Western Siberia:

1. What was the impact of the medieval warm period? Were these conditions which were favorable to the Tümen region becoming an important center for nomads, first under the Kimeks and later under the Chinggisids?

2. Did the medieval warm period end in 1280 in Western Siberia as well? What was the impact of this climatic downturn? Did its end lead to a decline in the ability of the grasslands in this region to support a large nomadic population (or at least a large population of horses)?

3. The Black Death probably affected populations in the north beginning in the mid-14th century until sometime in the 1500s-1600s, including an expected dramatic decline in population. Can we find direct or indirect evidence for how these diseases might have affected Western Siberia, too? (Direct evidence would be mass burials with organic material preserving antibodies to plague, indirect evidence would be evidence for population decline, etc.)

4. Did the downturn in climate (most likely a downward dip in temperatures) lead to the migration of nomadic populations out of Western Siberia?

5. How severe a problem was famine in the northern steppe region of Central

Eurasia during the Little Ice Age? (I am aware of occasional references in the sources to famine among various nomadic groups in this period.)

6. What was life like during the Little Ice Age for those populations which remained? How did it affect their nutrition? (In the Middle Volga region during the Little Ice Age the main staple of their diet was millet.) Did a diet based substantially on fish allow sedentary inhabitants to survive the downturn in temperatures more easily?

7. Did the end of the waves of bubonic plague lead to a rebound in population?

8. When around 1800 did the Little Ice Age end in Western Siberia and did it lead to an improvement in crop production and nutrition, leading to a further increase in population?

In lieu of a conclusion, I would offer one example of a historical event which can be understood from a dramatically new perspective if one considers climate change as a factor underlying historical processes. As is well known, the Shibanids under Abulxayr made a dramatic move south against Khwarezm in 1430-31. (On the political history of the Shibanids and their presence in Tümen in this period, see [Axmedov, 1965; Nesterov, 2007, 2014; Sabitov, 2012; Parunin, 2015].) What was the reason for this and the continuing attacks in the south through the 1440s? I used to assume that it was just an effort to control trade routes. Recent research on climate change (cited above), however, has shown that this period showed a general decline in tree ring growth in the regions of both the Altay in Asia and the Alps in Europe, see [Büntgen et al., especially Figure 1a]. This coincides with recent research on the Spörer Minimum during the Little Ice Age, which states:

Climate reconstructions from a multitude of natural and anthropogenic archives indicate that the 1430s were the coldest decade in north-western and central Europe in the 15th century.

The harsh winters led to failed harvests and numerous other problems such as famine and disease which impacted society, economy, and culture negatively in this period.

The sources for the political history of this period do not really answer our questions of why the Shibanids began to move southward in this period. Climate research suggests, however, that Western Siberia was not exempt from the harsh climatic downturn in this period and lead us to the inevitable conclusion that the Shibanids may have attempted to move to the south to escape from the new reality of harsh climatic conditions, since such conditions would have made the survival of their animals – and therefore their own survival – nearly impossible. Therefore, I think it is inescapable that we consider climate to have been **at least a factor** in the southward migration of the Shibanids. Of course, this migration would ultimately lead to a reduction in the Turkic population in Western Siberia, which would have consequences for the subsequent history of this region. All this taken as a whole suggests that the study of the downward turn in climate in this period should be

studied more closely for Western Siberia, just as it would be for any other region in Europe and Asia in this period⁸.

1. Axmedov B. Gosudarstvo kochevyx uzbekov. Moscow (1965).
2. Büntgen U., Myglan V. S., Ljungqvist F. C., McCormick M., Di Cosmo N., Sigl M., Jungclauss J., Wagner S., Krusic P. J., Esper E., Kaplan J. O., de Vaan M. A. C., Luterbacher J., Wacker L., Tegel W. & Kirilyanov A. V.: “Cooling and societal change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD”. *Nature Geoscience*, volume 9, pages 231–236 (2016).
3. Campbell Bruce M. S. *The great transition: Climate, disease and society in the Late-Medieval world*. Cambridge: Cambridge University Press (2016).
4. Camenisch C., Keller K. M., Salvisberg M., Amann B., Bauch M., Blumer S., Brázdil R., Brönnimann S., Büntgen U., Campbell B. M. S., Fernández-Donado L., Fleitmann D., Glaser R., González-Rouco F., Grosjean M., Hoffmann R. C., Huhtamaa H., Joos F., Kiss A., Kotyza O., Lehner F., Luterbacher J., Maughan N., Neukom R., Novy T., Pribyl K., Raible C. C., Riemann D., Schuh M., Slavin P., Werner J. P. and Wetter O.: “The 1430s: a cold period of extraordinary internal climate variability during the early Spörer Minimum with social and economic impacts in north-western and central Europe”, *Climate of the Past*, volume 12, 2107–2126, <https://doi.org/10.5194/cp-12-2107-2016> (2016).
5. Green M. H. “Climate and Disease in Medieval Eurasia”. *Oxford Research Encyclopedia of Asian History*, ed. David Ludden (New York: Oxford University Press. DOI: 10.1093/acrefore/9780190277727.013.6 (2018).
6. Levi K. G. “Malyy lednikovyy period. Chast’ 1. Kosmicheskie i global’nye meteorologicheskie aspekty”, *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarxeologiya. Etnologiya. Antropologiya* 8, pp. 2–14 (2014a).
7. Levi K. G. et al. “Malyy lednikovyy period. Chast’ 2. Geliofizicheskie i prirodno-klimaticheskie aspekty”, *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarxeologiya. Etnologiya. Antropologiya* 9, pp. 2–33 (2014b).
8. Levi K. G. “Malyy lednikovyy period. Chast’ 3. Prirodno-klimaticheskie, geoeologicheskie i sotsial’no-ekonomicheskie aspekty”, *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarxeologiya. Etnologiya. Antropologiya* 10, pp. 2–26 (2014c).
9. Little Ice Age. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Little_Ice_Age (accessed: November 27, 2018).
10. Nesterov A. G. “Tyumenskoe xanstvo: Gosudarstvo Sibirskix Sheybanidov v XV v.”, *Ural’skoe vostokovedenie*, Vypusk 2. Ekaterinaburg: Izdatel’stvo Uralskogo Universiteta, pp. 78–84 (2007).
11. Nesterov A. G. “Tyumenskoe i Sibirskoe xanstva v XV v.”, *Istoriya Tatar s drevneyshix vremen v semi tomax: iv. Tatarskie gosudarstva XV–XVIII vv.* Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, pp. 162–176 (2014).

⁸I am grateful to Timur Khaydarov (Kazan Federal University) for sharing with me with some of the references cited in this paper.

12. Parunin A. V. “Retsenziya na ocherk A.G. Nesterova, “Tyumenskoe i Sibirskoe xanstva v XV v.”, Zolotaya Orda: istoriya i kul’turnoe nasledie: sbornik nauchnyx materialov, ed. Kushkumbayev, A.K. Astana: IP “BG-Print”, pp. 177–180 (2015).
13. Sabitov Zh. “Xronologiya sobytij v vostochnom deshti-kipchaki v 30-”, Ural i Sibir’ v kontekste razbitiya rossiyskoy gosudarstvennoti. Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii “VI Emel’yanovski chteniya”. Kurgan. 26–28 aprelya 2012 g. (Kurgan: Izdatel’stvo Kurganskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 2012), pp. 96–97.
14. Schamiloglu U. “Napravleniya v issledovanii Zolotoy Ordy”, Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordy). Ot Kalki do Astraxani, 1223-1556, ed. Usmanov, M.A. et al. Kazan: Institut Istorii im. Sh. Mardzhani – Kazanskiy Gosudarstvennyy Universitet, pp. 15–29 (2002).
15. Schamiloglu U. “Torgovlya Ulusa Dzhuchi so stranami Sredizemnemor’ya”, Istoriya Tatar s drevneyshix vremen v semi tomax: iii. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v. Kazan: Institute istorii AN RT, pp. 287–294 (2009).
16. Schamiloglu U. “Climate Change in Central Eurasia and the Golden Horde”, Golden Horde Review – Zolotordynskoye obozrenie. Vol. 4, no. 1, pp. 6-25 (2016).
17. Schamiloglu U. “The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, and Civilization”, Golden Horde Review / Zolotoordynskoye obozrenie. Vol. 5, no. 2, pp. 325–343 (2017).
18. Schamiloglu U. “The Rise of Urban Centers in the Golden Horde and the City of Ükek”, Golden Horde Review / Zolotoordynskoye obozrenie. Vol. 6, no. 1, pp. 18–40 (2018).
19. White S. The Climate of Rebellion in the Early Modern Ottoman Empire, Studies in Environment and History. New York: Cambridge University Press (2011).

УДК 94(510).03

ПЕРЕХОД КОЧЕВНИКОВ К ОСЕДЛОСТИ НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРОКИТАЙСКИХ ДИ

Д. П. Шульга

Для понимания современных процессов в зоне Евразийского степного пояса полезно рассмотреть взаимное влияние архитектурных традиций народов на этой территории. Известно, что государства в окрестностях Китая подчас образовывались на базе кочевой культуры, что детально описано целым рядом археологов и востоковедов. Северокитайское царство Чжуншань (V–III вв. до н. э.) в отечественной историографии не изучено. Между тем это прекрасная иллюстрация, как еще в период Чуньцю некоторые некитайские племена в ходе строительства своей государственности полностью перенимали политическую систему Поднебесной. Пожалуй, именно здесь перед нами один из первых примеров перехода кочевников к оседлости и созданию монархии, по которому, к тому же, в нашем распоряжении есть некоторое количество письменных источников.

Ключевые слова: Чжуншань, ранние кочевники, переход к оседлости, Северный Китай, Сибирь.

NOMADS SETTLEMENT BY THE CASE OF NORTH CHINESE DI

D. P. Shulga

For understanding modern processes in the Eurasian steppe belt zone, it is useful to consider the mutual influence of these territory peoples' architectural traditions. It is known that the states in the vicinity of China were sometimes formed on the basis of nomadic culture that is described in detail by a number of archaeologists and orientalists. The Northern Chinese Zhongshan kingdom (5th – 3th century B.C.) has not been studied in domestic historiography. Meanwhile, it's a perfect illustration of some non-Chinese tribes complete adoption of the Celestial Empire political system during the construction of their statehood in the Chongqiu period. Fortunately, we have at our disposal a number of written sources about Zhongshan and Di.

Keywords: Zhongshan, early nomads, nomads settlement, Northern China, Siberia.

В истории очень многих тюркских народов, в том числе и части сибирских татар, наступал момент, когда прежде кочевавшее население постепенно переходит к оседлому образу жизни. Было бы неверным считать, что этот процесс для скотоводов Сибири и прилегающих территорий начался только в Новое время с приходом русских. Отдельные группы кочевников, проникая в Северный Китай, начинали осваивать земледелие еще в I тыс. до н. э., в том числе такие сложные виды сельского хозяйства, как виноделие [Комиссаров, 2016, с. 9]. В настоящей работе автор кратко рассмотрит один из ярких примеров такой трансформации.

Общность ди изначально обитала к северу от Китая, о чем свидетельствует китайский военно-философский трактат «Вертоград полководца»: «Народы севера не живут оседло, они кочуют в поисках воды и трав, это способствует их набегам на юг. Ответные походы на север затруднены, ибо там горные хребты и пустыни, которые дают возможность для обороны. Для пропитания охотятся и пьют молоко, от холода их защищает кожаная одежда на меху, они стреляют в зверя на скаку и этим добывают средства к существованию. Им никак не привить законы морали, победить их с помощью армии невозможно» (перевод Д. П. Шульги) [Чжугэ Лян, 2008, с. 142]. Увы, мы не можем сделать однозначных выводов о языке ди, из китайских свидетельств можно лишь заключить, что для того, чтобы общаться с ди, жителям Поднебесной был необходим переводчик, поэтому, очевидно, язык ди не был родственным древнекитайскому.

К моменту знакомства с представителями складывающегося китайского этноса Великой китайской равнины (так называемыми «хуася») у ди уже были фамилии (по крайней мере, в трактовке древнекитайских авторов). Например, фамилию Вэй (隗) носили «красные ди», проживавшие на территории нынешней провинции Шаньси. «Белые ди» часто использовали фамильный иероглиф Да (姐), а «длинные ди» предпочитали знак Ци (漆). Вероятно, по мере разделения на отдельные группы при расселении по Северному Китаю подобные фамилии служили важным маркером. Принятие общих наименований помогало при экзогамии, которая, очевидно, имела место у разных групп ди. Подобное предположение не имеет прямых подтверждений, однако оно вполне логично, т. к. запрет на браки внутри коллектива (родового, племенного и т. п.) встречался вплоть до этнографического времени, в том числе и у татар Поволжья, часть которых также прошла стадию перехода к оседлому образу жизни [Уразманова, 2001, с. 15].

В полном согласии с приведенным выше отрывком из «Вертограда полководца» значительная часть китайских письменных источников говорит о ди как о скотоводах (например, об этом упоминается в различных разделах «Цзо-чжуань» или в «Комментарии Цзо» к хронике «Чуньцю», написанном Цзо Цюмином около IV в. до н. э.). В первую очередь, сообщения древнекитайских авторов справедливы, вероятно, для «белые ди», которые в период Чуньцю вели кочевой образ жизни и занимались охотой, перемещаясь по степям Северного Китая в поисках «воды и травы».

Впрочем, постепенно в среде номадов начинает все большее значение приобретать торговля, о чем также есть прямое упоминание в «Цзо-чжуань» (раздел «Четвертый год правления Сян-гуна»). Разумеется, увеличение роли товарного хозяйства и общее развитие производительных сил влияло и на производственные отношения, приводя к появлению первых признаков государственности. «Цзо-чжуань» подтверждает это следующими строками: «Верховный предводитель ди превосходит всех других и не имеет поводов для зависти, вассалы боятся его и льстят, чтоб заслужить поощрение. Высшие слои наживаются за счет простолюдинов. Варварский государь не пользуется услугами чиновников».

Ранние формы политогенеза были довольно непрочны, и внутри нарождавшихся протогосударств часто вспыхивали междоусобицы, причиной которых могло быть восстание покоренных или дрязги знати (здесь нет ничего уникального, и массу похожих примеров мы найдем в истории осколков Золотой Орды). Внутренними конфликтами часто пользовались китайские правители. Лу Сюань-гун на шестой год своего правления в царстве Цзинь (603 год до н. э.) решил напасть на «красных ди». Его приближенный в ранге «дафу» по имени Гоулиньфу говорил, что время еще не пришло, т. к. необходимо дождаться внутренних бедствий у врага. В 598 г. до н. э. цзиньский чиновник Чэнцзы активно разжигал противоречия между «красными ди» и покоренными ими родственными племенами.

Весьма похожие рекомендации касательно войны с «северными варварами» дает «Ветроград полководца»: «Победить ди с помощью армии невозможно. Империя Хань не боролась с ними, на то есть три причины: ханьские солдаты являлись и воинами, и землепашцами, от этого становясь усталыми и робкими. Народы севера приходили для выпаса скота и охоты, они были оживленными и смелыми. Утомленный не может соперничать с бодрым, робкий не в состоянии сравниться с отважным. Это первая причина отказа от боевых действий. Солдаты Хань были выносливы, могли проходить сотню ли в день, но северные народы использовали лошадей, что позволяло им преодолевать расстояния в несколько раз быстрее. Во время походов на север ханьской армии необходимо было нести с собой провизию и снаряжение, а кочевники на лошадях преследовали, так что способы перемещения были различными, нередко избирался неправильный путь для прохода войск и т. д. Это вторая причина отказа от боевых действий. Империя Хань опиралась, в основном, на пехоту, а северные народы – на конницу; в поле кавалерист быстрее пешего воина, и разница между их скоростью огромна. Это третья причина отказа от боевых действий. Учитывая вышеописанную ситуацию, перечислим советы по охране границ. На охрану рубежей должны быть отправлены лучшие воины и командиры, в это же время элитные войска должны быть готовы к защите. Необходимо создать обширную сеть складов с провизией, возвести систему сигнальных башен, чтобы узнавать о перемещениях врага. Когда внутренние территории врага опустеют, надо стягивать силы,

чтобы, пользуясь отсутствием войск неприятеля, нанести удар. Таким образом можно одолеть врага малыми затратами, не начиная масштабной кампании, расстроить планы противника» [Чжугэ Лян, 2008, с. 143].

Не стоит переоценивать богатств правителей ди в период номадизма. В «Синь шу» («Новые писания», политический трактат II в. до н. э. за авторством Цзя И) сообщается, что зал правителя ди очень низок, крыт тростником, балки сделаны из древесины низкого сорта. Это должно было в глазах добившихся больших архитектурных успехов «хуася» показать крайнюю отсталость «северных варваров». Недаром Конфуций в Луньюй высказался так: «не будь Гуань Чжуна, мы ходили бы с распущенными волосами и запахивали бы полы одежды на левую сторону (как варвары)!». Упомянутый Гуань Чжун ок. 660 г. до н. э. остановил набег «красных ди» на Син (княжество эпохи Чуньцю на территории нынешней провинции Хэбэй).

Создать наиболее известное (хотя и не единственное [Чжао Сяохуа, 2011, с. 25]) из государств ди было суждено «белым ди». За счет стремительной китаизации элиты (хотя и не полной [Шульга, 2017; Шульга, 2018; Ян Цзяьхуа, 2003]) и активной эксплуатации попавших в зависимость земледельцев-хуася царство Чжуншань смогло оставить после себя гробницы внушительных размеров [Wu Xiaolong, 2004, с. 10; Loewe, 1985, с. 132], развить бронзолитейное дело [Ли Сюэцин, Ли Лин, с. 150–160; Хуан Шэнчжан, 1979, с. 44], создать развитую монетную систему [Цао Инчунь, 2011, с. 139–140]. Несмотря на то, что царство «белых ди» относилось к категории средних по силе (могло выставить всего тысячу колесниц), оно просуществовало достаточно долго [Ню Цзюньфа, Чэнь Цзяньцян, 2008, с. 47].

Наиболее исследованным из центров описываемого царства является городище Линшоу. На его территории китайскими исследователями обнаружено сразу несколько центров металлургии. Возле железоделательных печей часто обнаруживаются кости крупного рогатого скота. До сих пор не ясно, использовались ли таковые как топливо, или же из них получали столь важный для черной металлургии фосфор. Исходя из размеров городища и расположения печи, очевидно, что в царстве Чжуншань производство чугуна было очень хорошо развито, а железных сельскохозяйственных орудий много. Среди найденных артефактов есть два больших прямоугольных железных сосуда, которые в настоящее время являются самыми большими для периода Сражающихся царств. Для того чтобы выяснить, почему же чугунолитейное производство царства Чжуншань было на таком высоком уровне, ученые из Хэбэйского исследовательского института материальной культуры изучили окружающие районы и обнаружили, что на расстоянии 10–20 км имеются месторождения, часть из которых (в уезде Пиншань) использовались до последнего времени. Большого успеха добились гончары Линшоу, особенно в технологии обжига. На территории Линшоу было обнаружено большое количество (47) ножевидных бронзовых монет. Следует заметить, что целых среди них немного. Часть монет явно принадлежит цар-

ству Янь, с которым чжуншаньцы вели активную торговлю. В ходе раскопок также были обнаружены следы отлива этих самых монет, в том числе глиняные формы и бракованные экземпляры. Более того, нумизматические находки даже позволяют выстроить хронологическую последовательность. Дело в том, что в поздний период литье является грубым, что резко контрастирует с ранними образцами, но вполне соотносится с историей угасания Чжуншань под ударами царств Вэй и Чжао [Хэбэйский исследовательский институт... , 2005, с. 385–390].

К сожалению, в нашем распоряжении очень немного источников, проливающих свет на те изменения, которые происходили с обществом ди в VI в. до н. э. А ведь именно в этот период «северные варвары» превращались в становой хребет одного из наиболее технически развитых царств Северного Китая. Причиной тому, прежде всего, является отсутствие переводов на русский язык ключевых произведений древнекитайских источников. Тем не менее постепенная работа по заполнению этой лакуны, работа с публикациями археологических материалов позволяет наметить крайние точки развития «белых ди», кочевников, которые в процессе перехода к оседлости смогли не только построить прочную государственность, но и создать большое количество объектов культурного наследия [Museum of Shanxi province, Museum of Hebei province, 2015, с. 100–120] (от огромной гробницы Цо-вана до статуй, сочетающих скифо-сибирский звериный стиль с традицией китайской пластики), повлияв, в том числе, на погребальную архитектуру Поднебесной периода ранних империй Цинь и Хань.

1. Loewe M. The Royal Tombs of Zhongshan (c. 310 B.C.) // *Arts asiatiques*. 1985. V. 40. P. 130–134.
2. Museum of Shanxi province, Museum of Hebei province. *The Cultural Relics and Art of the Ancient Zhongshan Kingdom*. Taiyuan: Shanxi publishing group, 2015. 141 p.
3. Wu Xiaolong. *Exotica in the Funerary Debris in the State of Zhongshan: Migration, Trade, and Cultural Contact* // *Sino-Platonic Papers*. 2004. № 142. P. 6–12.
4. Комиссаров С. А. Архитекторы и виноделы из племени белых ди // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 10. С. 9–18.
5. Ли Сюэцинь, Ли Лин. Пиншань саньци юй Чжуншаньго шидэ жогань вэньти [李学勤, 李零。平山三器与中山国史的若干问题// *考古学报*] Три бронзовых сосуда из уезда Пиншань и вопросы истории Чжуншань // *Каогусюэбао*. 1979. № 2. С. 147–170.
6. Ню Цзюньфа, Чэнь Цзяньцян. Вэйме Чжуншань чжичжань каолюэ [牛俊法, 陈建强。魏灭中山之战考略 // *军事历史*] Исследование завоевания царства Чжуншань царством Вэй // *Военная история*. 2008. № 2. С. 46–49.
7. Ян Цзяньхуа. Цзайлунь Юйхуанмяо вэньхуа [杨建华。再论玉皇庙文化// *边疆考古研究*] Еще раз о культуре Юйхуанмяо // *Археологические исследования приграничья*. 2003. № 2. С. 1–13.

8. Уразманова Р. К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала : (Годовой цикл. XIX – нач. XX в.). Казань : Дом печати, 2001. 198 с.
9. Хуан Шэнчжан. Гуаньюй Чжаньго Чжуншаньго муцзан иу жогань вэньти бяньчжэн [黄盛璋。关于战国中山国墓葬遗物若干问题辨正 // 文物]. К вопросу об исследовании некоторых проблем, связанных с погребальным инвентарем государства Чжуншань периода Чжаньго // Вэньбу. 1979. № 5. С. 43–46.
10. Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры. Чжаньго Чжуншаньго линшоу чэн. [河北省文物研究所。河北省文物研究所] Город Линшоу царства Чжуншань эпохи сражающихся царств. Пекин : Вэньбу чубаньшэ, 2005. 393 с.
11. Цао Инчунь. Фэйюэ юй тунбу Чжуншань го цзинцзи фачжань тебянь фэньси [曹迎春。《飞跃》与《同步》中山国经济发展特点分析// 河北师范大学学报] Стремительный скачок и «шаг в ногу»: анализ особенностей экономического развития царства Чжуншань // Журнал Хэбэйского педагогического университета. 2011. Т. 34. № 4. С. 137–140.
12. Чжао Сяохуа. Байди юй Чоую гуго [赵晓华。白狄与仇由古国 // 山西博物院学术文集] Белые ди и древнее государство Чоую // Сборник научных статей Музея провинции Шаньси. 2011. С. 23–28.
13. Чжугэ Лян. Чжугэ Лян биншу [诸葛亮。诸葛亮宾书。北京: 北京燕山出版社] Военная книга Чжугэ Ляна. Пекин : Яньшань чубаньшэ, 2008. 322 с.
14. Шульга Д. П. Особенности развития погребальной скульптуры и архитектуры ранних кочевников Центральной Азии в условиях китайской культурной среды (на примере царства Чжуншань) // Баландинские чтения. 2017. Т. 12. № 1. С. 59–62.
15. Шульга Д. П. Погребения скифоидной общности сяньюй в царстве Чжуншань (V–IV вв. до н. э.) // Шаг в историческую науку. 2018. С. 80–82.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 39(512.141)

БАШКИРСКАЯ ЮРТА: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ С ЮРТАМИ ДРУГИХ НАРОДОВ

А. А. Ахмадинурова, Л. Р. Гизатуллина

В статье представлен сравнительный анализ башкирской юрты с юртами других тюркоязычных народов. Для сравнения были использованы башкирские, казахские и алтайские юрты. Проанализированы материалы изготовления, строение, сборка, части и внутреннее убранство жилища этих народов. В результате выявлено много общего в используемом материале, форме и внутреннем убранстве юрт указанных народов, что связано, по мнению авторов, с тем, что башкиры, казахи и алтайцы принадлежат к тюркоязычным народам.

Ключевые слова: башкирская юрта, алтайская юрта, казахская юрта.

BASHKIR YURT: SIMILARITIES AND DIFFERENCES WITH YURTS OF OTHER PEOPLES

A. A. Akhmadinurova, L. R. Gizatullina

The article presents a comparison of the Bashkir yurt with the yurts of other nations. For comparison, there were used Kazakh and Altai yurts. The material of manufacture, structure, assembly of yurts, parts and interior of the yurts of these nations were analyzed. As a result of this comparison, many similar features in the yurts of these nations were found. What is the same is the material from which the yurts are made, the form and the interior. And this is not surprising, as the Bashkirs, the Kazakhs, and the Altaians belong to the Turkic-speaking nations.

Keywords: Bashkir Yurt, Kazakh yurt, Altai Yurt.

Юрта (тирмэ) – это круглое переносное жилище у тюркских и монгольских кочевников, крытое войлоком, со сборным каркасом [Башкортостан, 1996, с. 658]. Стены юрты составлялись из решетчатых щитов (канат), стягиваемых при хранении и перевозках и расправляемых при установке юрты. На месте пересечения планок их скрепляли между собой ременными узлами. Остов юрты состоял из четырех – шести (у зажиточных восьми-девяти и более) деревянных щитов, которые ставили по кругу. К ним прикреплялась конусообразная крыша,

образуемая из деревянных тонких жердочек (ук), опирающихся нижним концом на решетки, верхним (заостренным) – к деревянному кругу (сагарак), который одновременно был и окном, и дымовым отверстием для выпуска из юрты паров, скапливающихся под ее войлочным сводом от дымящегося среди нее котла. Сверху юрта покрывалась пстью – семью кошмами. Кошмы, которыми покрывается юрта, привязываются к остову особыми веревочками, пришитыми к ним по углам и на середине края, а для большей прочности вся юрта опутывается снаружи длинными волосяными веревками (аркан) и привязывается к двум-трем небольшим колышкам, вбитым в землю. Дымовой круг (төндөк) днем обычно не покрывался, на ночь или в ненастную погоду на него накидывали четырехугольную кошму, которая в дневное время или свертывалась, или приподнималась длинным шестом [Народы Башкортостана, 2002, с. 74–75]. Остов юрты и ее одностворчатую деревянную дверь окрашивали в красный цвет. Красный цвет – знак огня, который у башкир является основой жизни. Огонь уничтожал и одновременно давал жизнь, обогревая жилище и предоставляя возможность приготовить горячую пищу. Встречались юрты и с войлочной дверью.

Юрта, безусловно, выдающееся изобретение древних скотоводов-кочевников. Из-за ее легкости при транспортировке, устойчивости при степных ветрах, способности сохранять тепло в стужу, прохладу – в жару, возможности быстро разобрать и собрать и другим качествам – она была идеальным жилищем. Важнейшим элементом башкирской юрты была занавесь – *шаршау*, которая разделяла жилище на две неравные части. Правая от двери (меньшая) часть была женской, там хранились предметы хозяйственной необходимости: кожаная и деревянная утварь, пищевые припасы, женская и детская повседневная одежда и т. д. Левая, большая, часть предназначалась для мужчин, она же была и гостевой. Ее пространство наполнялось самыми яркими и красочными предметами: постельными принадлежностями, узорными скатертями, полотенцами. На ее решетчатые стены развешивались воинское снаряжение всадника (колчаны, футляры и сумы для дроби и пороха), конская упряжь, праздничная одежда. И наконец, в мужской половине, вдоль стены напротив входа, было традиционное почетное место – *урын*, где стоял сундук на резной подставке со сложенными на нем разноцветными паласами, коврами, кошмами, одеялами, подушками, перетянутыми специальной узорной лентой с орнаментом на черном или красном поле [Шитова, 1984, с. 129, 130, 132].

Юрта – традиционное жилище не только башкир, но и многих народов Сибири и Азии: монголов, бурят, казахов, калмыков, алтайцев и др. Поскольку существует многообразие народов, населяющих Алтай, то и жилища тоже отличаются у разных народов. В этнографическом отношении алтайцы делятся на северных и южных. Южные алтайцы вели хозяйство, основу которого составляло пастбищное скотоводство. Скот они содержали круглый год на пастбище, поэтому вели кочевой образ жизни. Основным видом жилища в XIX – начале XX в. у южных алтайцев была юрта, в которой семья жила в течение всего года. Сло-

во «юрта» происходит от слова «јурт», в переводе «место, где живет семья, ее поселение». Слово «юрта» не означает названия жилища, но в этнографической литературе оно приобрело именно этот смысл. И это не совсем правильно. Для обозначения жилища у алтайцев есть другое слово, которое точно отражает это понятие – «айыл». Мы будем пользоваться термином «юрта». Традиционные жилища алтайцев были двух типов: конический и войлочный. Коническая юрта делается из жердей, соединенных кольцами, свитыми из прутьев и обложенными корою сосны, лиственницы или березы, либо обтянутых войлоком; вторая форма юрты, войлочная, с решетчатыми складными стенками. Юрта этого типа состоит из отдельных деревянных разборных частей – решетчатых звеньев (кереге или керене), их обычно 5–7 штук; деревянного круга (карачки), в который вкладывается крестовина (чанмрак); рамы двери (эжик), створки (калгы), шестов (уну) и войлочных покрытий, которые состоят неизменно из шести пластин войлока: две для стен (туурга), две для крыши (тебир) и две – для дымника (дыбау). Все детали для строительства решетчатой юрты заготавливаются заранее. Деревянные решетки, образующие стены юрты, делаются из перекрещивающихся тонких прутьев. В местах соприкосновения прутья скрепляются через сквозные отверстия кожаными ремешками. После подготовки необходимых материалов устанавливались раздвижные решетки-звенья (кереге), концы которых связывались шерстяными шнурами. Соединив все звенья решетки, к концу одного из них привязывали волосную тесемку (кожлан), которой опоясывали решетку вокруг, и закрепляли ее на другой стороне дверной рамы. Раму крепили к двум концам решетки. Крыша у юрты как будто бы закругленная, с небольшим отверстием. Приступая к установке крыши, вначале в центре юрты, прямо над очагом, устанавливали шест с развилкой на одном конце (бакан). Шесты (уну), составляющие крышу, петлями на одном конце крепились к решетке, а другими вставлялись в отверстия дымового круга, который поддерживался на весу шестом с развилкой. После того как все шесты были соединены с решеткой юрты и дымовым кругом, остов покрывался войлоком. В этих целях, независимо от величины юрты, использовались три куса войлока прямоугольной формы (туурга). На углах каждого куса делалось по четыре завязки из шерстяных шнуров, которыми привязывали войлок за решетку стены и крышу юрты. Снаружи ее в два-три ряда опоясывали волосной веревкой (арканом) или тесьмой (кожлан) и таким образом фиксировали войлок на стенах юрты. Для покрытия крыши использовали два куса войлока трапецевидной формы. К каждой войлочной крышке пришивали по восемь длинных волосных веревок, которыми укрепляли крышу юрты, опоясывая ими стены. Последним делали крышку дымового круга (дыбау) – четырехугольный кусок войлока, к концам которого привязывали волосные веревки, чтобы закрепить один конец за крышку юрты. Другой оставляли свободным и, по мере необходимости, отбрасывали, чтобы открыть или закрыть дымоход. Окон в юрте нет. Свет проникает через отверстие на крыше. Зимой в таком жилище тепло, а летом прохладно. В жаркую погоду

можно приподнимать полог стен, чтобы циркулировал воздух. Юрты ставили всегда на открытом для солнца месте. Дверь тоже из войлока и, по традиции, ориентирована на восток, туда, где восходит солнце. Луч света, проникающий через дымоход, помогал определить время. Луч был стрелкой, а сама юрта циферблатом. Основание юрты делится на 12 частей, каждая из которых соответствует знаку зодиака: мышь, бык, тигр, заяц, дракон, змея, конь, овца, обезьяна, петух, собака, свинья. Жилище поделено на две части: женскую (справа от входа) и мужскую (слева от входа). Мужская сторона – почетная. На правой мужской половине располагались культовый набор, скотоводческий и охотничий инвентарь, вещи хозяина. Здесь принимали гостей. Женская половина выполняет хозяйственную функцию, где находился женский вещевой набор. В хозяйственной женской части жилища размещались продукты, утварь, полки. В середине юрты стоит очаг, на котором варили пищу. Очаг – это священное место. Вокруг очага надо ходить только против часовой стрелки. Считается, что злые, духи, проникнув в юрту, не смогут пройти чрез огонь очага и навредить хозяевам [Потапов, 1953].

Казахская юрта изготавливается из дерева березы или ивы, т. к. их древесина крепкая и вредители ее не поражают, поэтому она служит дольше. Ставят юрты в основном в камышовых местах, где почти не бывает ветра. Древесину сушат в тени в течение 6 месяцев, а иногда около года. Основу юрты делает уиши – создатель дома. Основой является деревянная решетка, образующая круглые стены юрты (кереге). Длина каждой створки составляет 3-4 метра. В народе говорят: «Пусть кереге будет широким». Именно от кереге зависит прочность и простор жилища. Юрта имеет две двери: одна (внутренняя) деревянная, другая (наружная) – из войлока. Ее называют войлочная дверь. Эту дверь в ясные дни сворачивают и крепят сверху. Входная группа состоит из козырька, порога, двустворчатой двери, которая крепится к кереге. Основная часть юрты – купольные жерди (уyki). Они связывают кереге и купол (шанырак). Шанырак казахской юрты считается священной деталью, защищенной от дьявола. Также купол юрты несет в себе понятие дома, семьи. Есть у казахов и благопожелание «Да будет твой шанырак высоким!». Купол юрты состоит из круга, перекрещенной части и главного бруса. После того как мастер полностью завершает изготовление остова юрты, все ее части окрашивают хной или краской красного и синего цветов. Юрту из березы смазывают растительным маслом, придающим ей цвет слоновой кости и делающим водонепроницаемой. Шанырак, уyki, верхушки кереге, козырек у торжественных орд расписывают узорами. Юрты состоятельных владельцев были украшены серебром, тисненым орнаментом из кости и рога. После изготовления основы юрты принимаются за войлочное покрытие. Войлок готовят из шерсти стриженных овец, который пропитывают раствором мела или жженой костью. Это придает войлоку белый цвет и прочность, задерживает влагу, он не нагревается в летнее время и не пропускает холод.

Обычные тростниковые циновки (чий, ши) – еще одна часть юрты. Циновкой закрывают кереге. Ши придает особое изящество юрте, способствует удержанию холода или жары, не пропускает внутрь ящериц, змей и насекомых. С юртой была связана вся жизнь казаха, поэтому она занимала особое место в его быту. Большое внимание уделялось свадебной юрте (отау), ее качество и красота убранства должны были обеспечить счастье новой семье [Руденко, 1930, с. 36].

Внутри юрта делится на четыре части:

1. Место для гостей (тор). Это особо почитаемое место, его не занимают молодые снохи.

2. Левая сторона (при входе справа) – место хозяина дома. Возле порога, ниже места хозяина, хранятся продукты, кухонная утварь, которые прикрываются специальной циновкой (ши).

3. Справа (при входе левая сторона) – место детей. Ближе к порогу вешается одежда, конская сбруя.

4. Место очага считается священным. Здесь разводят огонь, готовят еду.

Итак, ознакомившись с разными видами юрт, можно сделать вывод. Юрты использовались у многих народов Азии и Сибири. Ее преимуществом перед другими видами кочевнических жилищ была мобильность при довольно больших размерах. Много общего в юртах башкирского, казахского и алтайского народов. Сходен материал, из которого изготовлены юрты, форма, внутреннее убранство жилищ. Но выявлены и различия. У алтайцев чаще встречался монгольский тип юрты, когда их строят плоскими, приземистыми. Сама крыша напоминает конус. В центре юрты монгольского типа есть опорные столбы для поддержки купола. А у башкир и казахов больше были распространены юрты тюркского типа, хотя встречались и юрты с конусообразным верхом – монгольские. Существенным отличием тюркской юрты от монгольской является форма опорных жердей для поддержки купола: они изогнутые, поэтому форма купола представляет собой полусферу и выглядит более изящно. Благодаря изогнутым жердям вес можно перераспределить так, чтобы не было необходимости в установке дополнительных опор. Сами жерди при этом закрепляются на обруче вдоль всех стен. Исходя из этого, в тюркской юрте получается больше полезной площади и свободного пространства. Таким образом, юрта – необычный, исторически сложившийся тип жилья, приспособленный для кочевого образа жизни.

1. Башкортостан : краткая энциклопедия. Уфа : Башкирская энциклопедия, 1996. 658 с.

2. Кузбеков Ф. Т. Башкиры. Уфа, 1999.

3. Нагаева Л. И. Башкирские народные праздники, обычаи и обряды. Уфа, 1999. 157 с.

4. Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. Уфа : Гилем, 2002. 504 с.

5. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М., 1953. 447 с.
6. Руденко С. И. Башкиры : историко-этнографические очерки. Уфа : Китап, 2006. 376 с.
7. Руденко С. И. Очерк быта северо-восточных казахов. Л., 1930.
8. Самситова Л. Х. Реалии башкирской культуры. Уфа : Китап, 1999. 172 с.
9. Тихонов С. Н. Традиционные жилища алтайцев // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 55–64.
10. Шитова С. Н. Традиционные поселения и жилища башкир. М., 1984. 251 с.

УДК 903.1

**ТРАДИЦИОННЫЕ КАЛЕНДАРИ СИБИРСКИХ ТАТАР:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ***Г. С. Вртанесян*

Народные календари сибирских татар представляют особый интерес в силу ряда обстоятельств. Это особенности генезиса, когда из-за реалий (география, экология, миграции) произошло смешение тюркских, угорских, самодийских и монгольских этнических компонентов. Влияние различных властных и культурных центров выразилось в одновременном бытовании разных календарных систем: традиционной (народной), лунной (мусульманской), солнечной (григорианской) и монгольского варианта китайского календаря с животным циклом. Анализ календарной лексики выявил некоторые особенности структуры исходных моделей для разных групп сибирских татар и динамику трансформации календарной лексики. Выявлено отсутствие сведений о практике вставок. Сравнительный анализ календарей сопредельных тюркоязычных народов Южной Сибири выявил близость названий зимних месяцев и структуры зимнего сезона календарей сибирских татар и календарей хакасов, шорцев, чулымцев и тофаларов. Отражена и общесибирская традиция – существование орнитоморфных названий весенних месяцев (вороны, орла).

Ключевые слова: сибирские татары, традиционный календарь, календарная лексика, структура, вставки.

**TRADITIONAL CALENDARS OF SIBERIAN TATARS:
GENERAL AND SPECIAL***G. S. Vrtanesjan*

Folk calendars of Siberian Tatars are of particular interest due to a lot of circumstances. These are the features of Genesis, when due to the realities (geography, ecology, migration), there was a mixture of Turkic, Ugric, Samoyed and Mongolian (partly) ethnic components. The influence of various power and cultural centers, expressed in the simultaneous existence of different calendar systems, – lunar (Muslim), solar (Gregorian), the Chinese calendar with the animal cycle, and finally, the traditional (folk). The analysis of calendar vocabulary revealed the features of the

structure of the original models for different groups of Siberian Tatars, and the dynamics of the transformation of calendar vocabulary. The information on the practice of inserts was unknown. A comparative analysis of the calendars of the neighboring Turkic peoples of southern Siberia revealed the proximity of the names of the winter months and the structure of the same season, and the calendars of Khakas, Shor, Chulym and Tofalars. The influence of the Siberian calendar tradition – the existence of «ornithomorphic» names of spring months (crows, eagles) – is also noted.

Keywords: Siberian Tatars, traditional calendar, calendar lexicon, structure, inserts.

Интерес к традиционным календарям сибирских татар продиктован по меньшей мере двумя обстоятельствами. Первое – сложный этногенез, в котором приняли участие тюркские, угорские, самодийские и, в меньшей степени, монгольские этнические составляющие [Наумова, 2008, с. 41–65]. Второе – это широкий спектр хозяйственных занятий (скотоводство, земледелие, охота, рыболовство, собирательство). К этому можно прибавить и влияние конфессионального фактора на формирование или изменение календарной лексики. Поскольку исследование касается народных календарей, имеет смысл провести сравнительный анализ семантики календарных маркеров, которые являются характерными для сопредельных этносов. Первая запись традиционного календаря сибирских татар (Бараба) сделана, по-видимому, И. П. Фальком и затем, позднее, В. В. Радловым. Обзор календарных систем, бытовавших у сибирских татар, есть в работе А. А. Ярзуткиной. Отметим, что названия месяцев в календаре барабинских татар не изменялись более ста с лишним лет, прошедших между записями И. П. Фалька и В. В. Радлова. При этом у разных групп, например тарских и курдакско-саргатских, названия месяцев могут существенно отличаться [Ярзуткина, 2013, с. 117–121].

Выделение общих черт начнем с названия месяца, имеющего общетюркское название – «ай» [ДТС, 1969, с. 24] и с числом месяцев (12) в году. Началом года являлся месяц март – начало летнего сезона. Общим являлось и существование «парных» месяцев, в виде ступени «малый-большой» (кызу-улу), относящихся к лету и зиме, которые в большей или меньшей степени сохранились в ранних записях календарей у шорцев, хакасов, чулымцев и алтайцев. Но если в первом случае это соотносится с реалиями, когда пик жары (улу) приходится на июль, то обозначение месяцем большого (улу) холода (мороза – суук) ноября или декабря расходится с реалиями, т. к. самым холодным периодом является январь – начало февраля.

Летняя «ступень» имеет аналог в древнетюркском, это близкая по смыслу маркировка летних месяцев *ulugoulaqai* – начало лета месяц (букв. «летний юноша месяц») и *ulugai* – середина лета (в перен. «великий месяц», при этом дословно «середина» – «ortu» [ДТС, 1969, с. 610, 371]). Подобная маркировка месяцев – довольно устойчивый шаблон, который потом может трансформиро-

ваться в форму «малого» и «большого» месяцев жатвы (кичи узу айы/ дьяан узу айы) (тубалары) [Баскаков, 1966, с. 123, 129], которые опять же отражают фенологические реалии, но уже в «сельскохозяйственном» коде. «Ступенька» зимних месяцев известна в селькупских календарях (учи/варк кандак, т. е. малый/большой мороз), у алтайцев (тубалары, челканцы), чулымцев, некоторых групп хакасов и шорцев [Вртанесян, 2017, с. 184–192; Колесникова, 1995, с. 148–150] и тофаларов (кичик/улу соог, с разными вариациями) [Штубендорф, 1858, с. 13–14]. Орнитоморфная маркировка переходных месяцев («орла» и «вороны») между основными сезонами года (зима-лето) – традиционна для обских угров, тундровых ненцев, кетов, селькупов, чулымцев, и, частично, хакасов [Вртанесян, 2017, с. 184–192; Симченко и др., 1993, с. 204–250], она присутствует и в ранних записях (Фальк, Радлов). Общими для всех календарных записей являются названия июля – августа как сенокоса (отшаги, от – «трава») или жатвы (оргак – «серп»), следующие обычно друг за другом. Названия октября – ялан агаш ай («голых деревьев месяц») – характерны для чулымских (ялац каг ай) [Дульзон, 1950, с. 62], южноселькупских (чопыкытый ират) [Колесникова, 1995, с. 148–150] и кетских (ондок) календарей [Алексеенко, 1967, с. 38]. Название апреля как «рыбьей икры месяц» (тармак, тармала) есть в записях И. П. Фалька и В. В. Радлова (Бараба). Месяцы (апрель, май) с тем же названием есть в календарях селькупов (см. сводку в [Колесникова, 1995, с. 148–150]. Что же касается такого характерного календарного маркера, как «кукушки (кау́к) месяц», то он есть в названии июня (кау́к тон – «кукушкина ночь») у тарских и курдакско-саргатских татар. Май – кок ай («кукушки месяц») – есть у чулымцев [Дульзон, 1950, с. 61] и шорцев [Симченко и др., 1993, с. 242–250]. Но его нет в записях календарей барабинских татар у И. П. Фалька и В. В. Радлова. Особый интерес в календарях сибирских татар представляют единичные названия некоторых месяцев. Это название мая – шомормуил («черемуховые холода») у тарских и курдакско-саргатских татар, фактически сочетание двух архетипов названия черемухи – *jumurt* и *mojuł*, известных для тюркских языков, при этом допускалось, что *mojuł* могло быть монгольским заимствованием [СИГТЯ, 2001, с. 136]. Это сочетание не совсем понятно, т. к. подобная редубликация возможна лишь в случае утери носителями календарной традиции исходного смысла термина. Однако шомур – «почка», «бутон», «сережки», «росток» (тофалары) [Рассадин, 2005, с. 127]. У тувинцев тоджинцев шовур ай – май, время появления почек на деревьях и ростков травы [Вайнштейн, 1961, с. 66–68], которое сопровождается набуханием. Это дает определенные основания трактовать термин «шомормуил» как время появления почек (или сережек) именно на черемухе, которая, являясь превосходным календарным маркером, позволяющим предсказывать погоду на летний сезон, заслуженно занимает важное место в календарных мифах народов Сибири (кеты, алтайцы и др., см., напр.: [Вртанесян, 2018, с. 113–114]). Названия апреля – бирнин (В. В. Радлов) не встречается более ни в одном из календарей сопредельных народов Южной Сибири (известных автору). Типологически

может быть сравнено с «бириньи» – первый месяц, название мая у якутов (конец XIX в. [Пекарский, 1959, т. III, ст. 3760–3765]), или бурятским первым (весенним – март) месяцем в календарной записи Я. И. Линденау [Линденау, 1983, с. 145]. Принятие подобной трактовки термина затруднено отсутствием его в записи И. П. Фалька.

Теперь о наиболее характерных календарных маркерах, которые есть в тюркских, обско-угорских и селькупских календарях, и чего нет в рассмотренных образцах народных календарей сибирских татар. В них нет месяца бурундука, который являлся неотъемлемой частью календарной лексики некоторых народов Саяно-Алтая и Обь-Енисейского междуречья (алтайцев, селькупов, кетов, шорцев, хакасов), притом что образ бурундука являлся важным компонентом календарных мифов не только народов Сибири, но и Америк [Березкин, 2012, с. 6]. Второе, чего можно было бы ожидать, – это маркировка сентября-октября термином «ярыш» (чарыс, йачыш) как месяца равноденствия, равенства света и тьмы. Этот способ маркировки известен в календарях некоторых тюркских народов Южной Сибири (чулымцы, хакасы). «Ярыш», кроме как «яркий, светлый», имеет также значение «половины», от «яр» – резать пополам, рубить [ДТС, 1969, с. 241], как отражение равенства светлой и темной частей суток в дни равноденствий. В хакасском «чарыш» – октябрь со значением «равноденствия месяц» [Бутанаев, 1985, с. 328].

Кроме месяца кукушки, который является маркером наступления устойчивого летнего тепла, ряду тюркоязычных народов Сибири и Средней Азии, а также бурятам известна контрольная система учета времени по схождению Луны и созвездия Плеяды [Куфтин, 1916, с. 125; Вртанесян, 2018, с. 114–116], которая является, наряду с Орионом, главным маркером зимнего сезона в северном полушарии [Березкин, 2017, с. 20–25]. В рассмотренных календарях нет никаких указаний на знакомство с этим способом контроля календарного времени среди сибирских татар. Что касается структуры календарей, то все они состоят из 12 месяцев, хотя известно множество традиционных сибирских календарей, которые еще почти до середины XX в. состояли из 13 месяцев. Существуют различные способы приведения в соответствие отсчета календарного времени по Луне и Солнцу с использованием вставочных месяцев (интеркаляция) [Вртанесян, 2018, с. 113–117]. Однако в приведенных вариантах календарей нет указаний на существование процедуры вставок дополнительных месяцев. Возможно, это производилось путем ежегодного сдвига дат на 11 дней, как это делается в календарной практике в лунных мусульманских календарях.

Приведенные данные показывают, что отсутствует единый традиционный календарь у различных групп сибирских татар. Несмотря на единое общетюркское название термина месяц (ай), они существенно отличаются по структуре и используемой лексике для маркировки переходных периодов между основными сезонами. При этом, несмотря на существование тесных этнических, культурных и хозяйственных контактов с Поволжьем с XV в. [Исхаков, 2002,

с. 24–50], известные варианты традиционных календарей сибирских татар сохраняют свое родство, в первую очередь, с календарями сопредельных народов и этнических групп.

1. Алексеенко Е. А. Кеты. Л. : Наука, 1967. 262 с.
2. Баскаков Н. А. Диалект черневых татар (туба-кижи). Вып. 2. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. М. : Наука, 1966. 173 с.
3. Березкин Ю. Е. Полосатый бурундук: фольклорный мотив в Старом и Новом Свете // Бестиарий П. Зооморфизмы Азии: движение во времени. СПб. : МАЭ РАН, 2012. С. 5–19.
4. Березкин Ю. Е. Рождение звездного неба. Представления о ночных светилах в исторической динамике. СПб. : МАЭ РАН, 2017. 316 с.
5. Бутанаев В. Я. Народный календарь хакасов // Рериховские чтения 1984 г. : материалы конференции. Новосибирск : Наука. 1985. С. 326–331.
6. Вайнштейн С. И. Тувинцы тоджинцы : историко-этнографические очерки. М. : Вост. лит., 1961. 216 с.
7. Вртанесян Г. С. Некоторые особенности лексики и структуры народных календарей Алтая // Народы Евразии : История. Культура. Языки : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 65-летию образования бюджетного научного учреждения Республики Алтай НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2017. С. 184–192.
8. Вртанесян Г. С. «Спрятанное время» в календарях народов Урала и Сибири // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 1. С. 112–123.
9. Древнетюркский словарь. Л. : Наука, 1969. 676 с.
10. Дульзон А. П. Система счета времени у чулымских татар // Краткие сообщения Института этнографии. Т. 10. 1950. С. 61–63.
11. Исхаков Д. М. Об общности этнической истории волго-уральских и сибирских татар (булгарский, золотоордынский и позднезолотоордынский периоды) // Сибирские татары : сб. статей. Казань, 2002. С. 24–58.
12. Колесникова С. Ю. Материалы к описанию селькупского календаря // Сборник статей памяти А. П. Дульзона. Томск : ТГПИ, 1995. С. 146–153.
13. Куфтин Б. А. Календарь и первобытная астрономия киргиз-казацкого народа // Этнографическое обозрение. 1916. № 3–4. С. 123–150.
14. Линденау Я. И. Описание народов Сибири. Магадан : Магад. кн. изд-во, 1983. 175 с.
15. Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. Т. VIII, ч. 1 / пер. с нем. А. Х. Элерт. М. : Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
16. Наумова О. Ю. Этническая генетика тоболо-иртышских сибирских татар по данным о разнообразии митохондриальных ДНК : дис. ... канд. биол. наук. М., 2008. 107 с.
17. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд. Т. III. М., 1959.
18. Симченко Ю. Б., Смоляк А. В., Соколова З. П. Календари народов Сибири // Календарь в культуре народов мира. М. : Наука, 1993. С. 201–253.
19. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М. : Наука, 2001. 414 с.

20. Штубендорф Ю. П. О карагасах // Этнографический сборник. 1858.
Вып. IV. С. 1–18.

21. Ярзуткина А. А. К вопросу о календарях в культуре тоболо-иртышских татар // Вестник ТомГУ. 2013. № 4 (24). История. С. 117–121.

УДК 392

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ СТАРООБРЯДЦЕВ ВЕРХОВЬЯ ЕНИСЕЯ

М. В. Гавриленко

В статье описывается свадебная обрядность старообрядцев Верховья Енисея, основные этапы свадебного обряда, игры, традиционные свадебные угощения. Статья основана на полевых материалах автора.

Ключевые слова: старообрядцы, Верховье Енисея, свадебная обрядность, традиции, культура, полевые материалы.

THE WEDDING RITUAL OF THE OLD-BELIEVERS OF THE UPPER REACHES OF THE YENISEI

M. V. Gavrilenko

This article deals with the wedding ritual of the old-believers of the upper reaches of the Yenisei. The main stages of the wedding ritual, games, traditional wedding food are described. The article is based on the field materials of the author.

Keywords: old-believers, the upper reaches of the Yenisei, wedding ritual, traditions, culture, field materials.

Верховьем Енисея называют в Туве район течения малого Енисея Ка-Хема, где расположены скиты, монастыри и мирские поселения старообрядцев часовенного согласия.

Традиционная русская свадебная обрядность условно подразделяется на три основных периода: предсвадебный, собственно свадебный и послесвадебный [Макашина, с. 474]. Свадебный обряд в поселках Верховья Эржей и Сизим также содержит эти три этапа.

Первый период включает в себя «просватанье». «Свататься в дом невесты приходят родители жениха или его близкие родственники. После получения согласия на брак "...неделю после просватания невеста сидит в цветах. Цветы делают из ленточек и крашеной бумаги. Она сидит дома и шьет сряды"» (Полевые материалы автора, А. А. Житникова, с. Эржей).

По прошествии недели после «просватанья» в последний день перед свадь-

бой в доме невесты устраивается девичник или «бранье» невесты, иногда эти два ритуала совмещают в один. Подруги или мать невесты расплетают ей косу, но иногда расплетание косы происходит непосредственно в день свадьбы. Происходит символическая продажа косы жениху или его родственникам сестрами невесты. Баню обычно готовят родственники или подруги невесты. Гостей угощают разнообразной выпечкой: рыбными, грибными, картофельными, морковными, капустными, ягодными и с вареньем пирогами, шаньгами и шанежками с маком. Невеста, ее родственники, подруги и все приглашенные поют духовные стихи и «божественные песни» («стихеры»). «Бранье» обязательно включает в себя выкуп родней жениха сундука с приданым невесты, который продает брат невесты. Платой за сундук могут служить деньги или брага, которую наливают стаканами прямо из чайника. Примечательно, что выкупленный сундук забирают в дом жениха уже после «брачания» (обмена кольцами) во время венчания, т. к. считается дурной приметой, если что-либо принадлежащее невесте или она сама появится в доме жениха до венчальной службы. Затем брат невесты «продает» ее жениху. А. А. Житникова вспоминает, что ее младший брат «плеткой и привязанными к ней ленточками пугал жениха», когда тот выкупал ее на «бранье» (Полевые материалы автора, А. А. Житникова, с. Эржей).

Подвенечное платье невесты обязательно должно быть розового цвета, длинное или чуть ниже колен, с поясом или ремешком на талии. На голову невеста надевает цветы, сшитые из цветных ленточек и крашеной бумаги. Жениха причесывают, на грудь прикрепляют букет из ленточек. Жениху и дружке на грудь крест-накрест повязывают ленты розового цвета.

Обряд заключения брака обычно проходит в доме жениха. Считается, что устраивать службу в соборе не обязательно. Порядок проведения венчальной службы указан в «Требнике» (богослужебной книге, содержащей молитвы и священнодействия на особые случаи).

Молодые становятся на колени на полотенце, или «подножник», а затем наставник начинает читать им поучения из «Домостроя» (о правилах поведения супругов в браке, причем большее количество запретов возлагается на женщину как будущую мать и хранительницу домашнего очага). Затем молодых благославляют иконой Богородицы или Николая Угодника. Если благославляют иконой Богородицы, то икону держит женщина, а мужчина может держать икону Николая Угодника или распятие. Затем читают два канона (правила веры и жизни христианской). Их выбор зависит так же от того, какой иконой благославляют молодых.

Перед молением молодых «опрашивают»: «...свахи ставят жениха с невестой на колени на половицы. Кто старший (наставник), спрашивает, например: “Волей ли берешь Георгий в жены себе Анну?”. Спрашивают три раза по очереди сначала жениха, потом невесту. Потом молиться начинают: “Начало творить” (начальная молитва, включающая семь поклонов). Совершается три поклона

в пояс при чтении слов: “Боже, милостив буди мне грешнику”; поклон до земли со словами “Достойно есть... Честнейшую Херувим”, а потом следует еще три поклона в пояс. Затем читают “Апостол” или Евангелие и поют духовные стихи и “божественные песни”. Кольцами меняются на третьей песне. Наставник подает жениху и невесте кольца – “молодых брачат”. После шестой песни происходит “окручивание”» (Полевые материалы автора, А. А. Юркова, с. Сизим).

Невеста отдает свою свечу жениху и уходит в сопровождении свах, а он, держа в руках обе свечи, дожидается, пока ее снова приведут. Невесте расплетают косу и заплетают две косы, которые укладывают вокруг головы. При этом сваха со стороны жениха заплетает правую косу, а невестина – левую. Искусственные цветы, которыми украшена прическа невесты, снимают. Голову невесты повязывают нижним платком, а сверху надевают «шамшуру» (головной убор в форме чепчика). На шамшуру прикрепляют цветные ленты. Там, где раньше была коса, прикрепляют целый пучок лент. Затем невесту переодевают в другое платье, на плечи накидывают шаль и снова приводят к жениху. Наставник продолжает молебен, читая седьмую, восьмую и девятую песни. В конце молебна все присутствующие молятся за здоровье молодых, наставник и родители благославляют новобрачных. Молодых поздравляют сначала старшие (наставники), потом родители, братья и сестры, а затем уже все присутствующие. Хозяева дома, родители жениха, приглашают всех на свадьбу. Поздравлениями новобрачных и приглашением на свадьбу завершается так называемый духовный стол, включающий в себя венчальную службу и молебен.

Затем начинается непосредственно «свадебный стол». Праздновать принято три дня. Брачный стол обычно устраивают у жениха. Перед тем как начать празднование, все присутствующие выпивают по три чарки браги, а новобрачные пробуют лишь по одному глотку. Накрывают несколько столов. За первый стол садятся молодожены, их родители, близкие родственники, свахи со стороны жениха и невесты. В селах есть мастерицы, которые готовят праздничный обед и украшают столы на свадьбу.

Обычно готовят разнообразные пироги и шаньги: с рыбой, грибами, ягодами, окрошку, соленые арбузы, морсы, компоты, соки, брагу. На второй день с утра угощают пельменями и блинами, которые гостям необходимо купить иногда вместе с посудой (вилками, ложками, тарелками, стаканами). На третий день («похмелье») невеста продает гостям блины и сладкий пирог, который подают последним, т. к. он стоит дороже всего. Невеста обходит с пирогом всех присутствующих. Родня невесты и жениха кладет сверху на пирог деньги («покрывают его»).

В течение трех дней празднования гости устраивают разнообразные игры «для смеху»: родня невесты заворачивает в ткань полено или веник, подписывает сверток первым пришедшим на ум словом и продает родне жениха. Или, например, на пол насыпают ворох соломы, туда же сверху гости бросают деньги,

чтобы невеста (иногда с помощью с жениха) веником смогла вымести как можно больше монет, которые она забирает себе либо отдает свахе.

Если невеста оказывается «честной», ее родителей благославляют и к их кружкам прикрепляют бумажные цветы. Если невеста «нечестна», то цветов не прикрепляют, но невесту и ее родителей не стыдят и не позорят. Иногда на второй или на третий день гости едут в дом невесты и там продолжают праздничное застолье.

В последнее время чаще заключаются смешанные браки с тувинцами, бурятами, алтайцами, корейцами. Но перед заключением брака будущего супруга или супругу, в случае иного вероисповедания, наставники перекрещивают в реке. Венчальный обряд в этом случае также проводят, последовательно соблюдая все элементы ритуала.

Появилась тенденция отмечать «серебряные» и «золотые» свадьбы, что вызывает осуждение старшего поколения «крепкой веры»: «Если были крепкие наставники, этого бы не происходило» (Полевые материалы автора, В. М. Тимофеева, с. Сизим).

Таким образом, можно сказать, что в свадебной обрядности старообрядцев Верховья Енисея устойчиво сохраняются многие традиционные элементы, такие как «просватанье», девичник и «бранье невесты», «брачанье» (венчальная служба и молебен), «окручивание невесты». Этой устойчивости способствует локальность проживания старообрядцев Тувы и особенности их религиозного мировоззрения, препятствующего влиянию любой инокультурной среды.

1. Макашина Т. С. Свадебный обряд // Русские. М., 2004. С. 466–499.

УДК 398.341

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИЛИЩЕ КЫРГЫЗОВ
В ТРУДАХ УЧЕНЫХ-ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XIX – НАЧАЛА XX В.**

А. Б. Мамытова

Изучению истории и культуры кыргызов исследуемого периода посвящено немало работ как дореволюционных, так и советских ученых. В частности, различные аспекты этнографических данных кыргызов в XIX – начале XX в. находят свое отражение в трудах и статьях, исследованиях русских ученых-путешественников; именно изучению этой проблемы посвящается данная статья.

Ключевые слова: кочевой, жилище, юрта, кыргызы, образ жизни, хозяйство, лето, зима, культура.

**ETHNOGRAPHICAL INFORMATION ABOUT THE HABITATION
OF KIRGIZ PEOPLE IN THE WORKS OF RUSSIAN
SCIENTISTS-TRAVELERS OF XIX – BEGINNING XX CENTURYS**

A. B. Mamytova

There are lots of works devoted to study of history and culture of Kyrgyz people by pre-revolutionary and soviet scholars. In particular, different aspects of ethnographical facts of Kyrgyz people of XIX-beginning XX centuries was described in the works of Russian scholar-travelers and this article is devoted to research of this problem.

Keywords: nomad, habitation, Kyrgyz, yurta, way of life, household, summer, winter, culture.

В XIX – начале XX в. Центральная Азия являлась объектом интенсивных исследований Императорского Русского географического общества. Было отправлено более чем 20 экспедиций при содействии Главного штаба.

Повышенный интерес к изучению Центральной Азии был обусловлен зарождением и становлением этнологии, истории и других отраслей знаний о человеке в самостоятельные научные дисциплины, а также тем, что без знакомства с Центральной Азией и ее народами была непонятна история прилегающих к России стран.

Вместе с тем дальнейшее изучение исследуемого региона было обусловлено, наряду с научными интересами, практическими потребностями Российской

империи, ставшей во второй половине XIX в. крупнейшей державой.

Эти экспедиции занимались сбором материалов по истории, этнографии, археологии, географии, экономике и языку народов Центральной Азии и коллекций (зоологических, ботанических, геологических, этнографических). Их целью было создание новой, научно достоверной карты Центральной Азии и сбор обширной природо- и страноведческой информации об изучаемом регионе.

В центре внимания исследователей находились проблемы истории и этнологии, экономики и географии края. Особую ценность работе придает богатый этнографический материал, охватывающий различные стороны жизни кыргызского народа.

Возможность для организаций экспедиций в Среднюю Азию и Казахстана Императорское Русское географическое общество получило лишь после 1858 г. Первоначально, однако, это были кратковременные поездки для общего ознакомления с природными особенностями областей вблизи российской границы. Интенсивные исследования Средней Азии и Казахстана русскими учеными приходятся на 1870-е – 1890-е гг.

Описания кочевых жилищ встречаются в сведениях и первых документированных данных, относящихся к середине XIX в., когда территорию Кыргызстана посетили известные ученые В. В. Радлов, П. П. Семенов-Тянь-Шанский и художник П. М. Кошаров, сопровождавший П. П. Семенова-Тянь-Шанского, Н. Н. Пржевальский, Е. Грумм-Гржимайло, П. И. Каралькин, Л. П. Потапов, М. Г. Левин, Ю. А. Шibaева, С. И. Вайнштейн, Н. Н. Харузин, Ф. А. Фиельструп, А. П. Федченко, Ф. Костенко, Н. И. Гродяков, Л. П. Потапов, М. Г. Левин, С. И. Вайнштейн, Б. Х. Кармышева и др., которые оставили важные историко-этнографические материалы в своих трудах, откуда мы сегодня берем неисчерпаемые данные по истории и культуре кыргызов.

Значительный вклад в систематизацию материалов о жилище кочевых народов внес востоковед и путешественник, знаток китайского языка Н. Я. Бичурин (1777–1853). Его перу принадлежит специальная работа о народах Средней Азии в древности. Достоинством этой работы является перевод китайских источников на русский. Он пишет, что усуньский гуньмо (хан) имел «круглую кибитку, обтянутую войлоком». Эти данные встречаются в древнекитайских источниках. Китайцы называли эти кибитки *цюнлу*: «Выдали меня замуж на край света, в далекую чужую страну, за усуньского царя, – писала, например, во II в. до н. э. китайская принцесса, – *цюнлу* служит мне домом, войлок стенами». На то, что такой шалаш имел полусферическую форму, указывает этимология слова *цюнлу*: этот термин записывался древнекитайскими иероглифами, имеющими значение «округлая поверхность», «свод», «Дом состоит из палатки, обтянутой войлоками и называется Мидичжи. Начальники живут в малых палатках...». «Мидичжи – должно быть, не дворец, а мячит или мечети, храм мусульманский», – объясняет он [Бичурин, 1950, с. 192].

Ценными исследованиями о жилищах являются труды российского вос-

токоведа-тюрколога, этнографа и археолога, академика В. В. Радлова.

Его исследования содержат не только анализ материальной и духовной культуры, но и изложение собственных взглядов на изучаемые проблемы. Посетив кыргызские племена *бузу*, *саруу* и *багыш* в 60-х годах XIX в., он сообщает, что «кочевье черных киргизов по своему характеру отличается от кочевки казахов. Черные киргизы живут не аулами, а целыми родами, зимой – поставив свои юрты по берегам рек непрерывной цепью, которая нередко тянется верст на двадцать и более. Летом они таким же образом перемещают юрты все выше и выше в горы, так что каждый ряд выпасает свои стадо на отдельном горном склоне, такой способ кочевки определяется отчасти природными условиями, отчасти же весьма воинственным характером народа. Такое расположение юрт позволяет черным киргизам в течение нескольких часов привести армию в полную боевую готовность» [Радлов, 1870, с. 90].

Существенный вклад в исследование жилища внес и этнографический отряд Киргизской археолого-этнографической экспедиции. По мнению А. Н. Бернштама, впервые исследовавшего памятники гуннского времени на территории Киргизии, «культура кенкольского типа во всех своих основных чертах была воспринята киргизскими племенами. Переносное жилище типа юрты было известно как усуням, так и древним кыргызам. Это особенно убедительно подтверждается материалами Кенкольского могильника, относящимися к покрою одежды и типу обуви, которые без существенных изменений сохранились вплоть до нашего времени не только у киргизов, но и у других народов Средней Азии» [Бернштам, 1940, с.42].

Среди путешественников следует особо выделить исследователя П. П. Семенова, дважды посетившего Кыргызстан в 1856 и 1857 гг. Он провел первое комплексное исследование этой горной системы Тянь-Шаня и здесь же дает описание юрты в своем труде «Путешествие в Тянь-Шань». Он пишет: «кто бы то ни был, если он совсем новый для них или уважаемый гость, киргизы снимают его с коня, ведут в свою юрту, кормят, поят и оставляют ночевать. Для гостя специально режут барана или барашка, несмотря на то, что в доме уже есть мясо, обычно в этот период киргизы не имели настоящих домов. Летом они жили в юртах, а зимой в землянке, некоторые даже зимы проводили в юртах...» [Семенов-Тян-Шанский, 1946, с. 172].

Эпоха больших – многолетних – экспедиций в Центральную Азию, охвативших своими маршрутами огромные территории внутри материка, началась в 1870 г., когда Н. М. Пржевальский отправился в свое первое путешествие по Монголии и Китаю.

Важно отметить вклад в изучение традиционного жилища русского путешественника и натуралиста Н. М. Пржевальского. С 1870 по 1885 гг. он совершил четыре больших экспедиции по Монголии, Китаю и северным окраинам Тибета. В результате этих путешествий были впервые подробно исследованы фактически неизвестные тогда районы бассейна Тарима и Северного Тибета

и разведаны большие области Центральной Азии. Материалы, оставленные им, являются для нас очень ценными источниками для изучения этнической истории и этнокультурных связей кыргызов в XIX в. В 1846 г., во время путешествия в г. Каракол, Н. М. Пржевальский жил в кыргызской юрте и высоко оценил ее. Исследователь с удивлением говорит об ее универсальности и незаменимости. Он пишет, что кыргызов совершенно не беспокоило, какая погода стоит за пределами юрты. «Действительно, в юрте в то время, когда горит огонь, довольно тепло даже в самый сильный мороз... войлочная оболочка такого жилища отлично защищает от жары и дождей, хотя бы самых проливных» [Кадыров, 1963, с. 28].

«Образ жизни и степень развития здешних киргизов совершенно те же, что у других частей кыргызского населения в пределах России. Жилище их – юрта, богатство состоит в баранах и рогатом скоте, лошадях и верблюдах». А также он пишет, что «обычно в этот период киргизы не имели настоящих домов. Летом они жили в юртах, а зимой – в землянке, некоторые даже зимы проводили в юрте...» [Кадыров, 1963, с. 28].

В отличие от Пржевальского, путешествовавший по Центральной Азии в 1870–1890-е гг. Г. Н. Потанин конвоя не имел, ездил в гражданской одежде и с женой, подолгу жил в одном месте. Он умел расположить к себе людей и завоевать их доверие, что помогало ему в изучении быта и нравов азиатских народов. Потанин совершил пять больших путешествий. Путем сопоставительного анализа образа жизни кочевых народов, населявших Центральную Азию, Г. Н. Потанину и П. Маковецкому удалось выявить их отличительные особенности в установке юрты и в ее покрытии. Г. Н. Потанин описывает, что юрта имеет кошемное покрытие, которое накладывается непосредственно на остов, – черта, одна из характерных, отличающих монгольскую кибитку от кыргызских. Знакомство с решетчатыми кибитками у других народностей лишь подтверждает высказанное здесь предположение [Потанин, 1881, с. 108].

Наиболее подробные из известных нам сведений о покрытии кыргызских юрт мы находим у П. Маковецкого. Сведения эти касаются азиатских киргизов, но имеющиеся литературные данные позволяют распространить их и на кыргызов, живущих в пределах Европейской России. «С наружной стороны кереге, – пишет П. Маковецкий, – при постановке юрты, кругом обставляются чиём. Это род циновки, приготовляемый из высокой степной травы (по-киргызски *чий*), солома которой довольно толста, а главное – гибка и очень прочна». Далее «при постановке юрты употребляется много разной толщины и длины веревок (аркан), приготовляемых из бараньей шерсти с введением в нее, для прочности, конского волоса, и, кроме того, всякая юрта должна иметь баскур. Это тканый шерстяной пояс, иногда с довольно красивым узором. Ширина баскура не больше двух четвертей, а длина рассчитана на величину окружности юрты» [Маковецкий, 1893, с. 3].

Вместе с тем со временем стали появляться исследования, содержащие значительный этнографический материал, освещающие историю, культуру, жи-

лично-бытовые аспекты кыргызского народа. В их число входит труд русского ученого, биолога, географа и путешественника А. П. Федченко – выдающегося исследователя Средней Азии, который изучал изготовление отдельных элементов юрты.

«Юрта – это уже большой шаг в развитии цивилизации человека, в юрте и теплее, и просторнее, в ней даже можно развести огонь, что в палатке невыносимо... юрта удобнее палатки», – писал Л. Ф. Костенко, живший во время экспедиции 1876 г. на Памир-Алай в юрте.

По сообщению Л. П. Потапова, у восточных (улаганских) алтайцев бытовали конические шалаши, покрытые войлоками, типа киргизского *сайма алачыка*, носившие название «соольте» [Абрамзон, 1990, с. 130].

Особое место среди исследователей занимает Ф. А. Фиельструп, который был одним из первых специалистов-этнографов, изучавших кыргызов центрального Тянь-Шаня, а также Таласа и приферганской части Кыргызстана. Объездив всю эту немалую территорию в 1924, 1925 и 1929 гг., он собрал богатейший материал, отражающий все стороны традиционного кыргызского хозяйства и быта. В своих трудах он описывает обряды и обычаи, связанные с жилищем.

Ф. А. Фиельструп, обследовавший ряд районов Тянь-Шаня и частично Ферганскую долину, подробно и досконально описал свадебные обычаи и свадебное жилище кыргызов, сравнивая с казахскими и алтайскими жилищами. Ф. А. Фиельструп изучал свадебные жилища тюркских народностей. «Свадебный *отай* у казаков, *орго* у семиреченских киргизов – это юрта, которую молодые получают от отца жены в приданое вместе с другим имуществом и в которой они живут в течение первого периода своей жизни после свадьбы. Она отличается нарядностью извне и внутри и покрывается по возможности светлой кошмой, – не даром у некоторых народностей ее называют *ак-уй*, т. е. белая юрта, в противоположность еще называют *боз уй* (казаки, киргизы) – серым, более темным». «У казаков и киргизов по обычаю отец выделяет сыновей, когда они женятся, и младшему достается отцовская юрта, как последнему» [Фиельструп, 1925, с. 112].

Ф.А. Фиельструп писал и о «кошемных шалашах» с остовом из прямых жердей, расположенных конусом и либо связанных вместе вверху, либо нанизанных на аркан, ратом, который служит дымовым отверстием. О таком же типе шалаша, основу которого составляли купольные жерди, поддерживаемые в середине шестом, упоминает К. И. Антипина.

Одно из первых описаний кыргызской юрты в советское время принадлежит известному этнографу С. М. Абрамзону. В отличие от других путешественников, он всю свою сознательную жизнь посвятил изучению культуры и быта кыргызского народа. В своих трудах ученый подробно описывает поселения и жилище кыргызов. Изучая юрту, он уделяет внимание и другим видам переносного жилища:

- *сайма алачык* – конусообразный, покрытый войлоком шалаш из жердей;
- *алачык* – среднее между шалашом и юртой;

- *кене, тегиртмек, ак тигер* – юрты, сверху покрытые войлоком.

В одном из отчетов он пишет, что «более распространенным было переносное жилище другого типа – алачык (среднее между шалашом и юртой), с которым кочевали люди, бедные вычным скотом. Ее остов составляли жерди от купола юрты, одним конном поставленные на землю, а другим вставленные в обычный обод от юрты. Сверху алачык был покрыт одним-двумя большими войлоками». Этот же вид жилища описывает и К. И. Антипина, приводя и другие названия: *кени, ак тигер, тегиртмек*.

О юрте можно получить интересные сведения в трудах Е. И. Маховой, занимавшейся изучением материальной культуры кыргызов, она отмечала своеобразие и красочность внутреннего убранства юрты этого народа. Н. И. Гродеков, описывая обычай перекочевки кара-киргизов (кыргызов) Сырдарьинской области в конце XIX в., обращает внимание на следующий факт: «...при остановке – разбивают юрты, режут лошадей и баранов и устраивают кудаи, жертвоприношение богу», а также он говорил, что «...у каракиргизов никто не может занять летовку, где издавна кочует известный род» [Гродеков, 1889, с. 32].

Значительным вкладом в исследование кыргызской юрты считаются труды К. И. Антипиной. Она первой попыталась осветить для широкой публики структуру и особенности построения разных типов кыргызских переносных жилищ. Об особенностях и отличительных чертах жилищ южных кыргызов от жилищ северных кыргызов она сообщает следующее: «На юге юрту принято называть *кара уй*, но чаще *кыргыз уй*. Обычное на севере название *боз уй* употребляется редко. Термин “кыргыз уй” распространен по всему Ферганскому предгорью, в том числе и в северной части Ошской области. По всей вероятности, это название отражает отличительные особенности киргизской юрты и дано народами, приобретающими юрты у киргизов» [Антипина, 1962, с. 156].

Для нас представляют особый интерес исследования А. А. Попова, С. И. Вайнштейна, Б. Х. Кармышевой и Н. Н. Харузина, освещающие вопросы генезиса жилища кочевников.

А. А. Попов изучил кочевые жилища на сравнительно-генетическом уровне и заметил, что «внешняя форма жилищ у многих народов Сибири принимает форму простых геометрических тел – куба, конуса, пирамиды и др. – независимо от культурных связей форм хозяйственной деятельности. Но зато этнически или территориально локализуются детали конструкции этих жилищ» [Попов, 1961, с. 155].

С. И. Вайнштейн, изучавший историю жилища степных кочевников Евразии, предполагает, что прототипом кочевого жилища – юрты – является «шалаш хуннского типа». По мнению Б. Х. Кармышевой, основанному на анализе данных о карлукской юрте, имевшей полусферическую форму, и подкрепленному сведениями о переносного типа жилищах, распространенных в прошлом у скотоводов-азербайджанцев Казахского уезда, карлуки и другие доузбекские племена, как и азербайджанские тюрки, сохранили до наших дней ту форму пе-

реносного жилища, которая может рассматриваться как исходная для решетчатой юрты тюркского типа. Она считает также, что карлукское жилище представляет один из видов жилища древних ираноязычных кочевников. Данные, относящиеся к киргизам, казахам и народам Саяно-Алтая, не дают оснований отказаться от широко распространенного мнения, что исходной формой обоих типов решетчатой юрты, так называемых тюркского и монгольского, был все же конический шалаш [Кармышева, 1893, с. 22].

«Н. Харузин предложил свою типологическую схему развития жилищ, основываясь преимущественно на их современных формах, но не разработал историю жилища», – пишет С. И. Вайнштейн [Вайнштейн, 1991, с. 45].

М. П. Грязнов в своей статье «Боярская писаница», характеризуя изображение юрты с конусовидным остовом и куполообразным ободом, предполагает, что это жилище могло принадлежать кочевникам [Грязнов, 1933, с. 41].

Вопрос о происхождении решетчатой юрты остается открытым. Генезису и развитию форм юрты предшествовал длительный процесс совершенствования различных видов переносных жилищ. Даже чум, алачик и шалаш, сохранившиеся как реликты далекой эпохи детства человечества, несут в себе некоторые элементы, перешедшие впоследствии в конструкцию юрты: не что иное, как съемное покрытие и жерди чума образовали купол юрты.

Вторая половина XIX – начало XX в. стали поистине плодотворными для изучения истории и материальной культуры Кыргызстана русскими исследователями – учеными, путешественниками. Российские авторы собрали разнообразный материал по этнографии кыргызского народа.

В круг важнейших задач русских ученых-исследователей и путешественников входило изучение материальной и духовной культуры кыргызского народа.

Среди множества элементов культуры, отражающих жилищно-бытовые аспекты, следует выделить, прежде всего, такой элемент материальной культуры, как жилище, т. к. именно оно в наибольшей степени отражает этническую специфику народа.

Для подавляющей части кочевого населения еще в первой половине XIX в. юрта служила не только летним, но и зимним жилищем. Несмотря на появление в дальнейшем иных жилых построек, число кыргызских хозяйств, круглый год живших в юртах, было еще очень велико. Русские ученые смогли по достоинству оценить все качества юрты: приспособленность к внешней среде, условиям сурового климата и жизненным условиям, конструкцию и убранство.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к заключению, что жилище кыргызского народа является одним из весьма стойких и отличительных элементов материально-бытовой культуры народа, тесно связанным с духовной культурой. Изучая жилищно-бытовые аспекты, историю и культуру кыргызского народа, русским ученым-исследователям и путешественникам удалось собрать

обширный этнографический материал, представить самобытную картину материальной и духовной жизни нашего народа.

1. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990.
2. Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962.
3. Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.
4. Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М. ; Л., 1950.
5. Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991.
6. Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Ташкент : Типо-литография С. И. Лахтина, 1889.
7. Грязнов М. П. Боярская писаница // Проблемы истории материальной культуры. М., № 7-8. 1933.
8. Кадыров Ш. Видные ученые о Киргизии : (Первые путешественники по Киргизии накануне и в период ее добровольного вхождения в состав России). Фрунзе, 1963.
9. Кармышева Б. Х. Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана // Изв. Отд. Обществ. наук АН Тадж ССР. Вып. 10-11, Душанбе, 1956.
10. Маковецкий А. В. Юрта (летнее жилище киргизов) // Записки Зап.-Сиб. отд. И.Р.Г.О.ХУ. Вып. 3. 1893.
11. Попов А. А. Жилище. Историко-этнографический атлас Сибири. М. ; Л., 1961.
12. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2. СПб. : Типография В. Киршбаума, 1881.
13. Радлов В. В. Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869 г. // Изв. Рус. Географ. общества. Т. VI. 1870.
14. Семенов Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. М., 1946.
15. Фиельструп Ф. А. Свадебные жилища турецких народностей. Л., 1925.

УДК 398.2(512.141)

БАШКИРО-КАЗАХСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ И ЛЕГЕНДАХ

М. Р. Мирхайдарова

В статье рассматриваются башкирские топонимические легенды и предания, повествующие о башкиро-казахских отношениях. Тесным межэтническим контактам способствовало то, что башкиры и казахи принадлежат к тюркской группе алтайской языковой семьи. При изучении родоплеменного состава находим одноименные роды и племена как в составе башкир, так и казахов. Этнические и культурные контакты сопровождались и взаимными набегами из-за пастбищ. Все эти сложные отношения нашли свое отражение в башкирских топонимических преданиях и легендах южных районов Башкирии, которая является приграничной контактной зоной.

Ключевые слова: этнос, башкиры, казахи, топонимика, кыпчак, кочевник, Младший Жуз, Оренбург.

BASHKIR-KAZAKH RELATIONS IN TOPONYMIC LEGENDS

M. R. Mirkhaidarova

The article deals with the Bashkir toponymic legends and legends telling about the Bashkir-Kazakh relations. Close inter-ethnic contacts were facilitated by the fact that Bashkirs and Kazakhs belong to the Turkic group of the Altai language family. In the study of tribal composition of the same name we find clans and tribes, as part of the Bashkirs and the Kazakhs. Ethnic and cultural contacts were accompanied by mutual raids over pastures. All these complex relations are reflected in the Bashkir toponymic legends and legends of the southern regions of Bashkiria, which is the border contact zone.

Keywords: ethnos, Bashkirs, Kazakhs, place names, Kipchak, nomad, Junior Zhuz, Orenburg.

Топонимические предания издавна формировались под влиянием воспоминаний о различных фактах и явлениях действительности, приуроченных

к определенным географическим объектам, и служили объяснением смысла географических названий. В южных районах Башкортостана часто встречаем названия местностей, которые связаны с башкиро-казахскими отношениями. В основном они повествуют о набегах казахов на башкирские деревни, об угоне скота, умыкании женщин, о межэтнических контактах, дружбе, о батырах. Башкиры и казахи связаны единым этническим происхождением, и их непосредственное территориальное соприкосновение приводило к этнокультурным контактам. При изучении родового состава башкир и казахов находим одноименные племена и роды: табын, кыпсак, маскар, гирей, увак, тана, таз, керейт, жагалбайлы, дулат, тиляу. Рассматривая родоплеменной состав башкир, можно отметить, что этноним «казах» среди этнических названий родовых подразделений башкир был широко распространен. Среди казахов башкиры зафиксированы под названиями – естек, бурзян, кыпчак. Попавшие в Башкирию казахи ассимилировались в башкирской среде. Распространенными формами башкиро-казахских отношений были межэтнические браки, кочевка на общих пастбищах, совместные празднества с состязаниями между башкирскими и казахскими батырами в борьбе, скачках, стрельбе из лука. Но наряду с ними обычными явлениями были и такие, как столкновения, взаимные набеги из-за пастбищ, умыкание девушек, соперничество башкирских и казахских биев и султанов. Казахи участвовали в национально-освободительных восстаниях башкир против колониальной политики царизма. Тесным контактам послужило и то, что, прежде всего, они принадлежат к тюркской группе алтайской языковой семьи. Языки двух народов относятся к западохуннской ветви, башкирский язык – к кыпчакско-булгарской, казахский – к кыпчакско-ногайской подгруппе кыпчакской группы. С принятием российского подданства казахов Младшего Жуза башкиры привлекались к различным административным поручениям, иногда весьма важным. В основном башкиры занимали должности толмачей и письмоводителей.

Башкирский фольклор в целом, а в особенности топонимические предания и легенды сохранили и донесли до нас много интересного об этнокультурных взаимодействиях башкир и казахов. В этих легендах нашли отражение как этнические связи, дружественные контакты, так и взаимные столкновения. Последние случались так часто среди юго-восточных, южных башкир из-за пограничного положения данного региона в XVIII в. «Башкиры разбились на четыре дороги, который две внутри земли безопасно киргиз-кайсаки набегов не делают, а противу киргиз-кайсакам тому сторону Уфы кайсаки непрестанно войны ведут. Оренбург им будет вместо стены. Малая орда кочует близ Аральского моря и между Яиком и Средней Ордой. Башкирцам набегии делают. Немало башкирской земли захватили» [ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 12204, л. 55]. Особенно участились набегии из-за продвижения казахов Младшего Жуза к границам башкирских кочевий. Этому способствовало изменение социально-политической ситуации в приволжских, южноуральских и зауральских степях: вторжение джунгаров, появление калмыков в казахских степях. Так как казахи нападали на башкирские

кочевья внезапно, во всех высоких точках гор в Зауралье (Янгузей, Аткарагай, Ханкала, Ягалса, Куянтау, Ишкилде, Такал) башкиры держали караул (багауыл), предупреждающий о приближении казахской конницы. Название горы Яугильде (*яу* – сражение, *килде* – пришли) Хайбуллинского района связано с казахским набегом. По рассказам местных жителей, на этой горе, увидев отряды неприятеля, собирались все батыры деревни. Название горы Курьятмас рядом с. Аскар в Абзелиловском районе Республики Башкортостан жители также связывают с казахами. На этой горе часто происходили сражения башкирских и казахских отрядов: *куры* – сухой, *ятмас* – не лежал, т. е. не высыхал от крови. Название горы Алмас в этой же деревне объясняют тем, что оно переводится как *ала алмас* – не смогли взять, т. е. казахи не могли осилить там стоящую силу. Рядом с д. Кускарово (Абзелиловский район) есть гора Бэлэ-каза – в переводе «беда и горе». Легенда повествует о жестоком сражении между башкирами и казахами, после которого осталось много захороненных трупов. Весной распространился вокруг них неприятный запах, с которым и связано название горы.

Во многих южных, юго-восточных районах Башкирии встречаются такие места, как Казаккаскан ер – место, откуда убежали казахи, Канъяткан ер – место, где произошло кровопролитное сражение между казахами и башкирами, Яукаскан ер – место, где произошла битва, Казакорошкан ер – место, где столкнулись казахи, Казаккунган ер – место, где остановились казахи. В д. Давлет Абзелиловского района есть место под названием Казаксапкан ер – место, куда напали казахи. Эта деревня с трех сторон окружена горами, только восточная сторона открытая и выходит на Яицкие степи. Казахи всегда совершали набеги именно с этой стороны деревни. По рассказам информаторов, замучившись от нападений, жители деревни построили в двух километрах от деревни каменную стену длиной 300 метров и всегда ее охраняли. Остатки этой стены можно увидеть и сегодня. На южной окраине аула Галиакбар Бурзянского района есть курган. В том месте когда-то сошлись в жестоком бою казахи и бурзянские башкиры. Рассказывают, что после этого сражения осталось много трупов. Особенно много воинов потеряли казахи. Бурзянцы отказались дать землю для захоронения. Пришлось казахам возить ее в лыковых кадках. Они везли эти кадки через бескрайние степи на двугорбых верблюдах. Везили они, везили, и вот образовался этот курган. Теперь курган называют казахским перепутьем [Мирхайдарова, 2011, с. 67].

Как свидетельствуют сюжеты различных преданий («Могилы Халиля», «Аман», «Буляктау», «Еренсе-сесен»), у башкирских родов очень сильна была тенденция к миру и согласию между родами соседних народов. Так, в предании «Аман» и «Буляктау» (гора, на которой обменивались подарками) повествуется о дружбе башкир и казахов, вступавших в брачно-родственные отношения между собой. Подобным бракам уделяется особое внимание. Они свидетельствуют о близости башкир и казахов. Гуманитарным пафосом проникнуто волнующее устное повествование о Еренсе-сесен и его мудрой жене Бэндэбике. Стремление

к мирной жизни, идеалы народа ярко выражены в словах Бэндэбике, обращенных к Еренсе-сесен, задумавшему ради интереса сходить с барымтой к казахам. «Ты на своей земле обрел имя батыра. Защитник страны – в сердцах людей, зачинщик войны – худший злодей... Захват чужой страны противоречит нашим обычаям. Не позорьте себя. Говорят губителя бог не возлюбит. Одумайтесь, пока не поздно». Трагическая развязка событий усиливает идейный накал этой легенды. Потрясенный вестью о смерти жены и не пережив позора поражения, Еренсе-сесен поднялся на вершину горы и вместе с конем бросился вниз [Надршина, 1986, с. 24].

Таким образом, топонимические легенды башкир, связанные с казахами, показывают интенсивность башкиро-казахских контактов, глубину и сложность отношений. Часто дружественные контакты перемежались взаимными набегами. Народные предания осуждают кровопролитие, взаимную вражду, пропагандируют гуманистические идеи.

1. ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12204.

2. Мирхайдарова М. Р. История этнокультурных контактов башкир и казахов в XVIII–XIX вв. Уфа : РИЦ БАШГУ, 2011. 140 с.

3. Надршина Ф. А. Исторические корни башкирских преданий и легенд // Башкирский фольклор. Исследования последних лет. Уфа : КИТАП, 1986. 350 с.

УДК 39(571.1=512.5)

МАЛОИЗУЧЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНОГЕНЕЗА СИБИРСКИХ ТАТАР

Р. Ф. Набиев

В представленной статье автор рассматривает одну из реплик Фоата Тач-Ахметовича Валеева (может быть, незначительную для основной темы его работы), которая помогла разрешению другой проблемы и открыла возможности для лингвистической компаративистики. Лексему «карачуха» из языка сибирских татар можно считать промежуточной между словами тунгусо-маньчжурской общности и поволжско-татарским языком. Учитывая маньчжурскую субстратную топонимику севера Евразии и многочисленные следы разнообразного влияния восточных культур на Европу, предполагаемая последовательность изменений термина органично вписывается в господствующую тенденцию раннего Средневековья.

Ключевые слова: сибирские татары, этногенез, компаративистика, гречиха, тунгусы, маньчжуры.

POORLY STUDIED ASPECTS OF ETHNOGENESIS OF SIBERIAN TATARS

R. F. Nabiev

In the presented article, the author examines one of the replicas of Foat Touch-Akhmetovich Valeyev (perhaps insignificant for the main theme of his work) helped to resolve another problem in the field and opened up opportunities for In the present article, the author examines one of the replicas of Foat Touch-Akhmetovich Valeyev, (perhaps insignificant for the main topic of his work) helped to resolve another problem in the field and opened up opportunities for linguistic comparativistics. The lexem of Karachukha from the language of the Siberian Tatars can be considered intermediate between the words of the Tungus-Manchu community and the Volga-Tatar language. Given the Manchurian substrate toponymy of the north of Eurasia and the numerous traces of the diverse influence of Eastern cultures on Europe, the proposed sequence of term changes organically fits into the framework of the trends of the early Middle Ages.

Keywords: Siberian Tatars, ethnogenesis, comparativistics, buckwheat, Tungus, Manchus.

По-настоящему крупный ученый продвигает не только собственную тему, но и ряд смежных. Более того, если его работы не просто перестановка слов, как это порой бывает, а произведения, основанные на объективном материале, то они оказывают положительное влияние на другие проблемы, порой совершенно неожиданные.

Одно из свидетельств Фоата Тач-Ахметовича Валеева оказало существенное влияние на мои разработки. Длительное время автор этой статьи занимается проблемой былого присутствия и господства в Евразии тунгусских и маньчжурских языков (далее ТМЯ). По всей видимости, их доминирование предшествовало периоду тюркского господства. Возможно, некоторое время они конкурировали с тюрками. В частности, автор считает возможным допускать, что знаменитые гунны сабары/северы/сувары могли разговаривать на диалектах маньчжурского языка [Набиев, 2014]. В этом случае проблема маньчжур напрямую связана с этнонимом сибирских татар.

Известно, что тунгусо-маньчжурские народы до сих пор занимают огромную территорию в Сибири (от Тихого океана до Обской губы). Ранее они неоднократно фиксировались на всем протяжении евразийской Степи. Их следы в топонимике севера Европы также выявлялись специалистами довольно надежно. Распространение ТМЯ по Евразии Е. А. Хелимский и японский ученый Футаки осторожно относили к концу I тыс. до н. э.¹ Тунгусские языки иногда учитываются при анализе сибирских лексем [Фасмер, 2003, с. 848]. Маньчжурский язык до нас в славянских словарях не учитывал практически, ни один автор. Мы выделили сотни изоглосс.

На следы ТМЯ в Сибири и Европе ученые выходили неоднократно, но российское сообщество пока не готово выделять маньчжурский и тунгусский элементы из корпуса алтайских лексем. Примером вышеупомянутой неготовности исследователя к работе с тунгусо-маньчжурским материалом может быть интересный труд исследователя из Тюмени А. М. Малолетко. Не приводя весь материал его статьи, мы обратили внимание на расследование происхождения гидронима *Каяла*. Сопоставляя схожие гидронимы, он аргументированно ставит под сомнение татарскую этимологию, но не смог выдвинуть своей обоснованной версии, т. к. не обладал необходимой базой знаний о ТМЯ [Малолетко, 2004, с. 173–175].

На этом фоне иначе выглядят работы Ф. Т. Валеева. В частности, в наших поисках он помог найти ответ на интереснейшую загадку русского языка, ключ к которой находится в классическом маньчжурском языке, а алгоритм решения – в лексике сибирских татар.

¹«Высокая мобильность и контактная активность северных тунгусо-маньчжуров в таежной зоне – что, впрочем, нельзя приравнивать к имперским завоеваниям – датируется по крайней мере концом I тыс. до н. э.» [Хелимский].

Многие дети задают себе и взрослым в той или иной форме вопрос о том, что связывает гречневую кашу с Грецией. Греки утверждают, что ничего. Исторические писатели «кормят» древних славян и Русь гречневыми блинами и кашей². Однако сведений о ней в раннесредневековой Европе нет.

Первое упоминание гречихи в Московии встречается нам лишь во второй половине XVI в.: «...полевые посе́вы дают рожь, пше́ницу, просо, *гречиху*» [Фоскарино, 2008].

Историки растений говорят о том, что она появилась в Европе примерно в XIII–XV вв. Но откуда? Что означает название культуры?

Несколько поколений авторитетных историков и лингвистов из Москвы убеждали, что крупа проникла в Россию из Средиземноморья, где она в какое-то время получила широкое распространение, оттого и название «гречневая».

Но немец М. Фасмер опять подметил «ненужное»: оказывается, немецкое, французское и латинское названия крупы переводится как «языческое, сарацинское, турецкое зерно» [Фасмер, 2003, с. 457].

Ни в детстве, ни в юности ответа на свой вопрос я не нашел. Ответ на «детский вопрос» найден нами спустя много десятилетий. Разгадка проста, но, как обычно, за пределами русского языка найти ее удалось при косвенной помощи Ф. Т. Валеева.

На татарском (поволжском) гречневая крупа называется *кара бодай* – ‘черная пшеница (зерно)’, но у сибирских татар сохранилось еще более интересное название – *карачуха* [Валеев, 1993, с. 67].

Это название, сохраняя тюркскую морфему *кара*, явно сближается с известным нам русским названием крупы. Отличается лишь полногласием:

карачуха > *крачуха* > *гречуха*.

При этом второй член этого термина, стоящий в постпозиции, семантически неясен ни с позиции тюрки’, ни со славянских.

Ответ на этот вопрос лежит в тунгусо-маньчжурской языковой среде, где термином *чэху* (маньч.) обозначается хлеб, просо, зерно.

чжэку ‘хлеб, жито’ > *кара-чуха* (сиб. татар)

суньчжа чжэку ‘просо’

сидань чжэхэ ‘пицца’

[Захаров, 1875; ССТМЯ, 1977; Аврорина, 1980].

Термин *гречуха* примечателен тем, что соединяет в единый термин маньчжурскую и тюркскую морфемы и, по нашему мнению, может отражать даже этап этногенеза татар. Маршрут движения термина широтный, с востока на запад.

Этот наш вывод нашел подтверждение у ботаников: «Родиной гречихи считают Восточную Азию, откуда она была занесена в Европу монголами» [Под-

²Маньчжурский термин «балин» означает жертвенное печенье, складываемое стопочкой во время церемониала в честь предков. Термин «каша» приобрел современное значение где-то на рубеже XIX в. и проявляет близость к тюркскому и, возможно, арм. *хаши*.

горный, 1960, с. 181].

Это мнение отчасти подтверждается сведениями китайских путешественников, утверждавших, что на основном направлении западной торговли – в Турфане – в X в. еще не было гречихи [Восточный Туркестан... , 1988, с. 331]. В то время как в Китае уже в I в. до н. э. Фань Шэнчжи указывал в своем трактате особенности ее культивации. Это сообщение интересно тем, что подтверждает правильность реконструкции термина (черное + зерно), указывая название культуры на китайском как «черное просо» [Крюков, 1983, с. 263–264].

Примечательно, что морфема *чуха* в узнаваемых формах сохранилась и в диалекте русского – офенского языка, который избежал ученой правки реформаторов-словесников и сохранил ряд тюркских архаизмов. В свете нашей темы нельзя не узнать ее в следующих словах:

зеха, зетуха – ‘рожь’ > ? жито,

зечушная – гречушная [Бондалетов, 2004, с. 39, 49, 268, 269],

скундѣха, кундѣха – ‘пшеница’ [Бондалетов, 2004, с. 414].

Очевидно, что офенские термины усиливают нашу версию: формант *зеха/дѣха*, полностью соответствуют маньчжурскому *чжеху/чеху*. Таким образом, сиб. тат. *карачуха* (географически расположенное между ними) также должно означать ‘черную пшеницу, зерно’.

Не менее важен и иной аспект: насколько выявленная нами цепочка соответствует (или не соответствует) общей тенденции. И здесь хорошей средой являются славянские языки, которые лингвисты относят к индоевропейским. Таким образом, заимствования из западных языков будут свидетельствовать о культурном и технологическом влиянии Европы, а «алтайская» терминология – о восточном векторе влияния.

Отметим, что западных слов, связанных с земледелием, в средние века в русском языке практически нет. Имеющиеся параллели могут восходить к общей основе, или, напротив, следует относить к позднему Средневековью.

При этом восточных терминов земледелия – множество: десятки названий культур, инструментов, элементов быта. Большая их часть явно была заимствована из тюрки и маньчжурского [Набиев, 2011; Набиев, 2014]. Применительно к теме зерновых нельзя не упомянуть мнение О. Н. Трубачева, который считал, что и название русской *юражной* каши происходит от болгарского *урау* [Трубачев, 2004, с. 743].

Достойны пристального внимания следующие алтайские термины:

семянки – *семику* – ‘острый конец’ [Захаров, 1875],

рожь – *орос* (т-м) – ‘семя’,

арыш (тат.) – ‘рожь’,

орохон (бур.) – ‘семя, рожь’ [ССТМЯ, т. 2].

Особого внимания заслуживают тюркские основы терминов «пшено» и «пшеница» [Сулейменов, 1975], а также тюркские названия некоторых их сортов зерновых [Даль, т. 1–4].

Таким образом, небольшая ремарка Ф. Т. Валеева оказала влияние на формирование картины об одной из субстратных культур Западной Сибири. А ученые получили основания для учета и разработки тунгусского и маньчжурского элемента в этногенезе сибирских татар.

1. Аврорина В. А. Нанайско-русский словарь. М. : Русский язык, 1980. 220 с.
2. Менандр Византиец. Отрывок / Менандр Византиец // Византийские историки / под ред. Н. П. Долецкого. М., 1860. Т. [б/н]. С. 419.
3. Бондалетов В. Д. В. И. Даль и тайные языки России. М. : Флинта : Наука, 2004. 456 с.
4. Валеев Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань : Таткниздат, 1993. 208 с.
5. Восточный Туркестан в древнем и раннем Средневековье: очерки истории / под ред. ак. С. Л. Тихвинского, Б. А. Литвинского. М. : Наука, 1988. 455 с.
6. Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875. 1285 с.
7. Малолетко А. М. Как появилась река Каяла в Сибири // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 173–175.
8. Крюков М. В. Древние китайцы в эпоху централизованных империй / под ред. Л. С. Переломова, Н. Н. Чебоксарова. М. : Вост. лит., 1983. 415 с.
9. Набиев Р. Ф. Древние тунгусо-маньчжуры в Восточной Европе / под ред. М. З. Закиева. Казань : Intelpress, 2011. 343 с.
10. Государство Джучидов XIV века: проблемы экономического развития. Казань : Тат. кн. изд-во, 2014. 416 с.
11. Подгорный П. И. Растениеводство. М. : Изд-во сельхоз. лит., 1960. 477 с.
12. Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника / пер. К. Д. Цивиной ; под ред. С. И. Вайнштейна. М. : Вост. лит., 1989. 749 с.
13. ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков : в 2 т. / под ред. В. И. Циниус. М. : АСП, 1977.
14. Сулейменов О. Аз и Я: книга благонамеренного читателя. Алма-Ата : Жазуши, 1975. 304 с.
15. Трубачев О. Н. Труды по этимологии : Слово, история, культура. М. : Языки славянской культуры, 2004. 800 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Астрель : АСТ, 2003.
17. Фоскарино М. Донесение о Московии. URL: <http://www.vostlit.info/> (дата обращения: 26.01.2008).
18. Хелимский Е. А. Язык (и) аваров: тунгусо-маньчжурский аспект.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.512.145

ОБРАЗ НЕВЕСТКИ В ПАРЕМИЯХ СИБИРСКИХ ТАТАР: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Г. И. Зиннатуллина

В статье анализируются поговорки сибирских татар, отражающие семейно-бытовые отношения. Автор приходит к выводу о том, что мать считается самым дорогим и близким человеком, дочь – радостью и украшением семьи, а молодая жена имеет самое низкое положение в семейной иерархии.

Ключевые слова: лингвокультурология, сибирские татары, паремия, фольклор, пословицы и поговорки.

THE IMAGE OF THE BRIDE IN THE PAREMIAS OF THE SIBERIAN TATARS: LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT

G. I. Zinnatullina

The article analyzes the paremiias of the Siberian Tatars, reflecting family life relationships. The author concludes that the mother is considered the most expensive and close person, the daughter is the joy and decoration of the family, and the young wife has the lowest position in the family hierarchy.

Keywords: cultural linguistics, Siberian Tatars, paremia, folklore, proverbs and sayings.

Фольклор сибирских татар, как и фольклор любого другого народа, является основой народной культуры. На сегодняшний день известно множество жанров народного искусства, каждый из которых берет свое начало в глубокой древности. Особый интерес вызывают малые жанры – пословицы и поговорки, т. к. именно в небольших, но емких высказываниях наиболее ярко отражаются мировоззрение и менталитет народа. Их изучение поможет проследить историю возникновения и развития образа человека, его поведение в обществе и семье. По мнению исследователя народных говоров сибирских татар Г. Ч. Файзуллиной, «образ человека в диалектной языковой картины мира (на примере татарских народных говоров юга Тюменской области) представляется сложным, многоплановым, отражающим своеобразие материальной и духовной культуры коренных

жителей и обусловленным историческими и географо-климатическими факторами» [Файзуллина, 2017, с. 10].

Актуальность нашего исследования продиктована современной ситуацией в народной культуре. Многие народные культуры, в том числе и говоры, находятся под угрозой исчезновения. Наиболее яркий пример – культура сибирских татар, находящаяся под охраной ЮНЕСКО. Лингвокультурологический анализ не только продемонстрировал самобытность изучаемого материала, но и позволил выявить этимологию диалектных наименований, которые нашли отражение в фольклоре сибирских татар.

Целью данного исследования является рассмотрение образа невестки в семейно-бытовых отношениях сибирских татар через изучение пословиц и поговорок.

Обратимся к «Словарю диалектов сибирских татар» Д. Г. Тумашевой для определения значения лексем, связанных с женским образом. Такими являются нейтральные лексемы *кыс* – девушка, *килен* – невестка, а также характерные только для сибирских татар лексемы *пицэ* – жена, женщина и *цубацак* с аналогичным значением. Нередко используют синоним *өйгеше*, наиболее ярко подчеркивающий роль сибирско-татарской женщины в обществе. Примечательно, что лексема *пицэ* в некоторых районах Тюменской области имеет отрицательную окраску, отражает снисходительное отношение к девушке.

В культуре сибирских татар женщина, в первую очередь, является хранительницей домашнего очага. Первостепенна для нее роль жены, матери. Рождение в семье девочки считается большой радостью. Девушка, будучи дочерью, воспринимается сокровищем в семье, украшением «Кыс пала йортқа писэк» («Дочь – украшение дома»). А самый близкий человек для дочери – это мать. «Очмак аналарның аяк астынта» («Рай под ногами матерей») – говорят сибирские татары, добавляя при этом – «Ана өцен пала алтыта та пала, алтмышта та пала».

Так, если положение матери в семье ценится высоко, а дочь – любимица родителей, то совершенно противоположный статус имеет невестка – молодая жена в доме жениха: «Ай тормый атыңны, ел тормай киленне мақтама» («Не хвали коня, прожившего месяц, сноху, не прожившую год»). Наиболее ярко отрицательное отношение к молодой жене, ее крайне тяжелое положение в доме мужа можно увидеть в паремии «Килен кеше ким кеше йалцы пелэн тиң кеше» (невестка – человек подневольный, наравне со служанкой), существует вариация «Килен кеше ким кеше – көцек пелэн тиң кеше» (наравне с щенком в доме). Труд невестки не считался ценным и важным, так, в деревнях сибирских татар до сих пор можно услышать «Қайтын коймак киленнеңке» (некрасивый блин у невестки). Помимо этого, перед замужеством невестке дается наставление «Парасың иян – палта шикеле патып кит» («Идешь замуж – утони, как топор»). Также говорили «Кысым сиңэ айтәм – киленем син тыңла» («Дочь, тебе говорю, сноха, ты слушай»). Главным пороком жены сибирского татарина считалась лень: «Қыйра

пицә – төпсес мүцкә» («Ленивая жена – бездонная бочка»). Низкое положение жены можно увидеть и в пословице о муже «Ат айланыр – айланыр, казыгына пәйләнер» («Конь покружится – покружится да привяжется»). Из этой пословицы следует, что жене стоит терпимо относиться к неверности мужа и ждать его. Нежелательным считалось брать и выдавать замуж девушку из чужой деревни. Об этом свидетельствует паремия «Ашаганың ятына пиргенцә – авылың этенә пир» («Недоеденное чужому не отдавай – своей деревенской собаке отдай»). Таким образом, более благоприятным вариантом было отдать молодую девушку, пусть даже за последнего, но за своего односельчанина. Несмотря на то, что со стороны семьи мужа невестка подвергалась постоянной критике, в народе говорили «Килен кайнә тупрагыннан» («Невестка и свекровь из одной земли (сделаны)»). Эту паремию можно рассматривать в том смысле, что, какой бы неугодной ни была девушка, молодой человек выбирает девушку по подобию своей матери.

Таким образом, богатый, красочный, самобытный фольклор сибирских татар ярко отражает мировоззрение, менталитет народа. Благодаря изучению сибирско-татарских паремий можно проследить семейно-бытовые отношения. Так, мать считалась самым дорогим и близким человеком, дочь – радостью и украшением семьи, а молодая жена имела самое низкое положение в семейной иерархии – на уровне служанки, чувства и труд которой не ценились и не воспринимались всерьез.

-
1. Бакиева Г. Т. Пословицы и поговорки сибирских татар. Тобольск, 2016.
 2. Татаро-русский полный учебный словарь / под ред. Р. А. Сабирова. Казань, 2008.
 3. Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992.
 4. Файзуллина Г. Ч. Образ человека в диалектной языковой картине мира (на материале татарских народных говоров юга Тюменской области) : автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2017. 44 с.

УДК 004.9

**ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИТ-ПЛАТФОРМА:
ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ВНЕДРЕНИЕ***Е. В. Клименко, Н. С. Буслова*

В статье представлен разрабатываемый проект по сохранению и развитию языков народов Западной Сибири, находящихся на грани исчезновения. Описана структура представления результатов лингвистических исследований современной языковой ситуации в Западной Сибири с применением информационных технологий.

Ключевые слова: языковое пространство, языковые контакты, народный говор, Западная Сибирь, мультимедийная геоинформационная ИТ-платформа.

**ETNOLINGUISTIC IT PLATFORM:
DESIGN AND IMPLEMENTATION***E. V. Klimenko, N. S. Buslova*

This article deals with the approach to the preservation and development of the people's languages of Western Siberia, which are on the verge of extinction. The presentation structure of the linguistic research results of the modern language situation in Western Siberia using information technologies is described.

Keywords: language space, language contacts, folk dialect, Western Siberia, multimedia geo-information IT-platform.

В настоящее время многие языки народов Российской Федерации находятся на грани исчезновения. К таким языкам, по данным ЮНЕСКО, относятся и языки коренных народов Западной Сибири, составляющие разные языковые семьи и группы: тюркские (язык сибирских татар, чулымский, североалтайский, южноалтайский языки), финно-угорские (мансийский, хантыйский языки) и самодийские (ненецкий, селькупский языки). Современная языковая ситуация в Западной Сибири в контексте «живого» контактирования говоров первичного и вторичного заселения между родственными и неродственными народами требует глубокого изучения в качественном и количественном аспектах. Собрать и систематизировать языковой материал, рассмотреть и описать его в лингви-

стическом и культурологическом аспектах позволяют современные IT-средства [Fayzullina, 2017].

Основным результатом является разработка мультимедийной геоинформационной этнолингвистической IT-платформы. В качестве материала этого лингвокультурологического ресурса используются:

1) записи устной речи по подготовленному вопроснику (диалог исследователя и респондента), образцов устного народного творчества (песни, сказки, загадки, легенды, предания и т. д.), бытового общения, народных обрядов;

2) стенографическая запись с языковыми разметками;

3) документальные данные о месте, времени, респондентах [Файзуллина, 2017].

Создаваемая мультимедийная геоинформационная IT-платформа является новым типом хранения и функционирования языков коренных народов Западной Сибири с описанием их фонетических, лексических и грамматических свойств. В свою очередь, состояние языка свидетельствует о состоянии общества, его исторического опыта, культуры, менталитета. Таким образом, мультимедийная геоинформационная IT-платформа выступает также и источником для лингвокультурологического исследования. Ее ресурсы (с последующим наполнением) предоставят широкие возможности для научных изысканий: от изучения говора определенного населенного пункта до сквозных исследований по различным критериям (возрастному, гендерному, роду деятельности и др.).

Проектирование мультимедийной геоинформационной IT-платформы реализовано на основе спиральной модели жизненного цикла информационной системы, что позволит:

– упростить внесение изменений;

– значительным образом снизить уровни рисков проекта;

– получить надежно работающую, устойчивую информационную систему

[Буслова и др., 2015].

Технологическую основу разработки информационного ресурса составляет концепция создания динамических Web-приложений (технологии PHP и MySQL), структурирования и подгрузки информационного контента. В этой связи актуализируются сбор, обработка (цифровая, лингвистическая, культурологическая), представление и хранение (с последующим наполнением) большого объема информации. Кроме того, использование данной концепции позволяет получить кроссплатформенный вариант продукта [Буслова, 2015].

Для создания контента дополненной реальности использована графическая платформа Unity 3D и приложение Vuforia, применяющая алгоритмы компьютерного зрения для обнаружения и отслеживания плоских изображений (например, меток на географической карте) в режиме реального времени. Она имеет библиотеки и комплект средств разработки (SDK) для создания приложений дополненной реальности. Приложения, созданные с помощью Vuforia, поддерживаются большим количеством мобильных устройств, включая iPhone, iPad, смартфоны и планшеты с ОС Android версии 2.2 и выше.

Для создания интерактивной карты использован сервис Google Maps как мощный инструмент, позволяющий управлять набором карт и их содержимым, имеющим возможность делать карты публичными и встраивать их в веб-приложения [Sheshukova, 2014].

Проектирование этнолингвистической IT-платформы будет содействовать консолидации современных подходов и методов исследования языкового материала, сохранению этнокультурного наследия малочисленных коренных народов Западной Сибири. Внедрение интерактивной лингвокультурологической карты Западной Сибири в образовательную сферу с целью изучения языков и культур позволит содействовать решению одной из стратегических задач государства – сохранению и развитию языков народов Российской Федерации. Так, для будущих учителей-филологов данный ресурс позволит формировать профессиональные компетенции, с помощью которых их ученики проникнутся идеей бережного отношения к языковой культуре народов страны. Использование этнолингвистической IT-платформы целесообразно при изучении студентами дисциплин «Лингвокультурология», «Межкультурная коммуникация». Мотивированные студенты с помощью этого информационного ресурса могут организовать эффективную учебно- и научно-исследовательскую деятельность [Klimenko, 2016].

1. Буслова Н. С., Вычужанина А. Ю., Клименко Е. В., Шешукова Л. А. Мультимедийный ресурс как одно из средств развития экотуризма в Западной Сибири // Connect-Universum-2014 : материалы V Международной научно-практической интернет-конференции. Томск : Изд. дом Том. гос. ун-та, 2015. С. 60–66.

2. Буслова Н. С., Клименко Е. В. Программное обеспечение для информационного киоска школы. Свидетельство о регистрации электронного ресурса № 20830 от 07.04.2015 г. Российская академия образования. Институт научной и педагогической информации. Объединенный фонд электронных ресурсов «Наука и образование».

3. Файзуллина Г. Ч. Мультимедийный корпус татарских народных говоров Аромашевского, Вагайского, Заводоуковского, Исетского, Нижнетавдинского, Уватского, Ялуторовского и Ярковского районов Тюменской области. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2017611002 от 19.01.2017 г.

4. Ermakova E. N., Faizullina G. C. Reflection of the gastronomic code in the dialectic idioms of the Siberian Tatars // Materials of the International Conference «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» – Reports in English (May 29-30, 2018. Beijing, PRC). P. 38–43.

5. Klimenko E. V., Manakova I. N., Aбыsheva N. Y. The information resources in environmental training and education // International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM 16, Ecology, Economics, Education and Legislation. Сер. «16th International Multidisciplinary Scientific GeoConference, SGEM 2016: Science and Technologies in Geology, Exploration and Mining – Conference Proceedings» 2016. С. 1033–1038.

6. Sheshukova L., Klimenko E., Miryugina T., Olshteyn A., Vychuzhanina A. Modern

tendencies of ecotourism development in Western Siberia// International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM 14. 2014. С. 431–436.

7. Fayzullina G. Z., Ermakova E. N., Fattakova A. A., Shagbanova H. S. The problem of fixation of siberian endangered languages in the multimedia corpus: evidence from the siberian tatars Tyumen region dialect // Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities. 2017. Т. 25. № July. С. 59–72.

УДК 81

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА*Г. Кушкарлова*

Статья посвящена осознанию ценности национальных языков как производных национальных менталитетов и как важнейших этногенных и культурообразующих категорий, которая неизбежно влечет за собой стремление максимально полно и всесторонне интерпретировать язык (и прежде всего его лексику) именно в его ипостаси как духа народа.

Картины мира чрезвычайно многообразны, т. к. это всегда своеобразное видение мира, его смысловое конструирование в соответствии с определенной логикой миропонимания и миропредставления. Они обладают исторической, национальной, социальной детерминированностью. Существует столько картин мира, сколько имеется способов мировидения, т. к. каждый человек воспринимает мир и строит его образ с учетом своего индивидуального опыта, общественно-го опыта, социальных условий жизни.

Ключевые слова: язык, ментальность, картина мира, языковая картина мира.

LANGUAGE AS A REFLECTION OF ETHNIC PICTURE OF THE WORLD*G. Kushkarova*

The article is devoted to the awareness of the value of national languages as derivatives of national mentalities and as the most important ethnogenic and cultural categories, which inevitably entails the desire to fully and comprehensively interpret the language (and above all its vocabulary) in its hypostasis as the spirit of the people.

Pictures of the world are extremely diverse, as it is always a kind of vision of the world, its semantic construction in accordance with a certain logic of worldview and worldview. They have historical, national, social determinism. There are as many pictures of the world as there are ways of worldview, as each person perceives the world and builds its image based on their individual experience, social experience, social conditions.

Keywords: language, mentality, world picture, language world picture.

Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшее условие его существования в мире. Картины мира чрезвычайно многообразны, т. к. это всегда своеобразное видение мира, его смысловое конструирование в соответствии с определенной логикой миропонимания и миропредставления. Они обладают исторической, национальной, социальной детерминированностью. Существует столько картин мира, сколько имеется способов мировидения, поскольку каждый человек воспринимает мир и строит его образ с учетом своего индивидуального, общественного опыта, социальных условий жизни.

Понятие языковой картины мира восходит, с одной стороны, к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев о внутренней форме языка, а с другой – к идеям американской этнолингвистики, в частности к так называемой гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Понятие «языковая картина мира» было введено в научную терминологическую систему Л. Вайсгербером [Вайсгербер, 2004].

В основе формирования картины мира лежит когнитивность, познавательная деятельность человека. В процессе познания мира человек руководствуется принятыми в его культуре и языке признаками-сигнификаторами.

Картина мира – это такое видение мироздания, которое характерно для того или иного народа, как представления членов общества о самих себе и о своих действиях, своей активности в мире.

Картина мира – это определенное видение и конструирование мира в соответствии с логикой его понимания, это «определенный образ мира, который никогда не является его зеркальным отражением» [Серебренников, 1998, с. 60].

В современной лингвистике признано, что каждый язык отражает свою собственную картину мира, которая проявляется в языке. В словах языка каждого народа отображается, как был увиден и понят мир. Например, всем известный пример о снеге в языках некоторых северных народов. Для них снег – одно из базовых понятий мира. И поэтому в языке есть слова-названия для падающего снега, для снега, из которого можно строить иглу – делать блоки для жилища и т. д. А для нас такие детальные обозначения снега не нужны. У африканцев снега нет вообще – значит, нет и слова-наименования.

Действительность «проецируется» в естественный язык, и, прежде всего, в его семантику. Поэтому языковая картина мира отличается от мира действительности. Это объясняется, во-первых, специфическими особенностями человеческого организма (например, человек видит свет и цвет, и поэтому они есть в языковой картине мира, но не видит рентгеновские лучи, и они в ней не отражены). Во-вторых, языковая картина мира отличается от мира действительности в силу специфики конкретных культур, стоящих за каждым языком. Например: русское «берег» реки, моря, озера и английское «bank» – берег реки, но «shore» – берег моря или большого озера; английская идиома «as old as the sea» и ее русский эк-

вивалент «старо как мир». Или принятое в разных культурах деление суток на периоды. Каждый народ по-своему видит окружающую действительность, и этот факт находит отражение в языке.

В конкретном языке происходит негласное коллективное соглашение говорящих выражать свои мысли определенным образом. Поэтому картина мира разных народов может по-разному категоризировать одни и те же предметные ситуации.

Различия в восприятии мира проявляются в языке не только на уровне лексики, но и грамматики (время глагола в казахском и английском, порядок слов в немецком языке), словообразования (изобилие в русском языке уменьшительно-ласкательных суффиксов), фразеологического фонда, морфологии, грамматики. Но именно лексика языка, семантика слов в их прямых и переносных значениях является вместилищем, где сосредоточен опыт народа по постижению и восприятию мира. Например, местоимения. Местоимения есть во всех языках мира, но не все языки выделяют лицо по принципу «ты – вы». В русском, в немецком, в казахском – оппозиция (ты – Вы, du – Sie, сен – Сіздер), а в английском такой оппозиции нет. Возможно, это связано с демократичностью мировоззрения его носителей, а возможно, демократичность связана с отсутствием в восприятии другого лица излишней восточной учтивости или с присутствием сдержанности и дистанцированностью немцев? Но нам, как и русским, понятно: «пустое “вы” сердечным “ты” она, обмолвись, заменила, // И все счастливые мечты в душе влюбленной возбудила...».

Общая картина мира, которую создает культура, материализуется в различных знаковых системах, наиболее универсальной из которых является язык. Поэтому язык, по сути дела, представляет собой «структурно» организованную классификацию человеческого опыта [Серебренников, 1998].

Язык аккумулирует в себе коллективное сознание этноса, в том числе и донаучное. Языковая картина мира, являясь посредником между человеком и реальностью, фиксирует национально-специфическое видение мира. Научное знание – объективно и вненационально. Научная картина мира – это плод профессиональной познавательной деятельности человека, в которой отражаются результаты научной деятельности всего человечества. Эта картина дает объективное знание о мире, актуальное на определенном этапе развития научной мысли. Языковая картина мира порождена обыденным сознанием.

В языковой картине мира отражается и его ценностная оценка, и по фактам языка можно проследить, как в ней представлены универсальные общечеловеческие ценности и ценности, отмеченные национальным и культурными кодами, совокупность которых и образует определенный тип культуры. Универсальная колокация «доброй ночи», «goodnight», «gute Nacht», но вдруг язык открывает новый ракурс в универсальном «labanaktis» в литовском что-то вроде «лучшей ночи», «хорошей ночи» или «Ramem Svidobisa» («мирной ночи») в грузинском; но тут можно вспомнить казахское «қайырлы түн» и русское «спокойной ночи»,

получается соотношение «мир – покой», и опять совпадение в восприятии мира: ночь должна быть мирной, покойной. Национальная картина мира отражается в семантике языковых единиц через систему значений и ассоциаций слова с особыми культурно-специфическими значениями, которые отражают не только образ жизни, характерный для языкового коллектива, но и образ мышления. Национальная специфика в семантике языка является результатом влияния экстралингвистических факторов культурных и исторических особенностей развития народа.

Таким образом, мы видим, что ценностная шкала в культуре может реконструироваться по единицам языковой картины мира через воссоздание оценочных, моральных суждений, содержащихся в устойчивых выражениях языка.

Каждый народ видит инвариант бытия в своей особой, неповторимой проекции. Специфика этой проекции запечатлевается в языке, образуя национальную языковую картину мира, и передается вместе с ней от поколения к поколению. В процессе этой передачи «человеку в языковой форме вводится программа, определяющая бессознательное моделирование им окружающего мира». Национальный язык – важнейший этногенный фактор, только через овладение им возможно приобщение к этническому самосознанию. «Язык можно уподобить своеобразной когнитивно-этнической вакцине, а сам процесс усвоения этого языка – когнитивно-этнической иммунизации, через которую непременно проходит каждый новый член этнического сообщества. Важнейшее следствие такой иммунизации состоит в придании языковой личности свойственной данному этносу когнитивной ориентации, в приобщении ее к непрерывной культурной традиции соответствующего народа» [Морковкин и др., 1997, с. 47–48].

Картина мира всегда характеризуется национально-культурной спецификой, поскольку формируется под влиянием исторических событий, географических условий и этнопсихологических особенностей отдельных народов. Именно на этом основании в современной науке язык определяется в качестве одного из ведущих признаков этноса. Но национально-культурная специфика устанавливается только на фоне общечеловеческого единства в мировосприятии: через анализ фактов языка открывается доступ к глобальному инвариантному образу мира, в котором высвечиваются универсальные, узловые понятия единого общечеловеческого межкультурного пространства.

Как верно заметил В. В. Воробьев, развитие культуры происходит в недрах нации, народа в условиях безусловного существенного национального единства. Язык представляет собой воплощение неповторимости народа, своеобразия видения мира, этнической культуры. В мире не существует двух абсолютно идентичных национальных культур [Воробьев, 1997]. Еще В. фон Гумбольдт говорил о том, что различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются, в действительности, различными мировидениями. В языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации. Влияние характера языка на субъективный мир не-

оспоримо, поскольку, являясь основным хранителем этнокультурной информации, язык еще и является носителем и средством выражения специфических черт этнической ментальности [Гумбольдт, 1985].

Каждый язык – это, прежде всего, национальное средство общения, и в нем отражаются специфические национальные факты материальной и духовной культуры общества, которое он (язык) обслуживает. Выступая в качестве транслятора культуры, язык способен оказывать влияние на способ миропонимания, характерный для той или иной лингвокультурной общности.

По мнению В. фон Гумбольдта, характер нации сказывается на характере языка, а он, в свою очередь, представляет собой объединенную духовную энергию народа и воплощает в себе своеобразие целого народа, язык выражает определенное видение мира, а не просто отпечаток идей народа [Гумбольдт, 1985].

Главная культурная проблема XXI в. будет состоять в том, чтобы начавшийся процесс глобализации не обернулся утратой национальной самобытности народов. Лучшей гарантией недопущения этой утраты является осознание ценности национальных языков как отражений неповторимых складов мышления, чье «глубокое, спокойное исследование раскрывает каждому народу глаза на бездну красоты, силы и незаменимую ценность культуры другого народа, пестует трепетное уважение к ее уникальности» [Маковский, 1989].

-
1. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М. : УРСС, 2004.
 2. Воробьев В. В. Лингвокультурологическая парадигма личности. М. : Рос. ун-т дружбы народов, 1996.
 3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985.
 4. Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзия и парадоксы в лексике и семантике. М., 1989.
 5. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Язык как проводник и носитель знания // Русский язык за рубежом. № 1–2, 1997. С. 44–53.
 6. Серебrenников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М. : Наука, 1988.

УДК 811.512.145(571.1)

ЯЗЫК – ИСТОЧНИК ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СИБИРСКИХ ТАТАР

К. С. Садыков

В статье показывается общность фонетических и грамматических характеристик языка сибирских татар с языками других тюркских народов, обусловленная этнической историей сибирских татар и многовековыми межэтническими контактами. Автор приходит к выводу, что язык сибирских татар является самостоятельным тюркским языком, а не диалектом татарского языка.

Ключевые слова: сибирские татары, тюркские народы, языковая общность, этнос, вокализм, консонантизм.

LANGUAGE IS THE SOURCE OF ETHNIC HISTORY THE SIBERIAN TATARS

K. S. Sadykov

The article shows the common phonetic and grammatical characteristics of the language of the Siberian Tatars with the languages of other Turkic peoples, due to the ethnic history of the Siberian Tatars and centuries-old interethnic contacts. The author comes to the conclusion that the language of Siberian Tatars is an independent Turkic language, not a dialect of the Tatar language.

Keywords: Siberian Tatars, Turkic peoples, linguistic community, ethnos, vocalism, consonantism.

Сибирские татары, как и ряд других, относятся к тюркским народам. В настоящее время в странах СНГ, или в ближнем зарубежье, проживают азербайджанцы, туркмены, узбеки, гагаузы, уйгуры, караимы, каракалпаки. В дальнем зарубежье распространены такие языки, как турецкий, имеющий самую большую численность говорящего на нем населения, язык немногочисленной группы балканских тюрков, а также уйгурский в Китае и халаджский язык в Иране. В республиках и областях России живут кумыки, карачаево-балкарцы, татары, башкиры, чувашаи, тувинцы, якуты, хакасы, тофалары, алтайцы и некоторые другие тюркские народы [Тумашева, 2004, с. 115–116].

Тюркские языки и их диалекты изучаются обычно в полевых условиях, т. е.

путем организации экспедиций в районы распространения изучаемых диалектов. Эти традиции берут начало с исследований В. В. Радлова и Н. Ф. Катанова.

Сибирско-татарский язык по большинству фонетико-грамматических показателей относится к языку кыпчакско-ногайской подгруппы кыпчакской группы западно-хуннской ветви тюркских языков и является бесписьменным, распространенным на территории пяти областей Западной Сибири: Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской, Кемеровской. «На этой территории выделены три диалекта: тоболо-иртышский с пятью говорами: тюменским, тобольским, тарским, заболотным и тевризским; барабинский и томский с эуштинско-чатским и калмакским говором» [Тумашева, 2004, с. 117].

Результаты сравнительно-исторического изучения родственных языков и диалектов, благодаря их длительному существованию и относительной консервативности происходящих в них изменений, позволяют проследить взаимодействие их носителей с другими народами и языками в процессе их формирования и развития.

Этнические языковые связи сибирских татар находят отражение на всех уровнях языка, но особенно ясно они проявляются в лексике, которая отражает предметный мир и претерпевает наибольшие изменения в связи с развитием общества.

Сходство фонетических и грамматических характеристик с теми или иными группами языков восходит к более отдаленным эпохам. Вся совокупность данных позволяет предоставить определенную стратиграфию языковых пластов, определить их отношение к современным и древним языкам. При использовании языковых данных в исторических исследованиях необходимо также учитывать разновременный характер языковых изменений, соседство инноваций с архаичными чертами.

1. На фонетическом уровне сибирско-татарские диалекты соединяют особенности древнетюркского консонантизма с относительно новыми явлениями в области вокализма. В системе согласных сохраняются черты наиболее древних восточно-тюркских языков: якутского, хакасского, тувинского, алтайского и памятников древнетюркской письменности VII–VIII вв. Это находит отражение в преобладании глухих шумных согласных *n, m, c, ш, к*; наличии диссимилятивных сочетаний звонкого (сонорного) согласного с глухими шумными типа *лт, нт, рт, мк, нк* на границе слова и аффикса: *алты, парты, анта*. Полную аналогию интервокального *б* у сибирских татар мы находим в якутском языке [Грамматика современного якутского литературного языка, 1982].

2. Вокализм тоболо-иртышских татар претерпел передвижение гласных, характерное для татарского и башкирского языков, которое В. В. Радлов датировал XIV в., и в настоящее время совпадает с вокализмом этих языков; вокализм барабинских татар сходен с казахским, ногайским, каракалпакским, т. е. с вокализмом кыпчакских языков послемонгольского периода, в которых перебой

гласных произошел лишь частично.

3. В грамматическом строе языка сибирских татар, наряду с более древними формами восточно-тюркского, а также узбекско-карлукского типа (форма на *-гы*, притяжательное склонение *мийец өстөгә* вместо *өстөнә*, желательное наклонение *алайыгын* – у тюменских татар, близкое к якутской форме *ылыагын*, и др.), имеется множество глагольных форм, сходных с кыпчакскими языками (казахским, ногайским, каракалпакским, южными диалектами алтайского языка): формы времени изъявительного наклонения, личное спряжение и др. Таким образом, фонетика характеризуется сохранением особенностей древнетюркских согласных и новыми явлениями поволжского типа в области согласных. В грамматике древние черты соседствуют с особенностями послемонгольских кыпчакских языков [Тумашева, 2004, с. 135–136].

4. Генетическая характеристика лексики сибирских татар также подтверждает связи, о которых говорилось выше.

а) Сохранилась древнетюркская лексика, отмечается общность с чулымско-тюркским, хакасским, тувинским языками: *какты* сиб. – скворечник; *хохты* хак., шор. – дупло в дереве; *бүрән* сиб. – старлица, стоячая вода; *боруң* ДТС – вымоина; *цөбөр* сиб., *чубур* ДТС – барахло; *тилеңлә* сиб., *белиңла* ДТС, *пелиңле* алт. – пугаться, ужасаться; *йайгал* сиб., *найкал* алт., *йайкал* ДТС – колебаться, качаться.

В ряде случаев сибирские татары сохраняют наиболее древнее значение слова. Например, *таскак* – укрытие на дереве для охоты, хак. – полка для посуды, тат. диал. – место хранения корма для скота.

Наибольшее число лексических сходжений с древнетюркским материалом относится к памятникам X в. – «Словарю тюркских языков» Махмуда Кашгарского, «характеризующему диалекты и разговорный устный язык народов Средней Азии X–XI вв.» и дидактической поэме Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» («Познание, ведущее к счастью»), «язык которой имеет карлукско-уйгурскую диалектную основу и сохраняет традиции древнеуйгурского литературного языка» [Баскаков, 1960].

б) Общность с кыпчакскими языками проявляется в наименовании природных явлений: *уба* сиб. – возвышенное место; *оба* каз., *ног.* – курган; *оро* сиб. – яма, *ор* каз., *ног.* – канава, ров; растений и ягод: *муйыл* сиб., башк., кирг. – черемуха; *карагат* сиб., башк., кирг., *каракат* каз. – смородина; *алборон*, *етпороң* сиб., *алморон* башк., *итмурун* кирг. – шиповник; птиц: *цил* сиб., *цилтауык* сиб., *чил* кирг., *шил* каз. – куропатка; *өгө* сиб., *уки* каз., *үкү* кирг., *өкө* башк., *үги* ДТС – филин и др.

в) Целый ряд слов, относящихся к названиям предметов домашнего обихода, животных, орудий труда и т. д., являются общими для кыпчакских языков, узбекского, уйгурского, а также алтайского: *кашага* сиб., *кожого* алт., *көшөгө* кирг. – занавеска; *каңза*, *каңца* сиб., *гаңза* уйг., *каңза* алт. – трубка для курения; *цәмпәр* сиб., *чәмбәр* уйг. – обруч. Встречаются общие заимствования из русского языка: *серәңкә* сиб., уйг., *ширеңке* кирг., *серник* ног., рус. – серники, спички; арабского

и персидского языков: *кэптәр* сиб., *кентер* кирг. – голубь и др. [Тумашева, 2004, с. 137–138].

Первые попытки научного осмысления сибирско-татарского языка относятся к концу XVIII в. Интерес к языку сибирских татар усиливается в связи с необходимостью подготовки миссионерских кадров по обращению сибирских татар в христианство. В конце XVIII в. в г. Тобольске (1783) вводится преподавание сибирско-татарского языка. Системному исследованию особенностей языка сибирских татар положил начало священник Софийского собора г. Тобольска Иосиф Гиганов, учитель татарского языка Главной народной школы. Им была подготовлена первая в европейской науке «Грамматика татарского языка» (1801) с приложением словаря «Слова коренныя, нужнейшия к сведению для обучения татарскому языку, собранныя в Тобольской главной школе... и юртовскими муллами свидетельствованныя». В грамматике и словаре примеры даны в арабской и русской графике на «наречии» сибирских татар и фиксируют состояние сибирско-татарского языка конца XVIII в. Татары пользовались только арабской графикой с времени принятия ислама. Это, по всей вероятности, является одной из причин отторжения сибирскими татарами письменной формы своего родного языка, поскольку она становится языком христианизации, что, естественно, негативно воспринималось мусульманским населением.

В вопросе соотношения сибирско-татарского языка с татарским литературным языком у ученых нет единого мнения. В этом направлении существуют две тенденции. Первая основывается на утверждении, что сибирские татары являются носителями восточного диалекта татарского языка. Сторонниками этого взгляда являются Г. Х. Ахатов, Л. Залаяй, С. Амиров и др. Хотя Г. Х. Ахатов на основе собственных, более комплексных исследований выявил, что язык сибирских татар является одним из древнейших тюркских языков, тем не менее рассматривает его как один из диалектов татарского языка. Мы согласны с первой частью данного утверждения Г. Х. Ахатова, но не согласны с теми, кто считает язык сибирских татар одним из диалектов татарского языка.

В этом отношении известны общетеоретические постулаты Э. Р. Тенишева, который отмечает, что «иногда диалектом неточно называют язык народа, не имеющего письменности, в таком случае лучше называть просто «бесписьменный язык» [Тенишев, 2006, с. 288]. Д. Г. Тумашева в восточном диалекте татарского языка выделяет еще три диалекта: тоболо-иртышский, барабинский, томский. В отношении термина «диалекты сибирских татар», который Д. Г. Тумашева ввела, по ее мнению, для нейтрального наименования языка сибирских татар – безотносительно к языку казанских татар, можно привести следующий довод Э. Р. Тенишева: «когда утверждают, что в тюркском мире есть только диалекты, надо непременно уточнить: диалекты какого языка» [Тенишев, 2006, с. 288], который этим фактически подверг научной критике «концепцию» Д. Г. Тумашевой, считая ее ошибочной.

Мы поддерживаем позицию тех, кто рассматривает язык сибирских татар

вне связи с татарским или каким-либо другим языком. Среди них М. А. Абдрахманов, Ф. Т. Валеев, Л. В. Дмитриева, А. П. Дульзон, С. М. Исакова, М. А. Сагидуллин, Н. А. Томилов. Эти ученые на основе этнологических и лингвистических исследований утверждают, что сибирско-татарский язык – самостоятельный тюркский язык.

Однако «необходимо отметить, что сибирско-татарский язык находится сегодня на грани исчезновения по ряду экономических, политических, социально-психологических факторов. Наблюдается сокращение числа говорящих на сибирско-татарском языке под влиянием литературного татарского и русского языков. Каждый язык имеет в себе уникальный исторический и культурный опыт, не только прошлый, но и создаваемый сегодня. Поэтому фиксация языковых изменений – эволюции языка – необходимое условие для сохранения и развития языка в современных условиях глобализации и исчезновения “малых” народов и их языков» [Садыков, 2015, с. 9–14].

-
1. Баскаков Н. А. Тюркские языки. М. : Изд-во вост. лит., 1960. 242 с.
 2. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М. : Наука, 1982. 495 с.
 3. Садыков К. С. Эволюция диалектов сибирских татар: XVIII век – начало XXI века. Тобольск : Полиграфист, 2015. 236 с.
 4. Тенишев Э. Р. Избранные труды. Кн. 1. Уфа : Гилем, 2006. 304 с.
 5. Тумашева Д. Г. Н. Ф. Катанов и изучение тюркских языков и диалектов в России // Академик Тумашева. Казань, 2004. 208 с.

УДК 82/820

ДЕТСКИЙ ИГРОВОЙ ФОЛЬКЛОР БАШКИР И СИБИРСКИХ ТАТАР*З. Г. Сахибгареева, Н. С. Шакирова*

В данной статье рассматривается детский игровой фольклор башкир и сибирских татар. На основе изучения игр этих народов показывается их влияние на воспитание этнокультурной личности. Показано, что в фольклоре отражается этническая близость башкир и сибирских татар. Делается вывод о том, что детский фольклор соседствующих народов имеет особенность заимствовать некоторые элементы и переносить их на собственную почву.

Ключевые слова: детский игровой фольклор, башкиры, сибирские татары.

PLAYING FOLKLORE OF CHILDREN OF THE BASHKIRS AND SIBERIAN TATARS*Z. G. Sakhibgareeva, N. S. Shakirova*

They discuss in this article about playing folklore of children of the Bashkirs and Siberian Tatars. Basing on the study of these plays of peoples, they show its impact to the education of ethno-cultural personality. The ethnic identity, the uniqueness of the Bashkirs and Siberian Tatars reflect through folklore. It is concluded that the children's folklore of neighboring Nations has the peculiarity to borrow some genres and transfer them to their own soil.

Keywords: playing folklore of children, bashkirs, siberiantatars.

В последние годы активно развивается одно из направлений современного гуманитарного знания – изучение мира детства. Целью данного исследования является изучение особенностей и выявление сходств и различий детских игр соседствующих народов – башкир и сибирских татар. Каждый народ имеет непреходящую ценность – это культурное и материальное наследие, которое хранится в памяти народа. Практика показывает, что подрастающему поколению интересны народные игры, они готовы узнавать и возрождать их.

Народные игры являются ярким отражением самобытности народа, этноса в целом. Игра в жизни любого народа, любой национальности занимает важное место. Через игру дети познают окружающий мир. Они получают сведения о быте своего народа. В игре воспитываются определенные черты характера,

развивается воображение, раскрываются творческие способности личности. Также большую роль играют игры и в развитии физических качеств: быстроты, ловкости, силы, выносливости, гибкости.

История собирания и изучения детского фольклора башкир связана с историей русского детского фольклора. Интерес к детскому фольклору возник лишь в середине XIX в. Детским фольклором интересовались такие известные фольклористы-ученые, как Г. С. Виноградов, И. П. Сахаров, А. Терещенко, Е. А. Авдеева, П. А. Бессонов, М. Максимович и др. [Кагарманова, 2011, с. 1].

По сравнению с русским детским фольклором, изучение которого началось с середины XIX в., исследование башкирского детского фольклора началось намного позже. Целенаправленный сбор башкирских игр и их изучение впервые происходит в последние десятилетия XX в. Были изданы работы по детскому обрядовому фольклору А. Сулейманова, Р. Султангареевой, выпущены сборники игр И. Галютдинова «Башкирские народные детские игры», М. Мамбетова и Р. Ураксиной «Детский фольклор», написана кандидатская диссертация Ф. Абсаликовой на тему «Башкирские игры и развлечения», Г. Шагапова «Юношеские игры как пласт башкирской культуры».

Академик В. Радлов много сил приложил к собиранию фольклора сибирских татар в 60-е гг. XIX в. «К великому сожалению, через сто лет пройдя этот же путь – аулы Барабинских степей, которые указаны у В. Радлова лишь по названию рек и озер, ученые уже не застали многие из фольклорных материалов, записанных великим ученым», – пишет о результатах этих экспедиций ученый-фольклорист Ф. Ахметова-Урманче [Ахметова, 2002, с. 42]. Статья Ф. Сайфулиной «Из истории исследований фольклора барабинских татар» знакомит с фольклорными материалами. Л. Давлетшина в своей статье «Детский игровой фольклор сибирских татар» (по материалам экспедиции 2009 г.) описала детские игры сибирских татар 30-70-х гг. XX столетия [Давлетшина, 2009, с. 1].

Многовековые этнокультурные связи с другими народами отразились и в игровой культуре башкир. По составу родов и жанров башкирский фольклор во многом сходен с фольклором других, в частности, тюркских народов. В то же время есть в нем много отличительных особенностей. Тесное территориальное соседство привело к появлению общих черт во многих играх разных народов. Такие сходства можно найти и в детском игровом фольклоре башкирского и сибирско-татарского народов.

Башкирский фольклор распространен не только в Башкирии, но и в Саратовской, Самарской, Пермской, Свердловской, Челябинской, Курганской, Оренбургской областях, в Татарстане, в Республике Саха, а также в Тюменской области. А сибирские татары исторически проживали на обширных равнинах к востоку от Уральских гор до реки Томь, ныне – в Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областях [Сулейманова, 2015].

Ученые по-разному классифицируют народные игры: исходя из содержания, их делят на «драматические» и «подвижные игры», группируют по време-

нам года, подразделяют по возрастным особенностям детей.

Академик Г. Хусаинов народные детские игры делит на три группы: совместные игры девочек и мальчиков, игры мальчиков, игры девочек, а Ф. Абсаликова дает классификацию башкирских детских игр по возрастным особенностям. Некоторые этнографы делят игры по месту проведения на домашние («аулак өй» – «девичник», «йондоз ханау» – «звездочет») и полевые («түңэрэк» – «хороводы», «яулык сөйөү» – «закидывание платка», «сокор туп» – «мяч в ямке», «сәкән» – «игра в мяч»). Также башкирские игры делятся на детские и взрослые, сюжетные с наличием персонажей и ролей («убыр әбей» – «ведьмы», «айыу менән куяндар» – «медведь и зайцы») и бессюжетные, где доминируют мотивы состязания («ак тирэк, күк тирэк» – «белый тополь, синий тополь», «йәбешкәк бүкәндәр» – «липкие пенечки»). Выделяются игры-танцы с импровизацией поведения животных и птиц, например «кәкүк уйыны» – «игра кукушек».

Далее обратим внимание на классификацию игр сибирских татар. Л. Давлетшина в своей статье указывает, что исследователи делят детские игры сибирских татар на три группы: драматические (сюжетные или исполнительные) игры, подвижные (основанные на правилах) игры, песенно-плясовые игры [Давлетшина, 2009, с. 2]. До середины прошлого столетия были популярны все группы детских игр. Отмечены такие народные игры сибирских татар, как «такта түбү», «лапта» («шар уены», «сук та йөгер»), «яшенмәк», «городки», «оры уен», «кашык сугу», «ат уены», «бозык телефон», «штандыр», «кем сукты», «самовар», «тай трәпкә», «сакала («туп уены», «баба», «чүбәлә»); «капка» («ручеек»), «совещание», «третий лишний», «каеш», «цепи», «өзелешмәк», «аралап алышмак». [Давлетшина, 2009, с. 1]. Также исследовательница указала, что во время экспедиции зафиксировать примеры песенно-плясовых игр не удалось. «В последние 20–30 лет произошли некоторые изменения в их бытовании. Например, за этот период уменьшилось число песенно-плясовых игр, стали менее популярны драматические. Они потеряли традиционные поэтические элементы и приблизились к спортивным играм», – отмечает Л. Давлетшина [Давлетшина, 2009, с. 4].

Вот, например, ролевая игра «пакцар-пакцар палалар» – «детей полный сад». Дети считалкой «Аката-пыката чиката на, апаль-папаль тиль мана, акыт-пакыт палипак наук» определяют «маму» и «ворону», оставшиеся становятся «детьми». Игроки «дети» играют в саду, а «мама» охраняет их. Через некоторое время подлетает «ворона», и между «мамой» и «вороной» завязывается такой диалог:

- Артыңта ниләр пар? (Кто это за тобой?)
- Пакцар-пакцар палалар. (Детей полный сад.)
- Пир персен! (Дай одного!)

После этих слов «ворона» начинает подкрадываться к «детям», а «мама» их охраняет. Пойманные «дети» остаются при «вороне», остальные собираются у «мамы». Игра продолжается, пока не пойманы все «дети» [Давлетшина, 2009, с. 2].

В подобную башкирскую народную игру «Алырым кош, бирмәм кош»

– «Поймаю птицу, не отдам птицу» играют весной, когда дети пасут гусей. Алырымҗош – это мифическая птица, покровительница детей. В игре участвуют «гусыня», «коршун» и «гусята». «Коршун» приседает в центре, делает вид, что копает ямку. К нему подходит «мама» и спрашивает:

- Төйлөгән, төйлөгән, ни эшлэйһең? (Коршун, что ты делаешь?)
- Бына һинең балаларыңды атып алырға ултырам. (Вот жду твоих детей.)
- Мин һиңә балаларымды бирмәйем! (Я тебе своих детей не отдам!)
- Алам, алам, атар кош! (Поймаю птицу!) – бросается ловить всех.
- Бирмәм, бирмәм битәр кош! (Не отдам птицу!) – защищает своих детей, вытянув руки в стороны.

А «гусята» берутся друг за друга и за «гусыней» прячутся. Если «коршун» дотрагивается до одного ребенка, то он выходит из игры. Игра продолжается до тех пор, пока всех не поймает «коршун».

В этих двух играх невозможно увидеть больших отличий, указывающих на этнические особенности того или иного народа, хотя правила игры, содержание текста диалогов одинаковые. Возможно, эти игры возникли на основе наблюдений самих детей, по мере накопления ими определенного жизненного опыта [Ибрагимова, 2017].

Большой популярностью не только среди башкирских и сибирско-татарских детей, но и других народов пользуются следующие игры: «лапта», «городки», «штандыр», «третий лишний», «самовар», «ручеек». Наиболее распространены среди детей народные игры: «йәшенмәк» (баш.) – «яшенмәк» (сиб-тат.), «бозок телефон» (баш.) – «бозык телефон» (сиб-тат.), «кем һукты» (баш.) – «кем сукты» (сиб-тат.). Не удалось найти подробные описания детских игр сибирских татар, таких как «тай трәпкә», «каеш», «өзелешмәк», «аралап алышмак», «кашык сугу», «ат уены», которые имеют отличительные особенности и лучшие национальные традиции.

Считается, что любимыми среди народных игр у современных детей-башкир являются национальные игры «ак тирәк, күк тирәк» – «ива есть и тополь есть», «йәшерәм яулык» – «прячу платок», «тирмә» – «юрта».

В игре «юрта» 4 подгруппы детей становятся в круг по углам площадки. В центре каждого круга стоит стул, на котором повешен большой платок. Взявшись за руки, идут кругами шагом и поют:

Мы веселые ребята,
Соберемся все в кружок,
Поиграем и попляшем,
И помчимся на лужок.

Под мелодию без слов ребята становятся в общий круг. По окончании музыки они бегут к своим стульям, берут платок и натягивают его над головой в виде шатра (крыши), получается юрта. Выигрывает группа детей, первой построившая «юрту».

Башкирскую игру «йәшерәм яулык» – «прячу платок» дети играют с удо-

вольствием. Все садятся в круг. Ведущий с платком в руке проходит вокруг детей, напевая:

Йәшәрәм яулык
Йәшел кайын астына.
Һиззермәйсә һалып китәм
Бер иптәшем артына.

В это время ведущий незаметно оставляет платок за спиной одного из сидящих. После окончания песни, обнаружив платок, сидящий встает и догоняет ведущего и становится им. А тот садится на его место и продолжает игру.

«Ак тирәк, күк тирәк» – «белый тополь, синий тополь» подобна русской народной игре «Кандалы». Дети стоят в две шеренги по краю площадки напротив друг друга. Первая команда хором спрашивает:

Кабыр-кабыр камсылыр,
Тама торған тамсылыр.
Ак тирәк – күк тирәк (Белый тополь, синий тополь)
Беззән һезгә кем кәрәк? (Кого выбираете из нас?)

Вторая команда называет имя одного из игроков противоположной команды: – Безгә Азамат кәрәк! (Нам нужен Азамат!)

Выбранный ребенок бежит навстречу шеренге соперников, стоящих сомкнув крепко руки, и старается разорвать «цепь» соперника. Если он разорвет «цепь», то забирает играющего из команды соперников в свою команду, если нет, то остается в этой команде. Та команда, в которой оказывается больше всего игроков, выигрывает.

Особой известностью пользовались хороводные и плясовые игры-танцы «киндер тукмау» – «бить коноплю», «көтөүсе» – «пастух», «капка» – «ворота», «тула баһыу» – «валяние сукна», «түңәрәк уйыны» – «танцевать по кругу».

Исследуя данную тему, мы пришли к выводу, что в детском фольклоре соседствующих народов имеются заимствованные элементы народных игр, но при этом сохранены их уникальность и неповторимость. Игра в жизни любого народа занимает особое место. К сожалению, в настоящее время современная детвора мало знакома с замечательными играми своего народа. А ведь народные игры – наше ценнейшее наследие! Детям нужна помощь взрослых, чтобы научиться в них играть. Для возрождения народных игр было бы целесообразно проведение детских международных конференций, конкурсов, фестивалей с возможностью демонстрации этих игр. Ведь подобные памятники культуры имеют научную ценность, т. к. они содержат ценную информацию об историческом прошлом этносов.

1. Абсаликова Ф. Ш. Игры и развлечения башкир (конец XIX – первая половина XX в.). Уфа : Гилем, 2000. 133 с.

2. Ахметова Ф. В. По следам В. В. Радлова // Сибирские татары : сб. статей. Казань : Институт истории АН РТ, 2002. 240 с.

3. Галяутдинов И. Г. Башкирские народные детские игры. Уфа : Китап, 2002. 245 с.
4. Давлетшина Л. Ш. Детский игровой фольклор сибирских татар, 2009. 5 с.
5. Инфоурок. Ведущий образовательный портал России. URL: <https://infourok.ru/nauchnaya-rabota-po-russkomu-yaziku-soderzhanieprezentaciya-2019127.html> (дата обращения: 15.07.2018).
6. Кагарманова С. М. Башкирский детский фольклор: жанровый состав и поэтика, 2011. URL: <http://www.ijli.antat.ru/dissertacii.html> (дата обращения: 15.07.2018).
7. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. URL: <http://www.dissercat.com/content/bashkirskoe-narodnoe-muzykalno-poeticheskoe-tvorchestvo-voprosy-klassifikatsii#ixzz5ZaRaQLOB> (дата обращения: 15.07.2018).
8. Сулейманов А. М. Башкирский фольклор : метод. рук. по сбору образцов нар. творчества. Уфа : Вагант, 2008. 140 с.
9. Сулейманов А. М., Султангареева Р. А. Башкирские народные обрядовые игры. Уфа, 1997. 118 с.
10. Сулейманова Ф. С. Фольклор сибирских татар: история изучения // *Życie Tatarskie* 41 (118) styczeń-czerwiec, 2015. 20 с.
11. Ураксина Р. М. Детский фольклор. Уфа : Китап, 1996. 175 с.
12. Хусаинова Г. Р. Башкирские народные игры в жизни современных детей // Городские башкиры: проблемы языка и демографии : материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир (г. Октябрьский, 15 апреля 2010 г). Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. 356 с.
13. Шагапова Г. Р. Юношеские игры как пласт башкирской культуры // Проблемы востоковедения. 2017. № 2. С. 35–39.

УДК 398(47)

ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА В ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ СИБИРСКИХ ТАТАР ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Л. Р. Сурметова

Огромное количество образов в песенной поэзии сибирских татар связаны с представителями животного мира: это птицы, дикие и домашние животные, насекомые и рыбы. Образы птиц в текстах песен татар данного региона представлены довольно широко. Основное символическое значение образов птиц – это печаль, тоска, грусть и разлука. Они параллельно могут быть использованы и как символы красоты, любви, а также изобилия и благополучия.

Ключевые слова: сибирские татары, фольклор, поэтическое творчество, образная система, песенная поэзия.

IMAGERY IN THE SONG POETRY OF THE SIBERIAN TATARS IN TYUMEN REGION

L. R. Surmetova

A huge number of images in the song poetry of the Siberian Tatars are associated with representatives of the animal world: birds, wild and domestic animals, insects and fish. Images of birds in the lyrics of the Tatars of the region are quite widely represented. The main symbolic meaning of the images of birds is sadness, melancholy, sadness and separation. In parallel, they can be used as symbols of beauty, love, as well as abundance and prosperity.

Keywords: Siberian Tatars, folklore, poetry, imagery, poetry and song.

Образная система, которая относится к животному и растительному миру, является одним из основных элементов поэтической структуры песенной поэзии сибирских татар. Анализ поэтических текстов показал, что в песенной поэзии этого народа больше всего преобладают образы птиц. Центральное место занимают образы соловья (сантугач), ласточки (карлыгач), голубя (күгәрчен), лебедя (аккош). Достаточно редко встречаются образы жаворонка (тургай) и ястреба (карчыга).

Основная особенность, на которой построена связь между людьми и птицами в поэзии (связь между полустрофами), – это обладание птиц речью и созна-

нием. Пение птиц, по-другому говоря – птичий язык, является важным мотивом в народной поэтике. В татарском языке бытуют такие понятия, как «кошлар теле» – «язык птиц», «сандугач теле» – «язык соловья». Это особый, поэтический, изысканный язык, связанный с чудом, волшебством, тайной. Согласно текстам песен, к разряду певчих птиц можно отнести соловья, обобщенного образа птицы, и жаворонка. К непоющим, но издавающим какие-то звуки относятся: кукушка, голубь, лебедь, гусь и утка. Совсем непоющие птицы привлекают внимание либо своим оперением, либо поведением.

В татарских народных песнях образы птиц появляются в самые трагические моменты развития сюжета. Это может быть лебедь, голубь, кукушка, но чаще всего – соловей. Данное явление характерно не только для татарского народного творчества (и профессиональной поэзии), но и для фольклора других народов: русского, украинского, башкирского, казахского, в том числе и для фольклора сибирских татар.

Слово «кош» (птица) широко используется в песнях татар данного региона как образ соловья или обобщенный образ пернатых, например:

Тарган пескә ерак түгел,
Тарган пескә сыу аша.
Әллә шуңа сагынканка,
Кошлар моңлы сайраша.

Тархан от нас недалеко,
Тархан нам всего лишь через речку.
А может, потому птицы поют тоскливо,
Что мы очень скучаем по родным.

Или:

Жәйгә чыksam гадәтем шул,
Сәхрәләртә кош атам шул.
Моңаеп сайраган кошны,
Дустым сиңа ошатам.

Как лето, у меня привычка,
В степях стреляю птиц.
Тоскливо поющую птицу,
Друг мой, я с тобой сравниваю.

В отдельных песнях слово «сандугач» (соловей) заменяется его синонимом «былбыл», который характерен для эмоционально-поэтической, в основном книжно-дастанной речи. Слово «былбыл» в значении «сандугач» (соловей) также можно встретить у других тюркоязычных народов: киргизов, казахов, азербайджанцев, уйгуров, узбеков – «булбул», нагайбаков – «билбил», каракалпаков – «булбыл», кумыков – «бюлбюл».

Агыйдел аша уклар аттым,
Пылбыл балаларын уйаттым.
Ай, былбыл гына тугел,
бер матурны,
Бер төн куйнымта йоклаттым.

Пускал я стрелы через Агидель,
Разбудил я птенчиков соловья.
Ой, не только птенчика,
а еще одного красавца,
На одну ночь оставил спать
в объятиях своих.

Или:

Кара урманнарның уртасында
 Былбыл кошлар сайрый моңланып.
 Барлык дус-ишләрәм арасында
 Мин генә моңлы булганмын.

В чаще темного леса
 Птицы поют тоскливо.
 Среди всех своих друзей
 Только я был печальным.

Образная система в песенной поэзии каждого народа приобретает самые разные символические значения. Например, в песнях соловей описывается как задушевный друг влюбленных пар или постоянный спутник одиноких, тоскующих людей:

Сантугачкай кая барасың,
 Бармыйсыңмы безнең илләргә,
 Бармыйсыңмы безнең илләргә?!
 Барсаң вай, ай безнең илләргә,
 Әйтсә сәлам, әй йөргәңйерләргә.

Куда ты летишь, соловушка?
 Не летишь ли ты в наши края?
 Не летишь ли ты в наши края?
 Будешь пролетать через наши края,
 Передай привет, ой, родным местам.

Или:

Сандугачым әйт үземә,
 Кайсы талга кунасын шул.
 Күзем йомсам, күз алдымда
 Торган кебек буласың.

Скажи мне, мой соловей,
 На какую иву ты сядешь?
 Закрою глаза, ты передо мной,
 Как будто бы стоишь.

Слово «сандугач» и его синоним «былбыл» используются также для создания образа любимой или же употребляются в форме обращения к ней. В татарской свадебной поэзии соловей (соловушка) – традиционный символ молодой девушки, невесты, а сокол – жениха. Если отец девушки – железо, то сват – огонь, поэтому сопротивление бесполезно: обязательно расплавится железо. Мелодичный, тоскующий голос соловья используется в песнях и в качестве сравнения при характеристике голоса определенного человека (певца): «Сантугачтин ким сайрамам, Мин тә лә сайрый пашласам. Кан аралаш яшьләр түгәм, Сагынып йырлый пашласам» («Не хуже, чем соловей, буду петь, Если я запою. Лью кровавые слезы я, Если я запою»).

Необходимо отметить, что занимающий прочное место в татарских народных песнях образ кукушки в песенной поэзии сибирских татар не встречается. Не столь активно представлены также образы голубя, жаворонка и ласточки. В сибирских образцах образ голубя в основном соседствует с горестями и печалью людей: «Ишек алдыма күгәрчен, Килеп качаннар кунар. Вакыт йетеп вафат пулсам. Чына сугып кем куяр?» («Когда же прилетит голубь К моим дверям? Если время придет и я умру. Кто же мне сделает гроб?») или во второй песне:

«Утырсам, уйга батам, Күк күгәрчен уйнатам. Яз кайтмаса, күз кайтыр дип, Күнелемне юатам» («Если сяду, то в думы погружаюсь, С голубым голубем играю. Если не весной, так осенью вернется, [Надеюсь] утешаю свою душу»).

Образ жаворонка своим душевным пронзительным пением стал в некоторой степени соперником образу соловья. Главной функцией этого образа в песнях является передача эмоциональных состояний – тоски и печали. На самом деле, пение птиц, отлет их в теплые края и возвращение навевают печаль и тоску, напоминают родных, любимых, символизируют быстротечность жизни, бренность земного существования: «Сарман буйларында тугай, тугай, Тугаента сайрый бер тургай шул. Тугаента сайрый бер тургай. Иртәсен тә сайрый, кичен тә сайрый, Саргаеп ла үлтем гел бугай» (На просторах, просторах Сармана, На этих просторах поет один жаворонок, да. На этих просторах поет один жаворонок. И утром поет, и вечером поет. Я, по-моему, умерла от тоски).

«Ястреб же в татарских народных песнях почти всегда описывается с помощью таких перифраз как “батыр кош” (“отважная птица”), “асыл кош” (“благородная, настоящая птица”), “чая кош” (“лихая, неустрашимая птица”), “гаярь, гайрәтле кош” (“гордая, удалая птица”) и символизирует храброго, смелого человека и жениха» [Миннуллин, 1999, с. 14]. В некоторых же песнях сибирских татар Тюменской области образ ястреба выступает олицетворением тоски и печали:

Асыл кошлар кунып сайрый,
Минем каберемнең өстенә.
Минем касрәтемне сатып
Әнкәемнең өстенә.

Ястреб – птица поет сидя,
На мою могилу.
Доставляет горе
На голову моей матери.

Образ лебедя и в татарских народных песнях, и в песнях сибирских татар ассоциируется на основе параллельного восприятия образов как символ отражения признаков взаимной любви и верности, а также дружной и согласной жизни:

Һаваларда оча ике аккош
Айрылмыйча яшәр гел бергә.
Без очарбыз бәхет киңлегендә,
Синең белән ике гомергә.

На небе летают два лебедя,
Не расставаясь, будут жить вместе.
Мы будем летать в «долине» счастья,
С тобой вместе всю жизнь.

Слово «аккош» образовалось в результате слияния двух тюркских слов: «ак» – «белая» и «кош» – «птица». Интересно заметить, что подобное название лебедя встречается в основном у кыпчакоязычных тюрков: татар, башкир, казахов [Егоров, 1964, с. 23]. У остальных тюркоязычных народов бытуют совершенно иные формы: «куу» (тел., алт., шор., кирг.) или «кува» (якут.), «куб»

(кумык., уйг.). В древнетюркском словаре встречается только одна форма: «кугу» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 464]. Приведем пример из песенной поэзии сибирских татар:

Лебедь как птица-тотем наблюдается у многих тюркоязычных и монголо-

Ике аккош очып кына,
Берсе бэйле, берсе буш.
Төшемтә күрсәм күңелем куш,
Уянып килсәм куеным буш.

Два лебедя летают,
Один привязан, другой свободен.
Когда во сне вижу, душа радуется,
Просыпаюсь – в объятиях никого нет.

язычных народов [Родионов, 1982, 152–156]. Очевидно, в эпоху расцвета культа птиц тюрко-монгольские племена проживали совместно и имели одни и те же тотемы. А роды, имевшие своим тотемом лебедя, вероятнее всего, занимали господствующее положение по отношению к остальным родам. В связи с этим интересно рассмотреть этноним «куман», т. е. самоназвание племенного союза, из которого впоследствии образовались народы кыпчакской группы языков: татары, башкиры, казахи, каракалпаки и др. В большинстве исторических работ устанавливается связь между рекой Куу – «лебедь» и названием Куман/Кубан [Казахские сказки о животных, 1979, с. 228]. Данный этноним образовался, как утверждают языковеды, из слова «ку» – «лебедь» и форманты имени деятеля «ман» [Молчанова, 1979, с. 241]. Выше было отмечено, что словосочетание «аккош» в основном встречается у кыпчакоязычных тюрков, т. е. у потомков древних куманцев. Можно утверждать, что данное название вытеснило исконно тюркскую форму «ку» («кугу», «куба») в результате табуирования как самой птицы, так и обозначающего его слова. Подобные замены слова-табу были широко распространены у многих тюрко-монгольских народов [Казахские сказки о животных, 1979, с. 218].

В лирических протяжных песнях татар исследуемого региона актуализирована антитеза возвращения/невозвращения из далекой души; образ прилетающей каждую весну ласточки противопоставлен уходящим надолго или навсегда молодым парням: «Карлыгач кара, муены ала, хаваларга китеп югала. Бәхетле бала өйдә кала, Бәхетсезләй китеп югала» («Ласточка черная, а шея белая, Улетающая в небо, теряется. Счастливый ребенок дома остается, а несчастливый уходит и не возвращается»).

В других случаях образ ласточки прочитывается как символ семейного благополучия: «Биек тауның башларында, Карлыгачлар кагынган. Бер вакытны булсада уйлап куй, Мин булырмын сине сагынган» («Над высокой горой порхают ласточки. Хоть когда-нибудь подумай обо мне, Я тот, кто по тебе скучает») или «Кара карлыгач кочарсың, Кара камзолың кийгәч. Теләсә кем (е) ней тип эйтсен, үзеңнең күңелең сөйгәч» («Черную ласточку обнимешь, когда черный камзол наденешь. Пускай говорят, кто хочет, Что сделаешь, если твоя душа любит») или «Һаватагы очкан карлыгачның, Канат очкайлары каралы. Эскадронны туслар мин йырлаем, Күкрәгемдә кайгым бар әле» («У ласточки, что летает на

небе, Черноватые кончики крыльев. Я пою, друзья, песню «Эскадрон»,
На душе есть у меня еще горе»).

Для татар данного региона наиболее общим также являются перелетные птицы, к примеру: журавли, дикие гуси. Эти птицы выступают или символом разлуки и тоски, или бега времени, или кратковременности молодой жизни:

Торналар киткән чакта
Әллә ниләр уйлата
Айрылгач кавышу бар
Шул күңелемне юата.

Журавли, когда улетают,
О чем-то заставляют думать.
Когда расстаешься, есть любовь,
Это меня утешает.

Образ гуся в целом составляет образ родного края, он также является атрибутом другого мира, расположенного на другом берегу реки Агидель. За описанием полета, плавания или других действий гусей следует описание тоски героя по родине, о тяжелой жизни на чужбине:

Кыр казлары йөзеп килә,
Агыйдел буйлап кына.
Йөзләремә сары сукты,
Гел сезне уйлап кына.

Дикие гуси плывут
Через реку Агидель.
Пожелтел мой облик,
Постоянно думая о вас.

Летающие издалека дикие гуси выступают связующим элементом между «этим» и «далеким» мирами, герой песни расспрашивает их о чужих или родных краях, просит передать привет своим родственникам на родину.

В песенной поэзии татар образ гуся часто сопровождает образ утки:

Йөгрәүртәк, йөгрәүртәк,
Йөгрәүртәк күл күрсә.
Ике күсен сөртә, сөртә,
Аерыла алмый пер күрсә.

Бежит утка, бежит утка,
Бежит утка, когда видит озеро.
Оба глаза вытирая, вытирая,
Один раз увидит, не может расстаться.

Анализ песенной поэзии сибирских татар Тюменской области показывает, что основное символическое значение образов птиц – это печаль, тоска, грусть и разлука. Также эти образы могут быть использованы и как символы красоты, любви, изобилия и благополучия. Следует заметить, что одни и те же образы песенной поэзии народов приобретают самые разные символические значения. И наоборот, сходные чувства людей разных национальностей проявляются через далеко не одинаковые образы.

1. Древнетюркский словарь. Л., 1969. 464 с.

2. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

3. Казахские сказки о животных. Алма-Ата, 1979.
4. Миннуллин К. М. Поэтические особенности татарских песен (на тат. яз.). Казань, 1999.
5. Молчанова О. Т. Топономический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.
6. Родионов В. Г. К образу лебедя в жанрах чувашского фольклора // Чувашский фольклор. Специфика жанров. Чебоксары, 1982. С. 152–156.

УДК 81'373.217

ИДЕОГРАММА 'ЗАМКНУТОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО' В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

О. А. Теуш

Статья посвящена русским диалектным лексемам, называющим замкнутое географическое пространство. Производится этимологизация лексем с интерпретацией древнейших истоков слов (индоевропейских и праславянских). Этимология слов показывает, что замкнутое пространство воспринимается акционально – как предел действия человека или животного. Все наименования в диалектах Европейского Севера России исконны, отражают древнейшие праславянские корни. Для ряда лексем выявляется энантиосемичный характер внутренней формы.

Ключевые слова: лексема, семантика, русский язык, праславянский язык, севернорусские диалекты, внутренняя форма.

THE IDEOGRAM 'ZAMKNUTOE GEOGRAPHICAL PROSTRANSTVO' IN NORTHERN RUSSIAN, THE IDEOGRAM ZAMKNUTOE GEOGRAPHICAL PROSTRANSTVO IN NORTHERN RUSSIAN DIALECTS

O. A. Teush

The article is devoted to the Russian dialectal lexemes naming a confined geographical space. Is etymological tokens with the interpretation of the ancient origins of words (Indo-European and proto-Slavic). The etymology of words shows that a closed space is perceived actionline – as the limit of the action of a person or animal. All the names in the dialects of the European North of Russia native, reflect an ancient proto-Slavic roots. For a number of tokens detected enantiosemy the character of inner form.

Keywords: lexeme, semantics, Russian language, Protoslavlic language, North Russian dialects, the internal form.

В русском литературном языке идеограмма 'замкнутое географическое пространство' выражается лексемой *тупи́к*, которая многозначна: 'небольшая, обычно узкая улица, неимеющая сквозного прохода и проезда', 'железнодорожный

станционный или иной путь, сообщающийся с другими путями только одним концом' [ТСРЯ, с. 1007]. Лексема производна от прил. *тупо́й* 'тупиковый' (< праслав. **topъ(jь)* [ТСРЯ, с. 1007]). Представления о тупике столь значимы, что порождают переносные значения: *тупи́к* 'безвыходное положение, а также вообще то, что не имеет перспективы дальнейшего развития' [ТСРЯ, с. 1007].

Основным диалектным обозначением, реализующим представления о замкнутом географическом пространстве, является слово *кут* 'конец, предел проходимой земли; тупик' (Арх.: Мез., Он., Прим.) [КСГРС], (Кол.) [Меркурьев, 1979, с. 77], ср. контексты: «*В самый кут ушли в лесе*» (Кол.), «*В самый кут заехали*» (Кол.). Зафиксировано уменьшительное образование *куто́к* 'то же' (Кол.) [Меркурьев, 1979, с. 78]. Лексема имеет праславянское происхождение: < праслав. **koъь*, которое родственно греч. *kámpō* 'гнуть, изгибать, искривлять' [ТСРЯ, с. 393]. Основное значение слова *кут* – 'угол дома' (Арх., Влг.) [КСГРС], ср. др.-рус. *кутъ* 'угол помещения', прост. и обл. *куто́к* 'огороженное в каком-н. помещении место, уголок, закуток' [ТСРЯ, с. 393]. В диалектах лексема *кут* и ее производные развивают значения с семами 'край', 'конец': *кут* 'конец пожни' (Арх.) [Дополнения к «Опыту», с. 324]; 'край, конечная часть, озера, покоса, тупик' (Арх.: Карг., Он., Плес., Прим.): «*На куте-то, значит, на конце озера*» (Карг., Мячевская) [КСГРС]; 'дальняя часть местности: леса и т. п.' (Кол.) [Меркурьев, 1979, с. 77]; 'глухое, отдаленное место' (Арх.: Карг., Плес., Прим.): «*Пожни у нас в куту*» (Карг., Низ), «*В самом куту та деревня*» (Плес., Корякино), «*Никто дружно не жил, все уехали в куты и там расселились хуторами*» (Он., Кянда) [КСГРС]; 'узкий конец залива' (Арх.: Прим.) [КСГРС]; (Арх.: Кем., Кол., Он.) [Подвысоцкий, 1885, с. 79], (Мурм.: Тер.) [СРГК, т. 3, с. 74]; (Помор.) [Гемп, 2004, с. 292]; *кутепяга* 'глухое отдаленное место, захолустье' (Влг.: У.-Куб.): «*В такой кутепяге живём, никто к нам не ездит*» (У.-Куб., Лыскарево), «*Живём в кутепяге такой, дорог настоящих нет*» (У.-Куб., Родионово) [КСГРС]; *кути́к* 'конец пожни' (Арх.: Прим.) [КСГРС]; *ку́тня* 'узкий конец залива' (Арх.: Мез., Пин.) [Подвысоцкий, 1885, с. 79]; *куто́к* 'то же' (Арх.: Мез., Пин.) [Подвысоцкий, 1885, с. 79]; 'непроходная река, похожая на залив вытянутой формы' (Арх.: Прим.) [КСГРС].

В севернорусских диалектах отмечены с семантикой 'угол поля, дороги, тупик' лексемы с архаическим префиксом *су-*: *суты́к* 'угол поля, дороги, тупик' (Костр.: Меж.) [КСГРС] (содержит праслав. корень **tyk-* (**tykati* > рус. *тыкать*), связанный чередованием гласных с **тък-* (русск. *ткать, ткнуть*) [ТСРЯ, с. 1009]); *суты́рь* 'тупик дороги' (Костр.: Меж., Пыщуг.) [КСГРС] (имеет корень *-тыр-*, отраженный в рус. *ты́ркнуть, ты́рнуть* 'сунуть', которые, по мнению М. Фасмера, являются экспрессивными преобразованиями слова *то́ркать* 'толкать, колотить' [Фасмер, т. 4, с. 132, 83]).

Тупик представляется местом, откуда нет выхода: *бесто́ць* 'тупик' (Помор.) [Мосеев, 2005, с. 40], *бесто́чь* 'угол во льдах, откуда загнанному промышленниками зверю нет выхода, истока' (Арх.), *бесто́чный* 'беззащитный, безъисход-

ный, безвыходный' (Арх.), *бестóчная, бестóчня* 'битье зверя в ледяных кутах, где ему нет выхода' (Арх.) [Даль, 1955, т. 1, с. 76]. Внутренняя форма лексем верно проинтерпретирована В. И. Далем: в словах отражен корень *ток-* (< праслав. **tok-*, связанному чередованием гласных с глаголом **tekt'i* (> рус. *течь* 'идти, двигаться сплошной массой', др.-рус. *течи* 'течь', 'двигаться', 'бежать')) [ТСРЯ, с. 986, 982].

'Место, куда загоняют собаками для бою песцов и других зверей, например, мыс на взморье или при слиянии двух рек' (Арх.) [Даль, 1955, т. 1, с. 566], (Арх.: Мез.) [Подвысоцкий, 1885, с. 49] в диалектах называется *загón*. Эта лексема наиболее частотна в полеводческих значениях: *загón* 'полоса пашни, вспаханная полоса, гряда земли или место, заключенное между двумя бороздами' (Влг.: Влгд., В.-Уст., Гряз., Кадн., Ник., Тот.) [Дилакторский, 2006, с. 146], (Яр.) [Мельниченко, 1988, с. 69], 'длинная узкая полоса земли, которую пашут за один раз без поворота плуга' (Арх.: Вель., Карг., Лен.; Влг.: Влгд., Хар.; Киров.: Кот., Халт.; Костр.: Макар., Меж., Нейск., Пыщуг., Чухл.) [КСГРС], 'часть полевой полосы в ширину' (Яр.) [Мельниченко, 1988, с. 69], 'надел земли, участок поля, принадлежащий одной семье' (Влг.: Бабуш., Бел., В.-Важ., Выт., Ньюкс., Хар.) [КСГРС], 'приусадебный участок' (Влг.: В.-Уст.) [КСГРС]. В. И. Даль подает лексему *загón* в статье на глагол *загáнивать* 'утомлять гоньбою, обессиловать гоняя', приводя однокоренные: *загónчивый* 'охочий заганивать', 'умеющий загонять', *загónчивая собака* 'собака, безотвязно преследующая зверя или ловко загоняющая его куда нужно', *загónщик* 'у охотников: облавщик, один из цепи, облавы, которая гонит зверей на стрелков, верховой, который подганивает тетеревей на чучела' [Даль, 1955, т. 1, с. 566]; ср. также *загонить* 'загнать': «*За самым большим оленем погнался, загонил он его на скалу высокую*» (Новг.) [СРНГ, т. 10, с. 18]. Лексемы производны от глагола *загонять*, формы несов. вида от *загнать* 'гоня, заставить войти куда-нибудь, переместить куда-нибудь' [ТСРЯ, с. 244].

Находящееся в стороне, на отшибе замкнутое, конечное пространство именуется *засторóнок* 'место в стороне от чего-л.' (Яр.: Пош.) [ЯОС, т. 4, с. 104] (ср. литер. *сторонá* 'направление, а также пространство, расположенное в удалении, на каком-нибудь расстоянии от кого-, чего-нибудь' [ТСРЯ, с. 946-947]), *вы́толк*: на *вы́толке* 'на отшибе' (Арх.: Он.): «*Дом на вытолке, все ветры забирают*» (Он., Лямца), «*У меня дом на вытулке, на ветре, на дожжэ, один дом*» (Он., Пурнема) [КСГРС], *забéга*, ср. в *забéге* 'в глуши, в отдалении': «*В забеги такой, а мы-то на большой дороге выращены*» (Ленингр.: Кириш.) [СРГК, т. 2, с. 79]. Последние два наименования демонстрируют энантиосемичную внутреннюю форму: образованы от глаголов *вытáлкивать* (несов. к *вы́толкать* 'вытолкнуть в несколько приемов' [ТСРЯ, с. 138]) и *забегáть* (несов. к *забежáть* 'зайти бегом, в обход, со стороны' [ТСРЯ, с. 239]).

В ярославских говорах отмечено *кортешóк* 'участок земли между двумя дорогами' (Яр.: Тут.) [ЯОС, т. 5, с. 72], которое отражает праслав. корень **kьrt-* (< и.-е. **(s)ker-* 'резать') [ТСРЯ, с. 369]. Другим диалектным производным от этого корня является *кортолóвка* 'большая яма с водой' (Влг.: Выт.) [КСГРС].

В целом, представления о тупике акциональны: в номинациях присутствует преимущественно отглагольная лексика, тупик воспринимается как место, препятствующее различным видам деятельности или же как предел движения по местности.

1. Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М. ; Архангельск : Наука : Поморский университет, 2004. 637 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1955.
3. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. СПб. : Наука, 2006. 677 с.
4. Дополнения к «Опыту областного великорусского словаря». СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1858. 328 с.
5. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ). КСГРС.
6. Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1988. 108 с.
7. Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск : Мурман. кн. изд-во, 1979. 184 с.
8. Мосеев И. И. Поморська говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск : Правда Севера, 2005. 138 с.
9. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1885. 198 с.
10. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных территорий. Вып. 1–6. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005. СРГК.
11. Словарь русских народных говоров. М. ; Л. : Наука, 1965. Вып. 1. СРНГ.
12. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М. : Азбуковник, 2008. 1166 с. ТСРЯ.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М. : Прогресс, 1964–1973.
14. Ярославский областной словарь. Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991. Вып. 1–10. ЯОС.

Сокращения

1. Географические названия.

Арх. – Архангельская область

Бабуш. – Бабушкинский район Вологодской области

Бел. – Белозерский район Вологодской области

В.-Важ. – Верховажский район Вологодской области

Вель. – Вельский район Архангельской области

Влг. – Вологодская область

Влгд. – Вологодский район Вологодской области

В.-Уст. – Великоустюжский район Вологодской области

Выт. – Вытегорский район Вологодской области

Гряз. – Грязовецкий район Вологодской области
Кадн. – Кадниковский район Вологодской области
Карг. – Каргопольский район Архангельской области
Кем. – Кемская волость Архангельской губернии
Кириш. – Киришский район Ленинградской области
Киров. – Кировская область
Кол. – Кольский полуостров
Костр. – Костромская область
Кот. – Котельничский район Кировской области
Лен. – Ленский район Архангельской области
Ленингр. – Ленинградская область
Макар. – Макарьевский район Костромской области
Меж. – Межевской район Костромской области
Мез. – Мезенский район Архангельской области
Мурм. – Мурманская область
Нейск. – Нейский район Костромской области
Ник. – Никольский район Вологодской области
Нюкс. – Нюксенский район Вологодской области
Он. – Онежский район Архангельской области
Пин. – Пинежский район Архангельской области
Плес. – Плесецкий район Архангельской области
Помор. – Поморье (побережье Белого моря)
Пош. – Пошехонский район Ярославской области
Прим. – Приморский район Архангельской области
Пыщуг. – Пыщугский район Костромской области
Тер. – Терский район Мурманской области
Тот. – Тотемский район Вологодской области
Тут. – Тутаевский район Ярославской области
Халт. – Халтуринский район Кировской области
Хар. – Харовский район Вологодской области
Чухл. – Чухломской район Костромской области
Яр. – Ярославская область

2. Названия языков и диалектов.

греч. – греческий язык
др.-рус. – древнерусский язык
и.-е. – индоевропейский праязык
праслав. – праславянский язык
рус. – русский язык

3. Прочие.

несов. – несовершенный вид
обл. – областное
прост. – просторечное
ср. – сравни

УДК 811(571.1=512.5)

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ СИБИРСКИХ ТАТАР,
ОБРАЗОВАННЫЕ НА БАЗЕ ФОРМУЛ ЗЛОЖЕЛАНИЙ**

Г. Ч. Файзуллина, А. А. Фаттакова

Статья посвящена анализу фразеологических единиц, образованных на базе формул зложеланий. Материалом служили диалектологические тексты, собранные в результате экспедиционных работ в татарских населенных пунктах Вагайского района Тюменской области в 2016–2017 гг.

Ключевые слова: сибирские татары, формулы зложелания, фразеологизм, тоболо-иртышский диалект, вторичная номинация.

**PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE SIBERIAN TATARS FORMED ON
THE BASIS OF FORMULAS OF CURSES**

G. Ch. Faizullina, A. A. Fattakova

The article is devoted to the analysis of phraseological units formed on the basis of the formulas of wishes. The material was the dialectological texts collected as a result of the expedition work in the Tatar settlements of the Vagai district of the Tyumen region in 2016–2017.

Keywords: Siberian Tatars, formula of curses, idiom, tobolo-Irtysh dialect of the secondary nomination.

Введение. Актуальность исследования фразеологических единиц сибирских татар, образованных на базе формул зложелания, состоит в следующем. Во-первых, эта тема является недостаточно изученной. Во-вторых, формулы зложеланий являются наиболее древним пластом лексики и составляют основу образования фразеологических единиц, поэтому с течением времени утрачивается ценный пласт лексики и появляется необходимость в его фиксации. В-третьих, существуют такие фразеологические единицы, которые функционируют как в литературном языке, так и в диалекте. Данное явление, как известно, связано с вариативностью на фонетическом уровне.

Объект исследования – вторичная номинация формул зложеланий. Предметом изучения являются фразеологические единицы сибирских татар, образован-

ные на базе формул зложеланий. В работе показано, что для говоров сибирских татар актуальны фразеологические единицы, образованные по моделям «имя существительное + глагол желательного наклонения» → «имя существительное + имя существительное / -кыр / -гыр». Особое внимание уделяется семантическому анализу языковых единиц, которые фактически не описаны в лексикографической практике.

Современные исследования территориальных диалектов в татарском языкознании посвящены различным аспектам: описательному, сопоставительному изучению с другими языками, историческому, ареальному. По нашему мнению, диалектные фразеологизмы (в татарском языке) – это фразеологизмы, которые функционируют в речи коренных жителей определенной территории. К основным признакам фразеологизма мы относим: 1) два и более компонента; 2) устойчивость; 3) воспроизводимость; 4) в составе фразеологизма одно слово всегда используется в переносном значении; 5) обладание большинством фразеологизмов эмоционально-экспрессивных оттенков [Файзуллина, 2016, с. 19].

В центре внимания ученых находятся фразеологические единицы в нормированном языке, в то время как диалектные наименования остаются малоизученными. Кроме того, наблюдается недостаточная исследованность территориально ограниченных фразеологизмов татарского языка. Актуальность изучения диалектных фразеологизмов в современных условиях «стирания» границ народных говоров только возрастает [Zamaletdinov, Faizullina, 2015].

Целью нашего исследования является лингвокультурологический анализ фразеологических единиц сибирских татар, образованных на базе формул зложеланий. С одной стороны, диалект, являясь естественной формой развития языка, сохраняет в себе древние основы, интерпретировавшиеся в совершенно уникальном ключе, с другой – отражает процессы контактирования с другими народами. Ввиду этого изучение вторичной номинации в диалектах представляется актуальным [Nailievna, Olegovich, Antonovna, 2015; Nurullina, Chupryakova, Safonova, 2015]. Научная новизна работы заключается в привлечении полевого материала, демонстрируемого впервые, и детальном анализе семантической структуры фразеологизма.

Исследованию татарских фразеологизмов с компонентами-соматизмами в сопоставительном плане посвящены работы Р. Р. Замалетдинова, Ф. И. Даутовой, Г. Ч. Файзуллиной, Е. Н. Ермаковой, Р. А. Аюповой, А. Ф. Камаловой и др. [Замалетдинов, 2004; Даутова, 2008; Файзуллина, 2014; Ермакова, 2015; Аюпова, 2010; Камалова, 2005 и др.]. Следует отметить, что фразеология татарского языка изучена на достаточно высоком уровне. В настоящее время наметилась тенденция изучения фразеологических единиц в русле лингвокультурологии. Одним из направлений данной отрасли языкознания является диалектная лингвокультурология. Вопросами изучения диалектных фразеологических единиц занимается Г. Ч. Файзуллина. В своих работах исследователь обращает внимание на формулы зложелания со значением «человек, которому желают смерти»

(проклятье), в состав которых входит лексема остоған «мертвое тело»: *остыгань цыққыр* [кеше] (труп + выходящий [человек]) и *остыгань тейәлгер* (труп + погруженный) [Файзуллина, 2017].

В лексикографических источниках наблюдается отсутствие термина «зложелание». Синонимом данному термину служит лексема «проклятие», которая в толковом словаре русского языка С. И. Ожегова приводится в четырех лексико-семантических вариантах: 1. Официальное отлучение от церкви. 2. Крайнее и бесповоротное осуждение (высок.): *Предать отступника проклятию*. 3. Бранное слово, выражение негодования: *Осыпать проклятиями кого-либо*. 4. Выражает крайнее раздражение, досаду (разг.): *Проклятие! Опять ливень хлынул! Тьфу ты, проклятие! Ключи забыл!* [Ожегов, 1994].

В словарях татарского языка слово «проклятие» трактуется следующим образом: 1) *каһәр, каргыш, ләгънәт*; 2) (ругательство) *каргау, сүгенү*; 3) в знач. межд. *каһәр суккыры, ләгънәт төшкере* [Ганиев, 1997].

По нашим наблюдениям, сравнительный анализ данных терминов, используемых в толковых словарях татарского и русского языков, свидетельствует о том, что семантика русского слова «проклятие» не эквивалентна семантике татарского слова «каһәр». Следовательно, в дальнейшем мы будем использовать термин «зложелание», который в определенной степени соответствует значению «бранное слово, выражение негодования».

Материалы и методы. Материалом исследования являются полевые записи татарских народных говоров и фольклорные материалы Вагайского района Тюменской области, собранные нами в ходе фольклорно-диалектологической экспедиции в 2016–2017 гг. В работе использованы материалы лексикографических и фольклорных источников; диалектологических и этимологических словарей, а также сведения из научных трудов по культуре сибирских татар.

Изучение фразеологических единиц с компонентом-соматизмом *эц* – «живот» является возможным благодаря таким методам научного исследования, как опрос информантов, описательно-аналитический, сопоставительный, метод лингвокультурологического анализа. При идентификации диалектной единицы использовался метод сопоставления с дефинициями литературного языка.

Фразеологические единицы с компонентом-соматизмом эц – «живот». В лексикографических источниках лексема *эц / иц* (барабинский диалект, тобольский говор, литер. *эч*) трактуется как «внутреннее, внутренняя часть» [Тумашева 1992]; «живот, брюхо, утроба» [БДСТЯ, 2009: 321, 221, 810]; *иц* – «внутренность» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 201]. В татарском литературном языке лексемы *эч* и *қорсақ* являются синонимичными.

Фразеологизмы в системе языка носят ярко выраженную этническую специфику, имеют глубокие исторические корни и «...как свернутые культурные тексты позволяют реконструировать архаические представления» [Дутова, 2004, с. 185]. Действительно, одним из древних отголосков являются фразеологические единицы как «свернутые культурные тексты» – формулы зложелания.

Фразеологические единицы, которые содержат наименования частей человеческого тела, составляют специфичный класс соматической фразеологии.

У всех народов формулы зложелания вызывают осуждение, имеются многочисленные моральные запреты на их произнесение. По нашим наблюдениям, в речи зложелания чаще употребляются женщинами, нежели мужчинами. Исследователь казахского языка. Г. А. Мейрманова пишет о том, что запрещается пользоваться ругательной лексикой беременной женщине, нельзя произносить эти слова при детях, нельзя проклинать детей. Народная этика запрещает использовать формулы ругательств и проклятий в присутствии «избегающих» друг друга мужчины и женщины. Тем не менее имеются формулы зложеланий, пожеланий смерти, болезней и несчастий. Сильное разочарование, несправедливость заставляют прибегать к такой форме выражения недовольства. Часто употребляли в ругательстве словосочетания: «*Еки дүниеден жаксылык кормегир!*» («В двух мирах не видать счастья!»), мужчинам адресовали слова: «*Ерте әйелинен айырылгыр*» («Чтобы жена твоя умерла на полпути! »), но в то же время произносить их бояться. ...Используя эти слова, люди верят, что недобрые пожелания материализуются и объекту гнева действительно может быть плохо [Мейрманова, 2009].

Синонимичные единицы *эц* и *қорсақ* – «живот» называют место, куда поступает пища. Фразеологические единицы с компонентом *эц* относятся к среднему уровню, который отражает земной уровень, то, что связано с телесностью человека, вещественностью его бытия, его деятельностью.

Нами зафиксированы четыре фразеологические единицы с компонентом *эц*, содержащие формулы зложелания:

эцең йарылсын → *эцең йарылгыр*

пусть у тебя живот лопнет → человек, у которого лопнет живот (дословно);

эцең шешсен → *эцең шешгер*

пусть у тебя вздувается живот → человек, у которого вздувается живот (дословно);

эцең күпсен → *эцең күпкер*

пусть у тебя вздувается живот → человек, у которого вздувается живот (дословно)

эцең тишелсен → *эцең тишелгер*

пусть у тебя живот продырявится → человек, у которого живот продырявится (дословно)

Модель: сущ. + гл. желат. накл. → сущ. + сущ. + *-кер / -гер / -қыр / -гыр*.

Формы, образованные с помощью суффиксов *-гыры*, *-гере*, *-кыры*, *-кере*, применяются для обозначения плохого пожелания, в редком случае, для признака удовлетворения [Ашрапова, 2015].

Необходимо отметить, что в татарском литературном языке фразеологические единицы с компонентом-соматизмом *эц* образуются по аналогичной модели. Например: *эчеңә бирән булгыры* – кеше хакын ашаучыны каргап әйтем;

эчең ертылгыры – өзлексез акырып елаган балага яратмыйча, ачуланып әйтем. – *Елама, шулхәтле акыралармыни, эчең ертылгыры!; эчең чыккыры* 1. Кеше хакын басып калучыга, ашаучыга карата. 2. *к.эчең ертылгыры; эчеңә пычак кәргере* – кычкырылган, кеше хакын тыгынган кешегә [Татар теленең фразеологик сүзлеге, 1990].

Более того, в башкирском языке также наблюдается данное явление – образование фразеологизмов на базе формул зложелания, которое, возможно, маркировано тюркским компонентом. Например, *бүре алгыр [кеше]* (проклятие, пожелание зла: «чтоб ты пропал»; букв. чтобы волк взял), *бүре ашагыр [кеше]* (пожелание зла; букв. чтобы волк съел) [Кульсарина, 2018, с. 279].

По нашему мнению, в основе зложелания, в первую очередь, лежит обращение к высшим силам, а именно просьба о наказании обидчика, имеющая магическое начало. Следовательно, вектор направленности информации переходит от ирреального субъекта к реальному – обидчику: *аның эце йарылсын* (пусть у него живот лопнет) → *эцең йарылсын* (пусть у тебя живот лопнет).

Остановимся подробнее на анализе перехода формулы зложелания во фразеологические единицы на материале вышеобозначенных языковых примеров. Необходимо отметить, что при анализе актуализируется коммуникативная ситуация, заключающаяся в выявлении причины зложелания. Формулы зложелания с компонентом *эц*, образованные с помощью глаголов *йарылу*, *шешү*, *күбү*, *тишелү*, адресованы к человеку, который вводит в заблуждение, обманывает. Следовательно, синонимичные фразеологизмы *эцең йарылгыр*, *эцең шешгер*, *эцең күпкер* и *эцең тишелгер* обозначают обманщика, лгуна. Однако данные единицы отличаются семантическими оттенками, связанными со степенью и образом действия, проявления желаемого наказания. В основе формулы *эцең йарылсын* лежит желание нанесения (кем-то) вреда с быстрым летальным исходом. В данном случае адресатом выступает бессовестный человек, нагло обманывающий адресанта. Следовательно, фразеологизм *эцең йарылгыр* имеет значение «бессовестный обманщик, наглый лгун»: *Ойатсыс, эцең йарылгыр, марас суләйсен тә йөрөйсән* («Бессовестный, наглый лгун, ходишь и врешь»). Формулы *эцең шешсен* и *эцең күпсен* основаны на желании нанесения (кем-то) вреда здоровью, а адресатом же становится человек, который обманывает из зависти. Следовательно, дублетные номинации *эцең шешгер* и *эцең күпкер* называют завистливого лгуна.

Культурологический материал подтверждает функционирование богатого фразеологического фонда. Приведем примеры паремиологического материала: *эцеңне йырып цыкмас* (досл. твою внутренность не вывернет) – «что-то его не утрудит», *эцен алган цорагай* (досл. щука с вынутыми внутренностями) – «тощий человек», *эцентә ут йөртөү* (досл. внутри носить огонь) – «человек с плохими намерениями», *эцкә кер керәү* (досл. во внутрь грязь попасть) – «становится плохим (о человеке)», *эцеңә сый* (досл. входить в себя, в свою внутренность) – «держат себя в руках».

Интерес представляют малые жанры устного народного творчества сибирских татар, в которых отразилась народная мудрость и смекалка.

Йулауцы кунгалы пер гешегэ кергэн. Куча:

Эцгәле цойым та йуқ, ашагалы икмәгем тә йуқ, тип сарланган.

Йулцы аңа:

Йатыр қорсақ йаңшамас,

Йаңшаса та – сурамас, тигән.

Куча үсенең кирткән:

Йатар қорсақ йаңшар,

Йарты икмәк тартар, тигән имеш.

Перевод: путник попросился переночевать у одного человека. Хозяин не захотел его пускать:

– У меня нет ни чая, ни хлеба.

Путник ему:

– На ночь живот не захочет,

А захочет, так и не попросит.

А хозяин дома все по-своему:

– Все равно живот захочет,

И полхлеба потребует.

Одним из признаков соматических фразеологизмов являются народные особенности ассоциативно-символического переосмысления одинаковых компонентов-соматизмов. Например, в русском языке компонент живот используется в значении жизнь: *класть живот, не щадить живота своего, не на живот, а на смерть*. Для татарской фразеологии более свойственно переосмысление компонента *эч* в значении «душа»: *эч пошу* (букв. «живот горит») [Муравьева, 2013].

Выводы. В ходе исследования вторичных номинаций мы пришли к следующим умозаключениям:

1. Проанализированные фразеологические единицы с компонентом-соматизмом *эч* являются продуктами вторичной номинации, большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

2. Лингвокультурологический анализ не только продемонстрировал самобытность изучаемого материала, но и позволил выявить этимологию диалектных наименований, которые нашли отражение в фольклоре сибирских татар.

3. Диалект является хранителем исторической памяти народа: в нем гармонично сохраняются древние элементы в уникальной интерпретации.

Заключение. Фразеологизмы, основанные на базе формул зложеланий, являются сложными образованиями. Они не только называют лицо, которому адресовано зложелание, но и являются единицами, семантическая структура которых напрямую зависит от ситуации общения. Например, зложелание *эцен йарылсын* адресовано человеку, который обманывает без зазрения совести. Соответственно, фразеологизм *эцен йарылгыр* приобретает семантику «обманщик,

бессовестный». Можно квалифицировать данные лексемы синонимами, которые имеют разные семантические оттенки. Следовательно, под зложеланием мы понимаем негативную образно-экспрессивную речевую единицу, которая приобрела статус клише, формулы, служащей базой для образования фразеологических единиц.

Благодарности. The research is performed according to the Russian Government Program of Competitive Growth of Kazan Federal University.

1. Ашрапова А. Х. Мир языков: ракурс и перспектива / Материалы VI Междунар. науч. практ. конф., Минск, 22 апреля 2015 г. ; редкол.: Н. Н. Нижнева (отв. редактор) [и др.]. Т. I. Минск : БГУ, 2015. С. 4–12.
2. Аюпова Р. А. Фразеографическое описание татарского, русского и английского языков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2010. 39 с.
3. Большой диалектологический словарь татарского языка / сост. Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хайретдинова. Казань : Тат. кн. изд-во, 2009. 839 с.
4. Ганиев Ф. А. Русско-татарский словарь. М. : ИНСАН, 1997. 720 с.
5. Даутова Ф. И. Структурно-грамматическая характеристика субстантивных фразеологизмов с компонентом баш / голова в кумыкском и русском языках // Современные проблемы науки и образования. 2014. №1. 342 с.
6. Дутова Т. Е. Концепты дух/душа : Сравнительно-этимологический анализ славянской фразеологии // Филологический ежегодник. Омск, 2004. Вып. 5–6. С. 182–190.
7. Ермакова Е. Н., Файзуллина Г. Ч. Фразеологизмы сибирских татар с компонентом-соматизмом «голова» как социально значимые маркеры региона // Филология и культура. 2016. № 1 (43). С. 53–58.
8. Замалетдинов Р. Р. Национально-языковая картина татарского мира : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2004. 38 с.
9. Камалова А. Ф. Стилистические функции глагольных фразеологических единиц в современном татарском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 24 с.
10. Кульсарина Г. Г. Этноязыковая картина мира в текстах башкирского фольклора : дис. ... д-ра филол. наук. : 10.02.02. Казань, 2018. 474 с.
11. Мейрманова Г. А. Культура общения у казахов: трансформация традиционного этикета : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 159 с.
12. Муравьева А. И. Лингвокультурологический аспект изучения соматической фразеологии неродственных языков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. С. 144–155.
13. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Древнетюркский словарь. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1969. 677 с.
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994. 564 с.
15. Татар теленең фразеологик сүзлеге. 2 томда. 2 т. Казан : Татар. кит. нәшр., 1990. 366 б.
16. Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1992. 255 с.
17. Файзуллина Г. Ч. Номинации человека в татарских народных говорах Тюменской области. Казань : Отечество, 2016. 285 с.

18. Файзуллина Г. Ч. Образ человека в диалектной языковой картине мира (на материале татарских народных говоров юга Тюменской области): дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02. Казань, 2017. 408 с.

19. Nailievna S. R., Olegovich G. I., Antonovna T. Y. Contextual use of phraseological units with transparent inner form in the English and Russian languages and the use of statistical programmes in their study // *Journal of Language and Literature*, Vol. 6, Issue 1, 2015, pp. 248–252.

20. Nurullina G. M., Chupryakova O. A., Safonova S. S. Expressive substantives describing a person in Russian dialects of the Republic of Tatarstan // *Journal of Language and Literature*, Vol. 6, Issue 1, 2015, pp. 287–290.

21. Zamaletdinov R. R., Faizullina G. C. Metaphorization of mythonyms as the way of a person secondary nomination in the Siberian dialects of tatar language // *Journal of Language and Literature*. 2015. Т. 6. № 2. С. 59–63.

УДК 191.37(470.61)+303.44223

**ЛАКСКИЙ ТОПОНИМИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ
И ЕГО ТЮРКСКИЙ ГОРИЗОНТ В БАСЕЙНЕ
РЕКИ КАЗИКУМУХСКОЕ КОЙСУ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН
КАК ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
И СОЦИАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Х. Л. Ханмагомедов, А. Н. Гебекова

В работе рассматривается, в порядке постановки вопроса, функционирование лакского топонимического ландшафта и его тюркского горизонта на исконных территориях расселения их носителей в бассейне реки Казикумухское Койсу Республики Дагестан.

Ключевые слова: Республика Дагестан, лакцы, топонимический ландшафт, тюркский горизонт.

**LAK TOPONYMIC LANDSCAPE
AND ITS TURKIC HORIZON IN THE BASIN
OF THE RIVER KOISU KAZIKUMUCKH OF THE REPUBLIC
OF DAGESTAN AS LINGUISTIC
AND GEOGRAPHICAL AND SOCIO-GEOGRAPHICAL FACT:
THE PROBLEM OF STUDY**

Kh. L. Khanmagomedov, A. N. Gebekova

In the paper, in the manner of the question, the functioning Lak toponymic landscape and its horizon of Turkic ancestral territories for the resettlement of their carriers in the basin of the river Koisu Kazikumuckh of the Republic of Dagestan.

Keywords: Republic of Dagestan, laktsy, toponymic landscape, Turkic horizon.

Лакцы – один из коренных народов Дагестана. Исконной их территорией заселения является бассейн реки Казикумухское Койсу, в административном отношении – это Кулинский и Лакский районы Республики Дагестан. Как мы знаем, в 1944 г. они были переселены на земли депортированных чеченцев в современный Новолакский район. Согласно переписи населения 2010 г., их числен-

ность здесь составляет 161 276 человек, уступая аварцам, даргинцам, кумыкам, лезгинам [Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г., с. 262]. Как пишет Б. Ф. Добрынин, лакцы – серебряки, медники и лудильщики – практикуют свое ремесло и за пределами округа (Казикумухского. – Х. Х., А. Г.), имея мастерские в городах Дагестана и других местностей Кавказа и СССР [Добрынин, 1926, с. 115]. Они имеют широкий ареал расселения и в других районах России. Согласно вышеназванной переписи населения, в Тюменской области их числится 1781 житель, что составляет более 4,82 % всех дагестанцев, проживающих в указанной области (без азербайджанцев). Лакский топонимический ландшафт – один из слабоизученных в Дагестане. Его изучением в разные годы занимались С. М. Хайдаков, И. Х. Абдуллаев, Н. С. Джидалаев, А. Г. Булатова, Н. Ц. Маммаева, Р. Г. Маршаев, Х. Л. Ханмагомедов, А. Н. Гебекова, но они касались этого вопроса в связи с изучением сугубо лингвистических, этнических вопросов своей области исследования (языкознания, географии, этнографии). Вопросами тюркской топонимии на этой этноязыковой территории частично занимались Н. С. Джидалаев и Х. Л. Ханмагомедов. По нашему глубокому убеждению, тюркский топонимикон – результат контактирования лакцев с тюркоязычными народами (азербайджанцами, кумыками и др.) с глубокой древности. А. М. Касимов не случайно пишет: «Группами горские отходники уходили в различные города Кавказа. О влиянии отходничества и распространения среди горцев азербайджанского языка красноречиво говорит пример села Шовкра Лакского района (Республики Дагестан. – Х. Х., А. Г.), где еще недавно большая часть мужского населения говорила свободно на азербайджанском языке. Большая доля правды есть в шутке: «На шовкринском годекане можно научиться азербайджанскому языку» [Касимов, 2012, с. 128; Гебекова, Ханмагомедов, 2018, с. 1087–1088]. По мнению Г. А. Сергеевой, самоназвание лакцев предположительно связывается с племенем легов, упоминаемых античными и раннесредневековыми авторами [Сергеева, 2014, с. 218]. Далее она продолжает: «О первых государственных образованиях – княжествах Гумик и Туман упоминается в арабских источниках в связи с событиями в VII веке». Здесь же она подчеркивает: «В XVII веке кумухские шамхалы переселились в свою зимнюю резиденцию в Тарках, что дало начало династии шамхалов Тарковских. Об их самоназвании встречаем и у М. Р. Гасанова [Гасанов, 1997, с. 53] (приведем досконально как у автора): «Самоназвание – лак, а страна их – Лакнал кону – «место лаков», называют их: даргинцы – вулеги, акушинцы – «вулугуни», сюргинцы – вулекко, цахуры – лакбу, табасаранцы – лакар, яхулар, лезгины – яхулар (цит. работу С. М. Хайдакова «Очерки по лексике лакского языка». М., 1961. С. 83). Далее, по А. Комарову, он отмечает, что они занимают долину Казикумухского Койсу (по-лакски Кун-Нехи – «большая река»). Корень лак и его варианты документированы, что доказывает древнее бытование этого термина на Кавказе (мы скажем – этнонима. – Х. Х., А. Г.) (по И. Х. Абдуллаеву и К. Ш. Микаилову). Он цитирует работу И. Абдуллаева «Опыт анализа лакской этнонимии» (1972): «Название лак “лакцы” уже

с давних пор в лакском языке являлось общим и единым термином (этнонимом. – Х. Х., А. Г.) для названия всей лакской народности. Слово сочетание Лакку кІану “Лакія” (“страна лаков”), выступая в виде топонима, как бы противопоставление этнониму лак/лакцы. Далее он правильно констатирует: «В настоящее время термин (этноним. – Х. Х., А. Г.) “лак” в качестве этнического названия лаков распространен и в других языках». Мы согласны им, что использование его в качестве самоназвания – вторичное явление. Полагают, подчеркивает М. Р. Гасанов [Гасанов, 1997, с. 53], что становление этого самоназвания произошло в эпоху возникновения Казикумуха в средние века. В лингвистическом и экстралингвистическом отношении лакских микротопонимов по «Лакско-русскому словарю» С. М. Хайдакова рассматривает Н. Ц. Маммаева [Маммаева, 1992]. Она выделяет односоставные топонимы и двусоставные (4 типа). Односоставные, по ее мнению, это: 1) существительное в основном падеже или прилагательное (ласат/ип, сс. Хури, Хюли). Двусоставные – это относительное (качественное) прилагательное в основном падеже: 1) ЧархьтІинен («фонтатирующая вода», с. Цуликани); 2) относительное (качественное) прилагательное, наречие или существительное в основном падеже плюс географический термин: Турришуйсса – Маш («хутор, где дерутся на саблях», с. Цовкра), Дивирнал – Хул («роща Муллы», с. Вачи); 3) числительное (количественное) плюс существительное в форме основного падежа, родительного и местного падежей: ШанмурцІуар («треугольная равнина», с. Сумбатль), КІибакІивалу («местность двух вершин», с. Хурукра); 4) определительное словосочетание, где второй компонент имя с суффиксами -ялу, -алу, -валу: Хуна бахІулалу («местность под большим холмом», с. Вачи), Ччурччунщинахалу (букв. «местность сгоревшей воды», с. Убра), Мурчал-Киялу («местность, где гуляет ветер», с. Табахлу). В трехсоставных топонимах стержневыми элементами являются существительные: Маннил – Маршраву-Къур («местность за лугом Мани», с. Гуйми), Бюхттул-Шарнил-Рат («ущелье высокого аула», с. Ханал). Рассмотрены ею топонимы, отражающие животный и растительный мир, формы объекта, грунт, качество воды, величину, уподобление формы в сравнении с другими предметами, орографического и ландшафтного, антропонимического цветового определения. Она завершает свою статью словами: «Семантический анализ топонимов показал, что отражают их не только географические реалии, но и отношение к ним людей, давших эти названия» [Маммаева, 1991, с. 69]. Этим словам нельзя не верить. Такой материал включен Х. Л. Ханмагомедовым в монографию и составленный им словарь [Ханмагомедов, 1990; Ханмагомедов, 1998], где уделяется определенное внимание лакскому топонимикону.

В лакской этноязыковой территории – Дагестан активное участие принимают местные географические термины и другие слова, формирующие топонимию. Мы таковыми считаем: бек («холм, пригорок, горка, вершина горы»), бар («озеро, пруд»), бизану («горное пастбище»), вал («обвал, обрыв»), Валтту («вал округлой формы»), вильтти («местность»), гъан («склон горы»), дазу (азерб.)

(«пограничный»), далику («перевал, горный проход, седловина»), зилу («гора»), зинибаклу («вершина горы»), зунтту («гора»), зурххилау («отлогое место»), куvasай-кур («зерное поле»), кьунабитавалу («плато», букв. «большой поднос»), кьур («массив полей»), кьуржа («для скота»), лухчи («земля»), марша («склон долины или холм, покрытый растительностью»), маши («хутор»), мач («луг на склоне горы»), мизит («мечеть»), мурву («скала, круга»), оьнтIа («ложбинка»), ппе («хлев»), ратI («ущелье, русло реки»), рахI («лощина»), рехI («овраг»), син («склон горы»), скала (рус.), сун («склон (долины), холма, горы»), ссуриwаму («поднебесье»), ттар («зерновой ток»), хIалу («роща, местность»), хIатталу («кладбище»), чанкIри («чанки»), чартта («камень»), чарттукy («камнеломня»), шар («селение»), шерянзи («родник, ключ, источник»). Немало в лакской этноязыковой территории антропонимов, этнонимов, нарицательных слов, связанных с растительностью и животным миром. Материал специально никем не обобщен в монографическом плане. Читатель может найти этот материал в денонированной работе Х. Л. Ханмагомедова [Ханмагомедов, 1998]. Определенный интерес в топонимическом отношении представлен в хорониме «Казикумухское шамхальство» – последняя лексема, т. е. «шамхал». В частности, в работе Р. Г. Маршаева приводятся различные точки зрения о его происхождении [Маршаев, 1959, с. 163–168]: 1) по свидетельству восточных историков, правитель лаков – «шукел», «шаукал» – в период нашествия Тимура находился во враждебной к нему коалиции, поэтому Тимур обвинил его и лакскую знать в поддержке неверных (в чем суть указанных лексем автор статьи не объясняет); 2) по «Тарихи-Дагестан», «шамхал» – имя первого ставленника арабов на Нагорном Дагестане... Так назвал он по имени своего деда родом из селения Хал и Шам (Сирия) [Маршаев, 1959, с. 165] (в русской передаче Шам + Хал. – А. Г., Х. Х.); 3) в «Дербент-Наме» имеется иное определение «шамхал». Здесь рассказывается о том, что Муслимат (брат Халифа Хашема бин Малик), военачальник арабских войск в Дагестане, завоевав Кумух, назначил правителем некоего Шах-бала – сына Абдуллы, сына Абаса [Маршаев, 1959, с. 166] (нам не понятна связь изложения с понятием «шамхал»); 4) в дореволюционной исторической литературе утверждается, что слово «шамхал» произошло от слияния двух слов: «шам» (Сирия) и «хал» (населенный пункт в Сирии); 5) Б.Малачихалов считает, что слово «шухаби» (Шаука, Шаона), встречающееся в гидатлинской генеалогии, является множественной формой арабского классового термина «шуюх» – от единственного числа «шейх» («начальник, старейшина») [Маршаев, 1959, с. 167]; 6) по мнению арабского знатока М. Саидова, по законам арабского языка, если этимологизировать «шамхал» от «шам» (Сирия) и «хал» (название населенного пункта Сирии), получается не шамхал, а Хал-аш-шам. Он же утверждает, что форма «шам» и «хал» образована по типу тюркских слов, а не арабских [Маршаев, с. 168]. По нашему мнению, термин «шамхал» произошел от соединения двух слов: «шам» (у лаков означает Сирия) и «хьул», «хьам», хан – окончание слова. По законам словообразования лакского языка

аффикс «хьал» является показателем принадлежности лица к определенному роду племени и месту. По мнению Н. С. Джидалаева в лакском языке существует слово «аьре» болгарского происхождения [Джидалаев, 1989, с. 29]. Первоначально оно имело значение «граница, пограничная межа, межа» (аьря → аьрялалу – аффикс местного падежа – лий), словообразовательный аффикс -алу соответствует значению «место». Он в качестве примеров приводит топонимы Арялу – «место над равниной» (местность в селах Бурши, Куркли), Ариялу – «место под равниной» (местность в селе Хосрех Кулинского района) [Джидалаев 1989, с. 29], связывая с вторжением в IV в. н. э. на территорию Дагестана гуннов. Под именем гуннов здесь известны не только собственные гунны, но и базилы, савиры, болгары, населяющие северокавказские степи. По мнению А. Г. Булатовой, следы пребывания гуннов сохранились в топонимии и языке. Один из кварталов села Кумух Лакского района носил в прошлом название Гъуннал-аль – «народ гуннов», среди лакских родовых имен встречаются такие, где отчетливо слышится этноним «гун» – Гун. – нахул (гунаевун), Гун-гун-Нахбул, Бу-гун-Нахул [Булатова, 1971, с. 22]. Не связано ли с этим этнонимом имя у капучинских аварцев Гунаш? С этнонимом «туман», по мнению Х. Л. Ханмагомедова, связана историческая область Лакии – Туман [Ханмагомедов 1990, с. 37]. По А. Г. Булатовой [Булатова, 1971, с. 194], «тумен» («туман», «тюмен» – дериваты); вероятно, тюркоязычное племя действительно обитало после татаро-монгольского нашествия, было одним из основателей Эндирея (с Хасавюртовского района) и дало свое название кварталу Тюменаул. По Х. Л. Ханмагомедову, это племенное название, проникшее в Дагестан вместе с тюркоязычными народами. Возможно, часть этого племени мигрировала в Дагестан по торговым соображениям. Этот этноним встречается в топонимии Ближнего Востока, Монголии, Республики Казахстан, Тюменской области [Ханмагомедов, 1990, с. 37]. Балхар и Шадни – лакские села в Акушинском и Дахадаевском районах РД; Балхар от болгар [Ханмагомедов, 1993, с. 68]. Связь этого названия с древними булгарами отмечена в «Народах Кавказа» [Народы Кавказа, 1960, с. 20]. Х. Л. Ханмагомедов, анализируя это название в работе С. Д. Алиева «В помощь краеведу Дагестана» [Алиев, 1964, с. 20], пишет, что он связывает его с арабским словом «фаххар», что означает «гончарные изделия, гончар», и что местные жители приводят легенды: когда была драка акушинцев с балхарцами, акушинцы закричали: «бахар», что значит «много». И с этого времени село называют Балхаром. Он пришел к выводу, что «такой подход С. Д. Алиева, без привлечения исторического материала, ограничение лишь с одним показателем занятия и взаимопомощи в трудную минуту балхарцев привело к ложной этимологии» [Ханмагомедов, 1993, с. 69]. По предположению Х. Л. Ханмагомедова, название второго села связано с трансформацией этнонима «шадыли» [Ханмагомедов, 1993, с. 62]. Г. А. Гейбуллаев [Гейбуллаев, 1986, с. 80] считает, что в XV в. в Азербайджане существовала племенная общность шадыли. Можно предположить, пишет он, что топонимы с этим этнонимом восходят к древнему этнониму «шато». Племя это

входило в состав «Дестистрельного народа». Им же в сноске отмечается, что «шато» как древнетюркский этноним, по мнению исследователей, утрачен в IX в., сохранившись только как название подразделения среди разных народов. Например, племя шады в XIX в. отмечается среди киргизов.

В работе мы рассмотрели некоторые вопросы лакского топонимического ландшафта на исконной территории заселения лакцев в бассейне реки Казикумухской Койсу. Отметим, что топонимический фон здесь лакский, пласты – тюркский, русский, спектры – даргинский, рутульский, цахурский, лезгинский, арабский. Тюркский пласт представлен азербайджанскими, кумыкскими, гуннскими, болгарскими топонимами. В современной лакской этноязыковой территории в топонимикон активно внедряются русские и русско-оформленные комонимы. Это объективная реальность, т. к. русский язык является языком межнационального общения не только в Лакии, но во всем Дагестане как объективная необходимость в условиях многоязычия региона на юге России.

В целях дальнейшего изучения лакского топонимического ландшафта предлагаем: 1) изучить весь лакский топонимикон и по другим регионам Дагестана, включая современный Новолакский район, используя полевые, архивные и картографические материалы; 2) изучить местные географические термины и другие слова, формирующие топонимию регионов лакского этноса, с охватом не только сельских, но и городских территорий, где происходит адаптация лакского населения к новой этносреде; 3) настало время лингвистического осмысления всего комплекса лакского ономастического комплекса в целом и его тюркского горизонта, в частности; 4) в вузах и средних педагогических учебных заведениях, где готовят кадры по лакскому языку и литературе, включить обязательный курс «Общая ономастика и лакская топонимика» (можно отдельно, расчленив их на два курса); 5) необходимо взять под государственную охрану все топонимы не только лакского и тюркского происхождения, но и всего комплекса лакской этноязыковой территории.

1. Алиев С. Д. В помощь краеведу Дагестана. Махачкала : Дагучпедгиз, 1964. 69 с.
2. Булатова А. Г. Лакцы : историко-этногр. исследование. Махачкала : Изд. Ин-та истории, яз. и лит., Даг. фил. АН СССР, 1971. 196 с.
3. Гасанов М. Р. Загадки этнонимов Дагестана. Махачкала : [б. м. изд.], 1997. 100 с.
4. Гебекова А. Н., Ханмагомедов Х. Л. Азербайджанцы в Дагестане: некоторые вопросы этнической истории, языковых взаимоотношений, образования // Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Азербайджанской Демократической Республики и первой парламентской мусульманской республики. Баку, 21-23 мая 2018 г. Баку : Изд-во Бакин. гос. ун-та и Управления мусульман Кавказа, 2018. С. 1085–1093.
5. Гейбуллаев Г. А. Топонимия Азербайджана. Баку : Элм, 1986. 192 с.
6. Джидалаев Н. С. Далекое-близкое. Махачкала : Даг. кн. изд-во, 1989. 80 с.
7. Добрынин Б. Ф. География Дагестанской С. С. Республики. Буйнакск, 1926. 127 с.
8. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : в 11 т. / Федер. служба

гос. статистики. М. : Статистика России, 2012. Т. 4. Национальный состав, владение языками, гражданство. Кн. 1. 847 с.

9. Касимов А. М. Этнокультурное взаимодействие тюркоязычных народов Дагестана с народами Северного Кавказа (XIX – начало XX в.) // Тюркский мир: вчера и сегодня : материалы Междунар. науч. конф., г. Баку, 23-24 мая 2011 г. Баку : Изд-во Бакин. гос. ун-та, 2012. С. 125–131.

10. Маммаева Н. Ц. К характеристике некоторых лакских топонимов // Дагестанская ономастика : материалы и исследования. Махачкала : Изд-во Ин-та истории, яз. и лит. им. Г. Цадасы Даг. науч. центра АН СССР, 1991. С. 65–69.

11. Маршаев Р. Г. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов // Ученые записки Ин-та истории, яз. и лит. Даг. фил. АН СССР им. Г.Цадасы. Т. 6. Махачкала, 1959. С. 163–173.

12. Сергеева Г. А. Лакцы // Народы России : энциклопедия / под ред. В. А. Тишкова. М. : Большая Российская энциклопедия, 2014. С. 218–220.

13. Ханмагомедов Х. Л. Топонимия Дагестана. Топонимия территории со сложной географической средой и этноязыковым составом населения. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. 244 с.

14. Ханмагомедов Х. Л. Топонимия территории со сложной географической средой и этноязыковым составом населения (на материале Дагестана) : дис. ... д-ра геогр. наук. Махачкала: Даг. гос. пед. ун-т, 1993. 388 с.

15. Ханмагомедов Х. Л. Словарь топонимии Юго-Восточного Дагестана. Махачкала : Даг. гос. пед. ун-т, 1998. 414 с. / деп. в ВИНТИ от 29.06.1998 г. № 1953. В. 98.

УДК 811.511.21

МИФОНИМЫ ТУНДРОВЫХ НЕНЦЕВ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

А. В. Яптунай

Статья посвящена культуре ненцев, их представлениям о строении мира, а также репрезентации мифонимов в языковой картине ненцев. Автор приходит к выводу о том, что мифонимы в функции вторичной номинации используются редко, однако ярко иллюстрируют качества человека, которые зависят от характеристик божеств и их принадлежности к светлому или темному началу.

Ключевые слова: ненцы, мифология, мифонимы, вторичная номинация, лингвокультурология.

MYTHONYMS OF TUNDRA NENETS IN THE LINGUO-CULTUROLOGICAL ASPECT

A. V. Yaptunai

The article is devoted to the culture of the Nenets, their understanding of the structure of the world, as well as the representation of the myths in the language picture of the Nenets. The author comes to the conclusion that the mifonyms in the function of the secondary nomination are rarely used, but vividly illustrate the qualities of a person, which depend on the characteristics of the deities and their belonging to a light or dark beginning.

Keywords: Nenets, mythology, mifony, secondary nomination, linguoculturology.

Ненцы («ненэй ненаця» – настоящий человек) – одна из крупных народностей, населяющих Крайний Север Российской Федерации, а именно Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Таймырский округа, а также северные районы Республики Коми и ХМАО. Выделяют лесных и тундровых ненцев, которых различают по фамильно-родовому составу, диалекту и некоторым особенностям культуры, а также оседлости.

Представители народа говорят на ненецком языке, который относится к северной ветви самодийской группы уральских языков и числится как язык, находящийся на грани исчезновения (Атлас мировых языков ЮНЕСКО). Пись-

менность появилась лишь в 1932 г. на основе латиницы, а в 1937 г. состоялся перевод на кириллицу. Разница ненецкого алфавита от русского в том, что в нем содержатся три специальные буквы «ң», «'» (звонкой тасер), «'» (глухой тасер).

Традиционными занятиями ненцев являются оленеводство, рыболовство, охота и собирательство. Главным кормильцем для ненцев является олень. Шкура используется для утепления чума (конусообразное жилище), создания национальной одежды (малицы, ягушки, кисов и т. д.). Также олень является священным животным, которого приносят в жертву богам или духам. Основная пища ненцев – мясо оленей (в сыром и вареном виде), рыба, хлеб.

Актуальность исследования обоснована тем, что языковая картина мира коренных малочисленных народов Крайнего Севера малоизучена.

Предметом исследования является мифология тундровых ненцев. Цель исследования видится в изучении вторичной номинации мифонимов в ненецкой языковой картине мира.

Вселенная (я'тир) в ненецкой мифологии состоит из трех миров, расположенных вертикально один над другим: Верхнего, Среднего и Нижнего.

Религиозные представления ненцев отражены в табл. 1.

Исходя из содержания этой таблицы, мироздание в понимании ненцев имеет анимистический характер, т. е. животные, растения, люди, неведанные силы имеют духовное начало. Они обозначались термином «духи» – существа единой природы, которые находятся в постоянном взаимодействии.

Мифонимы ярко представляют простое понимание ономастического пространства, в который входят имена богов, духов, существ, в действительности не существовавших.

Нум' – высшее божество, создатель мира (с ненец. «небо», «погода»). В свою очередь, он является именно светлым началом в мифологии ненцев и покровительствует людям. В некоторых текстах сказано, что Нум' не имеет физического обличия (бестелесен), но известно то, что он в преклонном возрасте (Нум'Вэсако). Редко, но можно услышать фразу «Нум Вэсоком' толхан» («Ты похож на Нум» / «Ты как Нум»), подразумевая, что человек такой же светлый, добрый и справедливый, как создатель.

Антиподом Нум'а является Сив Нга Нися – отец семи смертей Ѓа (Нга), который, согласно мифологии, принимал участие в создании вселенной. Его образ связан с Нижним миром, где, по представлению ненцев, обитает все злобное, негативное и враждебное (духи, чудовища, ведьмы и т. д.). Так, и Нга является темным и мрачным началом мироздания ненцев, бестелесен и предстает в образе старика (Нга Вэсако). Непосредственного использования имени Нга в негативном значении не встречалось, но возможно услышать фразы, которые иллюстрируют худшие качества людей. Например, выражение «Тайкуй пинкавты ненеця» («Этот ужасный человек») подразумевает, что человек ужасен не по характеру, а по его деяниям.

Таблица 1. Структура мироздания ненцев

БЕСКОНЕЧНОСТЬ			
ВЕРХНИЙ МИР	9-й ярус	Нум – верховное божество, Я’миня (Я’небя) – защитница семьи, мать-создательница беременных и душ детей, которая знает все о судьбе человека и записывает ее в особую книгу – Ил’падар.	
	8-й ярус	Солнце	
	7-й ярус	Луна и звезды	
	6-й ярус	Сыновья Нума (покровители родов)	Нумгымпой
	5-й ярус		Яптик хэхэ
	4-й ярус		Хамба яха
	3-й ярус		Сабета яха
	2-й ярус		Яха’мюй
	1-й ярус	Помощник Нума	Яв’мал Вэсоко
СРЕДНИЙ МИР	Духи и хозяева природы		Илебям’пэртя – бог изобилия, дарующий людям оленей, Я’мал Вэсоко – бог острова Ямал, Ид’Ерв – бог воды, Яв’Ерв – бог морей, То’Ерв – бог озер, Яха’Ерв – бог рек, Мин,ив’мин Ере – хозяин семи ветров, Ту’Хада – хозяйка огня и др.
НИЖНИЙ МИР	1-й ярус	Народ	Сихиртя
	2-й ярус	Мифические существа	Я’Вол – дух зла земли, Вэмм’Вэсота, Мал’Тэнга, Тунгу Судбя
	3-й ярус	Болезни	Хабцяngo Минрена – дух всех болезней, Мэд’на – дух уродов, Хансосяда – дух, уносящий разум, Тэри Нгамг и т. д.
	4-й ярус		
	5-й ярус	Я’Хал (подземный червь) и другие злые духи	
	6-й ярус	Владение сыновей Нга	Якдэйнга (Чесотка), Мерюнга (Оспа), Ходэнга (Кашель – туберкулез), Синга (Цинга), Хэдунга (Болезнь, убивающая в одну ночь всех людей и оленей)
	7-й ярус		
	8-й ярус	Владыка	Нга (Сив-Нга-Нися) – имеет небесное происхождение, управляет подземным царством, ведает смертью и болезнями людей
	9-й ярус		
БЕСКОНЕЧНОСТЬ			

Также важным божеством в ненецком пантеоне является Я'Небя (Мать Земля), которая выступает как защитница семьи, мать-создательница беременных и душ детей. Она покровительствует браку и сохранности святости и прочности брачных союзов. Например, фраза «Пыдар' Я'Небя толхан, ненэй небян» («Ты похожа на Я'Небя, настоящая мать»), подразумевает, что женщина любит своих детей, верна мужу и хозяйственна.

В ненецком языке слово *Парнэ*, *парнэко* означает ведьму. По одной версии, это прислужница Нга, по другим – проклятая женщина. Например, «Тайкуй не парнеко» («Эта женщина – ведьма»). В данной фразе прослеживается отсыл на сверхъестественные способности человека, которые бытуют в народе. Другой пример, менее негативный, скорее относится к определенной жизненной ситуации. Например, девушка, проснувшись, случайно увидела себя в зеркале и воскликнула «Мань парнекодм'», подразумевая, что внешне она выглядит безобразно, некрасиво.

Таким образом, вселенная в представлении ненцев имеет сложную структуру. Вера в божества, духов и другие существа связана с тем, что ненцы боятся их гнева, поэтому с трепетом относятся к природе. Ненцы верят, что почтительное отношение к духам предков и духам природы плодотворно скажется на дальнейшем развитии рода.

1. Полевые материалы Л. А. Лара:

Тетрадь № 1. Ямальская экспедиция: Сюнайсагинская тундра, Ямальская тундра, Сеяхинская тундра, Таркосалинская тундра, Тамбейская тундра, Новопортовская тундра. 1984–1994.

Тетрадь № 2. Тазовская экспедиция: Гыданская тундра, Тазовская тундра, о. Мамонтовый. 1991–1993.

Тетрадь № 3. Пуровская экспедиция: Таркосалинская тундра. 1992.

Тетрадь № 3а. Надымская экспедиция: поселки Кутопьюган, Нори, Ныда. 1987–1988.

2. Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М. : Советская энциклопедия, 1965.

3. Хомич Л. В. Представления ненцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.

ЭТНИЧНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

УДК 069

**РОЛЬ СИБИРСКИХ ОТДЕЛОВ ИМПЕРАТОРСКОГО
ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА
В КОНСТРУИРОВАНИИ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)¹**

А. А. Валитов

В статье проведен анализ деятельности сибирских отделов Императорского Православного Палестинского Общества, направленной на конструирование русской идентичности на рубеже XIX – начала XX в.

Ключевые слова: русская идентичность, Сибирь, Императорское Православное Палестинское Общество.

**THE SIBERIAN DEPARTMENTS OF THE IMPERIAL
ORTHODOX PALESTINIAN SOCIETY IN
THE CONSTRUCTION OF RUSSIAN IDENTITY
(THE END OF XIX – EARLY XX CENTURIES)**

A. A. Valitov

The article analyzes the activities of the Siberian departments of the Imperial Orthodox Palestinian Society aimed at the construction of Russian identity at the turn of the XIX – early XX centuries.

Keywords: Russian identity, Siberia, Imperial Orthodox Palestinian Society.

Неоднозначность и противоречивость социокультурных процессов, проходивших на территории Сибири в имперский период истории, ставит вопрос о способах и инструментах конструирования русской идентичности в одном из отдаленных от центра регионов, в котором присутствовали сильные этнокультурные компоненты.

Вопрос формирования и складывания русской идентичности в современной науке является сложным и дискуссионным, изучение данного явления находится в центре историко-этнографических исследований. В целом можно согласиться с подходом В. А. Тишкова, который заключается в том, что в этниче-

ской идентичности ведущая роль отводится государству по конструированию «воображаемой общности» на принципах веры, естественной и природной связи [Тишков, 1997, с. 27].

Цель данной статьи: провести анализ деятельности отделов Императорского Православного Палестинского Общества в Сибири по конструированию русской идентичности.

В «Декларации русской идентичности», принятой 1 ноября 2014 г. на XVIII заседании Всемирного русского народного собора, говорится, что в «формировании русской идентичности огромную роль сыграла православная вера» [Официальный сайт Московской патриархата, 2018]. В складывании европейских наций значительную роль сыграл религиозный фактор, и в конструировании русской идентичности он выступал в качестве ключевой доминанты с 988 по 1917 г. Сакральным местом для православных верующих выступает Святая Земля, именно она является центром зарождения христианства, сосредоточением великих святынь, а также местом, куда устремлялись на протяжении многих столетий паломники из России. В 30 беседах о Палестине в самом начале был закреплён тезис, что Святая Земля – родина человечества [Православное палестинское общество – 30 бесед о Святой Земле, с. 1]. Как справедливо подмечает исследователь Г. В. Пушкарева, если «формирование нации – это создание с помощью идей и ценностей символических форм, в которых воплощаются совместно создаваемые репрезентации, то национальная идентичность складывается в процессе интериоризации этих символических форм, их отображения в психике людей» [Пушкарева, 2017, с. 156]. Идея Русской Палестины как центра Святой Земли – мощный конструкт для русской идентичности. Особое попечение ближневосточные святыни получили в имперский период. Так, в правление Николая I в 1847 г. была создана Русская духовная миссия в Иерусалиме, которая положила основание «Русской Палестине». Русское закрепление на Востоке сопровождалось утверждением в империи идеологии официальной народности.

В последней трети XIX в. Российская империя попала в системный кризис, в котором оказались и традиционные символы, и государственно-общественные институты, власть находилась в поиске новых форм и методов сохранения русской идентичности. Именно в этот период и возникает новая общественная ассоциация – Императорское Православное Палестинское Общество (далее ИППО), которое на примере своей деятельности объединяло представителей разных сословий и, безусловно, символически конструировало русское единство. В 1889 г. управление всеми земельными участками и учреждениями в Палестине перешло к ИППО, тогда площадь приобретений составила 23 гектара (235 000 квадратных метров) [Лисовой, 2007, с. 16].

ИППО на рубеже XIX–XX вв. стало одним из мощных факторов в конструировании русской идентичности. Своей ключевой задачей Общество ставило распространение сведений о Палестине среди населения империи. Именно через узнавание Палестины, ее воображаемого идеального образа предполагалось

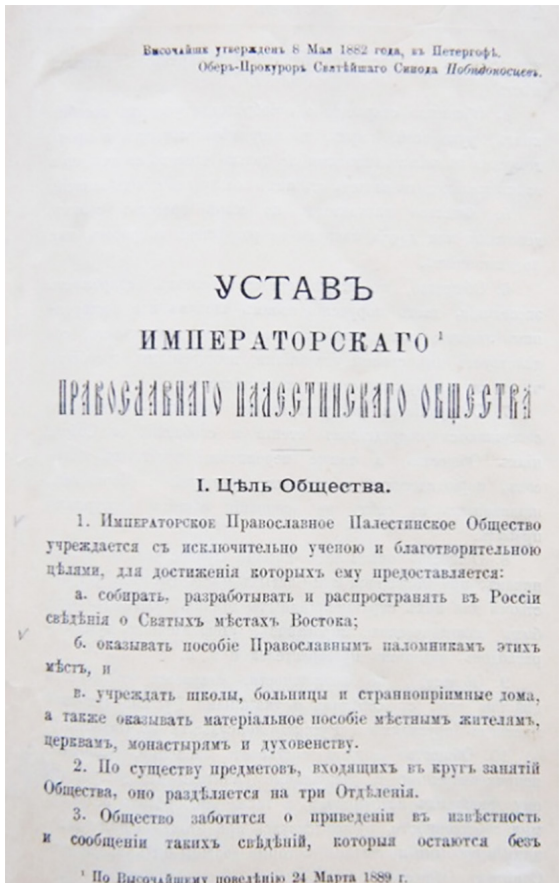

Рис. 1. Устав Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества

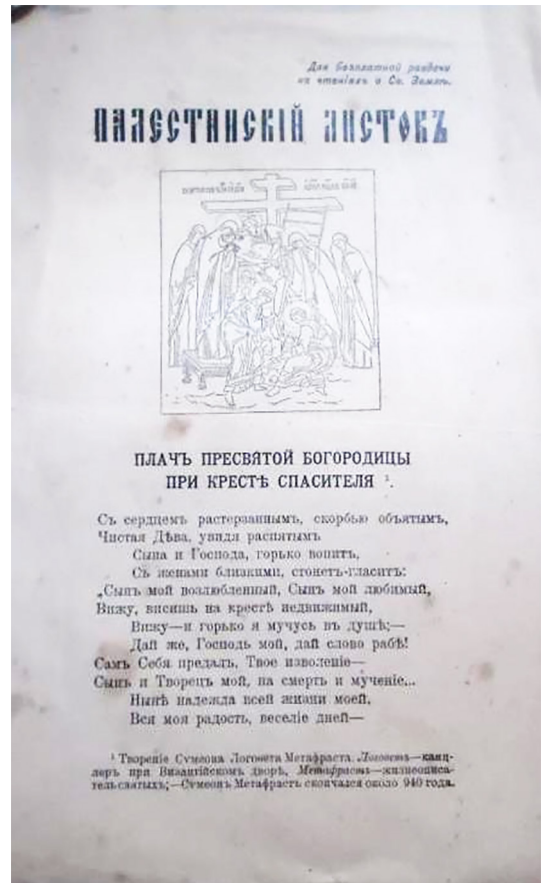

Рис. 2. Палестинскій листок

формировать русскую идентичность. В решении этой задачи помогала быстро-растущая региональная сеть отделений ИППО; так, в период с 1893 по 1916 г. в Сибири были открыты пять отделов: Якутский (1893), Томский (1894), Тобольский (1897), Енисейский (1898) и Забайкальский (Читинский) (1916).

Региональные отделы Палестинского общества активно включились в культурно-просветительскую повестку, действуя на основе разработанных для них в 1901 г. Руководящих правил. Самой доступной и популярной формой донесения до широких масс населения идей, смыслов и образов «Русской Палестины», стали Палестинские чтения.

Палестинские чтения по своей сути напоминали духовно-нравственные чтения, которые получили большую популярность на рубеже XIX–XX вв., использовались для просветительских целей Русской Православной Церковью. Чтения о Святой Земле позволили успешно реализоваться основной цели ИППО:

«ознакомление русских с прошедшим и настоящим святых мест Востока»; так через восприятие и визуализацию определенного смысла можно было проникнуться смыслом и стать причастным к великой святыне христианского мира. Переживать, сочувствовать и принимать можно было только то, что знаешь и понимаешь. Однако для широких кругов простого народа приобретение книг и брошюр о святых местах было затруднительно, «к тому же и пользование сими последними доступно лишь грамотным людям, да и те правильно прочесть и усвоить едва ли окажутся в состоянии без опытного руководителя», поэтому предлагалось организовывать палестинские чтения, которые должны были не только преподносить информацию в доступной для понимания форме, но и трогать души и сердца и тем самым вызывать искреннее сочувствие и расположенность к Палестинскому обществу.

Первые чтения прошли еще в 1895 г. Центральный Совет ИППО оказывал методическую и материальную помощь региональным отделениям, централизованно снабжал отделы нужными материалами: различными печатными изданиями (издательский отдел ИППО выпустил уже несколько десятков популярных изданий), для визуализации образа направляли «туманные картины» с видами Палестины, а также средства для проецирования – «волшебные фонари». Дело было поставлено очень хорошо, чтения пользовались большим спросом, и ежегодно их количество росло в геометрической прогрессии, как и численность принимавших в них участие. Во время чтений проходила раздача печатных материалов, содержащих сведения о Палестине, иллюстрации, карты и другие практические материалы.

Центральный комитет ИППО оказывал методическую и материальную помощь региональным отделам: ежегодно рассылали материалы для проведения чтений, а также палестинские листки для бесплатной раздачи слушателям. Например, только осенью 1901 г. (а такие рассылки шли из года в год) по местным отделам было разослано 1 193 800 экземпляров брошюр, листов и видов святых. Причем для чтений и собеседований было отведено 46 800 экземпляров (4 %), а остальные 96 % изданий были предназначены для бесплатной раздачи, прежде всего, на чтениях и внебогослужебных собеседованиях. Приоритет отдавался небольшим и наиболее легким для восприятия видам изданий: палестинским листкам (587 000 экземпляров) и видам Святой Земли с пояснительными текстами на обороте (321 600 экземпляров). Рассылал Совет и специально составленные «Правила для устройства и ведения чтений о Св. Земле» (только в 1901/1902 г. – 7000 экземпляров) [Нечаева, 2016, 131].

Можно утверждать, что деятельность сибирских отделов Императорского Православного Палестинского Общества способствовала конструированию русской идентичности, их деятельность в культурно-просветительской области можно рассматривать как важный инструмент трансляции определенных культурных кодов, направленный на выработку сознательной русской идентичности подданных Российской империи. Следует отметить тот факт, что сибирские от-

дела ИППО ориентировались в своей работе на региональную специфику. Так как большая часть жителей Сибири была представлена крестьянами, организаторам Палестинских чтений приходилось учитывать специфику восприятия и образа мышления носителей традиционной картины мира. Безусловно, обращение к пространственным категориям было более понятным и естественным для крестьянских детей, т. к. народная культура ориентирована парадигматически, т. е. пространственный элемент в ней выражен более явно, нежели временной. Палестинские чтения, проходившие именно в этом русле, получили большую популярность в народной среде, об этом свидетельствовал ежегодный рост как численности проводимых чтений, так и принимавших в них участие сибиряков.

-
1. Лисовой Н. Н. Императорское Православное Палестинское Общество: век XIX–XX–XXI // Православный Палестинский сборник. 2007. Вып. 105. С. 16–43.
 2. Нечаева М. Ю. Религиозно-просветительская деятельность епархиальных отделов Палестинского общества // От Зауралья до Иерусалима: личность, труды и эпоха архимандрита Антонина (Капустина) : материалы всеросс. науч. конф. Екатеринбург, 2016. С. 115–132.
 3. Официальный сайт Московской патриархии. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/508347>.
 4. Православное палестинское общество – 30 бесед о Святой Земле. СПб., 1902. 452 с.
 5. Пушкарева Г. В. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 156–173.
 6. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М. : Русский мир, 1997. 527 с.

УДК 304

**ПРИНЦИПЫ ПОЗИТИВНОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО
И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА В УСЛОВИЯХ
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОСТИ**

Ю. Р. Горелова

В рамках настоящей статьи автор рассматривает культуру как ресурс установления позитивных принципов межнационального и межконфессионального диалога. Особое внимание уделяется рассмотрению роли государства как значимого субъекта культурной жизни и культурной политики, одной из значимых функций которого является, с одной стороны, обеспечение сохранности норм и ценностей культурного ядра, с другой – обеспечение принципа мультикультурализма, обеспечение равных возможностей для развития и самовыражения представителей различных конфессий и национальностей. Кроме того, автором отмечается факт необходимости повышения общего уровня развития культуры через актуализацию национального и регионального культурного наследия для развития позитивного межкультурного и межконфессионального диалога.

Ключевые слова: культура, культурность, функции культуры, культурное наследие, культурная политика.

**THE PRINCIPLES OF POSITIVE INTERCULTURAL
AND INTERFAITH DIALOGUE IN THE CONTEXT
OF MULTICULTURALISM AND POLYCONFESSIONAL**

Ju. R. Gorelova

In the framework of this article, the author considers culture as a resource for establishing positive principles of interethnic and interfaith dialogue. Special attention is paid to the role of the state as a significant subject of cultural life and cultural policy, one of the most important functions of which is, on the one hand, ensuring the safety of the norms and values of the cultural core, on the other hand, ensuring the principle of multiculturalism, ensuring equal opportunities for development and self-expression of representatives of different faiths and nationalities. In addition, the author notes the fact of the need to improve the general level of cultural development through the actualization of the national and regional cultural heritage for the development of positive intercultural and interfaith dialogue.

Keywords: culture, culture, cultural functions, cultural heritage, cultural policy.

Современный мир, несмотря на все старания обезличивающей, по своей сути, массовой культуры, остается мультикультурным и поликонфессиональным. Духовная составляющая, внешне принимающая форму той или иной религиозной традиции, является неотъемлемой чертой любой культуры. Эти два понятия неразрывно связаны, хотя далеко не тождественны. В дуальности связи религиозности и духовности, а также в самой природе религиозного чувства кроется корень проблем, связанных с периодическим обострением в мире межконфессионального диалога. Значимость этого диалога для обеспечения этнокультурной и социально-политической стабильности в стране и регионе определяется рядом факторов, среди которых в качестве наиболее значимых следует выделить такие как возможность введения взаимодействий между конфессиями в цивилизованные рамки; возможность совместного решения насущных социальных и морально-этических проблем; устранение угроз, лежащих в основе религиозно-политического и межнационального экстремизма и терроризма, и др.

Несомненно, что определенная конфессиональная принадлежность выступает важным фактом интеграции личности, группы, стимулом решимости и активности людей. Но одновременно, объединяя группу людей, разделяющих одни и те же религиозные ценности, та же самая религиозная принадлежность отделяет их от людей, разделяющих иные религиозные и культурные ценности. Процесс интеграции/дезинтеграции лежит в основе одной из базовых функций культуры как сферы жизни особой области общественной жизни. В рамках культуры как системы процессы культурной интеграции и дезинтеграции неразрывно связаны между собой и происходят синхронно. Но противоречие, очевидное на уровне формальной логики, в реалиях культурной жизни легко преодолевается средствами и возможностями все той же культуры. В данном случае мы употребили слово «культура» как синоним высокой степени образованности и толерантности. Следует вспомнить, что именно данное понимание культуры было присуще еще грекам и заложено в существовавшем у них термине «пайдейя». Понятие культуры полисеманлично. Необходимо отметить, что одинаково правомерно говорить и о существовании «культуры» (в единственном числе) и о «культурах» (во множественном числе).

Культура как сфера жизни общества и как механизм регулирования жизни человека и общества на всех этапах, а именно на этапе постановки целей, выбора средств и оценки результатов деятельности, как уровень развития человека и общества – это та культура, которая создает саму возможность единства и взаимопонимания. Наполнение этой матрицы конкретными ценностями создает возможность реализации принципа множественности, принципа разнообразия, и в этом аспекте культурные особенности могут выступать причиной разногласий и конфликтов. Одной из самых значимых функций культуры является ее

способность определять как само направление человеческой деятельности, т. е. ее мотивы и цели, так и ее средства и желаемые результаты. В этом смысле культура является для человека чем-то вроде системы GPS. Именно культура предоставляет человеку систему ориентиров, с помощью которых он продвигается по пространству идеалов и ценностей. Различные подсистемы культуры, такие как философия, религия, искусство, право и пр., обладают неравнозначным потенциалом в данном смысле, и потенциал религии и философии значительно выше, нежели у других подсистем. Не имея своей целью в данном случае ввязываться в бесполезный по своей сути спор о первичности религиозного и философского мировоззрения, отмечу, что потенциал религиозного сознания как сферы культуры, предоставляющей человеку ответы на самые значимые и волнующие его вопросы, трудно переоценить. Религиозность затрагивает самые глубинные, самые интимные сферы человеческого сознания, она проникает глубже уровня интеллекта, разума. Это определяется тем фактом, что религиозные ценности и каноны выступают для человека той фундаментальной основой, которой он не может пожертвовать. Эта сфера так важна для человека, что в ней практически нет мелочей. Обычные мелочи, на которые мы готовы закрывать глаза в других сферах (идти на уступки, быть снисходительными, списывать что-то на счет разницы вкусов), в сфере религиозности и культа могут вылиться в непримиримые противоречия. И культура, закладывающая основы этих противоречий, в ином своем качестве выступает как средство их разрешения.

Кроме того, степень культурности человека (владение истинными ценностями культуры) может быть образно сравнима с высотой личностной «колокольни». Чем выше «колокольня», тем более многогранно, многоаспектно и творчески человек может взаимодействовать с окружающим миром. Чем ниже общий уровень культуры личности, тем больше сознание обусловлено готовыми штампами. Истинная культурность предполагает достаточно высокий уровень развития личности, по крайней мере достаточно высокий для того, чтобы предопределить естественный уровень толерантности. В данном контексте под толерантностью мы подразумеваем терпимое отношение последователей одной религиозно-конфессиональной общности к последователям других религиозно-конфессиональных общностей. При этом каждый придерживается своих религиозных убеждений и признает такое же право за другими. Люди с более низким уровнем культуры более склонны придерживаться стереотипов конфликтной психологии, имеющей, к сожалению, богатую историю в виде разнообразных религиозных войн и столкновений.

На современном этапе толерантность и межконфессиональный диалог провозглашаются значимыми принципами культурной политики как на уровне государства в целом, так и на уровне его регионов. Одной из основополагающих целей государства как субъекта культурной политики является обеспечение (при сохранении базовых ценностей национальной картины мира) согласования картин мира различных субкультур, выделяемых в том числе и по конфессио-

нальному признаку. Основными принципами, лежащими в основе толерантности на сегодняшний день, признаются принципы равноправия и открытости. Принцип равноправия означает, что ни одна из конфессий не признается лучше (более истинной, верной, богоизбранной) другой. Принцип открытости гласит о необходимости развивать умение слушать и слышать, непредвзято воспринимать и оценивать чужую точку зрения, что, как мы уже говорили, достаточно трудно сделать, не обладая достаточно высоким уровнем культуры. В данном случае высокий уровень культуры не предполагает диплома о высшем образовании, знания иностранного языка и даже не обязательно (хотя и желательно) знание этикета той или иной нации и культурной общности. В данном контексте высокий уровень культуры предполагает высокий уровень уважения к культуре в целом, а потому как к своей, так и чужой. Это сравнимо с тем, как один коллекционер способен понять другого, один болельщик – другого болельщика, мать, истинно любящая своего ребенка, способна понять любовь другой матери, а человек, познавший истинное чувство любви, способен оценить и уважать это чувство у другого.

Субъектами культурной жизни могут выступать как отдельные личности, так и социальные группы и государство, которое наделено особыми полномочиями и ресурсами, выступает гарантом сохранения стабильности культурного развития и ее трансляции последующим поколениям. На каждом из этапов (создание, хранение, трансляция и потребление культурных ценностей) государство реализует свои функции. В качестве основных функций государства как важнейшего субъекта культурной политики можно отметить следующие: формирование концептуальных представлений о месте культуры в жизни общества; определение приоритетных целей развития культуры, составление соответствующих программ и их реализация с привлечением необходимых ресурсов; согласование картин мира и культурных ценностей представителей разных субкультур; формирование общенациональной картины мира и ее распространение среди граждан; поддержание и сохранение существующей картины мира и передача ее последующим поколениям; развитие, модернизация, приспособление существующей картины мира к меняющейся реальности; регуляция процесса придания значимости отдельным культурным ценностям. Таким образом, государство имеет дело и с культурой как с механизмом, обеспечивающим культурное единство, и с культурой как со структурой, обеспечивающей культурное и конфессиональное разнообразие. Значимым в данном случае является понимание со стороны государства и его институтов важности роли актуализации культурного наследия в деле обеспечения баланса между двумя выше описанными модальностями культуры, двумя процессами: культурной интеграции и культурного разнообразия. Тот и другой процессы напрямую связаны с механизмом обеспечения культурной преемственности, культурного наследования.

Реализация данных направлений культурной политики также немислима без обращения к ресурсам культурного наследия. Культурное наследие традици-

онно связывалось с ядром культуры, а его сохранение – с процессом обеспечения процессов культурного наследования, поддержания культурного единства той или иной общности. Однако не следует забывать о том, что существует как внутренний, так и внешний аспект культурной политики. Внешний аспект предполагает знакомство представителей других культур и народов с базовыми ценностями той или иной культуры (по сути, с ее наследием). Знакомство представителей разных культур с наследием друг друга закладывает саму возможность взаимопонимания, потому как причина любых конфликтных ситуаций в основе своей кроется в недостатке понимания культурных кодов одной культуры представителями другой культурной или конфессиональной общности. Большинство межконфессиональных и межкультурных конфликтов легко разрешаются, если представителям двух противоборствующих групп удастся в прямом и в переносном смысле найти общий язык.

На современном этапе, в условиях развития информационного общества, кроме ставших уже традиционными, должны реализоваться такие формы актуализации наследия, как информирование широких масс общественности о культурной и исторической значимости тех или иных объектов наследия. Реализация данной функции требует согласованных действий научной общественности и администрации города. Ее реализация связана с проведением научных конференций, организацией лекториев для широкой аудитории и изданием научно-популярной литературы, так или иначе раскрывающей тему культурного наследия и культурной памяти Места. В качестве примера можно привести научно-популярный лекторий «Культура народов Западной Сибири: история и современность», организатором проведения которого выступили Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева и Омское региональное отделение Российского комитета защиты мира. Лекторий прошел в Омске в марте-апреле 2016 г. Работа лектория проходила в известных культурных учреждениях города, лекторами выступили ведущие ученые научно-исследовательских институтов и преподаватели омских вузов. Всего состоялось 5 лекций, слушатели побывали в трех музеях и библиотеке. Мероприятия лектория посетили более 100 жителей города и области. Среди слушателей студенты и преподаватели вузов, работники сферы образования и сотрудники национально-культурных центров, члены общественных организаций. В рамках лектория состоялись публичные лекции по различным темам, в их числе были такие как: «Народы Западной Сибири: лингвистическая, антропологическая и историко-этнографическая характеристика», лектор – заведующий сектором этнографии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук, доцент А. Г. Селезнев (после лекции состоялась экскурсия в Музей народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН); «Русская традиционная праздничная культура: региональный аспект», лектор – заместитель директора Сибирского филиала Института Наследия, кандидат исторических наук

Т. Н. Золотова; «История народной одежды русских в Сибири», лектор – старший научный сотрудник Сибирского филиала Института Наследия, доцент Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского М. Л. Бережнова (после лекций состоялось знакомство с выставкой «Русский костюм. Нарядов яркий хоровод»).

В заключение хотелось бы отметить, что, по нашему мнению, на современном этапе необходимо расширить понимание деятельности по сохранению и актуализации культурного наследия. Если мы хотим, чтобы культурные особенности не разделяли, а взаимно обогащали людей, то необходимо, кроме ставших уже традиционными видов деятельности, таких как фестивали национальных культур, проводить масштабную просветительскую работу, знакомя широкие слои населения с ценностями, традициями и обычаями различных национальных и конфессиональных общностей, акцентируя внимание людей на исторических примерах сотрудничества людей, принадлежащих к различным национальным и конфессиональным группам, но совместно проживающих на определенной территории.

УДК 130.2

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАЗАХСКОГО НАРОДА: АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ

Н. Э. Кукушева

В статье автор осмысляет феномен идентичности и рассматривает этнокультурную идентичность казахского этноса через семиотический подход. Семиотика – междисциплинарное знание, возникшее в XX в. на стыке культурологии, политологии, философии, лингвистики, теории информации, кибернетики и логики, в рамках которого изучаются знаки и знаковые системы, хранящие и передающие информацию. Как известно, культура является одной из общепризнанных знаковых систем и представляет собой набор различных культурных кодов, являющихся ключом к пониманию определенного типа культуры. Это закодированная в традициях, менталитете, этике и аксиологии информация, доставшаяся народам от предков, позволяет идентифицировать культуру. В этой связи этнокультурная идентификация человека соответствует культурному коду того или иного этноса.

Ключевые слова: идентичность, идентификация, этнокультурная идентичность, культурный код, менталитет, традиция, культура, этика.

ETNOCULTURAL IDENTITY OF THE KAZAKH ETHNOS: ASPECTS OF UNDESTANDING

N. A. Kukusheva

In the article the author comprehends the phenomenon of identity and considers the ethno-cultural identity of the Kazakh ethnic group through the semiotic approach. Semiotics-interdisciplinary knowledge that emerged in the twentieth century at the intersection of cultural studies, political science, philosophy, linguistics, information theory, Cybernetics and logic, which studied signs and sign systems that store and transmit information. As is known, culture is one of the generally recognized sign systems and is a set of different cultural codes that are the key to understanding a particular type of culture. This information, encoded in traditions, mentality, ethics and axiology, inherited from the ancestors of the peoples, allows to identify the culture. In this regard, ethno-cultural identification of a person corresponds to the cultural code of an ethnic group.

Keywords: identity, identification, ethno-cultural identity, cultural code, mentality, tradition, culture, ethics.

Понятие идентичности стало объектом пристального внимания в социально-гуманитарных науках Запада со второй половины 60-х гг. XX в. Основной характеристикой этой научной категории является ее относительность и вариативность. В целом, западная наука определяет идентичность как социальную категорию, являющуюся наиболее значительной поведенческой категорией. Так, западные исследователи отмечают, что идентичность не является пассивной составляющей этнического самосознания и самоопределения, а является основой для социальных действий, которые зачастую в случае конфликта ценностей и интересов приводят народы к межэтническим, межконфессиональным, международным конфликтам.

Несмотря на широкий научный дискурс, вопрос, что же конкретно понимается под понятием идентичности, до сих пор остается открытым. Понятие идентичности происходит от латинского *identificare* – отождествлять. Идентичность определяют как качество, являющееся результатом индивидуального или коллективного самовосприятия в виде определенного социального субъекта. «Понятие идентичности многогранно, многоаспектно и даже амбивалентно» [Бейсенова, 2009, с. 128].

Следует различать категории «идентичность» и «идентификация». П. С. Гуревич отмечает, что «идентификация – процесс уподобления чего-либо чему-либо, поиск внутренней самоидентичности» [Гуревич, 2015, с. 368]. Можно сказать, что идентификация – это процесс отождествления индивида с конкретной социальной группой, культурной общностью, помогающей ему успешно овладеть различными видами социальной деятельности, усвоить нормы и ценности данного сообщества. Таким образом, идентичность обнаруживает себя в процессах ее установления, т. е. в процессах идентификации.

Р. Абделла и Й. Херрера определяют идентичность как социальную категорию, содержание которой раскрывается в четырех измерениях: 1) конституционные нормы, относящиеся к формальным и неформальным ролям и стилям поведения, которые определяют членство в определенной социальной группе; 2) социальные цели, разделяемые всеми членами данной социальной группы; 3) рациональное сравнение того, что есть «твое» и что есть «чужое», определяющее различие своей групповой идентичности от других идентичностей; 4) осмысленная модель миропонимания политических и экономических условий и интересов, разделяемых определенной группой людей.

Таким образом, мы видим, что идентичность – это подвижная конструкция взглядов, целей, ценностей, которая может видоизменяться в зависимости от целей и интересов какой-либо социальной группы по отношению к другим. Целью устойчивой социальной группы является самосохранение. Поэтому наиболее устойчивой конструкцией будет обладать и наиболее устойчивый вид идентич-

ности, связанный с историческими, языковыми, этнокультурными факторами. Таким видом идентичности является этническая идентичность, основанная на кровно-родственных связях, единстве происхождения, языке, традициях, впитавшихся с «молоком матери». Этническая идентичность является основой патриотизма, защиты своих национальных интересов, ради чего испокон веков ведутся войны и возникают различного рода социальные конфликты. Помимо наиболее устойчивой этнической идентичности, существует множество видов идентичностей, разнообразие которых отражает разнообразие социальных ролей, которые играют люди в социуме.

Идентификационные процессы, поиск собственной идентичности индивидами, этносами, нациями разворачиваются на фоне глобализации – неоднозначного по своим последствиям явления, с порождаемым им угрозами и вызовами. Глобализация как явление общепланетарного масштаба требует изменения картины мира всех национальных культур для создания новых глобальных ценностей, обязывает многие институты сформировать новые социальные ориентиры, а конкретную личность проявить всю ответственность выбора.

В современном казахстанском обществе под влиянием глобализации и широкого распространения западной культуры нарастают явления бездуховности, исчезает все национальное и индивидуальное. Но, пожалуй, самое главное последствие глобализации – это примитивизация общества, под которой понимается стандартизация и унификация. Примитивизация приводит к потере оригинальности, индивидуальности, многообразия, национального колорита и своеобразия. Каждый народ в силу своего географического положения, национальной культуры, менталитета создавал такие материальные продукты, которые были оригинальны, красивы, самобытны и «этнически» окрашены.

В условиях глобализации и нивелирования ценностей возрастает значимость национальной культуры. Сегодня, как никогда ранее, человечество стало глубже осознавать духовно-нравственный опыт традиционной культуры. Мы наблюдаем тенденцию обращения к архетипам национальной культуры, что не позволяет утратить свои корни. Автором теории архетипов является швейцарский психолог и философ К. Г. Юнг – одна из ключевых фигур, оказавших влияние на создание новой антропологии XX в. В своей аналитической психологии ученый затрагивает ряд важнейших вопросов, связанных с переосмыслением оснований человеческой личности и ее связи с миром. Для понимания сущности человеческой личности К. Юнг выходит за пределы естествознания и обращается к мифологии, религии и искусству. Индивида можно понять лишь через рассмотрение его социально-культурного окружения, сформировавшего его идеалы, ценности и установки. К. Юнг был убежден в том, что наряду с индивидуальным бессознательным, присущим каждому человеку, существует более глубокий, врожденный слой психики, который он называл «коллективное бессознательное». Если личностное бессознательное являет собой субъективную психическую сферу, то коллективное бессознательное не развивается индивидуально, а наследуется.

Оно состоит из предшествующих форм – архетипов. «Коллективное бессознательное» – это некая «родовая память», продуцирующая архетипы или прообразы. Оно обнаруживает сокрытый клад, из которого всегда черпало человечество, из которого оно извлекло своих богов и демонов и все те сильнейшие и могущественнейшие идеи, без которых человек перестает быть человеком» [Юнг, 1997, с. 2]. Ученый утверждает: «Архетип – это система способов понимания и переживания мира, которая коренится в бессознательном слое человеческой психики, имеет априорный характер и является сходной у всех людей» [Юнг, 1997, с. 152]. В рамках нашего рассмотрения теория бессознательного К. Юнга конкретизируется в понятии культурного кода.

Культурный код представляет собой духовный опыт народа. Нет ничего более хрупкого, чем культура, и в тоже время нет ничего более устойчивого, чем национальная этнокультура. Культуру легко уничтожить, если относиться к ней с точки зрения революции сознания. Культурный слой наращается столетиями и поколениями, поэтому нет ничего более подверженного преемственности, чем культура. Преемственность и устойчивость культуре как накоплению духовных знаний дает не что иное, как традиция. Культурный код как нечто повторяющееся, константа или культурная доминанта, диктующая культурное поведение, очень хорошо проявляется в традиции. Нет ничего консервативнее и закономернее в своей повторяемости, чем традиция. Исходя из значения культуры как набора кодов, которые предписывают человеку определенное поведение, культура представляет собой социальное явление, обнаруживающееся в определенном типе поведения, предопределенного социумом – нормами социального поведения либо традицией, предопределенного этническими традициями. Зачастую традиция этнически окрашена. Традиция всегда имеет исторические и этнические корни – нормы поведения, передающиеся от предков, определяющие народную психологию того или иного этноса. В силу этого культура во многом носит этническую окраску, т. к. определяется во многом традицией. Таким образом, культура в контексте нашего рассмотрения, в первую очередь, определяется через этническую составляющую, именно через традиции – нормы поведения, передающиеся из поколения в поколение. Иногда традиции иррациональны, но мы держимся за них, т. к. без них наше бытие утратило бы чувство преемственности поколений, уважения к прошлому и надежности настоящего, поскольку настоящее – это лишь миг между прошлым и будущим.

Понимая культуру как набор культурных кодов, рассмотрим культурные коды казахов в виде традиций и социокультурных институтов, несущих в себе глубокие нравственные корни, жизненную мудрость и целесообразность. Очень важным моментом культуры в традиционном и современном обществе Казахстана является знание своей родословной до 7-го колена, имеющее название «Жеты ата». Данная традиция восходит к древней черте традиционной культуры – коллективизму, причастности к роду, осознанию индивида как части родового сообщества. Данная черта несет несколько социальных функций. Первое, это из-

бежание инцеста между ближайшими родственниками, что предотвращает наличие наследственных болезней и ведет к экзогамии. При этом «седьмым предком определялось имя рода, за пределом которого начинался уже другой род, где имя предка служило боевым кличем в уранах. Считалось настоящим позором, и было большой редкостью, чтобы казах не знал поименно всех своих предков по мужской линии до седьмого колена. За этой формой обычного степного права следили очень строго» [Шайкемелев, 2013, с. 62]. На наш взгляд, за данным обычаем стоит стойкость родовых корней в силу того, что в традиционном обществе особенно важным являлось ощущение причастности к своему роду, а также важность сохранения устной информации. Отсутствие письменности компенсировалось стойкостью и поразительной устойчивостью устной художественной информации, которая передавалась из уст в уста на протяжении десятков поколений, примером чему могут служить многочисленные эпосы, сказания, сказки, повторяющиеся из поколения в поколение без изменений. Устное знание своих предков в отсутствии письменности служило очень важным моментом сохранения исторической и культурной памяти и является, безусловно, одним из уникальных особенностей кочевнической культуры. Знание и память о своей родословной («Жеты Ата») является и в современном обществе основополагающим культурным кодом казахов, благодаря которому сохранялась преемственность поколений, этническая идентичность, а также знание своих корней в обществе, которое, несмотря на кочевой образ жизни, отдаленность людей друг от друга и отсутствие письменных источников, сохраняло коллективное знание о своей истории и происхождении.

Следующим важным культурным кодом является социально-политический институт геронтократии как власти старших, который основывается на уникальном культурном феномене – моральном основании власти, где единственным ресурсом власти является авторитет старших – опытных, мудрых, наиболее уважаемых людей – старейшин рода, аксакалов. Патриархальные устои характерны для многих культур. Особенностью казахской культуры является возникновение особого почитания власти родоначальников – степной геронтократии в силу слабости централизованной власти ханов и выполнения основных управленческих функций самоуправляющимися общинами во главе с местными старейшинами – аксакалами («аксакал» – дословно «белобородый», «старец»). «Почет и уважение к старшим представляет собой наиболее крепкий и устойчивый институт в области существующих обычно-правовых отношений» [Щербинина, 1905, с. 21]. Данный социокультурный институт являлся настолько устойчивым, что на нем держались политические принципы управления, а именно кочевническая демократия, где основным ресурсом власти выступал авторитет как самый демократический ресурс власти. На неукоснительный принцип уважения старших указывают многие исследователи: «Уважение и почитание старших по возрасту людей в казахском обществе достигло действительно высокой степени, где старики обладали большим нравственным статусом» [Акатай, 2001, с. 215]; «Стоит

только старику войти в кибитку, как все молодые встают ему навстречу и кланяются, а шутки и забавы сейчас же умолкают» [Вульсон, 1901, с. 35].

Помимо геронтократии, важными социокультурными институтами являются институт преемственности и наследования – минорат и левират (амангерство). Минорат представляет собой предоставление права наследования самому младшему сыну. Данный обычай был продиктован жизненной целесообразностью, т. к. младший сын не отделялся из родительского дома, следовательно, хозяйство родителей в преклонном возрасте вела обычно семья младшего сына и забота о родителях также ложилась на плечи младшего. Родительский дом – «Кара шанырак» – особо почитался у родичей, т. к. являл собой основу и оплот семейных, родовых традиций, последователями которых являлись дети, особенно младшие. Следующий социокультурный институт – левират – у казахов получил название амангерства. Понятие «левират» происходит от латинского *levir* – деверь и представляет собой брачный обычай, закон, свойственный многим народам в патриархально-родовом обществе, по которому вдова была обязана или имела право вступить вторично в брак только с ближайшими родственниками своего умершего мужа. В казахском патриархально-родовом обществе данный закон служил интересам рода, его целостности. При случае смерти мужа жена и ее дети должны были оставаться в роду для того, чтобы потомки умершего главы семейства не остались сиротами или нежелательными отпрысками в другом роду, а хозяйство его не перешло в чужие руки.

Глубокую этическую, философскую составляющую несут в себе институт гостеприимства и связанный с ним обычай угощений и жертвоприношений. Гостеприимство является одним из культурных доминант в быте и философии казахов и является формой выражения уважения человека, кем бы он ни был от природы, в чем прослеживается теория естественных прав человека. Существует легенда, что закон гостеприимства был завещан праотцом казахов Алаш-ханом, поэтому он является особо священным и обязательным. Черту радушного гостеприимства кочевников отмечали многие русские исследователи XIX – начала XX в.: «Киргизы (казахи) отличаются чрезвычайным, беззаветным гостеприимством. Достаточно путнику войти в киргизскую (казахскую) юрту, как он делается гостем, особой священной персоной, которому хозяева обязаны предоставить кров и пищу. Для гостя киргиз (казак), не задумываясь, принесет в жертву барана; для самого себя он редко решится на это» [Беротов, 1908, с. 38].

Таким образом, рассматривая социокультурные институты и традиции, мы можем представить, что из себя представляет культурный код казахов, который основывается на незыблемом правиле уважения старших, приверженности к своему роду, преемственности, гостеприимстве, гуманности. Подытоживая, можно сделать вывод, что культурный код позволяет идентифицировать ту или иную культуру, являясь квинтэссенцией этнокультуры, ключом к пониманию уникальных культурных особенностей, доставшихся народам от предков.

1. Акатай С. Древние культы и традиционная культура казахского народа. Алматы : Print-Express, 2001. 424 с.
2. Бейсенова Г. А. Проблема глобализации и идентичности. Алматы : Print-S, 2009. 201 с.
3. Беротов Д. Д. Страна свободных земель. СПб. : Изд. А. Н. Зарудный, 1908. 61 с.
4. Вульфсон Э. И. Киргизы. М. : Издание кн. магазина торг. дома «С. Курнин и К^о», 1901. 75 с.
5. Гуревич П. С., Спарова Э. М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М. : Канон РООИ : Реабилитация, 2015. 368 с.
6. Шайкемелев М. Казахская идентичность. Алматы : Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013. 271 с.
7. Щербинина Ф. Киргизская народность в местах крестьянских переселений. СПб., 1905. 48 с.
8. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. М., 1997. 384 с.

УДК 316.04

ЭТНОС, ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПРАВО*А. С. Тимощук*

Мы живем в мире нарастающей сложности. Социокультурная динамика и способы разрешения конфликтов в усложняющемся обществе являются одними из самых интересных тем общественных наук. Параметры нового общества определяются множеством факторов, среди которых можно выделить наиболее явные: 1) научная, информационная, экономическая, юридическая и криминальная глобализация; 2) индивидуация и пролиферация коллективных прав; 3) увеличение уровня сложности и рискогенности общества.

Ключевые слова: коллективные права, естественное право, конституция, поколения прав, противодействие терроризму, этноконфессиональная идентичность.

ETHNICITY, IDENTITY, LAW*A. S. Timoschuk*

We live in a world of increasing complexity. Sociocultural dynamics and ways to resolve conflicts in an increasingly complex society is one of the most interesting topics in the social sciences. The parameters of the new society are determined by a number of factors, among which the most obvious are: 1) scientific, information, economic, legal and criminal globalization; 2) Individuation and proliferation of collective rights; 3) increasing the level of complexity and risk of the society.

Keywords: collective rights, natural law, constitution, generations of rights, counteraction to terrorism, ethno-confessional identity.

Личное, коллективное и всеобщее являются юридическими конкретизациями соответствующих философских категорий: единичное, особенное и универсальное. В философии любят останавливаться на двух крайних позициях, однако именно юридическая практика дает нам золотую середину, а именно коллективное как меру личного и всеобщего. Без группового волеизъявления никогда не было бы индивидуальных прав. Мы реализуем свои юридические возможности в обществе только потому, что какая-то группа людей создала и поддерживает этот общественный механизм.

Что касается всеобщего, то эта категория пришла в право из метафизики и остается этим надприродным связующим звеном юриспруденции и философии. Когда мы говорим о всеобщем равенстве, то должны вообразить идеальную правовую установку, далекую от конкретно-исторических условий. Если мы проведем объективное исследование физических и психических параметров людей в одном конституционном государстве, то обнаружим, что они не равны по своим биометрическим, социальным, интеллектуальным и иным показателям. Иначе говоря, позитивным эмпирическим фактом является неравенство людей. Вместе с тем без допущения всеобщего равенства невозможно современное право. Эта установка юснатурализма пришла к нам из иудео-христианства, которое в гностических сектах ессеев выработало мечту о справедливом обществе. Сегодня, однако, светские государства забывают, что основа принципов демократии, свободы, равенства – это религия, но не наука. Этот очевидный парадокс позволяет признать, что фанатичная приверженность науке, равно как и религиозный фанатизм, не способствует гармоничному развитию личности и общества.

Особенность права как идеальной конструкции заключается в том, что оно только в теории может быть индивидуальным, в действительности все права носят интересубъективный, коллективный характер. Понятие «коллективное право» используют для маркировки синергетического пространства «я – ты – он – она», оно выступает срединной вехой между индивидуальным правом личности и абсолютным правом государства.

Немецкий юрист Р. Иеринг в своих лекциях по римскому праву доказывал, что господство римского права начинается в Европе именно тогда, когда общее или общечеловеческое начинает брать верх над национальным и партикулярным [Jhering, 1907]. Именно поэтому Римская империя стала прообразом современного федеративного государства, где проживает множество народностей со своими региональными идентичностями, которые объединяет единая гражданская идентичность. В Римской империи от Британии до восточных провинций действовала единообразная инфраструктура, налогообложение и судебная система. Римское право – это самый яркий и наиболее ранний известный нам процесс всеобщего уравнивания, формирования универсальной идентичности.

Максиму И. Бентама «Максимальное счастье для наибольшего количества людей» необходимо переделать в «базовое счастье для всех». И в том, и в другом случае нужно уйти от максимальных пределов. Максимальное счастье – это метафизическая утопия, а большинство – это несправедливое неопределенное сообщество. Базовое счастье – это первое поколение прав и свобод, которые необходимо должно гарантировать современное государство. Могут возникать вторые, третьи и иные поколения прав, однако государству следует держаться корней и в этом быть «меньшевиком», т. е. лучше меньше, но дольше и для всех, чем больше, но для группы на непродолжительное время.

Документ, где были зафиксированы базовые права, сегодня известен как

основной закон государства, выражающий волю и интересы такой умозрительной группы, как народ в целом, и, фактически, интересы элиты, закрепляющей как общую пользу важнейшие начала общественного строя и государственной организации государства. Конституция – это естественно-правовой документ в части прав и свобод человека и гражданина. Она предоставляет право обладать возможностями общества равных людей. Это трудно, потому что, как лаконично сказал немецкий юрист Р. Иеринг, «право – это борьба». То, что сегодня воспринимается как повседневность, когда-то составляло предмет переживаний, преследований, наказаний. Французская революция, Война за независимость в США, восстание декабристов в России, революция 1905 г. – всё это вехи борьбы за конституцию, которая не завершилась до сих пор. В частности, такая актуальная проблема, как терроризм, является одним из способов нелегитимного коллективного волеизъявления.

Рискогенный характер технологической цивилизации подталкивает государство ограничивать ради целей безопасности от терроризма и экстремизма некоторые политические права (свободу мысли и слова, свободу информации, право на создание общественных объединений, право на проведение публичных мероприятий). В противном случае имеет место эксплуатация этих политических прав и свобод радикальными группами, эквилибрирующими на линии дозволенного и запрещенного.

Второе поколение прав, сформированных в результате второй и третьей НТР, относятся к категории социальных и экономических (свобода передвижения, право на жилище, право на труд, право на приемлемый уровень жизни, право на предпринимательство, право на частную собственность, право на образование, медицинское обслуживание и многие другие социальные гарантии: пособия по случаю полной, частичной или временной утраты трудоспособности, право на пенсию, пособие по безработице и т. д.). Эти общественные блага имеют двойственное значение с точки зрения коллективной безопасности. С одной стороны, законопослушные граждане, естественно, достойны пользоваться этими социально-экономическими достижениями. Вызывает негодование, что террористические группы в развитых государствах, выступая с радикальными целями, при этом успешно пользуются государственными пособиями, бесплатной медицинской помощью и образованием.

Третье поколение прав связано с международными процессами XX в., требованиями коллективной безопасности. Это солидарные права всех жителей земли: право на мир, право на сохранение природы, право на безопасность. Коллективное право на безопасность требует ограничения ряда индивидуальных прав прошлых поколений в связи с резким ухудшением защищенности городов и жизненно важных технологических объектов. Общая эволюция государства и права, общественных отношений демонстрирует последовательную негоциацию института прав и свобод, историческую связь становления социального государства, с его функциями безопасности и благосостояния, и института гра-

жданского общества. Сегодня фактически мы должны сформулировать четвертое поколение прав и свобод или, даже более корректно можно сказать, четвертую сборку прав и свобод, которые включают все гуманитарные достижения предыдущих поколений, рассматриваемых в свете глобальных угроз терроризма и экстремизма. Разработка современного понимания прав и свобод проходит в контексте приоритетной темы международного контроля организованной преступности, терроризма, экстремизма, эксплуатации детей. Правовой ответ угрозам XXI в. дается с учетом дальнейшего выживания человечества как биологического вида.

Современный российский федерализм наследует многие проблемы и способы решения от советского федерализма, который, в свою очередь, представлял ускоренную практику модернизации самодержавного принципа удержания наций. Самовластие, высасывающее соки провинции, создавало безликий шаблон и ограничивало региональное политическое творчество.

Перед натиском западных и восточных конкурентов советская государственность стремилась защитить свои экономические интересы на Дальнем Востоке, в Средней Азии, на Кавказе, Юго- и Северо-Западе. Сегодня очевидно, что многие территориальные нарезки республик в составе СССР не учитывали этнонациональные антиномии и оказались, по словам В. В. Путина, «миной замедленного действия», т. к. привели в последствии к кровавым конфликтам в Средней Азии, на Кавказе и Украине.

Новый российский федерализм не только наследует сложившиеся матрицы трудностей, но и испытывает новые вызовы: 1) сочетание демократического управления с государственно-политической целостностью, 2) сочетание единой и различной демографической политики по отношению к разным регионам, 3) цивилизационное единство и дифференциация составляющих народов.

Российский федерализм находится в динамике. Нововведение В. В. Путина, связанное с учреждением региональных органов власти в виде федеральных округов и полпредами президента, было нацелено на оперативное управление территориальными макрообъектами в вопросах экономики и безопасности. Второй задачей этой стратегии является противодействие этнонациональным центробежным силам. Макрорегионы призваны уравнивать права субъектов федерации. Постепенный отказ от этнотерриториального принципа российского федерализма в пользу экстерриториальных макрорегионов должен снять межэтническую напряженность в пользу равного справедливого общества.

Сегодня мы являемся свидетелями и участниками формирования некоей новой идентичности, параметры которой не являются четкими. Скорее можно утверждать, что новый лик России наследует из первого образа идею сильной мировой державы, из второго – установку на социальное государство. Особым мотивом сегодняшней национальной идеи выступает тема единства и законности выборов. Государствообразующая партия стремится реализовать этот принцип в своих документах, заявлениях и даже праздниках.

Я согласен с наблюдением И. С. Тарбастаевой, что государственные установки в области национальной политики могут приводить к снижению значимости этнической составляющей [Тарбастаева, 2016]. Мы видим, как в Российской Федерации какие-то этносы сохраняют свою лингвокультурную идентичность, а какие-то утрачивают. Нельзя сказать, что государство неравноправно относится к разным народам. За счет федеративного устройства многие этносы получают поддержку и развитие, которые бы без мощного единого государства не были бы возможны. Если же какие-то народности забывают свой язык, традиции, растворяются в общегосударственной идентичности – это естественный процесс культурогенеза.

За счет миграции образуются новые этноконфессиональные диаспоры, которым следует быть адаптивными, гибкими и понимающими; работать со своим подрастающим поколением, пресекать у них высокомерие, заносчивость. В условиях взаимоуважения и равного отношения со стороны администрации и правоохранительных органов конфликтов в Кондопоге, Краснодаре, Пугачёве, Москве, Арзамасе можно было бы избежать. В целях этноконфессиональной безопасности следует изучать в школе не конкретные религии, а преподавать предмет «Народы и религии России», где необходимо найти место большим и малым этноконфессиональным общностям России.

Существенным направлением этноконфессиональной политики является развитие светской науки в целом и религиоведения и этнологии в частности. Религиоведы и этнологи сегодня представляют малочисленную, но очень важную специальность. Конфессиональный крен в образовании может способствовать только дестабилизации социальной устойчивости в силу своего «комплекса исключительности». Противостоять этому можно через этноконфессиональное образование граждан, понимание единства и различий Другого. У нас недостаточно светских специалистов в области веры, которая является очень чувствительной сферой духовной жизни общества.

Нейтралитет государства в религиозных вопросах и объективность в этнических благоприятен для общества, государства и этноконфессиональных групп. Он является залогом формирования плюралистического социального идеала. В то время пока в Европе говорят о кризисе секуляризма (мультикультурализма) и о десекуляризации (возврат к культурному монизму), евразийский рынок ещё не наполнен данными концептами.

Обычно необходимость моноконфессиональной опоры государства объясняют воспитательной лакуной. Стремление переложить на церковь нравственное воспитание может привести к обратным результатам. Нравственность, носителем которой является религия, носит весьма специфический характер. Если она навязывается, то возникает обратный эффект. Другое дело секулярная нравственность, которая имеет место в случае воспитания правом. Это общеобязательная нравственность, отчуждение от которой грозит асоциальным поведением, поэтому современная государственность должна быть основана на светском

гуманизме. Конкуренция не только благоприятна для экономики и политики. Она помогает также и духовно-просветительским организациям. В. И. Вернадский полагал, что в коэволюционном процессе развития человека и общества взаимодействуют не только наука и право, но и мораль, религии.

1. Von Jhering R. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Breitkopf und Härtel, 1907. 361 s. // Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/geistdesrsmische07goog>.

2. Тарбастаева И. С. Коллективные права этнических общностей: проблемы концептуализации // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14. № 1. С. 106–119.

УДК 316.347:297.17(57)

**ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ МУСУЛЬМАН
АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ***А. П. Ярков*

Умма Азиатской части России в ходе своего развития всегда представляла собой неравновесную систему. Она состояла и состоит из элементов (личностей и сообществ, связей между ними и окружающей средой, консервативных или прогрессивных убеждений и представлений). Каждая из них в процессе культуротворения вносит вклад в характеристики этой системы и влияет на идентификацию всех своих членов.

Ключевые слова: умма Азиатской части России, система, идентичность, время и обстоятельства.

**ESPEIALLY THE MUSLIM IDENTITY
OF ASIATIC RUSSIA***A. P. Yarkov*

Umma Asiatic Russia during its development has always been a neravnovesnuju system. It was and is composed of members (individuals and communities, the relationships between them and the environment Wednesday, conservative or progressive beliefs and views). Each of them in the process of kulturotvorenija contributes to the characteristics of this system and affects the identity of all its members.

Keywords: Umma Asiatic Russia, system, identity, time and circumstances.

Идентификация жителя Азиатской части России всегда была различна: на уровне его гражданства (если фиксировалась), внутри группы (этноса или конфессии), от наблюдающих со стороны. Один из маркеров идентичности – религиозные верования. Первыми осознали себя мусульманами правители, чьи имена свидетельствуют о закрепившихся традициях. Известно, что хан Шибан позиционировал себя наместником Аллаха, который возглавляет «истинных мусульман», охраняет ислам во всей чистоте, а также уничтожает еретиков и отступников. Именно он присвоил титул имам уз-заман ва халифат-ур-Рахман – имам эпохи и халифа милосердного, что также могло стать причиной включения

этого образа в предания сибиряков, проживавших на периферии мусульманского мира.

В период правления Сайид Ибрахима государство укрепилось. Сообщения источников о роли в нем ислама фрагментарны, но показательно, что в грамоте Сайид Ибрахима московскому правителю отмечено: «Яз – бесерменской государь, а ты христианской государь, от сех мест вперед меж бы нас добродетель бы наша была» [Посольская, 1984, с. 18]. Упоминание «царства бесерменского в Сибири» – не свидетельство массовой принадлежности к исламу: край оставался пестрым в этноконфессиональном отношении.

В постепенном утверждении в массах религии много связано с текстами сачара как «законно подтверждающих» их идентичности. О закреплении традиций как «своих» говорят похоронные обряды (например, Ермак погребен отдельно как иноверец). Противопоставление очерчивало границы религиозной общности. Однако жесткого конструирования образа «другого» как врага по отношению к «язычникам» не могло быть в среде сибирских мусульман: у них сохранялся не только культ предков, но и элементы прежних верований, образуя синтетический образ. Так, Сейфи Челеби говорил о Кучуме как стороннике ханафитской ветви суннизма: «он мусульманин, принадлежащий к вероисповеданию Имама Азама» [Султанов, 2005, с. 261], в русских летописях встречаются неоднократные упоминания о Кучуме как «бесурманском сибирском царе» [Летописи... , 1991, с. 22]. Для значительной части сибирских тюрок этнокультурная идентичность стала с того времени совпадать с исламской, в том числе с помощью преданий о шейхах и астана.

Вхождение сибирских земель в состав Российского государства, с одной стороны, привело к консолидации местной уммы и осознанию себя «муслим», с другой – «некрепких в вере» вернуло к «язычеству» предков или привело в христианство.

В России всегда усложнялась схема межличностных отношений на социальной и этноконфессиональной основе: казахи именовали всех служилых бухара; в ведомости Тюменской воеводской канцелярии 1746 г. указывалось: «...бухарцы и татары называют русских людей орус, а себя называют мусельмане» [Трофимова, 2007, с. 209–210]. Эуштинцев в 1770-е гг. характеризовали как «добрых мусульман», а многие телеуты и чаты еще оставались «язычниками» [Фальк, 1824, с. 545–546].

Негативная реакция на информацию, например, о мусульманском «фанатизме» формировала стереотипы. Это углубило социальный и психологический антагонизм между «русским центром» и коренным населением Сибири, типизировавшимся с помощью терминов «азиат», «мусульманин», «татарин», попадающих в обобщенно-политическую категорию «зла».

Система управления окраинами страны строилась на идентичности, отраженной в переписи 1897 г. Тогда иные из мусульман были напуганы известием о переписи, собираясь в мечетях и резиденциях у мулл. Некоторые из более ра-

зумных инородцев приезжали в Тару для разъяснений. В результате переписи все же удалось установить, что в Амурской, Забайкальской, Енисейской, Иркутской, Приморской, Тобольской, Томской, Якутской губерниях и областях проживало 170 875 мусульман.

Рубеж XIX и XX вв. продемонстрировал изменение идентичности. Иногда это делило этнос: если в Среднем Приобье одни помнили о происхождении от башкирских/уфимских татар (называя себя не только усредненно: татар-башкурт, но и определенно – мусульмане), то западные и южные манси исчезли, ассимилированные татарами и русскими, соответственно становясь мусульманами или православными.

Идентичность по религиозному признаку на фоне неформившегося этнического (тугумная принадлежность важнее) – всего лишь «ответ» на «вызов» эпохи: миссионерского давления РПЦ и русификаторского – со стороны правительства.

Значимо укрепление идеи самоорганизации, а традиционной формой ее проявления стали НКА тюрко-татар и съезды: всесибирские, областные, уездные, волостные и т. д., названные «мусульманскими».

Большинство мусульман не отделялось от «инородцев», откликаясь на инициативы. Так, от имени делегатов-инородцев Томского губернского народного собрания (проходил в апреле – мае 1917 г.) телеграмму Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов подписал казах Кынев, а съезд представителей инородческих волостей Алтая в июле 1917 г. приветствовал представитель Благотворительного общества З. Т. Габдулхаков.

В советские годы продолжилось административное переустройство Сибири и Дальнего Востока, связанное со стремлением «огосударствить этничность». Татары, бухарцы, казахи и башкиры, жившие на границе республик, оказались «разорванными», но это не было болезненным. Сохранялась и «плавающая этничность»: иные сибиряки определяли себя согласно тугумным наименованиям, а лишь затем – татарами (бухарцами, башкирами, казахами), но, в представлении верующих, «всегда мусульмане». Поэтому у многих процесс административно-территориального размежевания не вызвал реакции, какая наблюдалась в других регионах СССР после «топорного разделения».

Поскольку религия не только для царской власти нередко выступала критерием этнической и языковой идентичности, то и в первые годы советской власти это отражалось в наименованиях (например, Тобольский мусульманский детский дом). В немногочисленных мусульманских ячейках РКП(б) и РКСМ еще только шло формирование советских кадров управленцев. В последующий период было решено «покончить» с внешней религиозностью, но с внутренней обстояло сложнее (опрос учащихся в школах показал: число верующих колебалось от 28 до 80 %). Вера уходила в приватную сферу, институализировалась в этике, капсуализировалась в традициях и самосознании [Ярков, 2012, с. 146].

Возрождение в 1990-е гг. проходило неоднозначно. Большинство мусуль-

ман настораживала информация о приобщении молодежи к социально опасным идеям, а то и вовлечение в незаконные вооруженные формирования, агитация за выезд в «горячие точки» для борьбы с кафирами, к которым причисляли и тех, кто поддерживал светское устройство государства. Специфично положение с самосознанием у «русских мусульман», поскольку в эту группу включены те, чьи предки ислам не исповедовали. Нередко ислам воспринимался как неразрывная (обязательная) идентичность: «если татарин/азербайджанец – значит, мусульманин». На этом фоне показательно, что в советских переписях 1920-х гг. нагайбаки фиксировались отдельно, но с 1930-х гг. их записывали татарами. Тем не менее к религии далеких предков, за редким исключением, они не вернулись.

Все советские годы мусульманки через одежду и особо повязанный платок могли «говорить» о своей принадлежности, мужчины надевали головной убор только в ритуальных случаях. А вот борода укрепляла их повседневную самоидентификацию. На идее возрождения идентичности основывались те, кто пытался при введении в школах раздела «Духовно-нравственное воспитание» апеллировать к родителям при выборе курса «Основы мусульманской культуры», «Основы православной культуры». Показательно, что в 2010 г. в Тюменской области 60,8 % опрошенных татар считали себя мусульманами, но большинство не отличали религиозных праздников от остальных (семейных, календарных и др.).

Анализируя совокупность многих факторов и явлений, оказавших влияние в течение длительного времени на умму суперрегиона, можно сделать вывод, что эта умма представляет собой неравновесную систему, состоящую из элементов (личностей и сообществ, связей между ними и окружающей средой, консервативных или прогрессивных убеждений и представлений), каждый из которых в процессе культуротворения вносит вклад в характеристики этой системы.

1. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. М. : Наука, 1984. 435 с.

2. Летописи сибирские. Новосибирск : Наука, 1991. 234 с.

3. Султанов Т. И. Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюрколог. сб. 2003–2004. М. : Вост. лит., 2005.

4. Трофимова О. В. Ведомость Тюменской воеводской канцелярии 1746 года как источник по этнической истории татар // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 80-летию акад. Д. Г. Тумашевой. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2007. С. 207–212.

5. Фальк И. П. Записки путешествия академика И. П. Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемой Академией наук. Т. 6. СПб., 1824.

6. Ярков А. П. Сибирский ислам как фактор региональной политики // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2012. С. 142–149.

СОХРАНЕНИЕ НАСЛЕДИЯ

УДК 811.512.145(571,1)

ОПЫТ РАБОТЫ ПО СОХРАНЕНИЮ РОДНОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Х. Ч. Алишина

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель.
А. С. Пушкин, декабрь 1829 г.

В статье изложена информация о многолетней деятельности отделения татарского языка и литературы ТюмГУ на рубеже 1990-х – 2000-х гг. Обозначены основные проблемы, стоящие сегодня, по мнению автора статьи, перед татарами Тюменской области в сфере сохранения родного языка и культуры.

Ключевые слова: сибирские татары, татарский язык, отделение татарского языка и литературы ТюмГУ, национально-культурная автономия, Институт языка сибирских татар.

EXPERIENCE IN THE CONSERVATION OF NATIVE LANGUAGE AND CULTURE

H. Ch. Alishina

The article presents information about the long-term activities of the Department of the Tatar language and literature of TSU at the turn of the 1990–2000. The main problems facing the Tatars of the Tyumen region in the field of preservation of their native language and culture in the opinion of the author of the article are identified.

Keywords: Siberian Tatars, Tatar language, Department of Tatar language and literature of TSU, national and cultural autonomy, Institute of language of Siberian Tatars.

Симпозиум «Культурное наследие народов Западной Сибири: сибирские татары» – значимое событие в культурной и общественной жизни Тюменской

области. Он открывает широкие возможности для конструктивного диалога деятелей науки, искусства, образования, его участники вносят весомый вклад в этнокультурное развитие народов России, что очень важно для гармонизации межнациональных отношений.

Тема нынешней дискуссии – «Культурное наследие народов Западной Сибири: сибирские татары» – актуальна и многогранна. Нам предстоит обсудить широкий круг вопросов, связанных с сохранением богатого культурного наследия татарского народа и трансляцией духовных ценностей, имеющих значительный созидательный и объединяющий потенциал.

В 1992 г. в Казани состоялась Международная конференция «Языки, духовная культура и история тюрков: традиция и современность». Доклад «Как нам сохранить язык сибирских татар?», как показало время, был моим программным заявлением, над реализацией которого тружусь по сей день. Сегодня я вкратце хочу рассказать о нашем скромном опыте по сохранению родного языка и родной культуры.

С 1993 по 2013 г. отделением татарского языка и литературы ТюмГУ подготовлено около 200 специалистов. Они получили дипломы с записью «Филолог. Преподаватель по специальности «Филология», сертификаты об окончании интенсивного английского языка по разделам «Общий английский язык», «Деловой английский язык», «Специальный английский язык». Начали работу с комплектования университетской библиотеки научной, учебной, художественной литературой. Выпускные квалификационные работы, как и курсовые, защищались на русском языке по сибирско-татарской тематике, в этом была определенная трудность. Предметы татарского языкового цикла вела Х. Ч. Алишина. Через пять лет на отделении были оставлены выпускники М. А. Сагидуллин, А. Х. Толстолыткина, позднее – Р. Н. Шехова. Историю татарской литературы вели приглашенные почасовики Р. Ш. Исмагилова, Г. Х. Муллачанова, Г. Ф. Хафизова. Председателем Государственной экзаменационной комиссии был д-р филол. наук, проф., завкафедрой татарской литературы КГУ Х. Ю. Миннегулов.

Отделение татарского языка вело самостоятельную творческую жизнь. Были свои календарные праздники – Дебют первокурсника, отчетные концерты-конференции по итогам фольклорной и диалектологической практик, отчеты-презентации по школьной педагогической практике, ежегодная апрельская студенческая конференция со своей секцией «Актуальные проблемы тюркологии», со своим жюри, наградами, защиты курсовых работ. Годовой цикл завершали большие «Славянские чтения» для русского отделения и аналогичные – «Сулеймановские чтения» – для татарского отделения.

Когда отделение окрепло, встало на ноги, прошла защита докторской диссертации, появилась возможность открыть аспирантуру «Языки народов РФ (татарский язык)» и межвузовский диссовет по татарскому языку и литературе. За короткий отрезок времени из числа выпускников удалось подготовить 15 специалистов с кандидатской степенью.

К началу XXI в. аналогичные татарские отделения и факультеты существовали в Москве, Челябинске, Тобольске, Оренбурге, Ульяновске, Уфе, Бирске, Стерлитамаке, Чувашии, Удмуртии – всего в 11 вузах РФ, не считая РТ (Казань, Елабуга, Набережные Челны). Сегодня в Москве, Челябинске, Оренбурге, Ульяновске, Тобольске, Ижевске, Батырево (Чувашия) татарские структурные подразделения закрыты. В Тюмени приказом ректора В. Н. Фалькова создан центр тюркологии, который функционирует с 2014 г. по настоящее время. Мы ни на один день не прерывали работу.

В ноябре 2018 г. я прошла конкурсный отбор на должность профессора кафедры общего языкознания. За 25 лет обнародовано 300 научных публикаций, 10 % из них являются отдельными книгами и монографиями. Нашими партнерами, кроме Казанского федерального университета, являются Академия наук РТ, Российский комитет тюркологов при ОИФФН РАН, Союз журналистов РФ, Союз писателей РТ, журналы «Российская тюркология», «Фэнни Татарстан» и др.

29 ноября 2018 г., выступая на совете областной НКА, председатель КДН ТО Е. М. Воробьев подчеркнул, что русские и татары вместе составляют 90 % населения, они здесь являются хозяевами и в ответе за гармонизацию межэтнических и межконфессиональных отношений. В Тюменской области ни один народ не имеет, к примеру, древнейших мемориальных захоронений, какие присутствуют сибирским татарам, сказал он.

Татары играют важную роль в исторических и этнополитических процессах Западной Сибири, где проживают представители коренного тюркоязычного населения данного региона – сибирские татары, а также значительная часть выходцев из Поволжья.

Численность татар в РФ составляет 5 554 601 человек, или 3,82 % населения страны; при этом 52,9 % татар проживает в РТ, а остальная их часть расселена во всех регионах, в том числе в Западной Сибири. Сейчас в РТ проживает 25 % татар, остальные $\frac{3}{4}$ в регионах РФ. В Тюменской области – 242 325 татар (второй по численности этнос региона составляет 7,4 % населения), в Омской области – 47 796 (пятый по численности этнос региона – 2,3 % населения), в Новосибирской области – 27 874 (четвертый по численности этнос региона – 1,04 % населения), в Томской области – 20 145 (второй по численности этнос региона – 1,9 % населения). Итого – 338 140 чел. В Тюменской области в городах проживает 178 309 татар (73,58 %), в Омской области – 26 320 татар (55,07 %), в Новосибирской области – 15 696 татар (56,31 %), в Томской области – 14 648 татар (72,71 %). При этом большая часть татар-горожан каждого региона живет в областных центрах.

Особую группу составляют заболотные татары следующих населенных пунктов Тобольского района: Лайтамак, Янгутум, Топкинбашево, Топкинская, Вармахли, Иземеть, Ишменево, Ачиры, Носкинская. Эта группа проживает также в д. Кускургуль Нижнетадинского района Тюменской области и в д. Эскалбы

Свердловской области. Тахтагул и Чебургу Тобольского района принято относить к малому Заболотью. Абсолютное большинство населения – заболотные татары, являются коренными жителями этих мест.

Уважаемые участники симпозиума, я преподаватель с большим стажем работы, исследователь языка сибирских татар, хотела бы задать риторический вопрос, который прозвучал год назад в «Тюменской правде»: надо ли сохранять язык сибирских татар? Вопрос о будущем родного языка также очень волнует представителей молодого поколения тюменских татар, которые создали общественное движение в защиту сибирско-татарского языка, получили от ЮНЕСКО «код» языка. В стремлении отстоять языковые права они возлагают надежды на Совет Европы, ООН, ОБСЕ.

ЮНЕСКО придает огромное значение сохранению языков. К 2000 г. организация разработала около 20 конвенций и рекомендаций в сфере образования. ЮНЕСКО издает «Атлас мировых языков, находящихся под угрозой исчезновения». Вопросы развития и преподавания языка также находятся в центре внимания этой организации.

Европейская Хартия региональных и малоиспользуемых языков является основным документом Европейского сообщества по защите языкового многообразия и открыта для подписания. Россия подписала Хартию в мае 2001 г., но не ратифицировала ее. Этот документ излагает и общие принципы, и перечень практических мер, направленных на содействие развитию региональных языков и языков меньшинств, и на их сохранение.

Я хотела бы обратиться к руководству Всемирного конгресса татар, Академии наук Республики Татарстан. Если татарская нация состоит из волго-уральских, астраханских и сибирских татар, то почему они не помогают сибирским татарам в сохранении их родного материнского языка? На первый план выступает проблема создания научного учреждения как центра по изучению культуры, языка коренного народа Западной Сибири – *Института языка сибирских татар*, в котором приоритетным должно быть диалектологическое направление.

Речь идет о научных исследованиях по трем крупным диалектам сибирских татар: тоболо-иртышскому, барабинскому, томскому. Надо усилить работу по сохранению диалектов и говоров, используя самые разные способы и методы: создать диалектологический атлас, который позволит расширить сравнительно-сопоставительные и исторические исследования в языкознании; станет возможным рассмотрение проблем взаимодействия русского, татарского литературного языков и диалектов. Необходимо создание двуязычных, трехязычных, диалектных, тематических, фразеологических словарей, толкового словаря языка сибирских татар, школьных, картинных словарей. Требуется изучать топонимику, фольклор, язык старинных арабографичных, латинографичных текстов, сохранившихся у населения.

Диалектологическая база вместе с фольклорными материалами будет способствовать развитию таких направлений, как этнолингвистика, культурология,

мифология, этнография, лингвофольклористика. Новым в развитии диалектологии сегодня является также использование диалектного материала для изучения менталитета, народной культуры.

Не менее актуальной задачей является создание энциклопедии сибирских татар. Сбор материала в этом направлении ведется на протяжении ряда лет, с тех пор как было дано поручение первого президента АН РТ, директора института энциклопедии, академика М. Х. Хасанова. В 2005 г. нами опубликован «Словник энциклопедии», а сегодня представлены книги серии «Жизнь замечательных людей».

В Тюменской области сейчас функционирует 50 школ с этнокультурным компонентом. Мы работаем в тесном контакте с департаментом образования и науки, ТОГИРРО. Ведется школьное преподавание татарского языка и литературы, сложилась система мероприятий: семинары учителей татарского языка и литературы, научно-практические конференции «Сулеймановские чтения», «Диалог культур», круглые столы, ежегодные конкурсы «Лучший учитель татарского языка и литературы», форумы и съезды педагогических работников в Казани, проведение Дней образования РТ в Тюменской области, всемирные акции «Татарча диктант», областные олимпиады школьников по татарскому языку и литературе. Существующий двусторонний договор между Татарстаном и Тюменской областью позволяет победителям выезжать в Казань для участия в международных олимпиадах, летом отдыхать в оздоровительных лагерях, а учителям участвовать в международных конкурсах и мастер-классах педагогических работников.

Судьба родного языка находится также в руках татарских общественных организаций. НКА – это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение граждан РФ, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства на соответствующей территории, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры.

Мы обязаны профессионально и достойно отвечать на вызовы времени и думать о выработке и реализации мер по сохранению и развитию татарского языка в образовательных учреждениях области. Выношу на обсуждение следующие вопросы.

- Подготовка педагогических кадров для дошкольных учреждений и начальных классов на базе Тюменского педучилища, Тобольского педучилища, ТГПИ. Молодые специалисты, начинающие работать в татарских населенных пунктах, не знают алфавита, основ татарского языка и татарской культуры.

- Подготовка культурработников в Тобольском колледже, в Тюменском институте культуры, способных вести мероприятия, сабантуи (в том числе детские) на татарском языке; знать основы татарской духовной культуры: фольклор, литературу, писателей, художников.

- Рождаемость растет. Учить детей родному языку надо с 3-летнего возраста. Изыскивать средства, чтобы в каждую школу и детсад выписывать из Казани детские журналы «Салават купере», «Сабантуй». Брать пример с Башкирии. В годы правления Муртазы Рахимова сотни, тысячи букварей и учебников башкирского языка из Уфы бесплатно поступали в школы и детсады Курганской, Свердловской областей.

- Увековечить память первого профессионального ученого-историка, д-ра ист. наук, проф., акад. МТА Ф. Т. Валеева, подготовить и издать книгу в серии «ЖЗЛ» («Күренекле шәхесләр»).

- Увековечить память писателя Я. К. Занкиева. Обратиться с ходатайством к депутатам Тобольской городской думы и назвать 15 школу именем Якуба Занкиева.

- Личные архивы видных людей комплектовать и передавать на хранение в Госархив РТ (Х. Х. Якин, И. Б. Гарифуллин, Я. К. Занкиев, И. К. Рафиков, Ф. Г. Баязитов, др.).

- Работать над монографиями и диссертациями по истории татарского народного образования в Западного Сибири, по истории татарских СМИ (газеты «Янарыш» и др.).

Мы любим нашу Россию, желаем единства и процветания нашей родины, пусть и она любит и уважает языки национальных меньшинств, принимает государственные меры к их сохранению.

УДК 811.512+372.881.1

**ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ
РОДНОМУ ЯЗЫКУ У СИБИРСКИХ ТАТАР
ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА 2017 г.)¹**

Г. Т. Бакиева, Ю. Н. Квашнин

В работе освещены некоторые итоги этносоциологического исследования по проблемам этнокультурного образования, проводившегося в учебных заведениях г. Тобольска, Тобольского и Вагайского районов Тюменской области. Выявлено, что основным противоречием образовательной программы, реализуемой в школах с этнокультурным компонентом, является то, что учатся здесь сибирские татары, а обучают их языку и литературе казанских татар. Высказано мнение о том, что совершенствование в учебных заведениях программ этнокультурного образования и введение в обучение сибирско-татарского языка является насущной необходимостью.

Ключевые слова: Тюменская область, сибирские татары, образование, татарский литературный язык, этнокультурный компонент.

**PROBLEMS OF ETNOCULTURAL EDUCATION AND TECHING
OF THE NATIVE LANGUAGE OF THE SIBERIAN TATARS
OF THE TYUMEN REGION
(BASED ON A SURVEY OF 2017)**

G. T. Bakiyeva, Yu. N. Kvashnin

The report highlights some of the results of the ethno-sociological study on the problems of ethno-cultural education, held in educational institutions of the city of Tobolsk, Tobolsk and Vagay districts of the Tyumen region. It was revealed that the main contradiction of the educational program implemented in schools with an ethno-cultural component is that the Siberian Tatars study here, and they teach them the language and literature of the Kazan Tatars. The view was expressed that the improvement in the educational programs of ethno-cultural education programs and

© Бакиева Г. Т., Квашнин Ю. Н., 2019

¹Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики».

the introduction of the Siberian-Tatar language into instruction is an urgent necessity.

Keywords: Tyumen region, Siberian Tatars, education, Tatar literary language, ethno-cultural component.

Этнокультурное образование на юге Тюменской области имеет многолетнюю историю. Оставляя в стороне эпоху до Октябрьской революции, коротко обратим внимание на годы советской власти. Период с 1918 по 1930 г. в развитии школьного образования у сибирских татар можно характеризовать как переходный этап от традиционной религиозной – к светской трудовой школе. Например, в Тобольском округе в это время почти все имевшиеся сельские школы – мектебе – были включены в сеть государственных школ, превратившись из конфессиональных – в школы 1-й ступени. Происходил рост количества школ, числа учащихся и учителей, практиковалось совместное обучение мальчиков и девочек. Первыми учителями новой советской школы были те, кто до революции, получив образование в медресе, преподавал в мектебе. Все предметы в татарских школах велись на татарском языке. Для письма использовалась арабская графика. С 1928 г. в обучение стали вводить новый татарский алфавит (НТА), или *яналиф*, основанный на латинской графике. Русский язык преподавался лишь в нескольких татарских школах округа, потому что многие учителя-татары сами плохо им владели [Бакиева, 2016, с. 140]. В 1938/1939 учебном году латинский алфавит в татарских школах округа заменили на русскую графику.

С 1934 по 1955 г. единственным в Зауралье учебным заведением, готовившем педагогические кадры для татарских начальных и неполных средних школ, было Тобольское татарское педагогическое училище. Учащиеся получали здесь необходимые знания и умения по общеобразовательным предметам, в том числе и татарскому литературному языку, педагогике, методике преподавания отдельных учебных дисциплин в начальной школе. Особое место занимало развитие у учащихся практических навыков. Большое внимание уделялось воспитательной работе, основной упор в которой делался на пропаганду советской идеологии и формирование у учащихся социалистического мировоззрения. Достаточно времени в училище отводилось художественной самодеятельности. Под руководством педагогов учащиеся ставили спектакли по пьесам татарских драматургов, пели татарские и русские песни, танцевали, декламировали стихи, обучались игре на различных музыкальных инструментах. Полученные знания выпускники применяли на практике в учебных заведениях юга Тюменской области и за ее пределами, сохраняя традиции образования и воспитания, заложенные в училище.

Преобразование начальных школ в семилетние и восьмилетние, начавшееся в Тюменской области в послевоенные годы, вызвало необходимость в квалифицированных кадрах с высшим педагогическим образованием. В 1950 г. при

Тюменском педагогическом институте был открыт факультет для подготовки учителей русского языка и литературы и татарского языка и литературы для татарских школ. В 1953 г. он был переведен в Тобольский педагогический институт. На татарском отделении факультета стали готовить учителей татарского языка и литературы, а на русско-татарском – учителей русского языка и литературы для национальных восьмилетних и средних школ региона [Сайфуллина, 2017, с. 169]. До начала XXI в. педагогические кадры для татарских школ юга Тюменской области готовили на русско-татарских отделениях филологических факультетов Тобольского педагогического института имени Д. И. Менделеева и Тюменского государственного университета.

Современное состояние этнокультурного образования у сибирских татар юга Тюменской области было выявлено авторами доклада в ходе этносоциологического исследования, проводившегося в апреле-мае 2017 г. в школах г. Тобольска и Тобольского городского округа, Тобольского и Вагайского районов Тюменской области. Некоторые итоги исследования отражены ниже.

Население Тобольского городского округа, по имеющимся в нашем распоряжении данным на 01.01.16, составляло 102 019 человек. В настоящее время в Тобольске и пригороде действует 19 общеобразовательных учреждений. Из них 14 средних школ, 1 основная школа для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, 1 гимназия, 1 лицей, 1 вечерняя школа, 1 православная гимназия. Также имеется 3 средних специальных и 2 высших учебных заведения.

В Тобольском районе почти в каждом населенном пункте имеется средняя школа. В Вагайском районе некоторые малокомплектные школы были закрыты около 10 лет назад. Школьников из отдаленных деревень стали возить на автобусах в школы, расположенные в центрах сельских администраций.

Для проведения опроса в Тобольске были выбраны следующие учебные заведения: школа № 15, с этнокультурным компонентом в образовании; две обычные общеобразовательные школы – № 16 и № 18; колледж при Тюменском индустриальном университете. В Тобольском районе опрос проводился в обычной школе п. Прииртышского (Зверосовхоз) и в школе с этнокультурным компонентом д. Епанчино. В Вагайском районе были опрошены школьники обычной школы в с. Бегишево и ученики школы с этнокультурным компонентом с. Второвагай.

С соблюдением половозрастных и образовательных квот, предъявляемых к исследованию, анкетированием было охвачено 150 респондентов, 93,3 % из которых проживают в данном регионе с рождения. Остальные приехали из Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, Свердловской и Омской областей, Казахстана, Таджикистана. При опросе отбор по этническому признаку специально не проводился. Однако по ходу работы число респондентов раздели-

лось на примерно равные части: 48,8 % составили сибирские татары, 41,5 % – русское население. Среди других национальностей были отмечены немцы, украинцы, белорусы, таджики, буряты, казахи, марийцы, осетины.

Обучение иностранным языкам в школах, где проводилось анкетирование, соответствует современным стандартам образования. Там преподают английский язык, в некоторых дополнительно – немецкий или французский. Большинство школьников (почти $\frac{2}{3}$ респондентов) относятся к иностранным языкам как к необязательным дисциплинам: 41,3 % высказались за их стандартное изучение; 11,3 % – только за общее знакомство с ними; а 20,7 % – вообще не хотят изучать иностранные языки.

Русский язык является государственным языком и языком межнационального общения в России, поэтому большинство респондентов не зависимо от национальной принадлежности высказалось за стандартное (60,7 %) его изучение, меньше (34,7 %) – за углубленное.

Из языков народов, проживающих в Российской Федерации, в Тюменской области введен в образовательные программы только татарский литературный язык. Его преподают в основном в сельских школах с компактным сибирско-татарским населением, а также в тобольской школе № 15, базовой школе Тюменской области с этнокультурным компонентом в образовании.

Старейшее учебное заведение г. Тобольска – школа № 15 – определила этнокультурное образование и воспитание в качестве приоритетного направления в 2006 году. Наряду с обучением татарскому литературному языку здесь пытаются приобщить школьников к истории сибирских татар, к истокам их культуры. В школе проводятся конкурсы, фестивали, научно-практические конференции и совещания по развитию и совершенствованию этнокультурного образования в учебных заведениях Тюменской области. Финансирование данной образовательной программы осуществляется из средств областного бюджета. Определенная помощь в виде грантов приходит в школу из Республики Татарстан.

В школе № 15 обучается 450 детей, из них 220 детей – сибирских татар, 1 узбек, 1 таджик. В школе имеется этнокультурный центр, объединяющий учебную деятельность и кружковую работу. Татарский литературный язык включают здесь в другие образовательные предметы. В школьном музее учащиеся занимаются исследовательской деятельностью.

Умения и навыки, наработанные в этнокультурном центре, используются при проведении как школьных, так и городских мероприятий, например таких как:

1. «Детский сабантуй» (в июне во время летнего пришкольного лагеря). На него приезжают в основном школьники и учителя из татарских школ области. На праздник приходит мулла мечети.

2. «Венок дружбы» – фестиваль детского творчества, где показываются образцы национальных культур (участвуют примерно 300 учащихся из всех

школ города). Здесь представлены три номинации: «Народное пение», «Художественное слово», «Народный танец».

3. Выставка прикладного творчества, для которой школа № 15 выступает площадкой.

В школе имеются кабинет татарского исторического краеведения, кабинет татарского языка, литературного краеведения. Там проводятся выставки книг местных татарских писателей: Я. Занкиева, Б. Сулейманова, Г. Абайдуллиной. Недавно был открыт читальный зал, где учащиеся будут разыгрывать сценки из произведений татарских писателей. В школьном музее экскурсии проводятся на трех языках: русском, татарском, английском. Наименования учебных классов и кабинетов написаны на трех языках. Школа тесно сотрудничает с Центром сибирско-татарской культуры, проводит совместные праздники.

Учителя школы № 15 постоянно участвуют в областном конкурсе «Учитель татарского языка». На базе школы проводятся конкурсы: «Татарская учительская династия», детский интеллектуальный конкурс «Сыерчык» («Скворец»). В школе имеется студия вокально-хорового пения на татарском языке «Сузге».

Директор школы № 15 С. З. Хисматулин возглавляет организацию «Некоммерческое партнерство «Истоки», в которую объединены школы с этнокультурным компонентом (47 школ Тюменской области). На базе школы проводятся областные семинары по проблемам языка, обобщению передового опыта – совместно с департаментом образования и науки и Тюменским областным государственным институтом регионального развития образования (ТОГИРРО). Директор школы один раз в 2-3 года объезжает школы Тюменской области, в учебной программе которых имеется этнокультурный компонент.

Основным противоречием образовательной программы, реализуемой в школе № 15, является то, что учатся здесь сибирские татары, а их обучают языку и литературе казанских татар. Подобный выбор обосновывается руководством школы тем, что это литературная норма для всех татар. Хотя общеизвестным, научно обоснованным фактом является то, что татары не представляют собой единой этнической и языковой общности. Дома большинство учеников разговаривает с родственниками на сибирско-татарском языке, а в школе их просят говорить на казанско-татарском. На внеклассных занятиях школьники разучивают песни, разыгрывают представления на казанско-татарском языке, а в школьном музее им рассказывают об истории сибирских татар.

В сельских школах Тобольского и Вагайского районов, где компактно проживают сибирские татары, дело обстоит так же, хотя нагрузка на учеников меньше, чем в школе № 15. Здесь только преподают казанско-татарский язык. На проведение фестивалей и конференций часто не хватает собственных сил и средств.

Анкетирование в школе № 15 совпало по времени с проведением на ее базе областного семинара школ с этнокультурным компонентом. На него съехались директора, специалисты отделов образования, учителя татарского языка и ли-

тературы большинства школ Тюменской области. На круглом столе обсуждались разные вопросы. Главной проблемой, вынесенной на обсуждение, была проблема нежелания многих родителей, чтобы их дети изучали татарский литературный язык. Директор призывал учителей поработать с родителями, чтобы они поняли значимость татарского литературного языка. Выказывались учителя из разных районов, но никто не назвал основную причину нежелания детей и родителей: изучаемый в школах татарский литературный язык не является родным для сибирских татар.

Несмотря на то, что в последние годы происходит нормирование языка сибирских татар, стали появляться книги на сибирско-татарском языке, в школах по-прежнему изучается, по сути, чужой язык. Из разговора с учителями школы № 15 выяснилось, что директор выступает категорически против введения в образовательную программу сибирско-татарского языка. Этому есть несколько причин. Первая – то, что в его роду были потомки переселенцев из Поволжья и этот язык знаком ему с детства. Вторая и главная – определенная зависимость от финансирования из Республики Татарстан. Изучение сибирско-татарского языка не получит поддержки из Казани.

Многие ученики в ходе опроса или в частных беседах признавались, что казанско-татарский язык для них чужой. Отсюда вытекают и результаты опроса, где углубленное изучение национального языка выбрали 4,7 % респондентов, а преподавание предметов на языке всего 3,3 %.

Комментируя сложившуюся ситуацию, один из учителей татарского языка сказал: «Язык поволжских татар – он как иностранный. Дети даже на уровне лексики замечают отличия языков. Чтобы учащиеся поняли материал, мне приходится сначала объяснять его на русском языке, затем на родном сибирско-татарском и только потом на казанском».

Об этом же говорили и учителя других школ, которые ведут татарский язык и литературу. На вопрос, почему они не дают детям хотя бы факультативно свой родной язык, они ссылаются на отсутствие учебных пособий.

Опрос экспертов, в роли которых выступили специалисты тобольских районного и городского отделов народного образования, директора и преподаватели школ, показал, что они положительно высказываются о необходимости развития в нашем регионе этнокультурного образования. По мнению многих из них, основной упор надо делать на изучении учащимися национальных языков, от которого следует естественный переход к изучению национальных традиций. Отсутствие программы и методики обучения школьников из числа сибирских татар их родному языку является проблемой, которую необходимо решать в кратчайшие сроки. В настоящее время можно вести уроки сибирско-татарского языка факультативно. Однако здесь нужна воля директоров конкретных школ и поддержка со стороны районных и городского отделов народного образования.

Таким образом, можно сказать, что результаты опроса учащихся и учителей школ Тобольска, Тобольского и Вагайского районов в значительной мере отражают ситуацию с этнокультурным образованием на всей территории юга Тюменской области. Опрос показал, что внедрение и совершенствование в средних учебных заведениях программ этнокультурного образования и введение в обучение сибирско-татарского языка является насущной необходимостью.

1. Бакиева Г. Т. Образование у сибирских татар с 1918 по 1930-й г.: задачи, проблемы, итоги (по материалам Тобольского уезда) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 133–142.

2. Сайфуллина Ф. С. Историческая роль ТГПИ им. Д. И. Менделеева в подготовке национальных педагогических кадров и сохранении культуры татарского народа // Образование и культура как фактор развития региона : материалы XXVII Всероссийских Менделеевских чтений, посвященных 100-летию Тобольского педагогического института (24 ноября 2016 г.). Тобольск : ТГПИ им. Д. И. Менделеева (филиал ТюмГУ), 2016. С. 168–173.

УДК 069.5

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ СИБИРСКИХ ТАТАР
В ЭКСПОЗИЦИЯХ ТОБОЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО МУЗЕЯ***И. В. Балюнов*

Тобольский музей-заповедник хранит представительную коллекцию предметов, относящихся к культурному наследию сибирских татар. Эти материалы начали поступать в фондохранение еще в дореволюционный период, когда существовал Губернский музей (1887–1921). Полноценная коллекция была сформирована примерно в последнее десятилетие благодаря деятельности консерватора музея В. Н. Пигнатти. В выставочных залах Тобольского губернского музея демонстрировались археологические находки с городища Искер, вооружение сибирских татар и этнографические материалы (одежда, украшения, посуда, музыкальные инструменты и пр.)

Ключевые слова: Тобольский губернский музей, татары, этнография, коллекции, Искер, В. Н. Пигнатти.

**CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE OF THE SIBERIAN TATARS
IN THE COLLECTIONS OF THE TOBOLSK PROVINCIAL MUSEUM***I. V. Balyunov*

Tobolsk Museum-reserve keeps a representative collection of items related to the cultural heritage of the Siberian Tatars. These materials began to enter the Fund in the pre-revolutionary period, when there was a Provincial Museum (1887-1921). A complete collection was formed around the last decade, thanks to the activities of the curator V.N.Pignatti. In the exhibition halls of the Tobolsk Gubernsky Museum, archaeological finds of the hill fort of Isker, armament of the Siberian Tatars and ethnographic materials (clothing, figgery, utensil, musical instruments, etc.) were displayed.

Keywords: Tobolsk provincial museum, Tatars, ethnography, collections, Isker, V.N.Pignatti.

Широко известно, что Тобольский музей-заповедник является обладателем значительных этнографических и археологических коллекций, составляющих

важную часть историко-культурного наследия разных народов Западной Сибири. При осмотре музейных экспозиций может показаться, что так было всегда. Однако формирование этих фондов было неравномерным, происходило в течение достаточно длительного времени, иногда в не самых благоприятных условиях. Этот тезис вполне справедлив для той части коллекций, которая характеризует наследие сибирских татар и которая формировалась достаточно сложно, начиная со времени существования Тобольского губернского музея. Этот период времени включает в себя примерно три десятилетия (максимально широкая датировка 1887–1921 гг.). Надо сказать, что специализированного исследования по названной тематике не проводилось, но сохранившиеся материалы, опубликованные в Ежегоднике Тобольского губернского музея (ЕТГМ), и другие источники позволяют раскрыть ее в общих чертах.

Можно взять на себя смелость утверждать, что в первые годы существования учреждения этнографические материалы (в привычном понимании) сибирских татар воспринимались как часть повседневности и практически не поступали на фондохранение. Очевидно, гораздо больший интерес вызывало то, что обладало некой «древностью». Обобщение известных данных позволяет говорить, что в 1891 г., во время визита в тобольский музей наследника престола Николая Александровича (будущего императора Николая II), в отделе этнографии демонстрировались экспонаты, характеризующие жизнь северных народов [Тобольский губернский музей, 1891], при этом в отделе археологии были представлены находки с Кучумова городища (Искера), собранные художником М. С. Знаменским и советником губернского правления В. К. Имсенем [Лыткин, 1890, с. 6, 10].

Бывшая столица Сибирского ханства – городище Искер – в конце XIX в. и позднее являлась, наверное, основным местом и символом, характеризующим обозримое историческое прошлое. Это находит отражение и в формировании музейных коллекций. Например, когда анализируется деятельность музея за период 1891–1894 гг., то в тексте отчета сообщается: «за все эти годы естественно-исторический, этнографический и промышленный отделы не обогатились. Большинство поступлений пришло в археологический отдел, и в числе их первое место должны занять находки с Искера» [Тобольский губернский музей, 1915, с. 29]. В 1894 г. руководитель музея Н. Л. Скалозубов отмечал, что археологический отдел самый богатый по числу предметов, но главное его содержание составляют вещи, найденные на Искере [Там же, с. 30].

Тем не менее стоит отметить, что культурное наследие сибирских татар в это время не было предано полному забвению. Например, в 1893 г. от В. В. Баришевцева в коллекции музея были переданы лук и стрелы инородцев – татар Тобольской губернии [Отчет, 1894, с. XXV]. На Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве (1895) и Нижнем Новгороде (1896) в числе экспонатов от Тобольской губернии значится «Модель усадьбы татарской...» из Тобольского округа [Опись, 1895–1896, с. 22]. Основными же материалами, посвященными сибирским татарам и опубликованными в Ежегоднике Тобольско-

го Губернского музея за это время, являются работы Н. Ф. Катанова. Например, его «Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке» (1895–1896), «Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер» (1897), «Погребальные обряды тобольских татар» (1898).

В это же время, насколько можно судить, этнография сибирских татар в выставочных залах музея не нашла сколько-нибудь широкого представления. Н. Л. Скалозубов, делая отчет за 1896 г., отмечал, что этнографический отдел при кажущейся полноте недостаточно представляет быт северных инородцев, в данном случае остяков. И далее сообщает: «Из других народностей, входящих в состав населения губернии, ни одна не представлена в Музее: нет (или, вернее, очень мало) ни коллекций предметов самоедского быта, ни коллекций бухарского или татарского быта и др. [Скалозубов, 1898, с. 31]. Чуть позднее в отчете за 1897–1898 гг. Н. Л. Скалозубов указывает: «Кроме остяков и отчасти самоедов, другия народности губернии – зыряне, татары, вогулы – представлены очень слабо» [Скалозубов, 1901, с. 22]. Спустя несколько лет в отчете за 1902 г. консерватор отмечает, что в отдел, который именовался «Промышленность обрабатывающая», поступила «коллекция рукоделий – вязания из шерсти и бумаги, главным образом, татар Ялutorовского уезда» [Скалозубов, 1904, с. 11]. Можно видеть, что музейные фонды экспонатами пополнялись незначительно, с другой стороны, стоит отметить, что имела место исследовательская и просветительская деятельность. Например, на заседании членов музея 19 сентября 1903 г. был представлен доклад М. В. Филиппова «О татарах Тобольской губернии (особенности их языка; границы современная их распространения; предположительныя границы распространения их прежде по сохранившимся татарским названиям русских и инородческих селений; объяснение некоторых татарских названий селений)» [Куркин, 1905, с. 10].

С одной стороны, подтверждением выше приведенных слов Н. Л. Скалозубова, а с другой – свидетельством того, что с течением нескольких лет ситуация с фондами мало изменилась, являются данные отчета за 1909 г., написанным консерватором В. Н. Пигнатти. Им сообщалось: «В коллекциях Музея почти отсутствуют вещи, украшения и одежды татар Тобольской губернии, что составляет значительный пробел в отделе этнографическом. В этом году я скупил много татарских вещей, часть которых передана мною Музею». Далее автор дает краткое описание некоторых переданных предметов, которые, по его мнению, заслуживают особого внимания. Например, это женский татарский головной убор (кичка), «представляющий редкое по изяществу сочетание цветов: по нежно-голубому шелку вышивка серебром, а в середине вставлены три монеты; вся вышивка является типичным образчиком татарского узора и шитья». В этой же коллекции находятся несколько кувшинов: «столь обычный в самой бедной юрте татарина – “кумкан”, служащий для омовений татарке»; «кувшин формы кофейника заменяет рукомойник»; «прямой кувшин для молока, кумыса и проч., с накладными украшениями и без крышки, из красной меди»; «и, наконец, как

редкость, с чрезвычайно тонкой, надо думать, старинной резьбой, вычурной и изящной формы небольшой величины кувшин – украшение шкафа с посудой богатой юрты, – к нему резной, но другого характера поднос-подставка» [Пигнатти, 1909, с. 16].

Примерно в это же время В. Н. Пигнатти приобрел у татарина из рода дворян Кульмаметьевых два предмета: шлем и вещь неизвестного назначения в форме чашечки. «Шлем хорошей сохранности сделан из железа с небольшим козырьком, оттянуть кверху, – по тулью идет полоса, на которой сделан узор серебром в форме листьев. От задней части шлема спускаются наплечники, состоящие из металлических пластин, нашитых на грубое сукно красного цвета» [Пигнатти, 1909, с. 15]. Следует добавить, что годом ранее в исторический отдел музея произошло поступление от С. Н. Кульмаметьева – старинный татарский шлем [Пигнатти, 1908, с. 17]. Немного уходя в сторону, можно привести результаты исследований Л. А. Боброва, который занимался изучением названных экспонатов. Скорее всего, «шлемы из Тобольского музея могли принадлежать или ойратам, которые в XVII в. владели Прииртышьем и контактировали с российскими властями в Сибири, или князьям сибирских татар, пытавшихся в борьбе с русскими опереться на помощь Джунгарского ханства» [Худяков, Бобров].

В 1915 г. в Тобольский губернский музей поступил еще один достаточно интересный экспонат. Как сообщается «с Хансага кладбища (окрестности г. Тобольска)» была перевезена «намогильная татарская старинная плита. Плита эта, высеченная из песчаника, имеет высоту в 99 см., шир. 42 см. и тол. 10 см., верх ее полукруглый, низ несколько обколот» [Пигнатти, 1915, с. 14]. К этому времени казанским профессором Н. Ф. Катановым был сделан перевод надписи, вырезанной на лицевой поверхности плиты. Названный предмет известен был достаточно давно, об этом свидетельствуют рисунки (примерно 1880-е гг. XIX в.) тобольского художника М. С. Знаменского, где подобная намогильная плита изображена как бы *in situ*, частично вкопанная в землю.

В этом же году случилось еще одно важное событие: Тобольским губернским музеем были организованы археологические исследования городища Искер. Возглавил эти работы уже упомянутый В. Н. Пигнатти, который существенно пополнил музейные фонды и смог обобщить и систематизировать все известные тогда материалы о столице Сибирского ханства. Этот труд нашел отражение в таких публикациях, как «Искер (Кучумово городище)» (1915) и «Каталог коллекций находок на Искере, принадлежащий Тобольскому Губернскому музею» (1916). В. Н. Пигнатти в научной литературе известен, прежде всего, как исследователь Искера, хотя его заслуги в музейной деятельности сложно переоценить. Кроме прочего, разного рода данные, опубликованные им на страницах Ежегодника Тобольского Губернского музея, и обращение к фондовым записям позволяют утверждать, что он стал одним из первых собирателей местных этнографических материалов сибирских татар. Это хорошо демонстрируют данные, приведенные им за 1909 г. Очевидно, В. Н. Пигнатти в своей работе использовал,

что называется, комплексный подход, достаточно успешно сопоставляя этнографические и археологические материалы.

Эта деятельность нашла отражение в музейной экспозиции. Благодаря работе таких деятелей, как Н. Л. Скалозубов и В. Н. Пигнатти и др., тобольский музей на определенном этапе становится основным источником знаний по различным научным направлениям. Как некий итог этой работы явился «Краткий путеводитель по Тобольскому Губернскому музею», составленный под редакцией В. А. Ивановского и изданный в 1918 г. Можно сказать, что эта работа по качеству превосходит многие современные аналоги, поскольку авторы дореволюционного издания обратились не только к скупому описанию экспозиционных залов и перечислению экспонатов, но и попытались отразить актуальные научные исследования того времени, при этом делалось это с опорой на экспонаты.

В путеводителе изначально дается общая характеристика этнического разнообразия Тобольской губернии. После перечисления кочевников севера и юга указывается, что здесь проживает «довольно пестрая оседлая масса: рядом с огромным большинством русских, старожилов и новоселов, живут инородцы татарского и финского происхождения» [Краткий путеводитель, 1918, с. 1]. К большому сожалению, фотографий экспозиционных залов того времени не сохранилось, но существующие описания позволяют достаточно четко представить себе, как историко-культурное наследие сибирских татар было представлено в Губернском музее. Эти материалы были разделены на два тематических блока.

Первый из них находился в зале X «Отдел археологии и истории». Здесь располагался целый ряд витрин, посвященных древнейшей истории Тобольской губернии. Завершала показ древностей витрина № 53, которая называлась «Искер» и имела соответствующее наполнение. Выше уже указывалось, что коллекция с городища оценивалась как самая многочисленная, следовательно, и в музее она была представлена достаточно широко. В витрине находились «вещи с Искера, большая часть которых добыта путем раскопок, произведенных Музеем. К коллекции имеется подробный каталог с описанием всех вещей витрины» [Краткий путеводитель, 1918, с. 65–66]. Стоит обратить внимание, что сотрудники музея обоснованно считали, что на этом памятнике несколько раз происходила смена населения. По их представлениям там первоначально существовал «остяцкий городок», позднее ставший татарским укрепленным поселением.

Двигаясь далее в хронологической последовательности, происходил переход от археологических материалов к периоду освоения Сибири русским населением. «Иллюстрацией к истории времен Ермака могут служить в Музее образцы старинных шлемов (см. № 23 в витрине № 52), кольчуг (№ 33 на стене), стрел. К разряду таковых же предметов можно отнести и старинную татарскую намогильную плиту (№ 34) с надписью на ней» [Краткий путеводитель, 1918, с. 67].

Еще один тематический блок находился в отделе этнографии. «В Зале общих собраний членов Музея находятся две витрины №№ 28 и 29 с предметами домашнего быта местных татар» [Там же, с. 35]. Известно, что витрины эти по-

явились в музее сравнительно недавно. Как сообщал в своем отчете за 1916 г. В. Н. Пигнатти «по плану Путеводителя, необходимо выстроить две витрины под коллекцию татарских вещей...» [Пигнатти, 1917, с. 12]. Очевидно, что эти этнографические материалы начали полноценно демонстрироваться только в последние годы существования Тобольского губернского музея. Хотя в самом путеводителе применительно к коллекции можно найти такую фразу: «есть достаточно вещей и татарских» [Краткий путеводитель, 1918, с. 15]. Существует обобщенный список, который позволяет нам представить, что именно находилось в указанных витринах: головные уборы, разные элементы одежды, украшения, посуда, образцы рукоделия, табакерки, музыкальные инструменты [Там же, с. 36]. Многие из этих вещей сохранились в фондах Тобольского музея-заповедника и сегодня демонстрируются в выставочных залах.

В путеводителе, касаясь этих витрин, помещены и любопытные этнографические зарисовки. «Язык, магометанская религия и обусловливаемый ей склад домашней жизни татар отделяют их от русских, и они ведут обособленную, замкнутую жизнь. Влияние русских отразилось лишь на внешней обстановке домашнего быта татар и то отчасти только: одежда татар, напр., своеобразна, хотя и сделана из покупного русского материала» [Там же, с. 35]. Характеризуя непосредственно предметный ряд, представленный в экспозиции, в тексте путеводителя уточняется: «...Коллекция татарских вещей Музея составлена из старинных предметов домашнего быта тобольских татар и собрана в юртах, расположенных около Тобольска. Татарские вещи коллекции – не местного производства, а привозные, иногда из далеких мест, напр., из Бухары, с Кавказа, из Турции, Китая и проч. Давая указания на прежнее богатство татар и обширность круга их торговых сношений в прежние времена, коллекция вместе с тем дает возможность понять назначение многих из татарских вещей, попадающихся на местах прежних поселений татар, главное из которых Искер – бывшая столица царства сибирских татар» [Там же, с. 36].

Обобщая все выше приведенные данные, можно прийти к заключению, что в первые два десятилетия существования Тобольского губернского музея материалы, относящиеся к культурно-историческому наследию сибирских татар, были представлены в экспозиции достаточно фрагментарно. Эта ситуация претерпела изменения в период, когда консерватором музея являлся В. Н. Пигнатти, который систематизировал археологические материалы с городища Искер и, очевидно, принимал непосредственное участие в формировании этнографической коллекции. В результате к 1918 г. названная тема была представлена достаточно полно в экспозиционных залах.

1. Краткий путеводитель по Тобольскому Губернскому Музею / под ред. В. А. Ивановского // ЕГТМ. 1918. Вып. XXIX. С. 1–96.

2. Куркин В. И. Отчет секретаря Музея за 1903 год // ЕГТМ. 1905. Вып. XV. С. 3–11.

3. Лыткин Н. А. Археологический отдел Тобольского Губернского музея. Тобольск : Типография Тобольского губернского правления, 1890. 17 с.
4. Опись предметов, представленных из Тобольской губернии на всероссийскую сельскохозяйственную выставку в Москве в 1895 году и на художественно-промышленную в Нижнем Новгороде в 1896 году // ЕГТМ. 1895–1896. Вып. V. Приложение. С. 1–36.
5. Отчет о состоянии коллекций Тобольского Губернского Музея в 1893 году // ЕТГМ. 1894. Вып. II. С. XXV–XVI.
6. Пигнатти В. Н. Отчет консерватора Тобольского Губернского Музея о состоянии коллекций за 1908 год // ЕТГМ. 1908. Вып. XVIII. С. 12–20.
7. Пигнатти В. Н. Отчет консерватора Тобольского Губернского Музея о состоянии коллекций Музея за 1909 год // ЕТГМ. 1909. Вып. XIX. С. 11–20.
8. Пигнатти В. Н. Отчет консерватора Тобольского Губернского Музея о состоянии коллекций за 1915 год // ЕТГМ. 1915. Вып. XXVI. С. 13–15.
9. Пигнатти В. Н. Отчет консерватора Тобольского Губернского Музея о состоянии коллекций за 1916 год // ЕТГМ. 1917. Вып. XXVIII. С. 9–13.
10. Скалозубов Н. Л. Отчет консерватора Тобольского Губернского Музея за 1898 год // ЕТГМ. 1898. Вып. IX. С. 29–36.
11. Скалозубов Н. Л. Отчет консерватора Тобольского Губернского Музея за 1897 и 1898 годы // ЕТГМ. 1901. Вып. XII. С. 19–32.
12. Скалозубов Н. Л. Отчет консерватора Тобольского Губернского Музея за 1902 год // ЕТГМ. 1904. Вып. XIV. С. 7–12.
13. Тобольский Губернский Музей за 25 лет его существования (1890–1915 гг.) // ЕТГМ. 1915. Вып. XXV. С. 1–131.
14. Тобольский Губернский Музей. Копия с альбома, поднесенного Е.И.В. Государю Наследнику Цесаревичу 10 июля 1891 года // ТМ-15498/1–10.
15. Худяков Ю. С. Бобров Л. А. Вооружение джунгар и халха-монголов в эпоху позднего Средневековья // Сибирская заимка. URL: <http://zaimka.ru/hudyakov-equipment/> (дата обращения: 10.11.2018).

УДК 069(571.1=512.1)

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НАСЛЕДИЯ СИБИРСКИХ ТАТАР
В ИСТОРИЧЕСКОМ ПАРКЕ «РОССИЯ – МОЯ ИСТОРИЯ»:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

А. А. Валитов

В статье анализируется информационный блок по истории сибирских татар, представленный в региональном контенте мультимедийной выставки Исторического парка «Россия – Моя история» Тюменская область. Обозначено современное состояние материалов, посвященных сибирским татарам и их вкладу в историю и культуру региона. Обозначены перспективы развития регионального контента мультимедийной выставки в этом направлении.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, Исторический парк «Россия – Моя история», музей, сохранение, интерактив, сибирские татары.

**MULTIMEDIA METHODS OF PRESENTATION OF CULTURAL
HERITAGE SITES: STATUS AND PROSPECTS ON THE EXAMPLE
OF THE HISTORICAL PARK «RUSSIA – MY STORY»
TYUMEN REGION**

A. A. Valitov

The article analyzes multimedia technologies of cultural heritage objects representation on the example of the Historical Park «Russia – My history» Tyumen region. The current state and prospects for the development of the interactive exhibition are identified.

Keywords: historical and cultural heritage, Historical park «Russia – My history», museum, preservation, interactive, siberian tatars.

Музей в современном мире представляет один из важнейших институтов, осуществляющих трансляцию историко-культурного опыта. Перед музейным сообществом стоит задача создания возможностей показа населению культурного наследия. Решению данной задачи способствуют современные музейные технологии, среди которых особое место занимают мультимедийные формы представления прошлого [Ванеева, 2015, с. 189]. Цель данной статьи – провести

анализ регионального контента мультимедийной выставки Исторического парка «Россия – Моя история» Тюменская область, посвященного представлению наследия сибирских татар, и обозначить перспективы его совершенствования.

Современному посетителю стало недостаточно исключительно визуального восприятия музейных экспонатов. У него появилось желание непосредственного взаимодействия с экспозицией, предполагающего не просто получение тактильных ощущений, но и неременное наличие обратной связи. Такую возможность обеспечивают современные мультимедийные технологии, обладающие интерактивной составляющей и поднимающие обычную экспозицию на новый уровень. Они позволяют посетителям активно взаимодействовать с экспонатами и тем самым получать соответствующую персональным интересам информацию достаточной степени подробности, способствуя лучшему ее восприятию через создание эффекта сопричастности [Мастеница, 2008, с. 252].

Важным этапом в развитии мультимедийных технологий представления как музейных экспонатов, так и объектов культурного наследия стало появление интерактивной выставки «Россия – Моя история». Выставка представляет собой систему мультимедийных исторических парков. На сегодняшний день действует 19 парков в разных субъектах Российской Федерации, в которых панорамно с помощью современных технических средств интерактивно представлена вся история России с древнейших времен до наших дней. Основная особенность данной выставки в том, что вся информация в ней виртуальная, и принцип работы с посетителем как раз предполагает интерактивность при непосредственном взаимодействии с экспозицией через тактильные ощущения и самостоятельный выбор получаемой информации [Официальный сайт Исторического парка «Россия – Моя история», 2018].

Исторический парк «Россия – Моя история» Тюменская область является частью этой системы, и контент выставки выстроен на принципе синтеза материалов общероссийской и региональной истории в представлении прошлого нашего Отечества. Из чего следует заключить, что историко-культурное наследие, которое содержится в контенте мультимедийной выставки, должно отражать все наиболее важные темы истории России и Сибири. Важным моментом в объективном представлении регионального контента является включение в интерактивную выставку сюжетов, посвященных истории и культуре сибирских татар, одного из основных этносов, проживающих на территории Западной Сибири и принимавшего участие во всех происходивших здесь историко-культурных процессах.

Проведя анализ действующей мультимедийной выставки Исторического парка «Россия – Моя история» Тюменская область, констатируем, что разработчики контента уделили внимание различным темам из истории региона.

Мультимедийная выставка состоит из четырех последовательных периодов отечественной истории, а в рамки этих периодов включена и региональная история.

Об истории и культуре сибирских татар рассказывается на первой выставке «Рюриковичи»: в зале Василия I в информационном киоске приведена краткая информация о городке Чимги-Тура, который стал центром Тюменского ханства после распада Золотой Орды. В этом же тачскрине содержатся краткие обзорные статьи, посвященные династии Тайбугидов, походу шейхов в Сибирь, материальной культуре сибирских татар. Материалы, содержащиеся в контенте по историко-культурному наследию сибирских татар, характеризуются скудностью, имеют тезисный характер и, на наш взгляд, содержательно не раскрывают заявленные темы. Приведем, к примеру, информационную статью о материальной культуре сибирских татар: «Запросы верхушки сибирской татарской аристократии удовлетворялись покупными высокохудожественными изделиями. Купеческие караваны из Бухары, других районов Средней Азии постоянно приходили в Сибирь. Они привозили материю, шелк, изделия из металла, серебряные украшения, металлические зеркала, стеклянные и каменные бусы. Из Сибири купцы увозили меха, мамонтовую кость, изделия местных мастеров, ловчих птиц». С визуальной точки зрения иллюстративный материал к данным статьям гораздо богаче, интереснее и информативнее, чем сами подразделы.

В зале Ивана III внимание уделено таким темам, как «Сибирское ханство» и «Искер». Статьи тоже достаточно краткие, но опять ярко иллюстрированы подлинными предметами из фондов ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение», в частности из хранений Тобольского историко-архитектурного музея заповедника представлены находки из археологических раскопок столицы Сибирского ханства.

В зале Ивана IV представлены разделы «Кучум» и «Вооружение татарского воина».

В остальных экспозициях Исторического парка о сибирских татарах встречаются лишь упоминания в контексте больших разделов, посвященных отдельным историческим темам.

К сожалению, необходимо констатировать, что в контенте Исторического парка «Россия – Моя история» Тюменская область наследие сибирских татар представлено в основном только в эпоху правления династии Рюриковичей. Отсутствуют материалы по истории и культуре сибирских татар в другие исторические периоды.

Преодоление этой ситуации видится в дальнейшем развитии содержательной части выставки и представлении в Историческом парке исторического наследия коренных народов Сибири. Ярким примером является временный выставочный проект «ТюмVR», реализованный в июле-августе 2018 года, где с помощью VR-очков посетители парка смогли увидеть знакомые улицы Тюмени образца XIX – начала XX в. Похожие выставки в режиме VR можно сделать и по другим городам Тюменской области, а также уделить внимание духовной и материальной культуре сибирских татар. Фонды Тюменского музейно-просветительского объединения насчитывают десятки тысяч единиц хранения, среди кото-

рых богатейшая коллекция живописи и графики, которая может быть оцифрована и представлена в контенте Исторического парка. Расширяя и пополняя региональный контент, можно будет проследить развитие культуры коренных народов Сибири и в их числе сибирских татар.

В Историческом парке «Россия – Моя история» с помощью мультимедийных технологий представлены материалы, посвященные историко-культурному наследию сибирских татар, одного из коренных народов Сибири. Эти сведения интерактивны и позволяют посетителям самостоятельно ознакомиться с археологическим и материальным наследием татар сибирского региона. Дальнейшие перспективы развития выставки возможны как в расширении представленных материалов, так и в раскрытии новых тем, посвященных этногенезу и этнической истории, материальной и духовной культуре сибирских татар, желательно более тщательное описание объектов культурного наследия, наполнение контента выставки цифровыми копиями музейных экспонатов из фондов Тюменского музейно-просветительского объединения.

Таким образом, содержание мультимедийной выставки будет способствовать приобщению посетителей выставки к истории и культуре сибирских татар Тюменской области. В этом случае будет реализован принцип объективности в представлении историко-культурных процессов, происходивших на территории Сибири.

1. Ванеева О. В. Комплексное использование интерактивных технологий в рамках музейного пространства // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Т. 212. 2015. С. 189–196.

2. Мастеница Е. Н. Культурное наследие в современном мире: концептуализации понятия и проблематика // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Т. 180. 2008. С. 252–262.

3. Официальный сайт Исторического парка «Россия – Моя история». URL: <https://myhistorypark.ru/about/> (дата обращения: 04.12.2018).

УДК 908(571.1)

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ ТЮМЕНИ, ТОБОЛЬСКА И ИШИМА

А. Г. Гаитов

О! Да здесь были города и в них
жили люди?! Кто бы подумал!
Овидий Назон

В статье автор излагает свой взгляд на датировку сибирских городов Тюмени, Тобольска и Ишима. Также предлагаются новые версии этимологии сибирских топонимов.

Ключевые слова: Сибирь, город, Тюмень, Тобольск, Ишим, сибирские татары.

TYUMEN, TOBOLSK AND ISHIM, THE OLDEST CITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. G. Gaitov

In the article the author presents his view on the Dating of the Siberian cities of Tyumen, Tobolsk and Ishim. New versions of the etymology of Siberian place names are also proposed.

Keywords: Siberia, city, Tyumen, Tobolsk, Ishim, Siberian Tatars.

«Идеже прежде был град Чимги-Тура»

Время от времени в разных средствах массовой информации поднимается вопрос об установлении истинной даты основания Тюмени. Так, еще накануне 400 летия Тюмени Булат Сулейманов опубликовал в газете «Тюменский комсомолец» статью: «Кто они – сибирские татары?». В статье, наряду с другими вопросами, была поднята эта проблема. Он писал, что наш город старше ныне отмечаемой даты по крайней мере на 200-300 лет. В мировой практике принято считать, что если неизвестна дата основания того или иного населенного пункта, то за отсчет времени берется самая ранняя дата упоминания в каких-либо источниках или артефакты, прямо указывающие возраст этого населенного пункта.

Так, Москва отмечает свой возраст с самой ранней даты упоминания в Ипатьевской летописи 1147 г., поскольку неизвестно, когда был построен первый дом или забит первый колышек.

Интересная ситуация произошла с датой основания Казани. Накануне юбилейных мероприятий, посвященных основанию Казани, которой исполнялось 800 лет в 1977 г., генеральный секретарь Л. И. Брежнев, узнав, что Москва не намного старше Казани, запретил отмечать этот юбилей. А затем казанские археологи нашли неопровержимые артефакты, в том числе монеты, прямо говорящие о дате основания. И город в 2005 г. триумфально отметил свое 1000-летие. У Москвы и других городов есть шансы найти доказательства, которые дадут возможность удревить свой возраст. Недавно нам показали сюжет, где наши журналисты телерадиокомпании «Регион-Тюмень», будучи в Париже, увидели знаменитую Католонскую карту 1375 г., где наш город обозначен под названием Чимги-Тура. То, что существовал татарский город под этим названием, известно жителям нашей области. Хотя столицей Сибирского ханства к приходу русских он уже не являлся, поскольку столичный центр в 1495 г. был перенесен на старое место в «иске ер» (Искер – букв. «старое место»), но жители там оставались и город продолжал жить.

Конечно же, Католонская карта 1375 г. не может доподлинно доказать истинную дату основания города, поскольку она обозначает уже существующие населенные пункты. Историкам и краеведам известна еще одна дата – 1220–1224 гг., под которыми упоминается наш город с названием Чингидин. Об этом еще сто лет назад писал известный татарский историк Хади Атласи: «После того как Чингис-хан взял Бухару в 1220 году сын Мамук-хана Тайбуга выпросил разрешение владеть землями по Иртышу, Тоболу, Туре. Став ханом этих мест Тайбуга построил город на месте нынешней Тюмени и в знак благодарности Чингис-хану назвал его «Чингидином».

Есть еще вторая версия основания Тюмени. Здесь говорится о появлении местного Чингия, о котором пишут многие историки. По этой версии хан Он (Он-сом) владел городом Кызыл-Тура, расположенным на реке Ишим при впадении ее в Иртыш. Против хана Он-сома восстал один из его подданных по имени Чингий, «лишил его жизни» и был признан ханом. Сын хана Он-сома Тайбуга по уговору хана Чингия якобы подчинился ему и стал служить ему. Затем он выпросил себе самостоятельность, обосновался на месте нынешней Тюмени, построил город и в знак благодарности назвал его Чингидином.

По первой версии Тайбуга является сыном чингизида хана Мамука, а по второй – хана Он-сома, которого сверг местный Чингий. В Строгоновской летописи нет иного варианта, и историк Н. Карамзин подтвердил только эту версию, что Чингис из местных: «И воста на него его державы от простых татар, именем Чингис». Г. Миллер, характеризуя оба варианта происхождения названия города, пишет, что местные татары «думают, что, может быть, некто именем Цимги в древние времена там жил».

Вместе с тем следует заметить, что Чингис-хан в наших краях даже не появлялся, а потому предпочтение можно отдать второму варианту, по которому город назван Чингидином в честь местного Чингиса. Путаница возникает в связи с тем, что местный Чингис и возможные отцы Тайбуги – хан Мамук и хан Он-Сом – жили в одно время с великим Чингис-ханом. Сейчас нам важна только дата упоминания города этого периода. До составления Католонской карты еще 150 лет. Как упоминалось выше, карта составляется по уже существующим населенным пунктам. И эти 150 лет вполне реальны в нашем исследовании. Л. П. Рощевская в книге «Памятники и памятные места Тюменской области» пишет: «В конце XIII – начале XIV веков тот, кто владел Чинги-Турой, или Тюменью, держал в своих руках один из выгодных торговых путей с Западом и перевал у Тагила, который долгое время оставался известным как Чингатурский или Тюменский волок». В книге «Тюменская область» (М.: Аяк-пресс, 2011) читаем: «...здесь проходила древняя дорога из Азии в Европу, точнее ее часть – Тюменский волок. Эти места были населены уже 5 тысяч лет назад». Н. А. Балюк в Ежегоднике музея № 20 «Земля Тюменская» сообщает: «В Новгородской летописи наиболее раннее письменное упоминание “О Тюменском волоке” датируется XI веком». Значит, населенный пункт под именем Тюмень был уже в XI в.!

Здесь есть некоторая загадка: почему город (населенный пункт) в XI в. назывался Тюмень, в XIII в. – Чингидин, а в Католонской карте – Чимги-Тура. Первоначальное имя в русском произношении «Тюмень»; очевидно, что трансформировался от сибирско-татарского слова «Түмән», в русской академической транскрипции «Түмән», которым называли свой населенный пункт тюркские жители, ныне сибирские татары. Это слово означает понятие «низко, ниже, нижнее», расположенным выше к северу – по отношению к Искеру или расположенным ниже – по отношению к населенным пунктам по р. Туре. Эту версию подтверждают историки Д. Копылов, И. Гарифуллин, А. Иваненко, д-р филол. наук Н. Фролов. Почему в XIII в. наш город называли Чингидином, мы установили: город назван в честь Чингис-хана или местного Чингиса, что предпочтительнее. А в Католонской карте уже другое имя нашего города – Чинги-Тура, что тоже можно объяснить. Словом «Тора» у сибирских татар (в русском произношении «Тура») обозначается город. Это слово и сейчас применяется в языке. Так, говорят, например, о городах Тобольске, Тюмени и Ишиме. Можно сказать, что наш город имел в своей истории официально и неофициально три названия. Если судить по Новгородской летописи XI в., было, как и сейчас, имя Тюмень. В XIII в. город переименован в Чимгидин, и одновременно неофициально стали называть Чинги-Тора – город Чингиса. С XVI в. город вновь стал называться Тюменью, а неофициально тюркские жители продолжали называть Чинги-Тора (город Чингия), а иногда Онцимки, видимо соединив имена бывших противников хана Онсома и местного Чингиса (Цингия).

Такого же мнения придерживается и С. Марковская: «Первоначально, ве-

роятно, город на Туре назывался Тюменью, позднее переименован в “Чингидин”, или “Чинги-Тура” (Чимги-Тура), город Чингиса».

Остановимся на некоторых летописях и на работах современных исследователей, которые прямо указывают на преемственность Чинги-Туры (Чимги-Турь, Чимгидина) с Тюменским острогом, который начал строиться с приходом русских в XVI в.

В Есиповской летописи говорится: «Приидоша с Руси воеводы Василий Сукин да Иван Мясной, с ними же многие русские люди. Поставиша градъ Тюмень, иже прежде бысть градъ Чимги...». В новом летописце сказано, что возведено на том месте, «где прежде бываша град Тюмень...», «и создаша на том городище в Сибири первый град и назваша его по старому имени Тюмень». Погодинский летописец пишет: «И поставиша на реке Туре град Тюмень, иже прежде бысть град Чимги». Краткая сибирская летопись, перечислив воевод, посланных на строительство, повествует: «...с тремя сты человек, поставиша град Тюмень июля в 29 день, еже Чимгис слых...».

Историки И. Белич и А. Ярков пишут: «Кунгурская летопись прямо утверждает, что В. Сукин, И. Мясной, Д. Чулков “с тремясты человек” основали первый русский город за Уралом не на пустом месте – “поставиша градъ Тюмень июля в 29 день, ежи Чингис слых”, того самого и даже ныне писал в 1636 году в своих летописях Есипов – стоит Тюмень». «По своим размерам Чимги-Тура конца XV века значительно превосходил размеры других известных татарских городов Западной Сибири. Она даже превышала размер русской Тюмени 1688–1703 гг.». Они же продолжают: «В другом месте он писал, что в языке “татарском Сибирском Тора значит город”. Мол, известно, что Ченгиев город (Ченги-Тура) называлась первоначально Тюмень».

В своей статье Н. Н. Горбачёва наиболее точно отразила преемственность истории нашего города: «“Христианский град, рекомой Тюмень”, как величал его Строгоновский летописец, в отличие от первопоставленных городов, возник не на пустом месте. Русский город “прорастал” сквозь поселение татарское, осваивал не только его место, но и язык его”. “Заимствованное имя дает еще одну возможность. Город, названный А. Н. Радищевым “из первых городов Сибири”, мог бы, тем не менее, связывать свои начала не только с датой закладки его первых крепостных стен, но и рассматривать себя как “прямое продолжение корней” предшествующей истории».

Известный краевед профессор А. С. Иваненко так определяет размеры татарской Чимги-Туры: «На плане это легко сделать. В ширину Чимги-Тура была от оврага современной улицы Ленина до оврага, что идет в сторону железной дороги, – это около 500 метров. В длину она простиралась на 500 сажень (1050 метров) до улицы Челюскинцев, Камышинской, а “наружный вал шириной 2 сажени”... находился примерно там, где теперь на Большом Городище проложена улица Гранитная. На плане видно, что... населенная часть Чинги-Туры, центр города, была существенно меньше Тюмени и простиралась до современного хода

с улицы Ленина на стадион». Далее краевед пишет: «...строители Тюмени В. Сукин и И. Мясной назвали русскую крепость татарским именем Тюмень, отдавая дань уважения местным жителям, которые так называли старую Чимги-Туру, всю прилегающую к ней местность и целое государственное объединение».

Первый и главный историк Сибири Г. Ф. Миллер пишет: «Что же надлежит до города Тюмени в Сибири, то уповательно, что сие имя во время строения оно у Татар в употреблении было. Ибо оного кроме их взять не откуда было».

Конечно, это не означает, что острог начали строить, снося дома прежних жителей. Строителям острога в количестве трехсот человек нужно было где-то жить, и они, конечно, обустривались по-своему и жили в покинутых домах прежних хозяев. Впрочем, историки А. Матвеев и С. Татауров в книге «Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории» пишут: «Считается, что в начале 1580-х годов г. Чимги-Тура был разграблен и сожжен отрядом Ермака. На его месте в 1586 году была построена русская Тюмень».

Мы знаем, что населенный пункт с топонимом «Тюмень» был на территории Крымского ханства. Город Темников по-татарски зовется «Түмән», На берегу протока Терека при впадении в Каспий стоял татарский город под этим именем. Чтобы отличать Тюмень в Сибири от других городов под этим же именем, в Архангельской летописи 1406 г., Воскресенской 1475 г. Тюмень в Сибири называли Великой Тюменью. В последних исследованиях удалось найти в книге «Великая Башкирия» (автор Я. Баширов) следующие сведения, которые ученый сообщает, основываясь на данных арабского путешественника Мусы ибн Халиля: «В 1036 году был основан в качестве торгового центра в этом регионе город Тюмень-Тюмэн (Муса ибн Халиль)».

Автор этих строк на конференции по результатам деятельности общественной организации «Исторический центр Тюмени» в 1999 г. выступил по этой теме перед общественностью города. Доклад был одобрен и напечатан в ежегоднике организации. Тогда доклад был закончен такими словами: «Наш город старше ныне отмечаемой даты на несколько столетий, и он является не только старейшим городом Сибири, но одним из старейших городов России. Удревнение даты основания Тюмени подняло бы престиж нашего города, и мы могли бы гордиться возрастом нашего города». В те же годы, этот вопрос был поднят мною при встрече с мэром города С. М. Киричуком. Он одобрил идею и предложил организовать научную конференцию на эту тему.

**«Стольный усть Тобола и Иртыша, иже именуемый Сибирь...»,
или Город Сыубер – вторая столица Сибирского ханства**

В своих публикациях и выступлениях на научно-практических конференциях я говорил об основании дат городов Тюмени и Тобольска. Отмечаемые ныне даты – это даты только начала строительства русских острогов. Ведь история не начинается со времени прихода одних народов на территорию сопредельных на-

родов, которые веками и тысячелетиями жили здесь ранее.

В статьях и выступлениях о Тобольске я говорил, что Искер намеренно стали называть, кроме Кашлыка, еще третьим именем – Сибирь, и что слово «Сибирь» произошло от тюркских слов «сыу» и «бер», обозначающих «единая вода» или «одна вода», и что на месте Тобольска стоял город Сыубер, по-другому – Сыубыр-кала. Слово «кала» обозначает «столица». Почему я употребил слово «намеренно»? Потому что уже в 30-гг. XVIII столетия, а особенно после опубликования С. Ремезовым карты «Кучумова городища» со вторым наименованием «Старая Сибирь», пошло утверждение, что Тобольск был основан русскими и что никакого поселения на этом месте не было. В статье о Тобольске я легко доказал, что это не так и что город Сыубер, который стоял на месте нынешнего Тобольска, был второй или первой резиденцией правителей Сибирского ханства. Искер и Сыубер были, по своей функции, взаимозаменяемыми.

Близ нынешнего Тобольска в радиусе 15–20 км были такие города: Сузгунтора, Пыщык-тора, Ябалак, Карачи, Патша паш (ныне Чувашский мыс), Искер, Саускан, Атика городок, Суклем, Касым-тора. Довольно большим городом был город Сыубер на Троицком мысу, игравший роль стольного города местного значения. После переноса столицы Тюменского ханства в 1495 г. в Искер роль Сыубера усилилась как второй столицы Сибирского ханства. Об этом ясно и просто изложено в Строгановской летописи: «...Пришед в Сибирскую землю... татарове же сего убояшася русских вой много пришествия, избегоша от града своего, идеже прежде сего быть в Сибири татарский их городок стольный усть Тобола и Иртыша иже именуемый Сибирь, оставиша его пуста». Под этим же именем Сибирь на месте нынешнего Тобольска этот город обозначен на карте (портолане) братьев Пицигани 1367 г.

В книге «В древнем центре Сибири», изданной в 1987 г. в Москве, читаем: «Города никогда не возникают случайно или в случайных местах. Тобольск не мог не возникнуть именно здесь, при впадении в Иртыш, на высоком прибрежном плато, дугой огибающем пойменную низменность в излучине могучей реки. Плато в этом месте татары называли Алафейской горой, что в переводе означает “коренная ханская земля”. Издавна на Алафейской горе селились родственники, дети, жены властителей Сибири. После победы Ермака (в период сражений. – А. Г.) татары ушли отсюда, но через три года, когда русские покинули Сибирь, плато опять стало обживать татарам. Однако в 1587 году сюда пришел из Тюмени полутысячный отряд казаков под командованием письменного головы Д. Чулкова, и вскоре в юго-западной части Алафейской горы, на мысу, позже названном Троицким, появился русский острожек».

Возникает вопрос, почему в некоторой исторической литературе словом «Сибирь» определяют одно из трех имен столицы сибирского ханства: Искер, Кашлык, Сибирь? В учебнике русской истории 1917 г. «Элементарный курс истории» написано: «Там на реке Иртыш было татарское царство, главный город которого назывался Искер или Сибирь; Отэтого русские и прозвали Сиби-

рью всю страну за Уралом». Вот и в реконструкции А. Зыкова столица Искер названа Сибирью. Историк, археолог А. Зыков в течение многих лет проводил археологические раскопки на Искере и прилегающей территории. Он утверждает, что сам Искер был только цитаделью средневекового города, а примыкающая к нему часть через речку собственно и является городом Сибир. Но вот парадокс: он же в своей реконструкции Искера называет его городом Сибирь! Отдавая дань уважения ученому, нужно все же сказать, что ангажированность приводит к разномыслию даже в одной голове. Нет никакого логического объяснения вопреки летописям, карте тому, что Искер, находящийся в 20 км от устья Тобола, некоторые исследователи называют вдобавок этим третьим именем. Впрочем, есть другая версия, по которой считается, что Сибирь – это простой перевод на русский слова «Искер». Тюркские жители называли именем Сыубер свой город на Алафейском плато – ныне мыс Троицкий, т. е. на месте нынешнего Тобольска. Народ по-прежнему продолжал называть его своим именем, но постепенно оно стало обозначать в русском произношении всю Сибирь, вытесняя ее средневековое название Югра (близко к тюркскому слову «югары» – «верх», «верхнее») и более официальное, обозначаемое на всех зарубежных картах словом «Тартария» или «Татария». У историка XIX в. И. Введенского читаем: «Первоначально название Сибирь в наших летописных памятниках была Югра. Название это в XVII веке исчезает в летописях и заменяется настоящим».

Приведем несколько выдержек из различных летописей, которые не дают основания говорить, что Сибирь – это третье имя Искера. В Сибирском летописном своде читаем: «...И нарекоша его град Тоболеск вместо бисерманского града Сибири. Ныне же и вся страна Сибирская именуется». Были посланы «письменный голова Данило Чюлков воеводою со многими ратными людьми внутрь Сибирского царства вниз Туры до реки Иртыш и до града Сибири». «Приплыша до реки Иртыша против тобольского устья на горе», «и построиша вместо царствующего града Сибири... сей город Тоболеск». В Румянцевской летописи: «И бысть вместо царствующего града Сибири город Тоболеск». Историк С. В. Бахрушин отмечает: «Бывшая столица Сибирских ханов пришла в запустение. На ее месте вырос центр русской колонизации, стольный город Сибири – Тобольск».

В «Повести летописной» мы находим слова одного из главарей Ермакова воинства, а затем оказавшегося в составе стрельцов под командованием Д. Чулкова при строительстве Тобольска Черкаса Александрова: «И на сем прекрасном месте поставиша град и нарекоша имя ему Тоболеск реки ради Тоболы»; «Иначе же сей Тоболеск вместо царствующего града старой Сибири именовася и прослыся начальным градом». Здесь же подробно объясняет: «...против мало пониже устья реки Тоболу, яко единая верста, на велице горе...», т. е. от устья Тобола не выше по Иртышу где-то в 20 км, а чуть пониже. Это, пожалуй, самое убедительное подтверждение, что город Сибирь находился на Троицком мысу, от непосредственного участника всех событий! А что касается того, что Сибирь назван стольным городом наряду с Искером, то это легко объяснимо, например:

Санкт-Петербург и Царское село, или Москва. Так что города Искер и Сыубер-Сибирь могли быть взаимозаменяемы, поочередно являясь стольным городом или летней резиденцией, в зависимости оттого, где находится правитель в данный период. Эта малая часть безусловного объяснения того, что на Троицком мысу стоял татарский город Сыубер-Сибирь.

Изучая труды ученых, я с удовлетворением обнаружил у историков С. Патканова и И. Фишера следующие подтверждения написанного выше. У С. Патканова указано: «Со времени покорения Сибирского царства, в состав которого вошли и земли, не носившие прежде названия “Сибирь”, это последнее слово меняет свое значение и приурочивается, с одной стороны, к древнему городку, называемому иначе Искером и Кашлыком... И с другой стороны – обширной, постоянно расширявшейся путем завоеваний стране Северной Азии. Кроме того, имя “Сибирь” сохранилось еще в названиях нескольких мелких речек Тобольской губернии (Сибирка)». И ученый заключает: «Таким образом, оказывается, название Кучумова городища, «Сибирь», нельзя считать именем собственным, ему присущим, а скорее, нарицательным». Правда вместо слова «нарицательный» ученый мог бы поставить слово «добавленным» или, как он сам же писал выше, «приуроченным».

В работе И. Фишера «Сибирская история» читаем: «Имя Сибирь было татарам, при реке Иртыш живущим, неизвестно, и прежняя столица Кучума-хана, которую россияне обыкновенно называли Сибирью, именовалась у них Искером». Ссылаясь на Страленберга, Фишер пишет, что Сибирь происходит от татарского слова «бер», т. е. «один», и повторяет, словно в назидание: «слово “Сибирь” было татарам неизвестно, и столицу хана своего называли “Искером”». Да, слово «Сибирь» моим предкам было неизвестно, в ходу было слово «Сыубер». Повторюсь, устье Тобола – это место слияния всех вод западной части Западной Сибири. В Иртыш вливаются крупные реки, как Вагай и Ишим, а в Тобол такие как Исеть, Тура, Пышма, Тавда со своими многочисленными притоками. Таким образом, город Сыубер – Тобольск есть место слияния всех вод.

Академик М. Алексеев в своем капитальном труде «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII–XVII вв.» опубликовал дневник неизвестного Anonimusa, офицера немецкого происхождения, неприязненно относившегося к местным народам. Он находился на русской службе, и в составе 46 офицеров 1666 г. то ли был сослан, то ли откомандирован в Сибирь. Вот его слова: «В Сибири живет много этих татар, так как в прошлые времена, лет 95 назад (лет 80 назад. – прим. автора), это была их собственная страна; они имели также своего собственного царя, резиденция которого была на горе, на том месте, где сейчас стоит Тобольск. Это место еще видно; точно так же, неподалеку оттуда, на другой горе, на расстоянии мушкетного выстрела, жили два мурзы или князя; там видны еще рвы и валы вокруг их жилищ».

Казалась бы, эти слова не дают никаких оснований говорить об Искере. Но академик Алексеев словно не замечает, что этот путешественник говорит о горо-

де, который стоял на месте Тобольска. В комментарии он относит это описание Искеру, при этом создавая иллюзию разности описания одного и того же объекта между путешественником и историком Г. Миллером, который писал, что «рвы и валы малоприметны», но об Искере и на целое столетие позже. Вот так, наверное, рождаются исторические фальсификации.

Как пишет член-корреспондент академии наук А. В. Головнёв, долгое время работавший в Тобольске, этногенез сибирских татар начал складываться еще во втором веке новой эры, вследствие продвижения хунских, кыпчакских и алтайских племен. Поэтому с большой степенью вероятности можно утверждать, что прежнее имя Тобольска Сыубер, ставшее с приходом русских на короткое время Сибирь, в представлении чужеземцев стало идентичным с народом, жившим в этом пространстве, например как московиты – народа, жившего в Москве и Московском княжестве. После прихода русских и в связи с необходимостью строительства нового города возникли новые термины: «Старая Сибирь» и «Новая Сибирь», т. е. вместо или рядом со старым городом нужно было построить новый город. Если бы Искер и протекающая рядом речка имели уже в то время название Сибирь, то не было бы никакой необходимости отмежеваться от него названием Новая Сибирь, расположенным в 20 км на Троицком мысу. Новый город нужно было отделить от татарской Сибири, расположенной тут же на Троицком мысу, большая часть которой находилась ближе к Иртышу, отделенной взвозом. Вот тут-то и жили 500 строителей в домах прежних хозяев, когда они рубили острог в другой части мыса. Все дело в том, что до прихода русских Искер не имел другого имени – Сибирь. Как пишет историк А. Шашков: «Так появилась русская крепость Новая Сибирь, переименованная вскоре в город Тобольск». Но у кого-то это название оставалось в памяти довольно долго. Этому свидетельствует тот факт, что патриарх Филарет отправил в Тобольск после образования епархии в 1620 г. архиепископу Киприану золоченый крест с надписью: «Царствующий град Сибирь».

Столица Тюменского ханства, позже названного в русской историографии Сибирским ханством, переносится в Искер в конце XV в. А карта братьев Пицигани была составлена за 100 с лишним лет до этого. Не могли братья обозначить словом Sebug лежащий в развалинах или вовсе отсутствующий город под названием Искер, о котором ничего не было известно на Руси, до того как он стал одним из двух столичных городов с конца XV в. и прихода русских. Вот еще одна версия С. Ремезова, где он заявляет, что «Сибирь происходит от Сибира царя первоначального во стране с Великого холма Алафейских гор...», хотя у него есть и другие версии по происхождению этого слова. Так что можем сказать вслед за другим летописцем: «Приидоша во град Сибирь, последи же рекомый Тоболеск».

В одной из своих статей историк А. Шашков задает вопрос: «Старая Сибирь и Новая Сибирь – одно и то же?». Вопрос не конкретный. Тут можно ответить и да, и нет. Нет – потому что форма, суть и функции русского острожка

совершенно отличаются от татарского городка. Да – потому что Новая Сибирь вначале была построена рядом со Старой Сибирью, на месте которой продолжал развиваться город Новая Сибирь – Тобольск.

Конечно, ни одна летопись, тем более отредактированная другими авторами, не может являться достоверным источником правдивости событий прошедших столетий. Они во многом противоречат друг другу, даже в одном варианте отредактированной летописи. Противоречия можно найти особенно у тех авторов, которые никогда не бывали в Сибири. А что говорить о позднейших исследователях, которые повторяли один за другим, опираясь на работы предыдущих, добавляя что-то свое. Так, одна ложь рождает другую. Многие работы писались в угоду тому или иному правителю, в угоду времени, обстоятельствам, политике государства.

Кто знал до прихода русских об Искере? Но слово «Сыубер-Сибирь» было, как говорится, на слуху. В условиях отсутствия коммуникаций, когда иные известия шли от одного края государства до другого месяцами и годами, невообразимым образом переплетались события и даты, поэтому утвердившееся слово «Сибирь» и стало отправной точкой в трудах исследователей. Поди разбери, где Искер или Сибирь. Можно верить только тем источникам, которые совпадают с народными преданиями, пусть в несколько причудливой форме, но только они правдиво доносят суть событий и придают достоверность тем или иным историческим фактам.

Остановимся на происхождении слов «Тобол», «Тобольск», «Иртыш» и «Ишим». Татарское слово «Тубылгы» («Тоболгы» – казахский вариант) на русский язык переводится «Таволга». Об этом же пишет историк Татищев. Будучи астраханским губернатором, он, конечно, общался с местными тюркоязычными народами. Есть другой вариант в утверждении путешественника XVIII в. И. Фалька. Он выводит происхождение этого слова от имени местного хана Тоболака или из названия его града «Тобол-Тура», который и поныне стоит на тракте Тобольск – Тюмень.

Г. Ф. Миллер, описывая историю возникновения в Среднем Прииртышье г. Кызыл-Тура заключает: «Преемник Он-сома назывался Иртышак, от него река Иртыш получила свое название». То же находим в Ремезовской летописи: «...после хана Он-Сома – царь Иртышак: как [названная] тем именем река Иртыш бескрайна». В другом месте он пишет: «наследником его был Иртышак, по которому река Иртыш так называется».

Есть мнение, что не имя человека дает название реке, а река дает имя человеку. Возможно, что слово «Тобол» произошло от тюркских слов «төбе оллы», в русской транскрипции «тöбе оллы» в переводе, примерно, «глубоководная». Некоторые исследователи считают, что Иртыш получил свое название от слова «Ертыш», обозначающее – «карабкайся», «цепляйся». Хозяйственная жизнь жителей связана с рекой, и крутой берег реки имел какое-то значение.

Говоря о народе Сибыр (Себер, Сабыр, Сыпыр, Савыр), который жил

в Западной Сибири, некоторые исследователи делают вывод, что здесь жило неизвестное тюркизированное племя под этим именем (раньше говорилось о его финно-угорском происхождении). По преданиям, это племя внезапно исчезло, а какая-то часть совершила самопогребение. Так или иначе, это племя, пусть с невыясненным до конца происхождением, часть которого, несомненно, смешалась с племенами, приходящими на их территорию до и в период великого переселения народов. Имело ли это племя, обозначаемое в исторических хрониках, этноним «Себер»... и так далее в период фиксаций, или оно пришло с переселенцами, которые появились задолго до XV–XVI вв.? Можно допустить, что многие века переселения являлись фантомом и те и другие один за другим стремились в места, где «сыубер», и, один за другим, получали один и тот же этноним. А уже затем, когда стали появляться другие самоназвания, потомки в своих преданиях стали говорить о своих предках названием «сибыр», «себер» и т. д.

Вот тут вновь всплывает не решенный до сих пор вопрос, что первично: топоним «Сыубер» или этноним «Сыубер». Можно предположить, что в начале было просто стремление людей попасть на эту территорию. Топоним «Сыубер», наверно, появился раньше как слово, обозначающее только территорию, а уже затем как этноним. Появление же этого топонима как города произошло при и после строительства и заселения его. Появление топонима в русской транскрипции и произношении как Сибирь произошло после прихода русских и дальше распространилось на весь континент.

Теперь обратимся к этимологии слова «Сибирь». Какие только версии не предлагают, чтобы раскрыть его значение, когда все ясно и лежит, как говорится, на ладони. Из изученного мною материала половинчатое решение находим у И. Введенского, историка XIX в.: «...другие думают, что оно чисто татарское и происходит от слова бир (бер. – *А. Г.*) – один». Если бы он рассмотрел первую часть слова, он мог бы легко заметить, что начальная часть слова «си» близка по произношению «сыу» («су»), т. е. вода, и что русские сразу слово «Сыубер» стали называть «Сибирь», что означает «единая» или «одна вода». Действительно, Тобольск расположен на месте слияния всех рек юга Западной Сибири: сначала Тавда, Исеть, Пышма, Тура, вливаются в Тобол, в Иртыш вливаются Ишим и Вагай, а затем Иртыш и Тобол соединяются, образуя единую реку. Таким образом, устье Тобола – это место слияния всех вод. Ведь часто географическая характеристика данной местности определяет название населенного пункта, расположенного на этом месте.

Несколько слов об Алафейском плато. По народному преданию, здесь жили богатыри. Слово «алафей» пишется несколько искаженно от слов «Алып өйе» – дом богатыря, в русской транскрипции «Алып өйе». По другому, чуть варьируя, называли «Алып ере», т. е. земля богатыря, силача. Нынешний пешеходный взвоз называли «Алтын яргын», в переводе «золотой раскол» или «золотое сечение». В русской историографии этот взвоз называют «Алтын яргынак». Об-

щее пространство – череду мысов, взвозов и город Сыубер – жители величали «Алла каплы», т. е. как место, охраняемое Аллахом. В русской историографии оно обозначается как «Алагафлы». Недаром эту местность и русские в своих воспоминаниях упоминали как «богом строенное место».

Много споров идет о местности Подчуваши и Чувашский мыс, большая часть которой смыта в реку. Мыс же называется «Патша баш», что дословно означает «голова правителя», имеющий смысл – центр царства. Действительно, это, пожалуй, самое колоритное и красивое место вокруг Тобольска. Мыс как бы представляет голову, т. е. начало, от которой по обе стороны тянутся плечи и руки человека или крылья птицы. Схожесть слов «патшабаш» и «подчуваши» придала этимологическую загадку для исследователей. Ну, если местность под мысом называется Подчуваши, то сам мыс должен быть чувашским, где вероятно был город, и там якобы жили чуваша. Одинаковость звучания этих слов со временем привело к неверным историческим утверждениям. Историк И. Гарифулин перечисляет по именам всех ханов первого известного татарского государственного образования в Сибири вокруг г. Кызыл-Тура (ныне Усть-Ишим Омской области). Имена первых правителей неизвестны, затем называются имена двух ханов, за ними идет имя хана Ишима. После Ишима до известного хана Он-Сома перечисляются имена еще одиннадцати правителей. О каких-либо датах здесь до XII в. говорить не приходится: они уходят в глубокую древность и попросту неизвестны. Вышеупомянутый исследователь Я. Баширов пишет, что Ишимское ханство – предшественник Тюменского ханства – было известно с XIII в. И г. Кызыл-Яр (нынешний г. Ишим) упоминается в связи с происходившими там в 1140 г. событиями. Какой город старше – Кызыл-Тура или Кызыл-Яр, а также являлся ли Кызыл-Яр второй столицей Ишимского ханства – это предмет дальнейших исследований. Здесь нам важно имя хана Ишима, именем которого названы река и город. Есть предположение, что река получила название от слова «ишәм» – «гребу», в транскрипции «ишәм» или «ишен» – «греби».

Мы знаем, что многие города стараются отыскать свою историю с позиции старшинства. Так, даже в нашей большой области города Салехард и Ханты-Мансийск усиленно ищут дату, которая явилась бы старше Тюмени и Тобольска. А у нас эти даты лежат на поверхности – бери любую, которая наиболее приемлема.

Историки А. Матвеев и С. Татауров в выше упомянутой книге утверждают: «Еще одной любопытной деталью является тот факт, что сибирские “грады” и “города” в своем названии уравниваются с “царствующим градом Москва”». Имеется в виду, что Тобольск, например, имел право принимать послов других стран наравне с Москвой.

Изучение истории возникновения наших городов является актуальным направлением исторической науки. Ведь история края, территории не начинается со дня нашего рождения или с момента завоевания сопредельных территорий.

УДК 37.014.521:297.17

КОЛЫБЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Р. С. Кутумова

Статья посвящается 100-летию школы № 15 г. Тобольска Тюменской области. Показана история становления и развития школы, богатая и насыщенная событиями. Рассказано о руководителях и учителях школы, сыгравших большую роль в ее жизни. В отношении изучения татарского языка автор выделяет четыре этапа: становление, расцвет, переход на русский язык обучения и возрождение.

Ключевые слова: медресе, школа № 15, Тобольск, сибирские татары, национальное образование.

THE CRADLE OF NATIONAL EDUCATION

R. S. Kutumova

The article is devoted to the 100th anniversary of the school № 15 in Tobolsk, Tyumen region. The history of the formation and development of the school, rich and eventful. Told about the leaders and teachers of the school, who played a big role in the life of the school. With regard to the study of the Tatar language, the author identifies four stages: formation, flourishing, transition to the Russian language of education and revival.

Keywords: madrasa, school № 15, Tobolsk, Siberian Tatars, national education.

В ноябре 2018 г. школе № 15 г. Тобольска исполнилось 100 лет, и сегодня представляется возможным показать историю становления и развития школы через архивные документы, фотографии, воспоминания выпускников и учителей. По данным голландского ученого Н. Витсена, в 60-х гг. XVII в. в Тобольске существовала «арабская школа», или медресе. Это медресе в Тобольске было важным центром просвещения татар. Известно, что в начале XX в. в подгорной части города при ныне существующей мечети работало медресе, построенное богатым меценатом нашего города Тухтасынхаджи Айтмухаметовым. Это медресе во многом было прообразом 15-й школы.

В газете «Тобольская коммуна» от 10 декабря 1919 г было опубликовано объявление о наборе учащихся в Тобольскую четырехлетнюю мусульманскую

школу 1-й ступени имени К. Н. Нариманова (государственный деятель, в 1922–1925 гг. – председатель по национальным вопросам ЦК КПСС). В объявлении сообщалось, что в школу принимаются дети 8–13 лет, обучение бесплатное, будут преподаваться татарский и русский языки. Запись учащихся продлится до 15 декабря. В списке служащих Тобольской мусульманской школы на 31 мая 1920 г. значились учителя Екатерина Александровна Протопопова, Александра Всеволодовна Миловская, Рахима Ибниябиковна Мурзакаева (и. о. учительницы и заведующей татарской библиотеки). Участвовали в создании школы также Загид Мирвалев и Шакирзян Мухаметзянов.

В начале 1921 г. директором школы был назначен большевик Зиннат Алевич Алеев, активный организатор национальных школ в Тобольском округе. С началом крестьянского восстания коммунисты подвергаются преследованиям и пыткам со стороны белогвардейцев. В числе зверски замученных и расстрелянных был и З. А. Алеев. В феврале 1921 г. он погиб от рук белогвардейцев и похоронен в саду Ермака.

В 1924 г., по решению Тобольского окроно, школа была преобразована в татаро-башкирскую 7-летнюю школу имени Н. К. Крупской. Здесь стали обучаться дети всех близлежащих деревень Тобольского, Вагайского, Уватского и других районов, т. к. это была единственная татарская школа-семилетка; располагалась в одном из семи конфискованных домов тобольского купца Опарина по ул. Семанова, в остальных домах находились квартиры для учителей, столовая и интернаты. Позже основное здание школы было переведено в старую часть (бывший купеческий дом) ныне существующей школы. Работал сильный коллектив учителей: Н. И. Беллавина преподавала русский язык, З. М. Мирвалев – татарский язык, Х. А. Ахметзянова – обществоведение, А. М. Заветова – естествознание, Ч. И. Николаева – физику, А. Н. Шохин – изобразительное искусство, Е. И. Ослина – географию, А. Курзанцев – физкультуру. Директором в 1930–1934 гг. был Шакирзян Сабирзянович Мухаметзянов. А с 1934 по 1938 г. директором работал Мухаматулла Нимашевич Урамаев, который является прототипом главного героя романа Я. К. Занкиева «Зори Иртыша».

В 1938 г. при директоре Зые Касшафовиче Фассахове школа становится средней общеобразовательной школой № 15 с 10-летним обучением (два выпуска).

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) школа вновь становится семилетней. Сотни выпускников школы ушли на фронт. В эти военные годы самоотверженно трудились учителя: А. Халитова, Б. В. Соловьева, Е. С. Ключкова, З. А. Премина, Г. Ревнивых, Ф. Афлятунова, Суханова, С. Абдулина, М. Рахимова, Юмашева, Т. И. Колмогорцева, Л. Д. Крюкова, А. С. Моисеева, М. Мунарева, А. Новикова. Директором школы в 1940–1941 гг. был Мифтах Хусаинович Алеев (1895–1945) – участник трех войн: Первой мировой войны, войны с Финляндией и Великой Отечественной войны. В нашем музее есть информация о Салиме Хайрутдиновиче Аникине (1915–1983), выпускнике нашей

школы 1929 г., участнике Великой Отечественной войны, который был одним из сподвижников известного поэта Мусы Джалиля, создавшего подпольную организацию среди советских военнопленных. Выпускнице школы 1941 г. Гавгаре Сафеевне Кутумовой в этом году исполняется 95 лет, ее дети тоже учились в школе № 15 и стали достойными людьми. В 1941–1950-х гг. школу возглавляла Амина Халимовна Халитова. В послевоенный восстановительный период учителя и вся интеллигенция города вели большую общественную политико-просветительскую и культурную работу среди населения.

В 1950–1955 гг. в школу прибывает целая плеяда молодых и энергичных учителей с высшим образованием: И. Б. Гарифуллин, М. Байбиков, М. Айданов, Наиль и Сара Маметовы, Асия Шаипова, Д. А. Массажутова, Р. Х. Сафина, К. М. Муратов. Директором в 1952–1954 гг. работал Мунир Давлетович Байбиков, а затем эстафету принял Изиль Бадретдинович Гарифуллин. При нем школа снова становится городской средней татарской школой № 15. Из воспоминаний Н. З. Маметова, учителя истории и географии: «...С 1950 года школа получает статус средней национальной общеобразовательной школы. С этого года коллектив школы пополнился молодыми специалистами, окончившими Казанский и Тюменский педагогические институты. На них легла большая ответственность за превращение школы в крупный образовательный и воспитательный центр области для татарского населения...»

Из воспоминаний учителя русского языка и литературы Хасаны Маметьевны Мухаметчиной: «Особое воспоминание осталось во мне, когда учились дети-воспитанники Краснознаменного детского дома № 50, которые являлись гордостью и образцом во всех отношениях не только школы, но и города. Всем классом учились только на отлично и хорошо. В послевоенные годы в городе не было транспорта – автобусов, воспитанники в мороз и непогоду ходили пешком с горы до школы № 15. В чернильницах чернила замерзали, они оттаивали их своими ручонками... Я счастлива своими выпускниками, которые, успешно окончив школу, средние и высшие учебные заведения, являются высококвалифицированными специалистами во всех сферах жизни...» Родной язык и литературу вели Сара Каюмовна Маметова и Асия Минигареевна Шаипова.

В середине 60-х гг. был осуществлен переход на русский язык обучения учащихся. Татарское направление велось во внеурочное время. Из воспоминаний Хусни Харисовны Гаитовой, учителя русского языка и литературы: «Учащиеся, прибывшие к нам учиться в старшие классы из Заболотья, не знали русского языка. Очень трудно было им писать сочинения по русскому языку. Нам, учителям русского языка и литературы, приходилось с ними в общежитиях, где они проживали, переводить биографии классиков и тексты их произведений сначала на татарский язык, затем писать краткие конспекты на татарском и затем переводить эти конспекты обратно на русский язык. Дети очень старались, даже заучивали все наизусть... К концу года мы видели свои результаты... Некоторые, которые хорошо учились, поступали в высшие учебные заведения, становились хорошими специалистами».

Долгие годы (1950–1980) заместителем директора по учебно-воспитательной работе была неутомимая труженица, грамотный специалист по русскому языку и литературе, бывший преподаватель Тобольского государственного педагогического института, отличник просвещения РФ Равиля Хакимовна Сафина. Организатором внеклассной работы была заслуженный учитель РФ, почетный гражданин г. Тобольска, учитель математики Джазиля Амировна Массажутова. В 1958–1985 гг. коллектив возглавлял Камал Мазитович Муратов (1922–2007), отличник народного просвещения РСФСР, ветеран педагогического труда, общественный деятель, участник Великой Отечественной войны, подполковник в отставке. В 2010 г. школа издала книгу «Через все испытания» об этом замечательной человеке, а мемориальная доска на стене у входа школы навсегда увековечила память о нем.

В нашей школе с 1941 по 1964 гг. работала замечательный учитель биологии, химии и географии Татьяна Иосифовна Колмогорцева. Под ее руководством был заложен пришкольный участок: плодовый сад, цветник. На средства, полученные при реализации урожая с этого участка, создан зоологический отдел, построена маленькая птицеферма, на которой выращивали до трех тысяч штук цыплят, до ста штук кроликов. Кабинет биологии и пришкольный участок Т. И. Колмогорцевой неоднократно участвовали в городских, областных выставках, ВДНХ в Москве. Она награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», орденом «Знак Почета», юбилейными медалями и множеством почетных и похвальных грамот за добросовестный труд в педагогической работе с учащимися.

Из воспоминаний Н. П. Колмаковой, учителя русского языка и литературы: «Я счастлива, что родилась в одно время со школой, в ноябре 1918 года. И благодаря бога, что она встретила на моем жизненном пути, она вошла в историю моей жизни. Она оставила очень добрый след в моей жизни. Эта школа была последним поприщем моей педагогической работы. Всегда была уютная, несмотря на старое здание. Внутри ее царили уют, тепло. Что и продолжается до сих пор. Спаенный коллектив, где умеют ценить друг друга. Учащиеся отличались хорошей воспитанностью, дисциплиной благодаря огромному труду учительского коллектива. Низко кланяюсь всему коллективу, директору школы Камалу Мазитовичу, Джазиле Амировне, Равиле Хакимовне, которые оберегали меня, провожая на пенсию. В школе № 15 я работала всего год, т. к. школу № 12 расформировали. Но эта школа мне очень дорога. Дорога тем, что в ней я рассталась навсегда со своей педагогической работой. Дорога тем, что в ней был дан мой последний урок. Дорога тем, что в ней я услышала последний звонок, зовущий на урок. Школа оставила во мне очень приятное впечатление.. Особенно мне нравился почти полностью татарский класс. Дети были ласковые, трудолюбивые и звали меня «Апа, Нина Петровна!». Мне это нравилось».

Из стен школы вышли известные замечательные люди, которыми мы гордимся. Это писатель и заслуженный гражданин г. Тобольска Я. К. Занкиев, за-

служенный врач и заслуженный гражданин г. Тобольска Ф. М. Шарипова, доктор наук, академик Р. А. Вафеев, кандидаты наук К. С. Садыков, К. Гумеров, подполковники запаса Т. М. Халилов, Р. Алимханов, А. Фазылов, кандидат медицинских наук З. Г. Мировалева и многие другие.

Школу успешно с золотыми и серебряными медалями окончили 11 человек.

Медалисты школы:

1. Альмухаметов Альберт Айтмухаметович, первый золотой медалист 1965 г.
2. Муратова Альфия Туктасыновна, серебряная медалистка 1994 г.
3. Сайтов Марат Азатович, серебряный медалист 2004 г.
4. Сайтова Лилия Суфаировна, серебряная медалистка 2008 г.
5. Сайтова Алсу Азатовна, золотая медалистка 2011 г.
6. Сибгатуллина Гульназ Маратовна, золотая медалистка 2012 г.
7. Сергеева Равиля Владимировна, серебряная медалистка 2013 г.
8. Иванова Элина Сергеевна, золотая медалистка 2014 г.
9. Рахимов Артём Валерьянович, серебряный медалист 2014 г.
10. Сидорец Дарья Игоревна, золотая медалистка 2017 г.
11. Сергеева Анастасия Александровна, золотая медалистка 2017 г.

С 1991 года начинается возрождение и восстановление утерянных традиций. И это не случайно, ведь школа расположена в месте компактного проживания татар Забрамовской части города. Сегодня (после присоединения левобережной школы) в учебном учреждении учатся 596 учеников. Национальный состав представлен следующим образом: русские – 62 %, татары – 37 %, другие национальности – 1 %. Важные достижения школы: в 1999 г. школа стала лауреатом областного конкурса «Школа года – 1999»; в 2000 г. – победитель Всероссийского конкурса школьных музеев, посвященных 55-летию Победы в ВОВ; в 2000 г. школа – лауреат Всероссийского конкурса «Школа года - 2000»; в 2001 г. школа награждена Грамотой Министерства образования за верность традициям; в 2008 г. школа – победитель Всероссийского конкурса общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы, и выиграла грант президента в один миллион рублей; в 2008 г. учительница английского языка Альфия Альбертовна Гатауллина стала победительницей Всероссийского конкурса лучших учителей на денежное поощрение в рамках ПНПО; в 2013 г. школа выиграла муниципальный грант 180 тыс. рублей для создания Музея реки Иртыш; в 2016 г. был открыт Абрамовский экологический парк; в 2017 г. – «Зеленый класс» под открытым небом.

В нашей школе работают замечательные педагоги, почетные работники образования: директор школы Сайт Заирович Хисматулин, завуч по УВР Любовь Петровна Слинкина, учитель русского языка Элеонора Касимовна Махмутова, учитель татарского языка и литературы Баниса Сунгатулловна Ниязова. Надо

сказать, что в течение века школой руководили опытные, инициативные и энергичные люди, и полвека из этого срока директорами были Камал Мазитович Муратов, проработавший в школе 34 года (из них 26 лет директором) и Саит Заирович Хисматулин, который возглавляет коллектив с 1995 г.

Таким образом, средняя школа №15 – одна из старейших школ г. Тобольска Тюменской области. До 1965-х гг. она была первой и единственной татарской школой города. За 100 лет своей деятельности от 4-классной начальной национальной школы стала современной средней общеобразовательной школой с этнокультурным направлением, где сегодня изучается четыре языка: русский, немецкий, английский и родной язык для детей татарской национальности, а также для всех желающих. Здесь учился заслуженный учитель РФ и заслуженный гражданин Тобольска, педагог и писатель Якуб Камалеевич Занкиев, долгое время работали почетный гражданин Тобольска Джазилия Амировна Массажутова и отличник просвещения, кавалер пяти орденов, участник Великой Отечественной войны Камал Мазитович Муратов. В настоящее время директором работает Саит Заирович Хисматулин, депутат Тобольской городской думы, председатель НКА татар г. Тобольска. Школа работает по трем направлениям: этнокультурное образование и воспитание, естественно-экологическое образование и спортивно-оздоровительное. В школе работают Музей национальной школы Тюменской области, музей реки Иртыш, функционируют зимний сад, теплица, мини-ферма,

Рис. 1. Коллектив школы № 15

школьный экологический парк.

Здесь созданы все условия для получения хороших знаний, сохранения и развития лучших традиций, работают прекрасные преподаватели. Мы гордимся своим историческим прошлым и настоящим.

Рис. 2. МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 15»

УДК 811.512.145:323.1

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ АВТОНОМИЙ В СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СИБИРСКИХ ТАТАР

Ф. Ф. Марганова

В статье автор оценивает вклад ученого Ф. Т. Валеева в историю сибирских татар. Рассматриваются проблемы этнокультурного развития коренных сибирских татар в настоящее время, а также показаны мероприятия, проводимые НКА сибирских татар Тюменской области, способствующие сохранению и развитию языка сибирских татар.

Ключевые слова: сибирские татары, тоболо-иртышские татары, сибирско-татарский язык, национально-культурная автономия.

ETHNIC CULTURAL AUTONOMY WORK TO MAINTAIN AND DEVELOP LANGUAGE AND SIBERIAN TATARS CULTURAL HERITAGE

F. F. Marganova

In the article the author evaluates the contribution of the scientist F.T. Valeev in the history of Siberian Tatars. The problems of ethno-cultural development of indigenous Siberian Tatars are considered at the present time, as well as the activities carried out by the NCA of Siberian Tatars of the Tyumen region, contributing to the preservation and development of the language of Siberian Tatars.

Keywords: Siberian tatar; Tobol and Irtysh tatars; Siberian tatar language; Ethnic cultural autonomy.

В настоящее время у сибирских татар продолжается рост национального самосознания, интереса к своему происхождению, истории развития своей культуры и родного языка, а также к деятелям науки и культуры из сибирских татар, оставивших заметный вклад в истории своего народа. Трудно оценить вклад Ф. Т. Валеева как ученого в развитие отечественной исторической науки. Проблема этнокультурного развития коренных сибирских татар были посвящены его труды, в которых сибирские татары представлены как самостоятельный этнос, или этническая общность, с присущими ему особыми признаками и устой-

чивыми свойствами, такими как язык и территория, этническое самосознание, конфессиональная общность, эндогамия, а на раннем этапе развития этого этноса – социально-политическая общность, связанная с существованием такого этносоциального организма, как Сибирское ханство, представлявшее собой отдельное феодальное государство [Валеев, 1980, с. 41–43].

Основные результаты научных изысканий Ф. Т. Валеева изложены им в нескольких монографиях, в которых ему удалось глубоко исследовать научную проблему этнокультурной истории сибирских татар на примере тоболо-иртышских татар, внесен вклад в изучение их этногенеза. Еще одной стороной деятельности ученого и его супруги С. М. Исхаковой было их пристальное внимание к проблемам возрождения культуры и языка сибирских татар. Язык сибирских татар – это самостоятельный тюркский язык, говорили они [Валеев, Томилов, 1996, с. 23].

Сибирские татары в течение многих столетий бережно сохраняли и продолжают сохранять свой, так называемый народно-разговорный, бытовой язык. Язык их не развился до литературной нормы, не использовался в народном образовании, в культуре, не издавалась на этом языке литература, т. к. не было для этого нормативной грамматики. «Современный язык коренных сибирских татар представляет собой единый, оригинальный тюркский язык, состоящий из нескольких близких диалектов, располагающий богатым лексическим фондом», – писали С. М. Исхакова и Ф. Т. Валеев [Исхакова, Валеев, 1992]. А ведь это были 90-е гг., они тогда уже смело и аргументированно отстаивали право своего языка быть самостоятельным.

«Наши многолетние исследования истории, культуры и языка сибирских татар привели к выводу о том, что сохранение этого народа как самостоятельной этнической общности органически связано с сохранением и развитием его языка», – писал Ф. Т. Валеев [Исхакова, Валеев, 1992, с. 8]. Их постоянное внимание к проблемам возрождения культуры и языка сибирскотатарского этноса и практическое участие в этом деле вызывают большое уважение со стороны народа. «Ученые-лингвисты Казанского филиала Академии наук высказали точку зрения, что сибирскотатарский язык – это диалект казанского. Но для этого нет оснований, – писал Б. В. Сулейманов. – Мы все из одного корня, но разные по языку тюркские народы» [Сулейманов, 1998, с. 232].

Я думаю, их аргументы, их идеи нашли отклик в сердцах многих сибирских татар, которые продолжили их работу в отстаивании права сибирским татарам называть свой язык не диалектом, а отдельным самостоятельным языком. В мае 2013 г. язык сибирских татар был включен ЮНЕСКО в список языков мира, подвергающихся исчезновению. Молодым членам Совета НКА удалось добиться регистрации и присвоения сибирскотатарскому языку международного кода ISO 639-3. Короткий алфавитный (цифровой) код, разработанный для представления языков в обработке данных и коммуникациях, для сибирскотатарского языка – «sty». Многие годы между языковедами шел спор, является ли сибирско-

татарский язык диалектом казанского, или нет. В настоящий момент уже поставлена точка в споре о самостоятельности сибирскотатарского языка и народа. Порядковый номер, присвоенный государством в алфавитном перечне национальностей России в переписи 2010 г., татарам сибирским – 1396, код 100, а сибирскотатарскому языку № 558 код 415.

Большие надежды возлагались на различного рода общественные организации, о чем писал и Ф. Т. Валеев. Так, в 1988 г. в Тюменской области был создан Комитет по возрождению сибирских татар во главе с поэтом Булатом Сулеймановым. Он призывал сибирских татар к активным действиям за возрождение своей национальной культуры, родного языка и, в конечном счете, за сохранение себя как самостоятельной исторической общности. «Естественно каждый народ хочет выжить. И мы, сибирские татары, хотим говорить на том языке, на котором разговаривали наши предки, хотим обладать теми озерами, реками, полями, лугами, которые они оставили нам в наследство. Мы хотим иметь на своей родной земле такие же национальные и политические права, как имеют другие народы» [Сулейманов, 1998, с. 245]. Общественные организации татар появились во многих районах огромной Тюменской области.

В 1990 г. вышло в свет «Положение об общественных организациях Тюменской области», на основе которого было принято решение о создании единой организации, объединяющей все общественные силы и регулирующей их деятельность. Была создана Ассоциация татар Тюменской области, и 14–15 декабря 1990 г. в Тюмени состоялся ее первый учредительный съезд. В программе Ассоциации, принятой на съезде, отмечалось, что Сибирь является исторической родиной, единственным местом в мире, где могут сохраниться и развиваться как этнос сибирские татары, их язык и культура. У истоков движения по возрождению истории и культуры своего народа – сибирских татар Тюменской области в 90-е гг. стояли такие общественные деятели, как Булат Сулейманов, Анас Гаитов, Ильяс Рафиков, Ривхат Насибуллин и др. В становлении национально-культурных автономий сибирских татар принимали участие М. А. Сагидуллин, Д. М. Абукин, В. И. Хайруллина. НКА «Себер татарлар» («Сибирские татары») Тюмени была создана в 2008 г. Д. М. Абукиным, районные и городские автономии сибирских татар. В 2015 г. была создана НКА сибирских татар Тюменской области, с 2016 г. ее стала возглавлять Ф. Ф. Марганова. В уставе НКА сибирских татар Тюменской области в качестве основной цели ее создания в ст. 2.1 указано, что «основными целями является содействие сохранению самобытности, развитие языка, образования, национальной культуры сибирских татар, проживающих на территории Тюменской области».

За этот период, начиная с 2010 г., было проведено нормирование сибирскотатарского языка. Ученым-языковедом канд. филол. наук М. А. Сагидуллиным были разработаны и изданы «Русско-сибирскотатарский словарь», «Фонетика и грамматика сибирскотатарского языка». Были изданы на сибирскотатарском языке сборники поэтических произведений сибирскотатарских авторов – Клары

Кучковской. За последний год вышли еще две новые книги: сборник стихов «Күнелемнән шиҗерлар» и сборник рассказов «Сағыныу» Муниры Хуснутдиновой, Галии Абайдуллиной, опубликованы: сборник по сибирскотатарскому фольклору Л. Р. Сурметовой, Словарь народно-разговорной лексики сибирских татар и Словарь имен сибирских татар (составитель канд. ист. наук Г. Т. Бакиева), книга «Пословицы и поговорки сибирских татар» (составитель Ф. Ф. Марганова), научно-краеведческая книга «Колларым» о деревне Вагайского района Тюменской области, книга Ф. А. Шамурадова «История юрт Бегитинских». В 2014 г. вышел библиографический указатель «Сибирские татары (XVIII в. – 2013 г.)» – указатель книг и публикаций о сибирских татарах из фондов Тюменской областной научной библиотеки имени Д. И. Менделеева. Готовятся к изданию в следующем году еще несколько книг.

С учетом современных реалий, интересов современной молодежи ставится вопрос о функционировании сибирскотатарского языка в интернет-пространстве. В настоящее время функционирует сайт о сибирскотатарском языке Sybyrtel.com и известная многим в социальных сетях группа под названием «Сибирские татары. Туған телтә кәпләшәйек». Группа в социальной сети «ВКонтакте» является информационной. В ней собраны материалы, статьи, все выпуски газеты «Кәбәрце» в электронном варианте, различные фотографии о материальной и духовной жизни сибирских татар. Новостная страница меняется ежедневно. Для сохранения языка и знакомства с ним аудитории участниками группы выкладываются различного рода аудио- и видеозаписи из мест компактного проживания сибирских татар со старинными обрядовыми действиями, стихи, сказки, рассказы, видеонарезки концертов и мероприятий, где показаны выступления на сибирскотатарском языке [Курманов, с. 5, 7]. Новое время диктует новые требования, новый формат общения, так появилось «Себер-татар радио-Түмән FM», ведущим которого является Рузиль Бикиняев.

Каждая сибирскотатарская деревня имеет свои глубокие исторические и культурные корни. Придавая особое значение роли сельского культурного пространства в сохранении сибирскотатарской этничности, Национально-культурной автономией сибирских татар Тюменской области был запущен новый проект, посвященный историко-краеведческой литературе о сибирскотатарских деревнях Тюменской области, написанных местными авторами. Презентации книг, объединенных одной темой «История сибирскотатарских деревень Тюменского края» становятся регулярными. Так, прошли презентации книг: Г. Н. Ахметовой «Карбаны», Ф. Ф. Маргановой «Колларым», Ф. А. Шамурадова «История юрт Бегитинских», а также уже давно изданных краеведческих книг сибирских татар. Ждут своей очереди новые краеведческие книги.

Проводится лекционная работа среди местного сибирскотатарского населения и граждан, интересующихся языком и культурными традициями. С 14 августа 2018 г. в Музейном комплексе имени И. Я. Словцова начала работу выставка «Байрам: реликвии и традиции», посвященная мусульманскому празд-

нику Курбан-байрам, многовековой культуре мусульманских народов – сибирских татар и татар Поволжья. Выставочный проект был создан при поддержке Правительства Тюменской области, Департамента культуры Тюменской области, Духовного Управления мусульман Тюменской области, Тюменской областной общественной организации «Национально-культурная автономия сибирских татар», ГАУК ТО «Тюменская областная научная библиотека» имени Д. И. Менделеева.

Хочется отметить, что в последние годы жизни Ф. Т. Валеев активно работал над возвращением в память наших соотечественников имен видных ученых, просветителей, общественных деятелей из сибирских татар и бухарцев. Современное поколение ученых продолжает работу в этом направлении. 22 сентября 2018 г. проведена лекция Г. Т. Бакиевой «Купцы-меценаты из сибирских татар и бухарцев в конце XIX – начале XX века». Представлены новые материалы по родословной купцов Сейдуковых – Т. С. Айтмухаметове и М. К. Чембаеве (из Тобольска), Айтыкиных (из Тары), Муртазиных и Сейдуковых (из Ембаево). Акцент делался на их роли в общественной жизни, благотворительной деятельности. Особое внимание лектор уделил понятию «сачарá», а именно родословной Сейдуковых, составленной автором на основе архивных материалов. 2 октября в Музейном комплексе имени И. Я. Словцова была проведена лекция М. А. Сагидуллина «История, современное состояние, перспективы развития сибирскотатарского языка». Выставка «Байрам: реликвии и традиции», посвященная культуре сибирских татар и татар Поволжья, продолжила свою экспозицию со 2 ноября 2018 г. в Ялуторовском музейном комплексе, где также запланирована просветительская программа для всех желающих – лектории ведущих специалистов в области изучения истории, культуры и языка сибирских татар. Далее выставка и лекционная работа продолжится в Ярковском районе Тюменской области. Надо сказать, что всю работу наши общественные деятели проводят основываясь на своем энтузиазме.

Катым ашлар организуются в различных деревнях Тюменской области. В программе встреч лекции об истории деревни, встречи с интересными людьми – поэтами, учеными, общественными деятелями, общение односельчан, знакомство с родословными-сачарá, концерты. В различных населенных пунктах проводятся такие традиционные праздники, как Цым, Амаль, Карға-путка. Так, НКА сибирских татар Тюменской области подготовила и организовала съемку мероприятия Цым в селе Куларовском, которое было показано Казанским ТВ в передаче «Татарлар».

Налаживаются связи с национально-культурными автономиями татар соседних областей. Регулярными стали встречи с омичами по приглашению местной татарской и сибирскотатарской интеллигенции; с презентациями различных книг, лекциями побывали в Омске из Тобольска канд. ист. наук Г. Т.Бакиева, Ф. Ф.Марганова, канд. филол. наук М. А. Сагидуллин, поэтесса К. Л. Кучковская, а также исполнитель сибирскотатарского фольклора, руководитель сибирскота-

тарских фольклорных коллективов «Умай», «Амаль» А. Х. Миннебаев.

В его исполнении прослушали древнюю музыку сибирских татар на разных старинных инструментах, им продемонстрированы образцы музыкального фольклора сибирских татар. Заинтересованность данной темой и симпатия по отношению к деятельности по сохранению и развитию сибирскотатарского языка, литературы и культуры вдохнули новые силы к дальнейшей работе, убежденность, что мы находимся на правильном пути.

Вопросы, поставленные Ф. Т. Валеевым в его работах, не теряют своей актуальности и по сей день, проблемы возрождения национального языка сибирских татар, традиционной и духовной культуры. Наша первоочередная задача продолжать работать в этом направлении, не отступая от тех принципов и идеалов, доставшихся нам от предыдущих поколений. Ф. Т. Валеевым и С. М. Исхаковой была сказана такая фраза: «Мы хотим лишь одного, чтобы судьбоносные проблемы сибирских татар решались с позиции современной науки и с учетом реальной ситуации. По нашему глубокому убеждению, термин “возрождение” должен применяться, прежде всего, по отношению к коренным сибирским татарам, так как именно эта группа тюркского населения Сибири остро нуждается в возрождении своего родного языка и национальной культуры на земле своих предков – Сибири» [Исхакова, Валеев, 1992, с. 10].

1. Валеев Ф. Т. Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв. (Историко-этнографические очерки). Казань, 1980.

2. Валеев Ф. Т., Томилов Н. А. Татары Западной Сибири. История и культура. Новосибирск : Сиб. изд. фирма РАН «Наука», 1996.

3. Исхакова С. М., Валеев Ф. Т. Сибирские татары : Этнокультурные и политические проблемы возрождения // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 92. Казань, 1992.

4. Курманов М. А. Функционирование сибирскотатарского языка в интернет-пространстве // Газета «Кэбәрце» / «Вестник». Вып. 4. 2015.

5. Сулейманов Б. В. Я – сибирский татарин: поэзия, проза, публицистика. Екатеринбург : СВ-96, 1998.

6. Устав Тюменской областной общественной организации «Национально-культурная автономия сибирских татар». Тюмень, 2015.

УДК 81-119

**ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ КОММУНИКАТИВНОГО
ПОВЕДЕНИЯ СТАРШЕКЛАСНИКОВ***Л. Х. Самситова, Р. Р. Хамидуллина*

Статья посвящена проблеме формирования культуры коммуникативного поведения старшеклассников; поднимается вопрос о применении культурологического подхода в обучении неродным языкам; обосновывается формирование коммуникативного поведения старшеклассников как средства успешной социализации в современном мире.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, старшеклассники, поликультурное пространство, традиции и нормы общения, культура, подход к обучению.

**THE CULTURE OF COMMUNICATIVE BEHAVIOR AMONG HIGH
SCHOOL STUDENTS IN A MULTICULTURAL EDUCATIONAL
ENVIRONMENT***L. H. Samsitova, R. R. Khamidullina*

The article is devoted to the problem of formation of culture of communicative behavior of high school students in a multicultural educational environment; raises the question of the use of cultural approach in teaching foreign languages, focused on language learning in the «spirit of peace, in the context of the dialogue of cultures»; substantiates the formation of communicative behavior of high school students as a means of successful socialization in the modern world.

Keywords: communicative behavior, high school students, multicultural space, traditions and norms of communication, culture, approach to learning.

Одной из основных задач современного этапа модернизации образования является формирование личности, способной успешно взаимодействовать с коммуникантами в поликультурном пространстве. Согласно нормативно-правовым актам, российская система образования ориентируется на сохранение и развитие этнокультурных особенностей народов Российской Федерации в условиях многонационального государства (ФЗ РФ «Об образовании в Российской Федера-

ции», ст. 3), стремится обеспечить «формирование у детей и молодежи целостного миропонимания и современного научного мировоззрения, развитие культуры межэтнических отношений» (Национальная доктрина образования в РФ до 2025 г.). В поисках оптимального решения данной задачи возникла концепция национального коммуникативного поведения, разработанная в трудах И. А. Стернина.

Необходимость формирования коммуникативного поведения личности на ступени основного общего образования обусловлена переходом обучающихся в юношеский возраст, на который приходится сложные процессы «формирования устойчивой системы ценностных ориентаций, становления самосознания и развития социально-ролевого поведения личности» [Качимская, 2018, с. 2]. Однако массовая педагогическая практика (И. А. Зимняя, О. П. Кравчук, М. И. Коган, А. А. Леонтьев, А. В. Мудрик, В. А. Сластенин, В. В. Соколова и др.), в том числе обобщенная в печати, свидетельствует об отсутствии системы достижения старшеклассниками культуры коммуникативного поведения на ступени основного общего образования, которая позволила бы не ощущать «коммуникативного барьера» в процессе общения. В этой связи особую значимость приобретает учебно-воспитательная работа учителя, способствующая формированию коммуникативного поведения у молодого поколения в рамках национальной культуры.

В отечественной науке «коммуникативное поведение» в качестве термина впервые было употреблено в 1989 г. И. А. Стерниным в работе «О понятии коммуникативного поведения» [Стернин, 1989, с. 279–282] и относилось к национальному коммуникативному поведению, понимаемому как «совокупность норм и традиций общения определенной лингвокультурной общности» [Стернин, 2000, с. 4]. В настоящее время интересы исследователей коммуникативного поведения значительно расширились и включают групповое и личностное коммуникативное поведение.

В своем стремлении соответствовать современным требованиям общества и каждого конкретного индивида система преподавания неродных языков характеризуется поиском и утверждением новых подходов к обучению. В соответствии со словарем методических терминов «подход к обучению» – это «базисная категория методики, определяющая стратегию обучения языку и выбор метода обучения, реализующего такую стратегию» [Азимов, Щукин, 2009, с. 201].

Одним из актуальных подходов, применяемых в образовательном процессе, является культурологический, ориентированный на обучение языку в «духе мира, в контексте диалога культур». Данный подход начал интенсивно развиваться в нашей стране с начала 90-х гг. и был разработан на основе диалоговой концепции культур М. М. Бахтина и В. С. Библера, В. В. Сафоновой, Г. В. Елизаровой. С середины 90-х гг. соизучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций нашло воплощение в федеральных школьных программах по неродным языкам.

Н. В. Барышников утверждает, что диалог культур может быть реализован

только на осознанной национально-культурной базе родного языка. Такое возможно лишь при условии осознания старшеклассниками своей собственной национальной культуры и соответственно своего родного языка [Барышников, 2002, с. 29]. Непонимание культурных фактов страны изучаемого языка происходит, когда общению с носителями изучаемых языков и культур не предшествует этап приобретения знаний фактов и явлений культуры, воспитания толерантного отношения к ним.

Л. Х. Самситова отмечает, что взаимосвязанное изучение языка и культуры сегодня является одним из перспективных направлений модернизации школьного курса башкирского языка как государственного и родного и других родных языков и методик их преподавания. Языковое образование нацелено на приобретение обучающихся к национальной культуре через обучение родному языку, который играет важнейшую роль не только в формировании сознания растущего человека, но и его вживания в культуру. Обучение языку через культуру сегодня представляется составной частью предмета «башкирский язык», цель преподавания которого научить школьников пользоваться башкирским языком как средством общения, средством познания мира и себя в этом мире [Самситова, 2010, с. 4]. Согласно мнению В. А. Варганова, межкультурная коммуникация предполагает равноправное взаимодействие представителей различных общностей с учетом их самобытности и своеобразия, что приводит к необходимости выявления общечеловеческого на основе сравнения изучаемой и собственной культур [Варганов, 2003, с. 23].

Формирование и совершенствование у старшеклассников социокультурной компетенции направлено на развитие способности ориентироваться в социокультурных аспектах жизнедеятельности людей в странах изучаемого языка; формирование навыков и умений искать способы выхода из ситуаций коммуникативного сбоя из-за социокультурных помех при общении, поведенческой адаптации к общению в иноязычной среде, понимания необходимости следовать традиционным канонам вежливости в странах изучаемого языка, проявляя уважение к традициям, ритуалам и стилю жизни представителей другого культурного сообщества; овладение способами представления родной культуры в инокультурной среде [Сафонова, 2011, с. 72]. Применение данного подхода к проблеме формирования коммуникативного поведения старшеклассников в образовательном процессе будет особенно актуально и эффективно, т. к. тесно связано с использованием языка как средства познания мировой и национальной культуры, субкультуры страны изучаемого языка, духовного наследия стран и народов, способов достижения межкультурного понимания.

Таким образом, формирование коммуникативного поведения старшеклассников предполагает готовность человека к реализации способности к адекватному самовыражению в общении, конструктивному взаимодействию с окружающими и успешной социализации в поликультурном пространстве. Для достижения данной задачи эффективно применять в образовательном процес-

се культурологический подход к формированию коммуникативного поведения старшеклассников при изучении неродного языка. Данный подход позволяет рассматривать язык как отражение культуры и обеспечивает возможность освоения культурных ценностей через язык, что в итоге формирует определенную модель поведения человека и модель осуществления речевой деятельности.

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
2. Барышников Н. В. Параметры обучения межкультурной коммуникации в средней школе // *Иностр. языки в школе*. 2002. № 2. С. 28–32.
3. Варганов А. В. От обучения иностранным языкам к преподаванию иностранных языков и культур // *Иностр. языки в школе*. 2003. № 2. С. 21–25.
4. Качимская А. Ю. Коммуникативная компетентность старшеклассников в поликультурной образовательной среде // *Интернет-журнал «Мир науки»*. 2018. № 1. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/20PSMN118.pdf> (доступ свободный).
5. Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 года : постановление правительства от 04.10.2000 г. № 751. URL: <http://www.rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html> (дата обращения: 05.06.2018).
6. ФЗОО – Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» : федеральный закон РФ от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174.
7. Самситова Л. Х. Лингвокультурологическая концепция обучения башкирскому языку и родным языкам в образовательных учреждениях Республики Башкортостан. Уфа : Китап, 2010. 24 с.
8. Сафонова В. В. Социокультурный подход к обучению иностранного языка. М. : Высшая школа, 2011. С. 174. 176 с.
9. Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж : Гарант, 2000. 27 с. Изд. испр. 2015. 52 с.
10. Стернин И. А. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989. P. 279–282.

УДК 82-1(571.1)

ТАТАРСКАЯ ТЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ ТОБОЛЬСКОЙ ПОЭТЕССЫ С. СОЛОВЬЁВОЙ

Т. И. Солодова

В статье анализируются произведения С. А. Соловьёвой, изображающие время освоения Сибири русскими. Автор подчеркивает, что, обращаясь к настоящему Сибири, Соловьёва утверждает приоритет любви к родному краю перед национальными проблемами.

Ключевые слова: поэзия, творчество, Сибирь, татары, общечеловеческое, национальное.

TATAR THEMES IN WRITINGS OF THE TOBOLSK POETESS S. SOLOVYOVA

T. I. Solodova

The article analyzes S.A. Solovyova's works, depicting the early times of the development of Siberia by the Russians. The author stresses that, Solovyova confirms the priority of love for his/her native land over national problems while addressing to the present Siberia .

Keywords: poetry, creativity, Siberia, Tatars, universal, national.

Светлана Алексеевна Соловьёва (1937–2005) – самая талантливая и значимая тобольская поэтесса XX в. Родившись на Урале, она в юности приехала в Тобольск и с тех пор считала Сибирь своей второй родиной.

Тематика и проблематика творчества Соловьёвой многообразны и глубоки: природа и родной край, прошлое и настоящее Сибири, трагедия Великой Отечественной войны, назначение поэта и поэзии, любовь и духовные искания. Она – автор всеми любимой песни «Алая заря», которая стала гимном Тобольска.

Светлана Алексеевна писала и замечательную прозу. К сожалению, при ее жизни была издана лишь небольшая книжечка ее стихов «Душа звезды». Двухтомник, включающий в себя произведения разных жанров: стихи, прозу, тексты песен, детскую поэзию, появился только через девять лет после кончины Соловьёвой.

Глубоко православный человек, еврейка по матери, поэтесса по праву называла себя «человеком мира». Она одинаково ценила и уважала представителей разных национальностей и конфессий. И это ее отношение было не только декларируемым в творчестве, но и глубоко личностным и жизненным.

Обращаясь к прошлому Сибири, думая о ее настоящем и будущем, она ощущала необходимость не только воссоздать в своих произведениях историческую картину времени ее освоения русскими, но и прочувствовать, передать читателю всю сложность и противоречивость этого процесса столкновения двух национальных мировосприятий, политических сил, материальной и духовной культур.

Время завоевания Сибири предстает в ее поэзии временем мифическим. Свои стихи она определяет по жанрам как легенду, сказ, «рассказ старого стрельца», «деднину байку».

«Крутогрудые струги» Ермака бесстрашно плывут «против течения – вперед», несмотря на ожесточенное сопротивление татар, многочисленные людские потери, даже протест природы:

Тяжелый снежинистый морок
В то утро висел неспроста,
И крошева льдистого шорох
Катился с волной от куста.
Иртыш на прибрежные кручи
Конем полудиким взлетал,
А ветер сквозь черные тучи
У батюшки крест вырывал... [Соловьёва, 2014, т. 1, с. 89].

Ничто не может остановить казаков, плывущих под сенью хоругвей с уда-
лой песней:

Плывут струги крутогруды,
К берегам не пристают.
Завтра бой и что-то будет,
Вечный кто найдет приют? [Соловьёва, 2014, т. 1, с. 109].
Это перед боем. А вот после – уже не песня, а скорбный зов:
Где вы, други-казаки?
Полегли аль утишились?
Ноги будто топляки,
Тяжелы, кровям налились... [Соловьёва, 2014, т. 1, с. 90].

Так завоевывалась Сибирь. Соловьёва не идеализирует казаков. В «Песне Айши» она обращается к подруге-татарке:

«Пой про время, черней, чем ирга,
Пой про то, как казаки-уруссы
Пробрались на твои берега.
Стрелы смертные пляски плясали,
Ядра наземь сбивали шатры.
Пой про то, как навек угасали,

Не дождавшись хозяев, костры.
Пой, как в девичьи чёрные косы
Горе сыпало серебро.
Пой, как старый мулла над откосом
Был повешен на крюк за ребро,
Потому что Аллаху он верен
И не встанет, не встанет под крест,
А копьём и мечом гнали в ерик
И детей, и старух, и невест» [Соловьёва, 2014, т. 1, с. 104–105].

Далеко не всегда тактика казаков была честной, а слово – крепким. По «рассказу старого стрельца», хитростью и коварством «пошел быть Тоболеск». Воевода Чулков пригласил в себе в гости доверчивого местного князя Сейдяка и стал оскорблять его, когда тот отказался пить «мед»:

«Нерусь черная, вор,
За царя не хошь?!.
У, татарская рвань,
Вожжа, вонь да болонь,
А туды жо – хан!..
У, поганый пес!..» [Соловьёва, 2014, т. 1, с. 95].

В конце концов, напоил его насильно, а потом:

...дал знак:
Войско – на гостей...
Был порублен Сейдяк
С сотнею своей [Там же].

С другой стороны, татары, отстаивая свое право на землю, тоже зверствовали и бесчинствовали:

Сказывал намердни
Человек захожий.
Ох, не знать бы лучше,
Сердце, как в огне.
Нет моей сестрицы,
Нет моей хорошей.
Надругались в полону над ней [Соловьёва, 2014, т. 1, с. 101].

Когда читаешь стихи Соловьёвой о завоевании Сибири, в памяти возникает поэма П. П. Ершова «Сузге». Ершов, с удивительной для своего времени объективностью, высоко оценивает мужество и стойкость обеих сторон – и татар и русских – в исторически неизбежной эпопее военного присоединения Зауралья к русским землям. Современная поэтесса разделяет эту позицию великого земляка. Она показывает читателю героев и среди русских, и среди татар – нестигаемых, верных своей родине и народу людей. Это Бохта из «Ачирской легенды», который на вопрос атамана:

«Сколько я Кучума бью?
Не хотите, видит бог-то,
Признавать судьбу свою.

Чтоб вам добровольно сдаться, а?» [Соловьёва, 2014, т. 1, с. 98] – «с достоинством в глазах» дает понять, что тот, кто любит свою родину, умрет, но не изменит ей. Он «не предал друзей и веру, родину свою в беде».

Особый интерес вызывает трактовка Соловьёвой образа Ермака. Его поведение оценивается поэтессой как бы с двух временных позиций. В представлении своих современников и последующих поколений он является героем, человеком, бесстрашно осуществляющим задачу расширения границ России. Поэтому в стихах, воссоздающих время похода Ермака, атаман идеализируется. Он объясняет свое отношение к татарам как вполне мирное, а свои военные действия как волю царя, которому нельзя не подчиниться:

«Не народ пришел я воить,
Град на вольных землях строить,
А вот ихний хан Кучум
По улусам поднял шум,
Дескать, атаман неверных
Горе нам несет и скверну.
Эх, ты доля, моя доля,
Да Ивана грозна воля...» [Соловьёва, 2014, т. 1, с. 99].

Ермак велел похоронить Бохту, который якобы, чтобы не быть в плену у казаков, «сам на пику пал», как героя, по татарским традициям («Ачирская легенда»):

«Посадить лицом к востоку.
Унести на косогор
И зарыть, и помнить, где...» [Там же].

Ермак приказал отпустить домой, не причинив вреда, красавицу-татарку, которую выкрал его сотник:

«Сотник, слушай мой приказ!
За ворота!
Я верну непорочную княжну.
Я не кат, а муж и воин,
И других наград достоин.
Исполняй!»
И сам к бойнице – поглядеть,
Как царь-девица,
Ног не чуя под собой,
– Ин-ня-я! –
Птицею домой! [Соловьёва, 2014, т. 1, с. 93].

Прошло несколько веков. Татары и русские дружно живут в Сибири. Их дети играют вместе. До сих пор живы и мусульманская, и православная веры.

Сохнет ерик, затянутый илом,
Где казаки вели самосуд.
Так вершит время праведный суд.

Мы за древних своих не в ответе [Соловьёва, 2014, т. 1, с. 105].

Однако нельзя стереть прошлое по собственному желанию. Можно только переосмыслить его и извлечь правильные уроки. Выступая с современных позиций, жестокое завоевание Сибири Соловьёва считает грехом. Хотя «жизнь давно этот грех отмолила», тем не менее его не вычеркнуть, не выбросить.

Стоит в Тобольске шестнадцатиметровый памятник «покорителю Сибири Ермаку». Устремленный вверх своей пирамидой, он возвышается над всей подгорной частью города: и над улицами, где издавна находились дома русских, и над «Заабрамовкой», где раньше жило большинство татарского населения.

Соловьёва посвящает памятнику Ермаку два стихотворения. В них дана оценка действиям атамана уже с позиций современных, более объективных и человеческих, чем политических. В первом из них поэтесса выносит приговор завоевателю:

Несущий смерть сам наказанье
Как рок получит от Светил.
Ни ладан не спасёт, ни латы,
Ни меч в разбойничьей войне.
И след не след, коль он в волне...

Ты был героем, но проклятым [Соловьёва, 2014, т. 1, с. 107].

Второе стихотворение начинается с противопоставления памятника из «чистого мрамора» и «ярого страшного кровопролития», в которое вылился поход в Сибирь. «А из-за чего?»

То ль в Иртыше нашем
Мало воды,
Мало ль друг другу
Житейской беды:
Сильного плетка
Тому и другому,
И про одно мы
Аллаху и Богу –
Чтоб был достаток
И год не холерный,
Девка чтоб стала
Женою примерной,
Чтобы побольше
Рожалось парней,
Чтобы земля
Становилась жирней,
Чтоб по душе нам

Сыскалося дело,
Чтобы под праздник
Не плакалось – пелось,
Осени поздней
Да ранней весны,
Ну, а еще нам
Не надо войны [Соловьёва, 2014, т. 1, с. 110–111].

Нечего делить народам: у них одни и те же беды, одни и те же радости. Это, конечно, вневременная, внеисторическая позиция, но она гуманна, справедлива и жизненно важна для нашего общества.

«Как я отношусь к татарам? – пишет Соловьёва. – С человеческой симпатией. Мы, русские, пришли на их берега четыре века тому назад. Обидели: не с добром пришли... Но пятый век – рука об руку. Как-то в шутку спросила подругу: «Шагинур-апа, если ваши автономии добьются, ты хоть разговаривать со мной будешь?» Ну, похотали вдоволь. К чему нам политика – наши дети под одним дворовым грибком выросли. А вот культуру среди татарского населения нашей области поднимать, ой, как надо! Восстановить РТО¹ в институте, газету «Ленинский путь» («Ленин юлы»), дать хорошее помещение для татарского дома культуры, вести преподавание на родном языке. Моя воля, так я бы в русских школах ввела факультатив татарского. Интересно ведь хоть песни и стихи Тукая знать. Я вот верчу книгу земляка Булата Сулейманова, как лиса с виноградом, видит око, да дух неймет. А он-то мои стихи в подлиннике читает»... [Солодова, 2009, с. 153]

В творчестве Соловьёвой тесно соединены общечеловеческое и национальное. Она не сторонница ассимиляции и уверена, что каждый народ должен сохранять свои национальные и религиозные традиции. И вместе с тем главное для нее – это то, что объединяет народы. И прежде всего, это любовь к родному краю. Так уж сложилось у нас, сибиряков, что татары и русские тесно спаяны общезитием, заботой об одной земле, охраной ее. Эта мысль ярко выражена в рассказе Соловьёвой «Всё лучшее во мне от родины». Рассказ написан как бы от имени ее дочери Веры.

Старшеклассница Вера, выросшая в Тобольске и живущая первый год на Урале, скучает по своей родной Сибири. «У нас в Сибири всё огромно – и река-труженица Иртыш, и ее приречные дали, и серое высокое небо, и еловые боры...» [Соловьёва, 2014, т. 2, с. 104].

Она рассказывает, как к ней однажды «остро, больно пришло чувство Родины». Это было в Тобольске. Она с мамой и сестрой Ниной поехала весной в деревню к знакомой татарской семье, чтобы помочь посадить картошку. Посадили быстро, а потом девочки вместе с сыном хозяев, девятиклассником Ахтамом, поехали на лодке смотреть лобаря – молодого осетра. Лобарь каждый вечер

¹Русско-татарское отделение

приплывал к черемуховым зарослям, чтобы вдохнуть в свои широкие ноздри дурманящий запах цветков.

«Вдруг со стороны черемух зацелкал соловей. Сначала он отрывисто и несмело “пробовал голос”. Но всё звончей и переливчатей становились трели. Смолкли моторы на ближнем поле, стих ветерок.

Мы подошли к дому. На крыльце стояла мама с распущенными волосами в длинной ночной рубашке. В открытом окне, свесив босые ноги, сидела десятилетняя Алсу. На ступеньке примостился старый Таир-ака, он собирался свернуть самокрутку. Да так и замер с кисетом в одной руке и кусочком газеты в другой.

А соловей разошелся вовсю. Казалось, песня соединила небо и землю незримыми серебряными нитями. В душе у меня что-то больно заныло. По лицу мамы катились крупные слезы. Она прошептала: “Ох, соловей!” “Шайтан”, – отозвался Таир-ака. Алый свет зари залил всё вокруг – и небо, и реку, и черноглазую Алсу в окне.

Ахтам пружинисто ловко вскочил на перила высокого крыльца, подался в небо, раскинув руки: “Хочу летать!”. (Я знаю, он мечтает стать космонавтом.)

А меня переполняло какое-то неизведанное еще счастье оттого, как прекрасна наша сибирская земля, огромная, сильная, добрая, простая, как ее люди...

И оно пришло, чувство Родины, той земли, что до боли навсегда дорога.

И еще одно чудо свершилось на моих глазах: мама беззвучно шевелила губами. Она была такой одухотворенной, особенной, красивой, захваченной каким-то открытием. Это рождались стихи.

Навсегда запомнились мне ее строки:

“Пусть жизнь твоя обычна и длинна,
Но вдруг поймешь в какой-то миг единый,
Что Родина прекрасна и сильна,

И до последних дней душой хранима!”» [Соловьёва, 2014, т. 2, с. 104–105].

Рассказ проникнут перевозданной, не тронутой цивилизацией нежностью весенней ночи, единым чувством, охватившим и молодых, и зрелых, и пожилых людей, ощущением родства и близости. Не важно: русский ты или татарин, потому что всё это можно назвать тем, что понятно и дорого для всех, – любовью к родине.

Произведения С. А. Соловьёвой любимы сибиряками, независимо от их возраста, образования, национальности. Это делает их универсальным способом нравственного и духовного воздействия, что особенно важно в современном мире.

1. Соловьёва С. Капли с берёз / Сост.-ред. Т. Солодова. Т. 1. Изд. 2. Тобольск, 2014. 438 с.

2. Соловьёва С. Капли с берёз / Сост.-ред. Т. Солодова. Т. 2. Изд. 2. Тобольск, 2014. 274 с.

3. Солодова Т. Заповедное слово. 18 этюдов о жизни и творчестве тобольской поэтессы Светланы Соловьёвой. Тобольск, 2009. 413 с.

УДК 37(571.1(091))

НЕИССЯКАЕМАЯ СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

Н. Б. Шамратова

Статья посвящена ветеранам педагогического труда школы № 15 г. Тобольска, которой в ноябре 2018 г. исполнилось 100 лет. Показана деятельность совета ветеранов и его участие в жизни школы.

Ключевые слова: школа № 15 г. Тобольска, ветераны педагогического труда.

ENDLESS CONNECTION OF GENERATIONS

N. B. Shamratova

The article is devoted to veterans of pedagogical work of the school № 15 in Tobolsk, which in November 2018 was 100 years old. The activity of the Council of veterans and its participation in the life of the school.

Keywords: school № 15 of Tobolsk, veterans of pedagogical work.

Связь поколений – это процесс, который обеспечивает преемственность в развитии человеческого рода. Связь поколений – это неиссякаемый источник богатого жизненного опыта и мудрости, передающийся от поколения к поколению.

Каждое поколение имеет свои особенности: ценности и духовный облик, жизненный опыт и отношение к событиям эпохи, творческие достижения и сохранение традиций. Оно усваивает достигнутый уровень развития и на этой основе становится инициатором преобразований, способствующих продвижению вперед. Эти две стороны взаимосвязи поколений – освоение культурного наследия и новаторство – образуют основу исторического развития общества.

Совет ветеранов-пенсионеров войны, труда, военной службы г. Тобольска является мощной воспитательной площадкой патриотического направления. У ветеранов всегда есть чему поучиться. Их опыт, мудрость, жизненная позиция позволяют заряжаться энергией оптимизма, наполняться чувством гордости за трудовые и героические подвиги. Товарищеские отношения, дружелюбие и настоящая взаимовыручка ветеранов может служить примером для молодого поколения.

В школе № 15 тоже действует ветеранская организация, которой уже несколько лет подряд руководит Сакина Ибрагимовна Абайдуллина. Доброта, отзывчивость, умение дарить радость людям, творчество и оптимизм отличают этого замечательного человека. Такие качества, как преданность делу, чувство высокой ответственности, душевная простота, вызывают огромное уважение к ней коллег и учеников. На протяжении многих лет она была наставником, т. е. учителем учителей, охотно передавая свой опыт молодым педагогам, являясь активным участником педагогических чтений, на которых неоднократно выступала с докладами. Ее теплые, доверительные отношения с учениками и эмоционально насыщенные уроки сыграли немаловажную роль в выборе учащимися профессии. Большинство учеников выбрали профессию учителя и успешно работают во всех уголках России. Среди них немало учителей высшей категории, в том числе и отличников образования. Сакина Ибрагимовна Абайдуллина всегда в гуще событий, ее интересует все, что имеет отношение к школе, к воспитанию и развитию детей. И сегодня Сакина Ибрагимовна осуществляет ежедневную связь коллектива школы № 15 с ветеранами педагогического труда.

На сегодняшний день в школе насчитывается около 30 ветеранов. И все они по-своему уникальны. Нина Петровна Колмакова – ровесница нашей школы, вслед за ней по возрасту идут Райхана Хабибулловна Алимова, Сара Каюмовна Маметова и Асия Миннигареевна Шаипова. Несмотря на свой преклонный возраст, наши ветераны – частые гости в школе, без них не обходится ни одно мероприятие: Райхана Хабибулловна прекрасно пишет стихи, выпустила не одну книгу, Асия Миннигареевна радуется всегда своим искусным чтением стихов, Сара Каюмовна – самая веселая, позитивная, артистичная, от нее всегда веет теплотой, добротой, душевностью. Надежда Борисовна Боровских – наша школьная поэтесса. Она сочиняет стихи на наши мероприятия, охотно по нашей просьбе читает их. О каждом ветеране педагогического труда можно писать книги. Это люди, чья жизнь – подвиг. Их судьба не отделима от судьбы своей страны. Они шли в ногу со временем, «время выбрало их зажигать души свечи», и они делали это с честью. Им есть что рассказать. Мы многому учимся у них, черпаем энергию, набираемся опыта.

Сколько замечательных людей все эти годы было с нами! Свой талант, свое мастерство они передали нам – младшему поколению. Нам хочется быть похожими на них, отдавать частичку своего сердца детям. Мы хорошо понимаем, что необходимо сделать все, чтобы подрастающее поколение росло достойной сменой старшему. Надо знать и видеть, что герои живут рядом, разглядеть в них нравственное совершенство.

Поколения друг за другом проходят чередой по жизни. Не утратить связь, не растерять память, передать эстафету следующим поколениям – вот главная задача активного, творческого, ответственного гражданина России.

Хочется выразить огромную благодарность нашим уважаемым ветеранам, пожелать им здоровья, долголетия, полного достатка счастья и любви, отменного

здоровья и отрады в сердце. В заключение можно привести слова великого русского педагога Константина Дмитриевича Ушинского, чей завет выполняли и выполняют наши ветераны: «Воспитатель чувствует себя живым звеном между прошедшим и будущим, могучим ратоборцем истины и добра и осознает, что его дело, скромное по наружности, – одно из величайших дел истории». И пока жив Учитель, у нашей Родины есть будущее.

-
1. Быков В. Лад. Очерки о народной эстетике. М., 1962.
 2. Лихачёв Д. С. Раздумья. М. : Детская литература, 1991.
 3. Лихачёв Д. С. Письма о прекрасном и добром. М. : Детская литература, 1989.
 4. Петрова Л. А. Формирование патриотизма // Психология, социология и педагогика. 2012. № 3.

УДК 352

**РОЗА ГАФАРОВНА БУКАНОВА КАК ОСНОВОПОЛОЖНИК
НАУЧНОЙ ШКОЛЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ГОРОДОВЕДЕНИЯ¹***И. З. Шаяхметова*

Статья посвящена организации исследований в научной лаборатории южноуральского городоведения Башкирского государственного университета. Приоритетными направлениями работы лаборатории являются история государственного управления, экономика, социальные отношения, демографические процессы, культура и повседневность в городах Южного Урала. Уделяется внимание источниковедческому и историографическому анализу городоведения.

Ключевые слова: научная лаборатория, история, региональное городоведение, южноуральское городоведение.

**ROSA GAFAROVNA BUKANOVA AS THE FOUNDER
OF SCIENTIFIC SCHOOL OF REGIONAL GORODOVEDENIYE***I. Z. Shayakhmetova*

The article is devoted to the organization of research in the scientific laboratory of South Ural city studies of Bashkir state University. The priority directions of the laboratory are the history of public administration, economy, social relations, demographic processes, culture and everyday life in the cities of the southern Urals. Attention is paid to the source study and historiographical analysis of urban studies.

Keywords: science laboratory, history, regional gorodovedenye, Yuzhnouralskoye gorodovedenye.

Новейшая история российской науки предопределила появление новых форм организации научных исследований. Одними из таких форм стали научные лаборатории. Научная лаборатория южноуральского городоведения была создана по решению ученого совета Башкирского государственного университета и утверждена приказом ректора данного учебного заведения в 2015 г. С момента ее организационного оформления прошло немного времени. Однако исследова-

© Шаяхметова И. З., 2019

¹ Публикация подготовлена в рамках государственной программы «Города и городское население Южного Урала в XVI–XX вв.: история, источниковедение, историография», код и шифр ГРНТИ 60.30.204, номер гос. регистрации 200004581.

тельская работа по различным аспектам истории городов региона началась задолго до оформления научной лаборатории.

В начале 1980-х гг. впервые в отечественной историографии появляются опубликованные результаты исследований по укрепленным линиям на территории исторического Башкортостана и Южного Урала. Впоследствии, в течение конца 1980-х – 1990-е гг., оформится научное направление – история южноуральского городоведения. Его основоположником стала доктор исторических наук, профессор Роза Гафаровна Буканова. Предметом ее научных исследований является история городов-крепостей Южного Урала. Автор всесторонне изучила вопросы государственного устройства, политико-административного управления, отдельные аспекты социально-экономического развития городов Южного Урала в XVII–XVIII вв.

Рубеж 1990-х – 2000-е гг. – это период складывания городоведческой школы Р. Г. Букановой. Под ее руководством были защищены кандидатские диссертации по различным аспектам истории городов России XVII–XX вв.: архитектурному планированию столицы губернии [Сафаров, 2001], социально-экономическому развитию губернских и уездных городов во второй половине XIX в. [Уразова, 2002], органам городского самоуправления в XX в. [Шаяхметова, 2007], фортификационным мероприятиям Российского государства и созданию системы государственного управления в Западной Сибири в XVIII в. [Муратова, 2007], малым городам на территории региона периода Великой Отечественной войны [Самситдинов, 2010], губернским городам рубежа XIX–XX вв. [Имаев, 2013].

Одним из заметных достижений отечественной историографии стала докторская диссертация Булата Ахмеровича Азнабаева, посвященная проблеме интеграции Башкирии в административную структуру Российского государства [Азнабаев, 2006]. Исследования Б. А. Азнабаева отличаются фундаментальностью подходов к системе государственного управления России на пограничных, периферийных территориях, а также к особенностям взаимодействия региональной национальной элиты со служилыми сословиями, представлявшими государственные интересы России в Башкирии. Научная работа профессора Б. А. Азнабаева длительное время была связана с основными направлениями исследований группы ученых, объединенных впоследствии научной лабораторией южноуральского городоведения Башкирского государственного университета.

Непременным компонентом работы научных организаций исследовательских групп и научных сообществ является презентация результатов исследований. Как правило, это участие в различных научных форумах и научно-практических конференциях, а также публикация монографий, статей, докладов и сообщений.

Сотрудники научной лаборатории не только принимают участие в работе международных, всероссийских, региональных, межвузовских, республиканских и вузовских конференций, но и имеют собственный, периодически изда-

ваемый межвузовский сборник научных трудов «Южный Урал: история, историография, источники» [Южный Урал... , 2008–2016]. Сборник отражает не только результаты исследований сотрудников лаборатории, но и демонстрирует их научные связи с учеными других регионов, а также международные связи подразделения университета. Так, начиная с 2008 г. по настоящее время научная лаборатория южноуральского городоведения успешно сотрудничает с представителями научных сообществ Китая, Казахстана, Беларуси, Кыргызстана, Узбекистана, а также Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Челябинска, Оренбургa, Воронежа, Тамбова, Саратова, Самары, Рязани, Казани, Тюмени, Тобольска, Сургута, Нижневартовска, Вологды, Ижевска, Кирова, Чебоксар и Магнитогорска. Опубликованные монографии и сборники документов и материалов получили положительные рецензии российских историков [Буканова, Фешкин, 2007; Муратова, 2007; Буканова, 2010; Фешкин, 2010; Военная история башкир, 2013; Нольде, 2013; Шаяхметова, 2018 и др.].

Важным исследовательским направлением научной лаборатории южноуральского городоведения является экспертная деятельность: рецензии и экспертные заключения на планы-проспекты коллективных монографий, опубликованные сборники документов и материалов, концепции развития отдельных научных направлений, организаций и т. п. [Буканова, 2008; Шаяхметова, 2013; Шаяхметова, 2015].

Решением ученого совета Башкирского государственного университета научная лаборатория южноуральского городоведения наделена правом подготовки кадров высшей квалификации, обсуждения диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора исторических наук [Положение... , 2015].

В настоящее время четверо сотрудников подразделения работают над кандидатскими и трое – над докторскими диссертациями.

В целом научно-исследовательская работа коллектива лаборатории южноуральского городоведения БашГУ осуществляется по государственной программе «Города и городское население Южного Урала в XVI–XX вв.: история, источниковедение, историография», код и шифр ГРНТИ 60.30.204, номер гос. регистрации 200004581.

Приоритетными направлениями исследований подразделения в настоящее время являются: история государственного управления России, Южного Урала и Республики Башкортостан; демографические процессы в указанном ареале в XVI–XXI вв.; источниковедческий и историографический анализ истории городов Южного Урала, с момента их основания до наших дней; социально-экономическая история Юго-Востока России; различные аспекты истории городской культуры и повседневности.

1. Азнабаев Б. А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства : дис. ... д-ра ист. наук. М. : Московский государственный университет, 2006.

2. Буканова Р. Г. Рецензия на план-проспект «Истории башкирского народа». Т. 6. Уфа, 2008.
3. Буканова Р. Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа: Китап, 2010. 264 с.
4. Буканова Р. Г., Фешкин В. Н. Башкиры в трудах русских ученых и исследователей. Уфа : Китап, 2007.
5. Военная история башкир : энциклопедия. Уфа : Гилем, 2013. 376 с.
6. Имаев О. А. Губернские города Южного Урала на рубеже XIX–XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Уфа : Башкирский государственный университет, 2013.
7. Муратова С. Р. Сибирские укрепленные линии XVIII века : дис. ... канд. ист. наук. Уфа : Башкирский государственный университет, 2007.
8. Муратова С. Р. На страже рубежей Сибири: строительство Сибирских укрепленных линий. Тобольск: Изд-во ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2007. 176 с.
9. Нольде Б. Э. История формирования Российской империи. СПб.: Научный Совет РАН по исторической демографии и исторической географии, 2013. Вып. 5.
10. Положение о научной лаборатории южноуральского городоведения. Уфа, 2015.
11. Самситдинов И. З. Малые города Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Уфа : Башкирский государственный университет, 2010.
12. Сафаров В. Ф. Города Башкортостана во второй половине XVI – XX вв. (историко-архитектурный аспект) : дис. ... канд. ист. наук. Уфа : Башкирский государственный университет, 2001.
13. Уразова А. И. Социально-экономическое развитие городов Южного Урала во второй половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук. Уфа : Башкирский государственный университет, 2002.
14. Фешкин В. Н. Жизнь и научная деятельность академика М. К. Любавского. Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. 160 с.
15. Шаяхметова И. З. Городские советы Башкирской АССР в 1919–1991 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Оренбург : Оренбургский государственный педагогический университет, 2007.
16. Шаяхметова И. З. Рецензия на план-проспект «Истории башкирского народа». Т. 4. Уфа, 2008.
17. Шаяхметова И. З. «Военная история башкир». Энциклопедия. Рецензия // Вестник АН РБ. 2013. Т. 18. № 2. С. 84–85.
18. Шаяхметова И.З. Экспертное заключение на концепцию развития Музея города Уфы. Уфа, 2015.
19. Шаяхметова И. З. Модель самоуправления в городах Южного Урала в 1870–1991 гг. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. 162 с.
20. Южный Урал: история, историография, источники // Межвузовский сборник научных статей. Вып. 1–6 / под ред. И. З. Шаяхметовой (отв. ред.), Р. Г. Букановой, В. А. Лабузова, А. И. Уразовой, Р. Н. Рахимова, В. Н. Фешкина. Уфа : РИЦ БашГУ, 2008–2016.

УДК 378.146:39

ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ К ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК В ШКОЛЕ С УЧЕТОМ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ

Т. А. Яркова, И. И. Черкасова

В статье рассматриваются функции народных традиций в системе общего образования. Показана необходимость подготовки студентов к организации культурных практик с учетом народных традиций в период обучения в вузе. Представлен опыт воспитания школьников на основе народных традиций на примере деятельности Рафайловской средней школы.

Ключевые слова: народные традиции, школа, воспитание школьников, программы образования, праздники.

PREPARATION OF STUDENTS FOR THE ORGANIZATION OF CULTURAL PRACTICES IN THE SCHOOL, TAKING INTO ACCOUNT NATIONAL TRADITIONS

T. A. Yarkova, I. I. Cherkasova

The article deals with the functions of folk traditions in the system of General education. The necessity of preparing students for the organization of cultural practices in the light of folk traditions during the period of study at the University. The experience of education of students on the basis of national traditions on the example of Rafajlovski high school.

Keywords: folk tradition, school, education students, education programs, holidays.

Тюменский регион является уникальным по различным основаниям. По организационной структуре он представляет собой единство трех самостоятельных субъектов: ЯНАО, ХМАО, Юг области. Каждый из этих субъектов разрабатывает и осуществляет свою образовательную политику, отражающую специфику территории. По национальному составу регион является многонациональным объединением. В условиях активного освоения Севера и Сибири регион стал местом постоянного проживания представителей всех бывших республик Советского Союза. В связи с этим возникла проблема сохранения и развития куль-

туры коренных народов, проживающих в регионе (ханты, манси, татары) в единстве с сохранением и развитием культур представителей других национальностей. В решении этой проблемы четко обозначились основные тенденции. Первая связана с разработкой нормативных документов по культивированию культуры и традиций коренного населения; вторая – с развитием движения «снизу», от представителей различных национальностей: создание обществ, центров, диаспор, обеспечивающих связь с культурой и традициями своей исторической родины. Особая роль в решении обозначенной проблемы принадлежит школе, т. к. практически каждый школьный коллектив в регионе – это небольшая многонациональная республика. В связи с этим перед учителями стоит очень сложная задача – формирование общей культуры личности на основе уважения национальных обычаев и традиций.

Общеизвестно, что народ жив, пока живы его речь, культура и традиции; его нравственное возрождение возможно только на основе национальных культурно-исторических традиций, национальных и общечеловеческих ценностей. Поэтому общество, государство имеют объективную потребность в гражданине, способном к их восприятию, сохранению и развитию. Система образования является одним из важнейших факторов в удовлетворении этой потребности, подготовки поколений к воспроизводству культурных ценностей.

Парадигма традиции, по мнению И. А. Колесниковой, является генетически самой древней [Колесникова, 2009]. Эта парадигма соответствует модели образования, органично вплетенной в традиционный уклад жизни людей, и базируется на образцах воспитания и обучения, которые сами являются составными элементами традиции как наиболее устойчивой, стабилизирующей составляющей механизма социального наследования.

Традиция ориентировала людей на необходимость вписаться в окружающий их природный и социальный мир, на безусловное принятие опыта предшествующих поколений, созданных предками образцов и норм духовной и предметно-практической деятельности. Она давала людям необходимые для жизни средства, в том числе и собственно педагогические.

Традиции – исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение знания, формы деятельности и поведения, а также сопутствующие им обычаи, правила, ценности, представления. Традиции складываются на основе тех форм деятельности, которые неоднократно подтвердили свою общественную значимость и личностную пользу. Традиции служат важным фактором регуляции жизнедеятельности людей, составляют основу воспитания [Коджаспирова, Коджаспиров, 2000, с. 151].

Можно выделить следующие функции народных традиций в общеобразовательной школе:

- 1) образовательная – обучение по дополнительным образовательным программам, получение новых знаний;
- 2) воспитательная – обогащение и расширение культурного слоя обще-

образовательного учреждения, формирование в школе культурной среды, определение на этой основе четких нравственных ориентиров, ненавязчивое воспитание детей через их приобщение к культуре;

3) креативная – создание гибкой системы для реализации индивидуальных творческих интересов личности;

4) компенсационная – освоение школьником новых направлений деятельности, создающих эмоционально значимый для него фон освоения содержания общего образования;

5) рекреационная – организация содержательного досуга как сферы восстановления психо-физических сил школьника;

6) функция социализации – освоение социального опыта, приобретение навыков воспроизводства социальных связей и личностных качеств, необходимых для жизни [Буйлова, 2005, с. 44].

Особое значение приобретают традиции в нравственном воспитании. Г. Н. Волков отмечает, что «традиции как бы организуют связь поколений, на них держится духовно-нравственная жизнь народа» [Волков, 2009, с. 115]. Именно нравственные традиции, составляя суть жизни каждого человека и рода, составляют в совокупности программу самовоспитания народа.

Традиции народной педагогики включают уважение к старшим и заботу о младших, раннее вовлечение в трудовую деятельность, коллективный труд детей вместе со взрослыми, крепость семьи и родственных связей, безусловное уважение старших, четкое разделение отцовских и материнских обязанностей применительно к воспитанию детей, уважение ребенка и т. д.

Можно выделить три основных типа кратковременных (от 1 до 2 часов), массовых (не менее 15 участников) форм воспитательной работы в общеобразовательном учреждении на основе народных традиций: «представление», «созидание-гуляние» и «путешествие».

К представлению можно отнести: представления-ритуалы (линейка), представления-демонстрации (спектакль, концерт, просмотр кино-, видео-, телефильма, конкурсная программа-представление, торжественное собрание); представления-коммуникации (митинг, дискуссия, лекция, фронтальная беседа, диспут).

Двойное название «созидание-гуляние» связано с этнокультурным аналогом форм коллективной (соборной) жизнедеятельности русской общины – совместный труд в помощь соседям: «помочи» и совместное гуляние после «сделанного дела». В школе данная группа форм воспитания представлена развлечениями-демонстрациями (ярмарка, представление в кругу, танцевальная программа); совместными созиданиями (трудовая акция, подготовка к представлению, подготовка выставки, газеты) и развлечениями-коммуникациями (продуктивная игра, ситуационно-ролевая игра, вечер общения).

К типу «путешествие» относятся такие формы, как путешествие-демонстрация (игра-путешествие, парад-шествие); путешествие-развлечение (поход, прогулка); путешествие-исследование (экскурсия, экспедиция) и др.

Остановимся на краткой характеристике опыта воспитания школьников на основе народных традиций Рафайловской средней школы. Село Рафайлово находится на юге Тюменской области, в нем проживают русские, чувашы, украинцы, немцы, молдаване и представители других народностей. Школа является базовой в районе и экспериментальной площадкой для Тюменского института развития регионального образования (ТОГИРРО).

Коллектив школы работает над реализацией программы «Россия. Родина. Отечество». Ее целью является формирование нравственной личности с развитым национальным самосознанием. Программа направлена на решение следующих задач: развитие познавательной активности, нравственных и эмоционально-ценностных отношений; формирование нравственных идеалов, мировоззренческих взглядов и убеждений; формирование комплекса знаний, умений, навыков нравственного поведения на основе освоения и присвоения традиционных гуманистических идеалов и ценностей народа.

Календарный план включает следующие праздники:

1. Праздник русского дерева. Дерево (береза, сирень, рябина, калина, дуб и др.), выбранное для чествования, украшается лентами, игрушками. Ребята читают стихи, водят хороводы, играют, вспоминают пословицы, загадки, частушки, где оно упоминается; рассматривают биолого-ботанические аспекты использования дерева и т. д.

2. «Волшебный мир народных инструментов». Приглашаются старожилы, родители, умеющие играть на каком-либо народном инструменте; ребята рассказывают историю его музыкального бытования в России и, в частности, в Сибири; вспоминают имена знаменитых исполнителей, слушают музыку и т. д.

3. КВН «Горячие калачи из русской печи».

4. Праздник народных игр.

5. Путешествие-игра «Русский дом». В музее организуется выставка «Русское рукоделие».

6. Фестиваль культур села и др.

Важным условием в реализации программы является помощь членов семьи: родителей, бабушек, дедушек и родственников. Вовлечение родителей и детей в творческие выставки, семейное кафе, творческие поездки и экспедиции, их участие в театрализованных постановках, тематических занятиях, групповых дискуссиях, тренингах эффективного взаимодействия, в благотворительных акциях, социальных мероприятиях и других мероприятиях имеет большое значение для повышения эффективности всего воспитательного процесса школьников. Исключительно благоприятное влияние на формирование нравственных отношений имеет традиция проведения семейных праздников, поэтому в работе с родителями большое внимание уделяется раскрытию их воспитательного потенциала, созданию и сохранению семейных традиций.

Такая целенаправленная работа дает свои положительные результаты: растет количество школьников, желающих учиться в военных учебных заведениях

(кадетских корпусах, военных училищах), служить в армии; укрепляются семейные отношения, увеличивается количество родителей, включающихся в организацию воспитательной работы в школе, заметны положительные подвижки в нравственном сознании и поведении школьников.

-
1. Буйлова Л. Н. Дополнительное образование детей в современной школе // Образование в современной школе. 2005. № 7.
 2. Волков Г. Н. Педагогика жизни. Чебоксары : ЧГУ, 2009.
 3. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь. М. : Академия, 2000.
 4. Колесникова И. А. Педагогическая реальность в зеркале междисциплинарной рефлексии. СПб., 2009.

СОКРАЩЕНИЯ

- АН СССР – Академия наук СССР
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
ГАОО – Государственный архив Омской области
ГАПК – Государственный архив Пермского края
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ГАУК ТО – государственное автономное учреждение культуры Тюменской области
ГБУТО ГА в г. Тобольске – государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске
ДТС – Древнетюркский словарь
ЕТГМ – Ежегодник Тобольского губернского музея
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
ИППО – Императорское Православное Палестинское Общество
КГУ – Казанский государственный университет
КН МОН РК – Комитет науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
КСГРС – Картотека «Словаря говоров Русского Севера»
МИБ – Материалы по истории Башкирской АССР
НА ТИАМЗ – научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника
НКА – Национально-культурная автономия
СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных территорий
ОИФН РАН – Отделение историко-филологических наук Российской академии наук
ОГАЧО – Объединенный государственный архив Челябинской области
Окрово – окружной отдел народного образования
ПДРВ – Продолжение древней российской вивлиофики
ПСЗ – Полное собрание законов
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков

ТГПИ – Тобольский государственный педагогический институт
ТКНС УрО РАН – Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук
ТМЯ – общность тунгусских и маньчжурских языков
ТОГИРРО – Тюменский областной государственный институт регионального развития образования
ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов
ТюмГУ – Тюменский государственный университет
ХМАО – Ханты-Мансийский автономный округ
ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан
ЧГУ – Чувашский государственный университет
ЯОС – Ярославский областной словарь

РЕЗОЛЮЦИЯ

Всероссийского (с международным участием) симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: сибирские татары»

10–12 декабря 2018 г. на базе Тобольского педагогического института состоялся Всероссийский (с международным участием) симпозиум «Культурное наследие народов Западной Сибири: сибирские татары», посвященный 100-летию доктора исторических наук Фоата Тач-Ахметовича Валеева и 20-летию I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: сибирские татары». Соучредителями мероприятия выступили ФГБУН «Тобольская комплексная научная станция УрО РАН», ФГБУН ФИЦ «Тюменский научный центр СО РАН» и НКА сибирских татар г. Тобольска.

Для работы в симпозиуме направили заявки и статьи свыше 80 исследователей, из них 45 приняли очное участие. Среди докладчиков 20 докторов и 24 кандидата наук. География участников симпозиума представлена следующими городами Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Киргизии, Венгрии: Москва, Тобольск, Тюмень, Нижневартовск, Новосибирск, Омск, Ростов-на-Дону, Владимир, Казань, Кемерово, Махачкала, Уфа, Екатеринбург, Курган, Челябинск, Ханты-Мансийск, Сыктывкар, Симферополь, Будапешт, Астана, Актобе, Кокшетау, Бишкек.

Участники симпозиума обсудили вопросы этнической истории, сохранения и развития историко-культурного наследия народов России, охраны памятников, национального образования. Во время работы симпозиума прозвучало 38 докладов по актуальным проблемам этногенеза, традиционной культуры, истории средневековых политий, межэтнических контактов, этничности и идентичности, литературы и фольклора.

Заслушав и обсудив доклады, участники конференции приняли решение обратиться с настоящей резолюцией в соответствующие органы по следующим вопросам:

1. Увековечить память первого профессионального сибирско-татарского ученого-историка, доктора исторических наук, профессора, академика Международной Тюркской академии Ф. Т. Валеева, подготовить и издать книгу в серии «ЖЗЛ» («Күренекле шәхесләр»), ходатайствовать о присвоении имени Ф. Т. Валеева одной из новых улиц г. Тобольска и Тюмени.

2. Продолжить планомерное археологическое, этнографическое, историческое, лингвистическое и фольклорное изучение сибирских татар и других тюркских народов Западной Сибири.

3. Возобновить работу по подготовке педагогических кадров со знанием татарского языка для дошкольных учреждений и начальных классов на базе ТюмГУ, ТПИ имени Д. И. Менделеева.

4. Организовать подготовку культработников в Тобольском колледже

искусств и культуры, в Тюменском институте культуры, способных вести мероприятия, сабантуи (в том числе детские) на татарском языке.

5. НКА татар, КТТО организовать работу по связи с РТ, чтобы в каждую школу и детсад выписывать из Казани детские журналы «Салават купере», «Сабантуй» и др.

6. Для увековечивания памяти писателя Я. К. Занкиева обратиться с ходатайством к депутатам Тобольской городской думы о присвоении школе № 15 г. Тобольска имени Якуба Занкиева.

7. Личные архивы видных людей комплектовать и передавать на хранение в Госархив РТ (Х. Х. Якин, И. Б. Гарифуллин, Я. К. Занкиев, И. К. Рафиков, Ф. Г. Баязитов и др.).

8. Работать над монографиями и диссертациями по истории татарского народного образования в Западного Сибири, по истории татарских СМИ (газеты «Янарыйш» и др.).

9. Обратиться в государственные органы Тюменской области и Российской Федерации о необходимости проведения берегоукрепительных работ на правом берегу р. Иртыш, на котором находятся значимые для сибирской и российской истории объекты – Чувацкий мыс, памятник федерального значения городище Искер (Сибирь), Ханское кладбище.

10. Ходатайствовать перед Правительством Российской Федерации о берегоукреплении федерального памятника «Кучумово городище» – древней столицы Сибирского царства (Искера), а также Потчевашского мыса (Потчеваш) и Саусканского мыса (Ханское кладбище), составляющих уникальный историко-археологический и природный комплекс, путем отведения русла реки Иртыш с последующей реконструкцией утраченных частей означенных памятников; о создании музея-заповедника на базе указанных объектов: Чувацкий мыс, Искер (Сибирь), Ханское кладбище.

11. Обратиться в органы государственной власти Тюменской области, Российской Федерации по вопросам обеспечения физической сохранности археологических памятников бронзового века, раннего железного века и Средневековья на Чувацком мысу (Потчеваш) г. Тобольска. Признавая уникальное историко-культурное значение комплекса «Потчеваш» рекомендовать органам государственной власти наиболее эффективный путь сохранения данного объекта в форме его музеефикации.

12. Усилить общественный контроль в связи с участвовавшими случаями разрушения «черными копателями» памятников историко-культурного наследия.

13. Издать сборник материалов симпозиума.

Участники симпозиума отметили высокий научный уровень мероприятия и предложили продолжить традицию проведения симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» с регулярностью раз в два года.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллина Яна Борисовна, научный сотрудник, структурное подразделение «Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник» государственного автономного учреждения культуры Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение», г. Тобольск, yanabdullina@gmail.com

Абишева Жанат Рысбековна, кандидат исторических наук, доцент, Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина, г. Астана, Казахстан, zhanat_2511@mail.ru

Адамов Александр Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ТКНС УрО РАН, г. Тобольск, profil204@yandex.ru

Алишина Ханиса Чавдатовна, доктор филологических наук, профессор, Институт социально-гуманитарных наук ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень, kaf_tatarlit@utmn.ru

Ахмадинурова Айсылу Амировна, учитель, МБОУ «Башкирский лицей № 48», г. Уфа, ahmadinurova2017@yandex.ru

Бакиева Гульсифа Такиюлловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН, г. Тюмень, gulsifa-bakieva@yandex.ru

Балановская Елена Владимировна, доктор биологических наук, профессор, заведующая лабораторией популяционной генетики человека, ФГБНУ «Медико-генетический научный центр», г. Москва, balanovska@mail.ru

Балюнов Игорь Валерьевич, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, структурное подразделение «Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник» государственного автономного учреждения культуры Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение», г. Тобольск, balyunoff@mail.ru

Борисенко Алиса Юльевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, aborisenko2@mail.ru

Буканова Роза Гафаровна, доктор исторических наук, профессор, Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел РФ, г. Уфа, brg777.50@mail.ru

Буслова Надежда Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент, Тобольский педагогический институт имени Д. И. Менделеева (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тобольск

Валеева Алсу Фоатовна, доктор социологических наук, г. Казань, alsval@mail.ru

Валитов Александр Александрович, кандидат исторических наук, главный методист Исторического парка «Россия – Моя история», ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение», г. Тюмень, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, г. Омск, val11@bk.ru

Васьков Дмитрий Александрович, старший преподаватель кафедры истории и социальных технологий, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, dvaskov@mail.ru

Веденин Алексей Михайлович, научный сотрудник, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, aleksei.vedenin2013@yandex.ru

Волков Владимир Геннадьевич, г. Томск, trog@yandex.ru

Вртанесян Гарегин Суренович, кандидат технических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Центр изучения религий, г. Москва, veges2011@yandex.ru

Гавриленко Мария Витальевна, кандидат исторических наук, профессор кафедры иностранных языков, Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии РФ, maria791@ngs.ru

Гаитов Анас Гаитович, краевед, г. Тюмень

Гебекова Аджабике Набиевна, кандидат педагогических наук, доцент, Институт педагогики, психологии и дефектологии Чеченского государственного педагогического университета, г. Грозный, tberikay@mail.ru

Гизатуллина Лилия Раузатовна, учитель, МБОУ «Башкирский лицей № 48», г. Уфа

Горелова Юлия Робертовна, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, г. Омск, GorelovaJ@mail.ru

Загваздин Евгений Петрович, младший научный сотрудник, ТКНС УрО РАН, г. Тобольск, kulay_arx@mail.ru

Зайдуллин Раифьян Дамирович, аспирант, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, г. Уфа, zrd@yandex.ru

Зиннатуллина Гульнур Ильдаровна, студентка, Тобольский педагогический институт имени Д. И. Менделеева (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тобольск

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии АН РТ, г. Казань, ismail@inbox.ru

Имекина Дарья Олеговна, аспирант, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Исхаков Дамир Мавлявиевич, доктор исторических наук, руководитель, Центр этнологического мониторинга Всемирного конгресса татар, г. Казань, monitoring_vkt@mail.ru.

Каженова Гульнар Тулегеновна, кандидат исторических наук, доцент, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан, gkazhenova@mail.ru.

Квашнин Юрий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН, г. Тюмень, ukwa@yandex.ru

Клименко Елена Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент, начальник отдела развития научных исследований и разработок, Тобольский педагогический институт имени Д. И. Менделеева (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тобольск, e.v.klimenko@utmn.ru

Коскеева Асемгуль Муратовна, преподаватель, Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина, г. Астана, Казахстан, koskeeva@mail.ru

Кукушева Назира Элжасовна, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и социально-гуманитарных наук, Кокшетауский государственный университет имени Ш. Уалиханова, г. Кокшетау, Казахстан, nazira.isenova@mail.ru

Кузина Алена Васильевна, старший научный сотрудник, БУ «Музей природы и человека», г. Ханты-Мансийск, alekuzina@gmail.com

Кутумова Равиля Сибгатулловна, заведующая Музеем национального образования, МБОУ «СОШ № 15», г. Тобольск, shkola15tobolsk@mail.ru

Кушкарлова Гульмира Кенесовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранной филологии, Актюбинский региональный государственный университет имени К. Жубанова, г. Актобе, Казахстан, gulmira-alihan@mail.ru

Лавряшина Мария Борисовна, доктор биологических наук, профессор, Кемеровский государственный медицинский университет, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, lmb2001@mail.ru

Мамытова Алтынай Билаловна, преподаватель, Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан, mamytova-altynai@rambler.ru

Марганова Фаусия Фаизовна, председатель совета, НКА сибирских татар Тюменской области, г. Тюмень, marganova_f@mail.ru

Маслюженко Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», г. Курган, Denmas13@yandex.ru

Мирхайдарова Миляуша Ришатовна, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа

Набиев Рустам Фанисович, доктор исторических наук, профессор, Казанский юридический институт МВД РФ, г. Казань, nabiev_bulg@mail.ru

Падюкова Асия Дамировна, аспирант, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово

Поддубиков Владимир Валерьевич, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией этносоциальной и этноэкологической геоинформатики, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово

Пузырев Иван Дмитриевич, магистрант, МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, puzurev.ivan@yandex.ru

Садыков Клим Султанович, кандидат педагогических наук, г. Тобольск, klim_sadykov@mail.ru

Самигулов Гаяз Хамитович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Научно-образовательный центр евразийских исследований Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск, Gayas_@mail.ru

Самситова Луиза Хамзиновна, доктор филологических наук, профессор, декан факультета башкирской филологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы», г. Уфа, luiza_sam@mail.ru

Сахибгареева Зухра Галиевна, учитель, МБОУ «Башкирский лицей №48», г. Уфа

Собольникова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, заведующая сектором сохранения и использования объектов культурного наследия, БУ «Музей природы и человека», г. Ханты-Мансийск, sobtn@mail.ru

Солодкин Янкель Гутманович, доктор исторических наук, профессор, Нижневартковский государственный университет, г. Нижневартовск, hist2@yandex.ru

Солодова Татьяна Ильинична, краевед, г. Тобольск, tatianasolodova@rambler.ru

Сурметова Луиза Раисовна, кандидат филологических наук, заведующая библиотекой № 18, МАУК «Централизованная городская библиотечная система», г. Тюмень, luiza-sur.rambler.ru

Теуш Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт гуманитарных наук и искусств, г. Екатеринбург, olga.teush@yandex.ru

Тимошук Алексей Станиславович, доктор философских наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Владимир, human@vui.vladinfo.ru

Томилов Николай Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор, Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, г. Омск, n.a.tomilov@gmail.com

Томилова Валентина Сергеевна, г. Омск, n.a.tomilov@gmail.com

Третьяков Евгений Алексеевич, инженер 2-й категории лаборатории ар-

хеологии и этнографии, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, gor-tom@mail.ru

Турова Наталья Петровна, младший научный сотрудник, ТХНС УрО РАН, г. Тобольск, turova2707@yandex.ru

Тычинских Зайтуна Аптрашитовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ТХНС УрО РАН, г. Тобольск, zaituna.09@mail.ru

Уалиев Талапкер Аскарлович, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и социально-гуманитарных наук, Кокшетауский государственный университет имени Ш. Уалиханова, г. Кокшетау, Казахстан, аспирант, ОмГУ имени Ф. М. Достоевского, г. Омск, tarichkz@mail.ru

Ульянова Марина Владиславовна, кандидат биологических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, ulmar2003@mail.ru

Файзуллина Гузель Чахваровна, доктор филологических наук, декан социально-педагогического факультета, Тобольский педагогический институт имени Д. И. Менделеева (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тобольск, utgus@mail.ru

Фаттакова Альсина Александровна, кандидат филологических наук, преподаватель, имеющий ученую степень, Тобольский педагогический институт имени Д. И. Менделеева (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тобольск, alsina-f-a@yandex.ru

Хамидуллина Розалия Робертовна, магистрант, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы», г. Уфа, Grr93@yandex.ru

Ханмагомедов Ханмагомед Лязимович, доктор географических наук, профессор, Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала, tberikey@mail.ru

Худяков Юлий Сергеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Новосибирский государственный университет, Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, khudjakov@mail.ru

Чемякин Юрий Петрович, кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, yury-che@yandex.ru

Черкасова Ирина Ивановна, кандидат педагогических наук, доцент, Тобольский педагогический институт имени Д. И. Менделеева (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тобольск

Шамильоглы Юлай, доктор исторических наук, профессор, Department of German, Nordic, and Slavic University of Wisconsin Madison, USA, Nazarbayev University, г. Астана, Казахстан, uschamil@wisc.edu

Шакирова Найля Сахеевна, учитель, МБОУ «Башкирский лицей № 48», г. Уфа, shak.kam@yandex.ru

Шалак Максим Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения, Южный федеральный университет, Институт истории и международных отношений, Ростов-на-Дону, shemjchich@mail.ru

Шамратова Нуриля Бахметовна, учитель, МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 15», shkola15tobolsk@mail.ru

Шаяхметова Ирина Зуфаровна, кандидат исторических наук, доцент, Восточная экономико-юридическая академия, г. Уфа

Шульга Даниил Петрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Сибирский институт управления Российской академии народного хозяйства и госслужбы, г. Новосибирск, alkaddafa@gmail.com

Яптунай Алена Владимировна, студентка, Тобольский педагогический институт имени Д. И. Менделеева (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тобольск

Ярков Александр Павлович, доктор исторических наук, ведущий эксперт экспертного научного центра по противодействию идеологии экстремизма и терроризма, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, ayakov@rambler.ru

Яркова Татьяна Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, Тобольский педагогический институт имени Д. И. Менделеева (филиал) ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тобольск

Научное издание

Сибирские татары

Материалы Всероссийского
(с международным участием) симпозиума
«Культурное наследие народов Западной Сибири: сибирские татары»,
посвященного 100-летию доктора исторических наук
Фоата Тач-Ахметовича Валеева
и 20-летию I Сибирского симпозиума
«Культурное наследие народов Западной Сибири»
(10–12 декабря 2018 г.)

В авторской редакции

Корректор О. Н. Шутова
Верстка Л. П. Шлоссер

ISBN 978-5-9909229-7-6

Подписано в печать 14.03.2019 г.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 46,15
Заказ № 80. Тираж 100 экз.

ООО «Тобольская типография»
626152, г. Тобольск, ул. Октябрьская, д. 39
Телефон (3456) 27-59-29
tobtt@yandex.ru